ДЖЕМАЛЬ

ОТ А ДО Я

Гейдар Джемаль принадлежал к числу людей, с которыми можно было отчаянно полемизировать, сохраняя прекрасные человеческие отношения и взаимный интерес. Он был мыслителем, то есть бескорыстным интерпретатором мира, и не занимался обслуживанием государства, почему и оказывался в оппозиции к любым официальным структурам. Он был консерватором и традиционалистом по духу, но новатором и полемистом по темпераменту. Точность его формул и глубина догадок будили чужую мысль и доставляли такое же наслаждение, как чтение лучших образцов классики.

Дмитрий Быков

У Гейдара Джемаля был огромный лоб, и на этом лбу было написано «Справедливость».
У него были огненные глаза. И в них можно было прочесть: «Провидение».
У него были пылающие уста, которые изрекали: «Любовь».
Гейдар Джемаль был пророк. И его пророчества начинают сбываться.

Александр Проханов

Гейдар Джемаль принадлежит к категории тех мыслителей, которые не укладываются в привычные антропологические рамки. В самом его генезисе что-то пошло не так. Люди такими не бывают, так не мыслят, так не живут. Любая попытка занести его в ту или иную категорию – с точки зрения философской школы, религии или политической идеологии – с треском проваливается. Мысль Джемаля по ту сторону любых дефиниций – да, именно любых. Там, где он понятен, он максимально скрывается. Там, где он говорит темно и о темном, там он искренен. Совершенно ясно, что пока еще не пришло время, чтобы подступиться к этой величайшей фигуре. Не знаю, придет ли оно когда-нибудь вообще.

Александр Дугин

Из всех глубоких фраз Гейдара Джемаля, произнесенных как бы вдруг в моем присутствии, три особо запали в душу.
Первая и самая пронзительная – «культура – алиби безбожия» – была адресована даже не мне, а седым и диким волнам древнего Каспия, где волны плавно и синхронно сливались и переплетались с сыпучими золотыми песками прибрежной полосы, напоминая песочные часы вечности.
Вторую – «слеза древнее, чем вода» – мы произнесли одновременно. Уже потом мы, каждый по отдельности, написали свои стихи на эту тему.
Мне сейчас отрадно чувствовать, как соприкасались наши мысли.
Третью – «я орел, или хищная птица двух небес», то есть метафизического и физического неба – он сказал по-азербайджански: «Iki samanin qartali». Она была произнесена Гейдаром как бы уже в другой реальности. С тех пор небеса, в моем понятии, расположены не в банальной географии бытия.

Гамид Херисчи, поэт

Авторский коллектив выражает благодарность Алихану Харсиеву, вице-президенту Федерации спортивной борьбы России, за помощь в издании книги.

ДЖЕМАЛЬ от А до Я

2019

исты, Декарт, Демократия, Деньги, Джамаат,
ево жизни, Дугин, Дух, Духовность, Душа, Евангелие
я, Евреи, Европа, Европейские мусульмане,
ор, Запад, Западная Европа, Зерван, Зло, Знаковость,
, Зона, Зуль-Карнайн, Иблис, Ибрагим (Авраам), Иван
зия, Империализм, Империя, Индия, Индульгенция,
Интернационализм, Информационное общество,
да, Иран и Россия, Иса (Мир ему), Искусство, Ислам,
История, Иудаизм, Кавказ, Кавказ и революция,
Китайцы, Клонирование, Количество, Коммунизм,
ология, Контроль, Коран, Короли, Космос, Кочевники,
Курды, Куфр, Кыргызстан, Левая идея, Левые, Ленин,
итература, Личность, Логика, Лукреций, Любовь,
с, Марксизм, Масонство, Материя, Матрица, Мать,
а об общине, Мир, Мир и война, Мирадж, Миссия
аливое большинство, Монголы, Москва, Мудрость,
го Аллах и да приветствует), Мысль, Мышление,
тие, Наука, Нафс, Национализм, Нация, Небо,
ерение), «Новый год», Ночь, Образование, Общение,
Онтология, Осетино-ингушский конфликт,
Палестина, Пантеизм, Партии, Пассионарность,
Перерождение, Печать, Платон, Повтор, Политика,
ация, Постоянное сегодня, Потоп, Правая идея,
, Верность, Предел, Предопределение, Природа,
ясовый капитал, Пророки, Протест, Профан, Прошлое,
ние, Разум, Расизм, Реальность, Революция,
енщины, Роскошь, Россия, Ростовщичество, Русские
йство, Сахабы, Свастика, Сверхчеловек, Свобода,
, Сионизм, Сирия, Система, Слава, Смерть, Смысл,
ие, Современный империализм, Сознание, Сознание
Спасение, Справедливость, Средняя Азия, СССР,
ущее, Сфинкс, Счастье, Татары, Таухид, Тело, Теология,
, Традиция, Троцкий, Труд, Турция, Тюрки, Ужас, Умма,
изм, Хадж, Хайдеггер, Халифат, Хаос, Химера, Храм,
ризм» в США, Цель истории, Церковь, Цивилизация,
сть мусульман, Шариат, Шахада, Шахид, Шелковый
кзистенция, Экономика, Экстаз, Экстремизм,
Америка, Ядерное оружие, Ядерный клуб, Язык,
па), последняя битва, Ад и Рай, Адам, Азербайджан,
лик Он и Славен), Амбивалентность, Америка, Амр,
м», Апостолы (апостол Павел), Арабский язык,
Бездна, Бессмертие, Бесконечность, «Бесы»
Большевики, Борьба, Брак (семья), Братство, Британия,
я, Вайнахи, Вайшьи, Ваххабиты, Великий инквизитор,
ь, Власть бедных, Воины, Война, Война в Украине,
ние, Время, Гегель, Гендер, Генон, Геноцид,
, Гитлер, Глина, Глобальное акционерное общество,
ог и Магог, Головин, Гордыня, Горцы, Господин,
ия, Девственность, Декабристы, Декарт, Демократия,
, Достоевский, Древо жизни, Дугин, Дух, Духовность,
изм, Конвергенция, Евреи, Европа, Европейские
Жрец, Заговор, Запад, Западная Европа, Зерван, Зло,
ой миллиард, Зона, Зуль-Карнайн, Иблис, Ибрагим
Израиль, Иллюзия, Империализм, Империя, Индия,
нтеллигенция, Интернационализм, Информационное
юция -го года, Иран и Россия, Иса (Мир ему), Искусство,
Истина, История, Иудаизм, Кавказ, Кавказ и революция,
Китайцы, Клонирование, Количество, Коммунизм,
ология, Контроль, Коран, Короли, Космос, Кочевники,
Курды, Куфр, Кыргызстан, Левая идея, Левые, Ленин,
итература, Личность, Логика, Лукреций, Любовь,
кс, Марксизм, Масонство, Материя, Матрица, Мать,
а об общине, Мир, Мир и война, Мирадж, Миссия
аливое большинство, Монголы, Москва, Мудрость,
то Аллах и да приветствует), Мысль, Мышление,
ние, Наука, Нафс, Национализм, Нация, Небо,
ерение), «Новый год», Ночь, Образование, Общение,
нтология, Осетино-ингушский конфликт,
Палестина, Пантеизм, Партии, Пассионарность,
ерерождение, Печать, Платон, Повтор, Политика,

УДК 28
ББК 86.38
Д40

Автор идеи: Максим Шевченко

Оформление: Максим Никаноров

Джемаль от А до Я / автор идеи Максим Шевченко. —
Д40 Москва : ИП Шевченко М. Л., 2019. — 576 с.

ISBN 978-5-6043677-8-0

Эта книга — собрание высказываний Гейдара Джемаля о политических, философских, религиозных, социальных и повседневных сущностях, которые позволят читателю заглянуть в уникальную систему понимания, разработанную выдающимся мыслителем.

УДК 28
ББК 86.38

ISBN 978-5-6043677-8-0

Предисловие

Мы составили глоссарий — своего рода путеводитель по методу и миру Гейдара Джемаля.

Глоссарий составлен эмпирически: мы сидели и вспоминали темы, слова и понятия, которые интересовали Гейдара Джемаля, на которые он обращал мощь своего интеллекта.

Мы снабдили каждое всплывавшее в памяти слово или понятие цитатой из текстов, диалогов, интервью или выступлений Гейдара Джемаля.

Мы допускаем, что у каждого, соприкасавшегося с Гейдаром Джемалем, может быть свой глоссарий и свои цитаты. И это правильно: Джемаль никого не оставлял равнодушным, для многих его тексты стали началом пробуждения, которое не всегда заканчивается попыткой освобождения, но которое невозможно забыть, делая вид, что ты «не пытался».

Живой и могучий человек, не боящийся никакой силы и не избегающий никакой правды, Гейдар Джемаль ставил своей целью содействовать фундаментальному освобождению человека. Освобождению от чего — спросите вы?

Именно этот вопрос и был одним из главных в его способе постижения и описания сущего. Сопротивление бесконечным формам угнетения было самой главной задачей, которую Гейдар Джемаль решал всю свою жизнь.

Угнетение человека, большое и малое, скрывающееся за личностными проблемами и обретающее черты государственного механизма, проявляющееся в аспектах высокой культуры и феноменах традиционного этнического сознания.

Гейдар с четырех лет читал «взрослую» литературу. Подростком он имел доступ в дедовскую библиотеку, где познакомился с Гегелем и Кантом.

Есть немало других преданий и легенд о Гейдаре Джемале в разные периоды его жизни, он не был закрытым человеком, его знали и тесно общались с ним сотни людей. И каждому из них казалось, что он понял Гейдара Джемаля, записал его в то

или иное «человеческое» — этническое, богемное, религиозное, философское, поэтическое, политическое.

Поэтому о Джемале есть сотни разных воспоминаний — от совершенно невероятных, связанных с его странствиями по высокогорному Памиру или участием в литературно-философских чтениях Южинского переулка, до совершенно банальных, бытовых типа: «Джемаль? Помню его, чай с ним пили, умный мужик, в политике разбирался...».

Можно сказать точно: ни одно из этих воспоминаний не способно описать Гейдара Джемаля в его личностной полноте.

Все они — только осколки ассоциаций типа «я и Джемаль», попытки сопоставления своего эго с феноменом ума и воли Гейдара Джемаля.

Поскольку сам Гейдар Джемаль был воплощенным методом познания того, что сокрыто от человека и может им быть лишь угадано.

Фундаментальная основа философии Джемаля: гарантий спасения нет. Надежда на личное спасение — иллюзия и способ спрятаться от беспощадной реальности подлинного сущего.

Не исполнившее свой долг человечество не имеет смысла.

Поэтому история как таковая имеет значение только в контексте исполнения человечеством этого долга.

А что это за долг? И почему каждый из нас отвечает за себя и за что-то еще — существующее или несуществующее, но могущее начать существовать вне нас?

И в чем милосердие Бога, если он беспощаден к отступникам и тем, кто не исполнил свой долг?

Здесь мы приходим к тому, что фундаментально определяло жизнь и мысль Гейдара Джемаля последние десятилетия его жизни и предчувствовалось им в его молодых исканиях.

Речь идет о Боге — трансцендентном всему, что есть в этом мире, Творце, ставящем перед своим наместником Адамом (и его потомками) жесткие и однозначные задачи.

Гейдар Джемаль обрел высший смысл в исламе — религии Откровения, замыкающего смыслы человеческой истории, ниспосланные извне и раскрывающиеся только через акт принятия миссии Пророков и воли Пославшего их.

Ислам был так интерпретирован Джемалем через русский язык и мировую, в том числе русскую, культуру, что для многих

ислам предстал как ясная, внятная, глубоко современная и универсальная форма ответа на главный вопрос человека: «Зачем все это?».

Потому что ты должен освободиться и исполнить свой долг — вот единственный ответ, звучавший в каждом выступлении Гейдара Джемаля.

Ты должен осознать себя, понять, что происходит вокруг, сформулировать, что и зачем тебе надо делать дальше в этой неумолимости беспощадного времени.

Ты с угнетением, на его стороне — или против, на стороне освобождения? И опять мы возвращаемся к вопросу: что есть угнетение, что есть освобождение и каковы результаты этой борьбы?

Ответы вы, возможно, найдете в этой книге, уважаемые читатели. Мы работали над ней больше года.

Для него самого работа со словарем была отдельным и любимым занятием. Гейдар придавал большое значение определениям понятий. Часто это занимало значительную часть его лекций и выступлений.

В одном месте он написал: «Мышление — это прежде всего работа с именами, которые превращают хаос в порядок». «Мышление — это оперирование именами, которые пятна Роршаха делают подлинными концептами».

Гейдар Джемаль видел свою миссию в том, чтобы раскрыть подлинный, порой утраченный смысл слов, фундаментальных концепций человеческой мысли и ниспосланных священных текстов.

У каждого — «свой» Джемаль.

Но он-то был один-единственный. И был настолько реальным, что вокруг него все казалось ненастоящим, а только он — подлинным.

Незадолго до смерти Гейдара Джемаля я спросил, боится ли он. Гейдар посмотрел мне в глаза и спокойно сказал: «Мне интересно».

Что еще сказать? Только одно: эту книгу не увидит в этой жизни тот единственный человек, который должен был бы первым пролистать ее. Я имею в виду Орхана Джемаля, сына Гейдара.

Орхан был убит в Африке жестокими рабами той системы угнетения и порабощения, которую так презирали и ненавидели он и его отец.

И поэтому эта книга посвящается еще и погибшему Орхану Джемалю — любимому и уважаемому многими другу, воину, поэту и достойному сыну своего великого отца.

На похоронах Орхана было сказано: «Два наших солнца погасли!» Но свет от погасших звезд идет и после того, как они погаснут.

И разрушает тьму. Хотя, как сказал Гейдар Джемаль: «Идущий на север не боится ночи. Потому что в небе севера отсутствует свет».

Максим Шевченко

Биография

Гейдар Джемаль родился в 1947 году в Москве. Поступил в 1965 году в Институт Восточных языков при МГУ. Два года спустя исключен из университета «за буржуазный национализм».

С 1968 года входил в круг так называемого «Южинского клуба», объединявшего наиболее радикальных интеллектуалов, занимавшихся проблемами метафизики, эзотерической традиции, «психологии глубин».

Поддерживал отношения с политическим андеграундом: Петром Григоренко, Вадимом Делоне, Владимиром Буковским, Красновым-Левитиным, Есениным-Вольпиным.

С 1980 года устанавливает связи с неформальным исламским движением в Таджикистане.

В 1990 году совместно с представителями политических организаций Кавказа и Поволжья участвует в организации первой мусульманской партии — Исламской партии возрождения (ИПВ). В 1991 г., после распада СССР и выхода таджикского филиала из ИПВ, становится представителем «российского центра» при ЦК Таджикской ИПВ.

Во время гражданской войны 1992 года — политический советник вице-премьера исламо-демократического коалиционного правительства Давлата Усмона, отвечавшего за силовые структуры.

В 1993—1998 гг. — участник Хартумской международной исламской конференции в Судане, член ее Постоянного совета.

В 1993 году по предложению доктора Тураби возглавляет Исламский комитет (Исламком).

С 1993 года занимается созданием фильмов и передач на ТВ в рамках программ «Ныне», «Тысяча и один день», «Все суры Корана».

С 1995 года Исламком взаимодействует с Союзом мусульман России, возглавляемым Надиршахом Хачилаевым, а с 1996 года — с Александром Лебедем, входит во взаимодействие с Союзом

патриотических и национальных организаций России — движения в поддержку президентской кампании генерала Лебедя.

Будучи членом Центрального совета СПНОР, Джемаль активно лоббировал переговоры Лебедя с Масхадовым.

С 1990 года Джемаль устанавливает контакты с мусульманскими организациями Европы, входит в президиум Всеевропейской конференции «Ислам — шанс Европы» со штаб-квартирой во Флоренции (первое рабочее заседание — декабрь 1993 г.); поддерживает связи с Британским советом мусульман, с Исламским парламентом Великобритании, с сорбоннским «Клубом друзей ислама», созданным Роже Гароди и старшим инспектором ЮНЕСКО по делам беженцев Рашидом Бениссой.

В мае 1994 году на Первом канале выходит часовой документальный фильм Джемаля «Исламская Республика Иран».

В 1998 году по приглашению сподвижника Манделы шейха Ахмада Ясина Гейдар Джемаль уезжает в ЮАР читать курс лекций по социальной антропологии и политической философии в Кейптаунском университете. За этот курс Джемаль получил диплом почетного доктора Кейптаунского университета.

25 лет Джемаль уделял внимание созданию текстов, чтению лекций, публичным комментариям по текущим событиям, сотрудничеству с различными интеллектуальными клубами в России и за рубежом.

В 2011 году по его инициативе основан интеллектуальный клуб «Флориан Гайер».

Гейдар Джемаль является автором книг и статей по теологии, философии, актуальной политике. Под его редакцией вышел коллективный труд научной группы при Исламском комитете России «Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке».

Умер Гейдар Джемаль 5 декабря 2016 года в Алматы. Это случилось недалеко от того места, откуда он отправился в свое первое путешествие в горы.

Согласно его воле, похоронен он в предгорьях Тянь-Шаня на кладбище Баганашыл.

30 июля 2018 года его сын, журналист Орхан Джемаль, был убит вместе с режиссером Александром Расторгуевым и оператором Кириллом Радченко во время съемок фильма о деятельности российской частной военной компании в Центрально-Африканской Республике.

Пусть кислотой залиты города
И снег кипит, завариваясь в кашу
И смутных дней пустая череда
Бессмыслит жизнь, ничтожит веру нашу
Мы все равно не скажем небу «Да!»
Не обратимся к суетной надежде
Дождемся смерть, исчезнем без следа
В великом Все, что было мира прежде
Без нас провиснут жалко провода
В сугробах замолчат автомобили
И наших трупов хрупкая слюда
Посеребрит асфальтовые мили
По переулкам ветер будет гнать
Последней чайкой
Лист моей тетради,
В котором все, что стоило бы знать
Быть может все, чего мы жили ради

Гейдар Джемаль

Абречество

Институтом кавказской цивилизации было абречество. Абрек — это тот, кому открывается предельная несправедливость статус-кво.

Он порывает с родом, восстает против отца и уходит по героическому жертвенному пути противостоять в одиночку всему миру. Но это одиночество особое, угодное Аллаху, — одиночество Судного дня.

Технически состояние абрека может быть не вполне одиноким: были союзы абреков, целые войсковые группировки!

Институт абречества — это героическое предвосхищение кавказским мужским началом исламского света, который пробился на Северный Кавказ вопреки яростному сопротивлению местного язычества и христианства, и пробился местами довольно поздно.

Союз абреков — та социальная структура, которая должна получить политическое и организационное качество через ислам как всемирную идеологию спасения. Невозможно перевоспитать архаиков, однако их можно лишить всякого значения, веса и влияния. Вот это и будет освобождение от адатов.

«Исламская стратегия на Кавказе».
Материалы конференции. 2008

Абречество — это чуть ли не возведенный в ранг особого института сверхчеловеческий синдром, у которого есть почти все атрибуты, приписанные Фридрихом Ницше своему Заратустре.

Абрек рвет с основополагающей этикой «обычного» человеческого существования.

Он отвергает авторитет отца, отбрасывает ценность рода, он признает бытие фундаментально несправедливым и уходит в горы, чтобы из своего вооруженного одиночества создать новую этику вызова Року, этику противостояния.

Но абрек, в значительной мере неправильно понятый, начиная с Лермонтова, в русской культурной традиции, — это не демоническая фигура.

Он не нигилист!

Абрек отрицает бытие как ошибку во имя долженствования и справедливости, которых нет нигде, кроме как в его сердце.

Кавказское абречество — в прямом смысле наследник гомеровского эпоса — доводит до сегодняшнего дня героический элемент, через который человеческое, беспредельно возвышаясь, наконец-то освобождает себя от дразнящего миража «сверхчеловека».

«Наследие Кириллова», 2007

Абсолют

Если сознание возникает только в результате того, что бытие на него натыкается, то есть оно оживает в результате этого конфликта, то чем оно было или чем была та потенция, чем было то отсутствующее еще сознание, которое еще не столкнулось с бытием, то есть откуда это сознание берется? Почему бытие натыкается на нечто чуждое себе? Ведь в конечном счете все упирается в это. Говорим ли мы о гностике, говорим ли мы о платонике, говорим ли мы о диалектическом материалисте — все упирается в конечном счете в это.

Бытие наталкивается на это действующее сознание, и в этом действующем сознании, в этой точке, на которую оно наталкивается, оживает свидетельствование, которое может быть не отрефлектировано, может быть низкого качества, но тем не менее эта светящаяся точка оживает.

Ни сознание как таковое, ни бытие как таковое несамодостаточны.

И, более того, они несамодостаточны двойным образом.

Они сами существуют как следствие несамодостаточности того, что им предшествует.

Что я имею в виду?

Если бы на самом деле, как думают традиционные метафизики, всему предшествовал имманентный самому себе Абсолют, то было бы совершенно непонятно, каким образом из него наружу сделан первый шаг. Потому что утверждение предполагает, что нет ничего, кроме того, что является утверждением.

Если есть Абсолют, то этот предикат «есть» не должен разделяться ни с чем, кроме него. А если он разделяется с чем-то, кроме него, — если Абсолют, например, безусловный Брама,

порождающий обусловленного Браму, — то в этот момент сразу же и тот и другой исчезают как фикция.

Потому что не может Абсолют существовать в качестве базы для иного, кроме себя. Самоутверждение требует, чтобы иного, кроме него, не было.

Таким образом, единственное, что может предшествовать и бытию, и сознанию, есть абсолютный негатив. Потому что абсолютный негатив, во-первых, не ограничен, то есть бесконечен, и в этом отношении удовлетворяет требованию к Абсолюту, что он не имеет границ. А во-вторых, будучи отрицательным, он несамодостаточен потому, что полагает свою суть в другом, нежели он сам, но отрицательным образом.

Абсолютный негатив отрицает все, кроме себя, и в этом смысле он является несамодостаточным; в этом смысле он открыт к тому, что возникает нечто, что он будет дальше отрицать.

Так вот, сознание и бытие являются двумя разными, но связанными друг с другом продуктами этого абсолютного негатива...

Сознание, когда оно обретает самое себя, неизбежно должно понимать, что оно является в ловушке лжи.

То, что чувствует гностик, — это то, что его сознание вброшено в бездну лжи, в некую ловушку, которую нужно преодолеть. Но преодолеть не на пути построения фундаментальных, сложных, глубоких конструктов, которые каким-то образом выводят нас — и выводят недостаточным образом — из этих противоречий, а путем действительной деонтологизации — деонтологизации сознания, прежде всего.

Сознание должно быть понято и интерпретировано как абсолютная антитеза внутри нас здесь и теперь.

«Гностицизм: дуальная версия неоплатонизма», 2012

Агарти (Шамбала), последняя битва

Многие знают, что в Тибете находится вход в Шамбалу. И туда постоянно стремились западные люди, которые знают толк в этом вопросе.

В 1942 году британские войска взяли Лхасу именно по этой причине, а потом и китайцы взяли Лхасу — и вот сейчас они

плотно сидят своей китайской, извиняюсь, задницей на Лхасе, и Лхаса никуда из-под них деться не может.

В Лхасу рвался и Глеб Бокий из НКВД, рвались и люди из СС, которые делали ряд попыток туда проникнуть.

Запад рвется туда.

Не могу сказать, что и Лхаса не рвется на Запад — рвется. В лице Далай-ламы она активно окучивает Запад.

Вот российская территория — это как раз и есть та заглушка, тот не проводящий ток фарфоровый изолятор, который стоит между этим катодом и анодом.

Лично я убежден, что если Запад, мистический Рим и мистическая Шамбала сойдутся вместе, то это будет конец духовной истории человечества и победа Антихриста.

«Разговоры с Джемалем», 2016

Ад и Рай

Учение о последнем есть революционная остановка повтора, революционная остановка вечно равного.

Поэтому впервые с авраамическим циклом возникает концепция Рая и Ада.

Если мы посмотрим на жреческую метафизику, там нет Рая и Ада, поскольку в глобальном бытии, глобальном утверждении, глобальном сущем, которое воспроизводится заново с максимумом и потом деградирует и исходит до минимума, роль Рая играет Золотой век, а роль Ада — тот негативный полюс цикла, к которому мы сейчас катимся, и низвержение в ту паузу между циклами, которая снимает и очищает манифестированное творение для того, чтобы проявить новый Золотой век.

Но если вы останавливаете колесо, которое вращается с большой скоростью — как колесо велосипеда, поставленного колесами вверх, — то происходит поляризация момента.

Происходит резкая поляризация силы, один вектор которой будет направлен строго вверх, а другой — строго вниз. И, собственно говоря, победа над Роком, над объективной бесконечностью является превращением последней в Ад, в ту самую бездну, в которой ревет пламя и в которую нисходит часть манифестаций, не удостоившаяся спасительной миссии субъекта.

Туда рушится то, что предназначено для окончательного забвения.

В то же время Раем является перспектива некой соборной фиксации спасенного, некой внутренней чаши абсолютной субъектности внутри субъекта.

Рай на арабском языке передается словом *«джаннат»*, которое является очень непростым словом. Корень *«джанна»* одновременно выражает значение «сад», и обычно так это и переводится: *джаннат-уль-хульб* — сады вечности, *джаннатАллах* — сад Аллаха, *джаннат фирдаус* — райский сад, *джаннат эдами* — эдемский сад.

Но еще у этого слова есть значение «скрывать, покрывать».

Сад, который цветет, эквивалентен филологически в арабском языке — священном языке авраамизма — сокрытости, той сфере скрытого, которая вместе с тем является сферой абсолютного максимума. Не того максимума Золотого века, который будет лучиться, иррадировать и энтропировать в своем излучении, а того максимума, который собран в закрытости, не излучает ничего, не имеет шансов перейти в более низкое состояние, т. е. того состояния максимума, который свободен, избавлен от инволюции, деградации.

Вот почему в Священном Коране, во всех аятах, где обращаются к праведникам, которые находятся в этих садах, говорится, что они будут в садах, где под ними текут реки, а реки — это фундаментальные кардинальные направления становления, которые расходятся от мировой оси.

Вы, праведники, говорится в Коране, будете «в садах, где внизу текут реки» (4:57), вы будете подняты над этим, подняты в закрытую сферу не манифестации — закрытую сферу максимума без шанса сделать следующий шаг к убыванию.

Джаннат — это не единственное слово «сад» в арабском языке.

Есть понятие «сад как земной рай», соответствующий Золотому веку, — сад, в котором бродил Адам, и этот сад называется *«Рада»*, множественное число *«Эр-Рияд»*.

Недоумение многих теологов о том, был ли создан Рай, или он будет существовать только после *Кыямат* — Дня Воскресения, – решается просто: с одной стороны — тот Рай, который называется земным парадизом, Рай Адама — *Эр-Рияд*, с другой

стороны — *Аль-джаннат*, тот рай, который возникает только после победы Бога-Субъекта, личного Бога над абсолютным объектом, абсолютной бесконечностью негатива.

Этот *джаннат* является неуязвимым избытком, сокрытым от времени, сокрытым от всего.

Я хотел бы подчеркнуть, что эти метафизические вопросы имеют прямое касательство к ежедневной жизни, ежедневной реальности. Люди, для которых эти вопросы были актуальны, которые несли их в себе как ключ к овладению предметным и социальным миром вокруг себя, проливали кровь, убивали себе подобных, жертвовали своей жизнью.

«Арийский ислам».
Лекция в Музее Востока, 1994

Адам

Согласно исламу, Адам (мир ему), согрешивший ослушанием, был прощен Господом прежде, чем был отправлен на землю. С точки зрения ислама, проблема первородного греха решена через прощение Милостивого, Милосердного.

Однако травма ослушания и раскаяние первого в цепи пророков открыли в нем, благодаря присутствию искры Духа Божьего, острое осознание возможности ошибки, различение (по-арабски *«фуркан»*). Это различение не только между «запретным» и «разрешенным», а фундаментальное различение между бытием как внеположенным сущим, и противостоящим этому бытию сознанием, благодаря чему возникает напряжение смысла и этический вектор долженствования. Бытие и сознание не тождественны, как учат греки и другие язычники, а коренным образом противоположны и находятся в противоборстве, что и образует подоплеку метаисторической драмы.

Когда Адам (мир ему) стал проповедовать земным людям — не артикулированным беспроблемным тварям, находящимся в состоянии слияния, тождества с окружающей средой (своего рода «океанического блаженства»), его проповедь осуществила две вещи: она активировала в телепатически развитых существах Золотого века способность к слову (говорению) и тем самым сделала возможным виртуальное пробуждение в них частицы Духа Божьего — не вложенной, как в Адама (мир ему), но усво-

енной ими по духовной ассоциации, потому что язык оказывается «зеркалом», в котором сознание обнаруживает себя как смысл. Эта проповедь убила в архаическом проточеловечестве «океаническое блаженство», разорвав их бессознательное со средой.

До этого рождение было не травмой, а продолжением блаженства зародыша в околоплодной жидкости. Существо попадало из матки матери в «матку природы» практически без переходов. Появление смысла через речь («интенцию говорения») проложило пропасть между говорящим и «не-Я», между субъектом и объектом.

С момента проповеди Адама человечество разделяется на две неравные половины: те, которые становятся его общиной и ориентированы на максимальную активизацию в себе частицы Духа Божьего, виртуально открывшейся через следование Адаму, — их очень мало. Другая — абсолютное большинство — это люди, организовавшиеся в общество. Потому что как только исчезает слияние со средой, град начинает бить, дождь — мочить, огонь — жечь, и физическая жизнь превращается в страдание и крайне опасную авантюру.

Те, кто не последовали за Адамом (мир ему) в общину (будущие кочевники), должны выстроить между смертным жалким индивидуумом и беспощадной природой демпфирующую защиту в виде организованного коллектива.

Во главе этого коллектива оказываются те, кто, несмотря на язык, сохраняют праязыковую память о блаженстве до Адама — о подлинном Золотом веке.

Они превращают язык из инструмента поддержки смысла в инструмент реализации виртуального возврата в пра-время. Это жрецы.

Для жрецов актуальна тема онтологической поврежденности человека. В этом концепте смешивается судьба земных тварей и судьба посланного к ним пророка Адама (мир ему).

Такое смешение одновременно есть и аберрация метафизической ретроспективы, которая неизбежно присутствует во всех традициях, и сознательная подмена, которую жрецы так же практикуют во всех традициях.

«Адам и проблема ветхого человечества», 2014

Азербайджан

Азербайджан — страна, которая принадлежит исламу. Не клерикальному, а политическому, который творит историю, находясь в прямой связи с провиденциальным замыслом Аллаха о судьбах человечества.

Всякий, кто попытается изменить эту фундаментальную истину, встанет на дороге невидимой, но от этого еще более страшной лавины, которая его погребет.

...Когда азербайджанцы увидят правильно сформулированную религиозную составляющую, из них выделится элитная группа обладателей интеллектуальной воли, которая превратится в стержень азербайджанской политической нации.

...Психотип азербайджанца колеблется между двумя полюсами притяжения. С одной стороны — Кавказ как полюс чистой мужественности. Этот полюс неотделим от религиозного сознания, поскольку мужественность есть дух, взятый в его противостоянии материи, что, собственно, и составляет внутреннюю формулу настоящей религии. Другой же полюс — левантийский, женственный, в котором тяга к комфорту, материальной обустроенности, снятию конфликта, безопасности в обозримом будущем играет ведущую роль.

Азербайджанцы — в отличие от, например, чеченцев, находящихся целиком на «кавказском» полюсе, и евреев, находящихся целиком на левантийском, — это народ, который пока еще не сделал своего экзистенциального выбора. В их составе присутствуют группы и того и другого типа, есть скрытая борьба между этими ориентациями сознания.

В этих условиях конфессиональная платформа должна быть построена именно так, чтобы дать возможность кавказскому мужскому полюсу возобладать.

К сожалению, то, как формулируется религиозная тема в азербайджанской культуре, не устраивает «кавказцев» и одновременно провоцирует на сопротивление «левантийцев». В итоге и те и другие остаются без интеллектуальной надстройки, и, таким образом, не удается построить даже тот относительный компромисс между соперничающими группами, которым всегда является на практике политическая нация.

Интервью Inews. az, 2009

Азия

Азия геополитически распадается на пять регионов: Малая, которая совпадает территориально с Турецкой республикой; Передняя, т. е. Сирия, Ливан, Палестина, Ирак, Иран; Центральная — наши постсоветские республики плюс Афганистан; Южная — Пакистан и Индия; наконец, Юго-Восточная, где великий Китай существует в обрамлении Бирм, Лаосов и т. п. Одного этого перечисления достаточно, чтобы человеку, следящему за международной жизнью, стало понятно, какие залежи головной боли для всей планеты тут открыты заокеанскими товарищами.

В Малой Азии это курдская проблема, которая уходит корнями в Переднюю — на территорию Ирана, Ирака и Сирии. В Передней — американцы непосредственно воюют в Ираке, а в Ливане и Палестине «разжигают» через посредничество Израиля. В Центральной — они уже воюют в Афганистане и готовят «цветные» революции в постсоветских республиках, имея в виду создание антикитайского плацдарма. В Южной они добиваются активного втравливания Пакистана в войну с талибами, одновременно нанося по пакистанской территории бомбовые удары, и параллельно натравливают Индию на Пакистан и Китай. В Китае ЦРУ стоит за тибетским и уйгурским сепаратизмами, не забывая подогревать время от времени остывающее «тайваньское блюдо». А еще есть гражданская война в Мьянме, две Кореи с пресловутой «атомной бомбой» Пхеньяна, не снят с повестки дня удар по Ирану...

Сколочен антипекинский альянс Индии, Японии и Австралии, куда подгоняют «до кучи» Индонезию.

В кровавые и неразрешимые клубки проблем, запутанные «шаловливыми ручонками», вовлечено три с половиной миллиарда человек — больше половины всего человечества. На азиатском континенте пять только «доказанных» обладателей ядерного оружия: Россия, Китай, Индия, Пакистан и — не побоимся этого слова — Израиль!

Нет никакого сомнения, что третью мировую войну Вашингтон планирует разжечь именно в Азии. При наличии контроля над таким состоявшимся цивилизационным центром, как старая Европа, превращение в пустыню обиталища наиболее

пассионарной и наименее контролируемой части человечества делает Вашингтон неоспоримым хозяином мира на неопределенный срок. Нам это надо?

Журнал «Компания», № 520, 14.07.2008

Али

Что касается шиитов, в настоящий момент под их именем существует особая форма суфизма, которая пристегнула к основной доктрине Мохиддина ибн Араби некоторые унаследованные от подлинного шиизма положения фикха, критику ряда сахабов и утверждение о том, что Пророк (мир ему и благословение Аллаха) хотел видеть Али своим преемником. Однако сочетание положений шиизма с суфийской акыдой и суфийскими религиозно-политическими практиками — абсолютное подчинение харизматическому духовенству — ведет к катастрофе.

Наша теологическая задача на рубеже нового *асра* исламской истории состоит в том, чтобы соединить салафитское очищение ислама от пантеизма и эллинских философов (но без антропоморфного буквализма) с ожиданием Махди, который является завершителем нашей исторической борьбы и организатором эсхатологической победы.

Смысл фигуры Али в том, что он воплощает в себе идеальный тип воина-мудреца, который является авангардом исламской общины. Это пассионарий одновременно ума и тела, что символически выражено в раздвоенности его меча Зульфикара. Ислам как религия воинов, т. е. тех, кто стремится жертвовать собой на пути Аллаха, не может обойтись без утверждения вновь и вновь достоверного хадиса, который есть во всех суннитских *сахихах*: «Я — град знания, а Али — врата в него».

«Сунниты и шииты, современная теология», 15.11.2006

Алимы (улемы)

Проблема в том, что в современном исламе сильны позиции самодеятельных и самозваных клерикалов — улемов, дезориентирующих мусульман относительно истинного смысла их религии. Соображения этих теологов поражают своей банальностью и инфантилизмом: они повторяют зады либерального

просвещения двухсотлетней давности, которое сам Запад давно и успешно перерос.

Можно подумать, что эти лидеры мусульманской мысли остановились в своем изучении западной философии на деистах и религиозных рационалистах, заложивших в свое время стандарты политической благонамеренности. Можно подумать, что они ничего не слышали ни о романтиках, ни о Ницше, ни об экзистенциалистах. В любом случае они явно не подозревают, что командные круги мировой системы давно и окончательно расплевались со всякой «благонамеренностью». Причина такого ослепления мусульманских теологов (явно ищущих общие позиции для так называемого «диалога цивилизаций») ясна: здесь мы имеем дело с рецидивом духовного «халифатизма». Мусульманские клерикалы не могут забыть, что инициатором планетарной современности (по крайней мере той, что доминировала до самого последнего времени) выступил в свое время «клерикальный ислам», ислам Омейядов и Аббасидов, ислам правоведов-факихов, ислам мудрецов-суфиев, которые — вместо Бога! — держали в своих руках сердца правителей.

Потому-то они и полагают, что с мировой системой можно договориться о «некоем месте» на вселенском пиру, которое могло бы быть выделено мусульманской цивилизации... Разумеется, при условии ее очищения от «экстремизма», «радикализма» и всяких метаисторических претензий на центральность, окончательность, избранность.

Улемы немного опоздали! Их осторожное нащупывание общих позиций с помощью гипербанальных «общих мест» перестало давно быть понятным для носителей новой завтрашней ментальности: благонамеренных и радикалов будут «мочить» в одном и том же отхожем месте. Сегодняшний мусульманин, для которого вера является альфой и омегой жизненной активности, должен как можно скорее освободить свой ум от влияния клерикального пустословия. Ему следует понять, что он — скромный верующий — по милосердию Всевышнего оказался последней преградой, которая отделяет род человеческий от полного банкротства и списания в убыток. Ислам есть сакральная оппозиция Року, а значит, и тому глобалистскому обществу, той мировой системе, которая транслирует фундаментальную антидуховность Рока на земном человеческом уровне.

Чем скорее мусульманин поймет, что его религия есть не что иное, как стратегия последней войны, тем лучше это будет в первую очередь для его личной судьбы.

«Освобождение ислама». Сборник статей, 2004

Алкоголь

Любые химические воздействия являются впадением в тьму материи. Одновременно идет психологическое изменение, то есть психическая ночь каждого отдельного тела — это одно из сумеречных состояний материи...

...Одно из направлений — воздержание от алкоголя.

Но не имеется в виду аскеза в том смысле, как Симеон-столпник простоял 30 лет на столбе на одной ноге. Имеется в виду совершенствование своего организма и тела для служения Богу как военачальнику, который ведет тебя и твоих братьев, как армию, на завоевание Царства Божьего. Не фигуративное, метафорическое, а именно на то царство, которое сменяет этот мир, которого ты являешься частью.

И если ты в какой-то степени сросся с этим миром, то или против себя, против родных, против близких, во имя того призыва, который имеет в тебе всего лишь одну точку, на которой стоит Бог. Бог дает свет внутри как бы на землю твоего сердца. Все остальное должно быть заблокировано. Единственная форма проявления добра в этом мире — это противодействие злу.

«Цветы зла». Лекция в Московской международной киношколе, январь 2002

Аллах (Велик Он и Славен)

Аллах не подобен ничему. Ничто из того, что можно было бы помыслить или вообразить, не является даже намеком на Него.

При этом речь не идет о силе воображения твари. Речь идет о бездонном потенциале творчества Самого Аллаха. Он всегда остается абсолютно противоположным, не угадываемым ни через какие аналогии.

Это и есть скрытое содержание всего сотворенного сущего, ради которого оно сотворено. Само сущее собственными ре-

сурсами не может ведать ничего о том, чему оно не подобно. Это его скрытое (на всех уровнях и от него самого) содержание.

Это скрытое содержание как назначение и подразумевание всего сотворенного есть Дух. Сказать о том, что он трансцендентен, никоим образом нельзя, потому что он как бы «вшит» в само творение как его подлинный истинный аспект.

Однако Дух не принадлежит творению как часть проявленной феноменологии, потому что это интимная, глубинная подразумеваемая сторона мысли — то, ради чего создано то, что создано. В этом смысле можно утверждать, что Дух не тварен, потому что он является подразумеванием Творца о твари. Он является Мыслью Всевышнего, которая обнаруживает себя в Слове.

«Дух и сущность», 2015

Амбивалентность

Глиняная кукла, внутрь которой вложена искра Святого Духа, — человек амбивалентен, потому что, во-первых, он сам не знает, что внутри его есть эта искра. Да, он конечно является носителем свидетельствующего сознания, но он имеет всевозможнейшие иллюзии по поводу этого сознания, то есть он полагает, что это его сознание — это некий продукт его глиняной, кукольной сущности, либо же он полагает, что это некое эго, некая гордыня, некая отделенность от абсолютного «все», которое надо преодолеть, чтобы слиться с этим абсолютным «всё». Он считает, что вот эта травма — это некий изъян внутри его, который надо преодолеть, вылечить, с тем чтобы раствориться, как он считает, в Боге. У него по поводу сознания, которое он несет в себе, есть самые разные установки, которые он успешно претворяет в жизнь, в результате чего к концу исторического цикла оказывается, что эта глиняная кукла полностью подпала под контроль огненного первосущества, отказавшегося поклоняться ему в начале творения, и она уже полностью, целиком является его креатурой — Богу уже здесь делать нечего.

Он умывает руки, стирает это творение и начинает новое, как об этом нам сказано в Коране: «...если вы отвернетесь, Он заменит вас другими людьми, и они не будут подобны вам». (47:38)

«Метафизика истории», 2012

Америка

В написанном в 1907 году романе «Железная пята» Джек Лондон не только метко охарактеризовал плутократией устройство США, но и предсказал ее дальнейшее развитие и связанные с этим события. В том числе Чикагское восстание, Вторую мировую войну с точной датой, разгром американского ВМФ в Перл-Харборе и даже постановку «Террористического акта» в конгрессе, равносильного тем мерам, на которые Штаты пошли после 11 сентября 2001 года. Я имею в виду «Патриотический акт» и его последующее развитие в виде позволения спецслужбам осуществлять бесконтрольную прослушку — без начала уголовного дела, и обыски на частной территории — даже в отсутствие владельца. Так что с момента написания книги США не только не продвинулись к демократии, но и сделали все, чтобы доказать правильность данных Джеком Лондоном Америке характеристик: это не демократия, а все та же плутократия, пусть и действующая в других условиях.

...В классическом понимании демократия звучит как «власть народа». Но где же она?

По крайней мере, в древних Афинах все же был ареопаг, а тут его нет, а есть лишь двухпартийная система, при которой неизбежно побеждают то демократы, то республиканцы. По сути, те и другие — выразители интересов олигархии.

В реальности эта система представляет собой качели: победили одни — качели качнулись в одну сторону, победили другие — в другую. Но ничего страшного: в следующий раз они снова качнутся в привычную сторону. Важно и то, что, например, президента реально избирают не конкретные миллионы и миллионы избирателей, а некие избираемые выборщики.

Что это за демократия с закоулками? И подобных закоулков там много. Почему бы не сделать выборы прямыми? Чтобы понять обман, достаточно остановиться на самых интересных моментах. Выборы кандидатов идут строго между двумя партиями — демократической и республиканской. Но не надо слишком торопиться: пока выборы идут внутри этих самых политических организаций. Причем настоящие, а не показные, различия между ними найти можно, но в любом случае эти партии похожи друг на друга, как плоды одного и того же дерева.

...Мы наблюдаем обыкновенный обман американцев со стороны тех, кто ими правит.

По сравнению с такой «демократией» даже казахская «демократия» с ее двумя ящиками (один — для изъявления воли, а другой — заготовленный заранее) выглядит куда как приличнее. Ну или чем в таком случае американская система лучше китайской или советской?

...Если же вы попробуете что-то сделать со стороны, то у вас ничего не выйдет. Избирательная кампания в США выстроена так, что вашему кандидату просто не удастся раскрутиться, пусть даже у вас целый вагон денег. Ведь все СМИ там подконтрольны той самой плутократии — они печатают и показывают лишь то, что надо знать простому американцу с точки зрения интересов олигархии. И вашего кандидата они просто не будут замечать, и он не сможет заявить о себе перед избирателями.

Вы скажете, что сейчас, в эру интернета, ничего невозможного нет. Но можно создать тысячу сайтов, пиарить своего кандидата в социальных сетях и на миллионах блогов — и это абсолютно ничего не будет значить. В Штатах уже десятки лет все ведется так: есть ряд этаких «рупоров правды», своего рода мастодонтов вроде The New York Times, Street Journal или The Washington Post. Это площадки признанного авторитета. По сравнению с ними издания калибром поменьше будут выглядеть даже еще менее привлекательно, чем в условиях советского времени выглядел бы «Гудок» перед «Правдой».

...Да посмотрите, в конце концов, на знаменитый сегодня «Викиликс»! Почти три года он ежедневно вбрасывал тысячи и тысячи разоблачений и оставался малоизвестным в мировом масштабе сайтом. Известность и авторитет он получил лишь после того, как на него обратила внимание такая авторитетная британская газета, как Guardian. По сути, она его и пропиарила, что тоже случайностью назвать нельзя.

...Были в истории США президенты, деятельность которых говорила о том, что они рулят почти самостоятельно. Но были и те, кому почти сразу давали по рукам. Просто в данном случае следует помнить, что в США на тот случай, если президент уклонится в ненужном направлении, предусмотрено действие регулирующих структур, которые, если надо, вынесут импичмент или будут действовать еще строже.

...Парламент США не является генератором идей. Туда просто спускают решения для «одобрямс». Достаточно проследить его действия по выходу из кризиса... Что касается связки «конгресс — президент», то в данном отношении мы видим не демократическое достижение, а лишь заданную «прокрутку» отношений между коллегиальными структурами, призванную, в том числе, лишний раз показать видимость демократии.

...Правосудие по-американски подразумевает юрократию с господством договаривающихся и подконтрольных адвокатов и судей. Но и это в том случае, если хочется поиграть в демократию. Когда не хочется, то мы наблюдаем тюрьмы ЦРУ в других странах и общеизвестное «демократическое» заведение в Гуантанамо. Это не что иное, как кафкианский механизм, который прокрутит, как в мясорубке, и выплюнет любую указанную жертву.

...На вооружение независимой американской системы уже давно поставлен секс. Вернее, не сам по себе, а разного рода сексуальные преступления, начиная от приставаний и кончая изнасилованиями. Достаточно лишь указать на последние два, особенно громкие. Я имею в виду основателя «Викиликс» Ассанжа и уже бывшего главу МВФ Стросс-Кана. Виноваты — и все тут! Начинается настоящая травля. Человека не просто лишают занимаемого им поста, если речь идет о какой-то серьезной службе, но и максимально заливают его грязью. На того же Стросс-Кана натравливают даже простых обывателей: дескать, не место такому чудовищу даже жить рядом с нами! Эту внесудебную систему подавления описал знаменитый писатель Майкл Крайтон, автор нашумевшего «Парка Юрского периода». Но куда большую значимость для обозначения американских нравов имеет другой его роман — «Разоблачение», в котором он описывает, как женщина-начальница тщетно пытается добиться интимной близости со своим подчиненным. Когда ей это не удается, она просто уничтожает его. И это еще раз говорит о наступлении в США эры агрессивного феминизма, при котором фактически кое-кто ведет открытую войну на истребление мужчин.

...Чтобы попасть под вал американской «демократии», вовсе не обязательно открыто против нее выступать. Вспомним судьбу другого знаменитого американского писателя, Стивена Кинга, который с 1978 года находился под постоянным давлени-

ем спецслужб США. За ним велось постоянное наблюдение со стороны ФБР из-за того, что его произведения были признаны антиамериканскими. Ему довольно жестко намекали, что в отношении его могут быть предприняты более серьезные меры. А провинился он всего лишь тем, что, будучи, пожалуй, единственным литератором-психоаналитиком Америки, разгадал так называемый американский психотип и выложил в открытом доступе напоказ не самые лучшие черты этого самого психотипа.

«Американской плутократии 235 лет», 2011

Амр

Главным термином политической философии в Коране является термин *«амр»*. «И руководит делом (потому что *амр* — это не только власть, но и дело) от неба до земли» (Коран, 32:5). Это сказано о Всевышнем. *Амр* — это дело Всевышнего, которым Он руководит, которым Он управляет, которое Он реализует между небом и землей.

Амр — это дело, это целостная задача, которая реализуется с волей и с намерением это сделать. Поэтому в Суре 97 *«кули амрин»* упоминается как то, ради чего посылаются Дух и ангелы в эту Ночь Могущества. Это сумма тех дел, которые Могущество Всевышнего делает возможным и ради которого направляется туда (*Маляика уа Рух*).

Но при чем тут человек?

А человек имеет прямое отношение к этому, потому что человек является *халифа*, наместником. Раз он наместник, значит, тот *амр*, которым руководит, который направляет, который осуществляет Всевышний между небом и землей, имеет прямое отношение к человеку. *Амр* поручен определенной части — по крайней мере той, которая идет на земле — *халифе*. И в другом аяте говорится: «Он распространяет Свое повеление от неба и до земли, а затем оно опять восходит к Нему в течение дня, который по вашему счету продолжается тысячу лет» (Коран, 32:5).

Но что такое день по вашему счету, который равен тысяче лет, — день Аллаха, который равен тысяче лет по счету людей? Это указание на историю. Это прямая связь *времени*, которое открыто и подразумевается Всевышним, с *временем*, которое дано и осуществляется на человеческом уровне.

Амр является делом Аллаха, но при этом счет по реализации этого *амра* идет на тысячелетия среди людей. Это прямая связь со смыслом истории, с ритмом истории.

Мы знаем, что человек, согласно Корану, сотворен для того, чтобы повиноваться, служить Всевышнему и узнавать Его (*абаду уа арифу*).

Но когда мы говорим «*ибадат*», многие мусульмане подразумевают под этим непосредственно намаз, пост, осуществление пяти столпов. *Ибадат* имеет гораздо более широкое значение: служить — это служение, служение во всем. Если человек — раб Аллаха и одновременно Его наместник, то, стало быть, он является ответственным за определенные аспекты дела, которое ему поручено, за тот *амр*, который реализуется, который осуществляется Всевышним между небом и землей одновременно во времени Всевышнего и во времени человека, которое соотносится в данном случае как день в тысячу лет. Это является целью. И действительно, Всевышний нам говорит: «Неужели человек думает, что он лишен цели?»

...Человеческое существо цели не лишено — оно целью обладает, и эта цель во многих аспектах описывается в Коране, и реализация этой цели является как раз исполнением того долга, который составляет суть внутреннего времени, смысл внутреннего времени, которое находится внутри человека.

...Внутреннее время человека отмечено двояким образом: «*якиин*», то есть несомненное, которое к нему приходит, или его смерть, которая завершает его земной путь, и *йаумуль кияма*, то есть День Воскресения и Суд, которые завершают историю. Два аспекта: внутренний конец и конец внешний. То время, которое ограничено внутри и которое ограничено в истории снаружи, — это время, которое является достоянием людей, пока оно у них есть.

И вот почему это главнейшая ценность.

Ничего ценнее в нашей жизни того времени, которым мы располагаем, нет.

Вот почему люди обменивают это время на деньги, на богатство, на удовольствие, полагая, что это достойный размен. И вот почему Всевышний предупреждает о том, что это дешевая и ошибочная замена.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Коран нам говорит: «повинуйтесь Аллаху, Его посланнику и тем из вас самих, кто является обладателем приказа» (4:59).

Что это означает? Приказ (*амр*) — обычно лукавые люди, которые всюду есть, переводят это как «повинуйтесь обладателям власти». *Амр* — это не власть, *амр* — это приказ. А второе значение *амра* — это «дело».

Вот, например, иллюстрация: перед тем как умереть, Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и да приветствует) приказал 18-летнему Усаме возглавить армию и отвести ее на три дня пути. Потому что он знал, что будут споры за наследование, и хотел удалить армию подальше. И все возмутились: как так, 18-летний какой-то щенок, которому поручают командовать армией... тут люди, которые по двадцать лет воюют уже... А потому, что он ему дал приказ (*амр*), и надо повиноваться тому, у кого приказ. Спрашивается: а если Пророк умер 14 веков назад?! Приказ все равно есть: этот *амр* содержится в теологическом проекте, который действует сквозь историю как сюжет, как провиденциальная мысль, и он опирается на Откровение, на предание и на то, что называется «экклесия», то есть совокупное сознание братства господ.

Теперь, если у человека нет этого *амра*, то кто бы он ни был — король, герцог, президент, — *амра* у него нет. *Амр* — это дело и приказ, это смысл, который надувает парус, как ветер.

Ну как ты можешь плыть на парусе, если там ветра нет?!

Штиль, нет *амра* — все, значит, парус можно выкидывать за борт!

«Политическая постантропология», 2013

Ангелы и джинны

Ангелы, согласно исламской теологии, принципиально отличаются от джиннов тем, что джинны — это существа субстанциональные, подобные человеку, в то время как ангелы — это сверхсубстанциональные существа. То есть если джинны сотворены из тех или иных субстанций (из «огня», например, имея в виду не физическую, а космическую стихию, энергетический полюс мироздания), то ангелы созданы из света. Под «светом» здесь подразумевается опять-таки не физический свет,

который вторгается во тьму метафизической ночи. Не разгоняет тьму, излучая фотоны, но вторгается в бездну непроявленной потенции, которая называется «Ночь Могущества». Таков свет провиденциальной мысли Аллаха, согласно которой разворачивается творение.

Когда Всевышний создал Адама (мир ему), Он вложил в эту глиняную куклу частицу своего Духа, *Рух Аллах*, божественного Святого Духа. (То, что в Коране называется «Святым Духом», обладает персональным аспектом, который известен нам как архангел Джибриль, но обладает также и имперсональным аспектом, частица которого стала сущностью духовного пробуждения Адама.)

Космос, субстанции ничего не знают об этом аспекте, о частице Святого Духа, к которой стали причастны Адам (мир ему) и его потомки. Он неизвестен Иблису (вселенскому Бытию), но ангелы обращаются к этой точке небытийности, когда Аллах посылает их к Своим избранникам. Носителями частицы *Рух Аллах* являются Адам и его потомки — Пророки Единобожия.

«"Святые Сатаны"
и конец Золотого века», 2011

Антиглобализм

Какие параметры характеризуют сегодня «антиглобализм», взятый под жесткий контроль транснациональных корпораций? Первое, что бросается в глаза, — преобладание феминистической стихии. У руля в антиглобалистских инициативах стоят завзятые феминистки. В массовых колоннах витает дух «весны священной» и «великой матери». А в целом все направлено на хаотизацию и карнавализацию коллективного протеста, подчинение его «дионисийскому началу».

Более серьезным моментом является так называемое peace education — обучение миру. Существуют серьезные неправительственные структуры — в первую очередь в США, которые по всему третьему миру ведут борьбу с идеологией достоинства и самозащиты, мужским культом оружия и личной ответственности за защиту собственного дома, экспортируя пораженческие демобилизационные модели сознания.

В одной из таких инициатив, для придания ей большей популярности, задействован известный актер Майкл Дуглас. В то время как правительство США бомбит мир, американские феминистки, не забывая тщательно дистанцироваться от Белого дома, учат детей этого мира не сопротивляться.

Собственно говоря, вряд ли можно назвать антиглобализм в его настоящем виде политически «левым», хотя он как-то наследственно связан с левыми исторической преемственностью.

«Правым» он, естественно, также не является.

Однако, суммируя все, следует предположить, что закулиса антиглобализма скорее «правая» в неолиберальном смысле. Именно от нее исходят сознательно проектируемая безыдейность и организационный хаос, в который погружены оппоненты Системы, вследствие чего ныне существующее движение уже сейчас можно считать обреченным.

«Манифест нового Интернационала», 2003

«Антиислам»

Теперь некоторые мусульмане выдают за ислам нечто совершенно противоположное таковому. Они выдают за ислам некий набор таких сладких, паточных мещанских представлений. О любви к детям, о любви к миру, о жажде покоя. О благополучии и процветании. Это не ислам, это антиислам. Это мировоззрение среднего мещанина, который готов прогнуться перед любым, держащим в руках меч или хлыст. Но это не ислам.

И хазраты... кстати говоря, почему они «хазраты»?! *Хазрат* — это термин, обозначающий статус пророка. Почему какой-то заштатный имам из какой-то деревенской мечети позволяет себя называть титулом, которого достойны только пророки?! Вот эту категорию извратителей ислама мусульмане должны вывести как блох.

Я считаю, что в ближайшее время начнут происходить процессы, которые скорректируют те глубокие извращения, появившиеся в теле ислама за последнее столетие. Ислам будет очищаться. Иногда очень жестко, иногда шокирующе жестко. Как мы видим в свидетельствах того, что происходит на Ближнем Востоке.

«Жизнелюбие в исламе — это порок», 2014

Апостолы (апостол Павел)

Было два христианства: «низовое» христианство Христа, которое шло от апостолов, и церковное «корпоративное» христианство Павла, которое уже опиралось на императора. Была страшная борьба. Жесточайшая война велась с христианами-унитарианами, которые исповедовали Единобожие (об этом никто не пишет сейчас). Людей заставляли принимать формулу Никейского собора, а когда появились мусульмане, то христиане приняли их как спасителей и освободителей, как некое обновление и восстановление христианства. В худшем случае противники-церковники воспринимали ислам как христианскую секту, поэтому в ислам переходили массами.

«Ориентация — ислам, или Назад в будущее», 1999

Апостол Павел в своих посланиях назвал Иисуса «утренней звездой», то есть Люцифером. Это раскрытие подлинной сути христианства: культ Аполлона-Денницы-Ормузда под именем Христа! Иса ибн Марьям (да благословит его Всевышний) был пророком абсолютного монотеизма и в корне отвергал те тенденции, которые реализовались наиболее полно и ядовито, с одной стороны, в Писаниях Исака Лурии, с другой — в посланиях так называемого «апостола Павла». Ни Каббала, ни Церковь, с ее крайним онтологизмом и криптофараонизмом, не имеют ничего общего с посланиями хазрата Исы (мир ему), который является пророком ислама — так же как и Авраам, мифологизированный раввинами.

Ответ на вопрос об отношении к христианству, 12.05.2016

Арабский язык

Что касается арабского языка, его семантика необходима для интеллектуального проникновения в суть послания. Вот, например, вы говорите заменить «*намаз*» «молитвой». Во-первых, «*намаз*» — уже замена, поскольку это не арабское, а персидское слово, происходящее от древнепехлевийского «*намазте*» — приветствие.

Подлинное арабское слово для этого обряда — «*ссалаат*», смысл которого — приведение в соответствие, в дальнейшем

понятое как благословение. Как вы понимаете, «привести в соответствие» и «приветствовать» — это уже серьезная разница.

«Молитва» же означает «просьба», и во время намаза мусульманин ничего не просит: он просит после намаза. Эта просьба и есть «молитва», которая по-арабски называется *«дуа»*, т. е. «взывание» к Богу.

Вы видите, насколько важно владеть нюансами семантики, чтобы мышление оставалось математически точным и избегало профанической неряшливости. Разумеется, в международном политическом пространстве ислам опирается уже сегодня на русский, английский, французский и даже немецкий и испанский языки, но при этом арабский язык остается не только языком ритуала, но и хранителем смыслов (как бы таблицей логарифмов), без чего пестрота бытового словоупотребления в разных культурных пространствах быстро приведет всех — и мусульман и немусульман — к «Вавилонской башне»! От чего, как вы понимаете, выиграют только враги свободы и поработители человечества.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 08.03.2006

Аристократия

Есть силы, которые представляют интересы Сатаны, интересы Князя мира сего — это традиционалистский клуб, клерикалы всех мастей, высшие клерикалы и старая аристократия. Они находятся на принципиально консервативных позициях, они считают бытие абсолютной сверхценностью, они считают, что бытие и сознание — это одно и то же. Они пантеисты с точки зрения абсолютного неведения того, что мы, монотеисты, называем Богом, потому что для них Бог — это совершенно другое. Для них Бог — это персонификация чистого бытия. Это платоники или неоплатоники. Платонизм — это ключ к расшифровке всех больших доктрин языческой метафизики. Это традиционалистский клуб.

Он включает в себя не только европейскую, не только британскую знать, это и императорский дом Японии, это и Хашимитская династия, это и султан Брунея. То есть это вся знать мира, традиционная, многие столетия существующая; как бы

такие «истеблишментские дома». Они воплощают в себе фактор преемственности, воплощают в себе антисюжет.

Что такое сюжет? Сюжет — это динамика. Сюжет — это некий переход от акта номер один к акту номер два и к катарсису в акте три. А что такое преемственность, что такое стабильность, что такое консерватизм, что такое действия бытия? Это знание того, что вот этот замысел не реализуется, он не получится, его надо будет повторять, и работа у рабочих сцены будет всегда. Рабочие будут заняты всегда, потому что не будет такого времени, когда спектакль наконец-то состоится и после этого театр закроют, потому что все отыграли и на этом все закончилось, рабочих уволят. Нет, рабочие так организуют игру актеров и так организуют условия сцены, что каждая репетиция будет провалена, поэтому она на следующий день будет повторена и у них до самого конца будет фронт работы. Бытие будет само с собой всегда торжествовать, и всегда то, что наверху, будет наверху, то, что внизу, будет внизу, и между ними всегда будет определенная жесткая аналогия, когда верх будет контролировать низ. И вот это люди знают на уровне «дома», на уровне генетики, на уровне поколений, и только к ним (к этим людям, которые так это знают) обращаются носители глобальной субстанциональной мудрости, мудрости Князя мира сего.

«Метафизика истории», 2012

Атеизм

Атеизм, по сути, есть отрицание отнюдь не Бога, о Котором атеист ничего не знает, а это отрицание Великого Существа, который является оригиналом, архетипом, образом и подобием которого является человек. Он говорит: «бога нет».

Ход предельно сильный.

Но в чем здесь фокус, очень неприятный для тех, кто идет этим путем? Как только человек ступает на путь простого и сильного нигилизма, атеизма, то он мгновенно заменяется отъявленнейшим идолопоклонством, но не в буквальном смысле поклонением деревянным идолам, а в таком широком метафорическом смысле. Потому что любой атеист сидит на крючке либо веры в прогресс — прежде всего веры в человечество, веры в процветание, веры в либерализм, и если он правый, то он будет

антикоммунист, но это будет правый либерал, он верит в добро и зло, верит в то, что больше реализуется добро, убывает зло, мы идем от пещер дикарей в какие-то хоромы электронного «завтра», но на базе этого атеизма.

Мгновенно нигилизм переводит его в формат признания в качестве доминантных императивов всякого рода глупостей, которые даже смешно обсуждать, которые гораздо более сомнительны, чем понимание, что Великое Существо все-таки есть и является оригиналом.

Более того, человек, который встал на путь отрицания Великого Существа, рванул на себе тельняшку и сделал такой предельный жест, становится, в общем-то, беззащитным и безоружным, потому что ведь известно, что стратегия дьявола заключается в том, чтобы заставлять людей признать, что его нет. И как раз, когда они признают, что дьявола нет, он появляется во всей своей красе и во всей своей полноте.

«Возможна ли свобода», 2016

Если он отказывается признать существование того бога, в которого верят большинство язычников, — например, физически существующего сверхчеловека, который является конкретным, физическим, человекоподобным существом, которое распоряжается судьбами, мирами, то есть в некотором антропоморфном плане является отрицателем антропоморфной версии, — это на самом деле нормально и позитивно.

Для некоторых верующих это будет как раз пример атеизма.

Если он отрицает идолов и пытается расчистить площадку для чего-то иного, то это атеизм, который носит пассионарный и подготовительный характер к такому уверованию, о котором я говорю.

Другое дело, если он является просто унылым агностиком, который говорит: что-то есть, но к нам это отношения не имеет. Или, например, страстно верит в материю и говорит: да, я верю в материю, которая сама себя развивает, становится в силу заложенных в нее свойств, разрабатывает сама из себя законы, которым сама же подчиняется, выводит наружу из личинки человека, из пыли галактики.

Если он во все это верит, то его положение безнадежно, а если он отрицает всех идолов, но там ему говорят «ты атеист», то

он просто отрицает идолов, и он жаждет прихода на место этого расчищенного пространства некой альтернативы — неведомого Бога, которому был посвящен пустой постамент в Афинах.

Это другой атеизм, это атеизм, который одной ногой просто в исламе, потому что ислам начинается с утверждения *ля Иллаха* — «нет Бога», а дальше *илля Ллах* — «кроме того, который имеет имя Аллах», абсолютно определенного, уникального субъекта, но при этом Мухаммад — Его раб и посланник, и мы принимаем знания только через Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха).

«Онтология, точка, Бог», 2008

Атлантида. Атлантизм

Само слово «атлантизм» связано с Атлантидой. Атлантида была, как известно, великим и славным континентом, который был уничтожен потопом. Мы знаем, что на этом континенте был пророк Ной, упоминающийся в авраамической монотеистической традиции, который вел жестокую борьбу с этим континентом, с его населением, который призывал их к Одному. Это население отказывалось следовать ему и было уничтожено. Ной (мир ему) спасся. Теперь эта традиция через греков нам говорит: вот это водное пространство, где была Атлантида, называется Атлантикой, отсюда политический Атлантизм.

В Коране есть очень интересное место. Оно касается судьбы и деяний одного персонажа, который в Коране называется Зуль-Карнайн. Подавляющее большинство исследователей сходятся на том, что имеется в виду Александр Македонский. Там говорится, что в начале своих деяний он пошел туда, куда садится солнце, на запад. И пришел к мутному, горячему источнику, возле которого жили какие-то люди, по поводу которых Бог ему сказал: «Делай с ними, что хочешь! Хочешь — убей, а хочешь — прости».

Что же такое «горячий, мутный источник»? Обычные религиозные комментаторы говорят, что либо это аллегория, либо это на западе от Македонии, где были какие-то болота, озера, источники. И, может быть, во времена объединения Македонии и Эллады Александр проскакивал где-то там на коне. Довольно мелковатая интерпретация. Но есть интерпретация, к которой я примыкаю. Она считает, что горячий, мутный источник, куда

садится солнце, — это Гольфстрим. Почему это важно для нас? Потому что Гольфстрим как геофизический феномен проявляется после гибели Атлантиды. Гибель Атлантиды порождает вулканическую активность, которая рождает Гольфстрим, который делает жизнеспособными Британские острова и Скандинавию. Англия существует как геополитическая реальность благодаря Гольфстриму, иначе там бы было холоднее градусов на 15. Это серьезно: тогда бы просто не было никакой Англии.

Таким образом, Англия в цивилизационно-культурном смысле получает эстафету от той Атлантиды, по отношению к которой Новой Атлантидой являются, кстати, Соединенные Штаты. В XVI веке это было одно из официальных названий США. Почему это важно? Потому что Атлантида традиционно считается тем самым духовным центром, из которого изошла через колонии рассеяния в Старом Свете финикийская религия золота.

«Неоленинизм в XXI веке», 2010

Бездна

Если мы говорим о Всевышнем как о всецело трансцендентном, то мы должны признать, что существует некая концепция Бесконечного вне Его, которая есть бесконечное неведение о Нем. То есть вот это бесконечное неведение — то, что язычники называют *«брахман»*, *«парабрама»*, или каббалисты называют *«айнсоф»*.

Это некая изначальная бездна всеединства, которая есть несамодостаточная позитивная бездна как фундамент всего, а есть бездна чистого неведения о Всевышнем как об абсолютно трансцендентном.

Поскольку эта бездна несамодостаточна, то есть она построена на чистом негативе, она не может проявляться в самостоятельном виде. Поэтому она проявляется как конечное, которое она тут же отрицает.

Конечное и возможность — это одно и то же. То есть из того, что бездна в первоначальной бесконечности является чисто негативной, существует — как выражение этой несамодостаточности — возможность. Возможность и конечность — это синонимы, и они сами по себе существовали бы как виртуальные, в себе находящиеся, нераскрываемые вещи, если бы они не отрицались и тем самым не приводились в соприкосновение, отражаясь друг в друге.

И тогда взаимное отражение всех возможностей друг в друге создает вот это драматическое напряжение второго бесконечного, то есть когда все конечные вещи повторяются друг в друге как в зеркалах, возникает вот этот всемирный водоворот возможного, которое, отражаясь друг в друге, становится принципиальными идеями.

Создаются фундаментальные идеи, соприсутствующие на всех уровнях, которые представляют собой глобальное наведенное бытие.

Вот этот феномен, который мы принимаем за позитивную бесконечность.

Мы стараемся исключить из своего сознания, что за спиной этого позитивного бесконечного (которое на самом деле ложное бесконечное, состоящее из неограниченной суммы конечных) стоит бездна неведения о Всевышнем, которая является отрицательной формой его предшествования и присутствия до момента творения. После чего вот это бытие является продуктом ограничения этой первой бесконечности. То есть оно является первым продуктом творения. И после этого в него вбрасывается семя вот этого луча, который находит там человека. Потому что в бесконечном кипении этих идей, которые отражаются друг в друге, существует уровень, где проявлен Адам (мир ему). А он проявлен в достаточном удалении от глобального бытия, но не так далеко вниз, чтобы быть аморфным каким-нибудь демоном.

Он находится в середине.

Вот в эту середину падет луч внимания сокрытого за завесой этой тьмы Всевышнего, который делает Адама инструментом и который должен преодолеть это бытие как некое ложное наважление, как объект. Потому что объект — это ничтожащая вещь. Объект и субъект находятся в абсолютной войне между собой.

Это как весы: если объект есть, субъекта нет; если субъект есть, объекта нет.

Но дело в том, что общество, которое заменяет объект, является не субъектом, оно является ложной заменой, оно является второй ложью.

Психологизация или социализация бытия — это не победа над бытием, это не победа субъекта, а это как бы деградация. Вы должны вернуть объекту его подлинную независимую агрессивную природу, чтобы победить его — именно объект, а не социальный фантом.

«Анатомия молчания», 17.01.2011

Бессмертие

Собственная двойственность человеку представляется непостижимой: каким образом душа может продолжать пребывать в этой красной глине?

С самого начала своей истории человек был одержим желанием разрешить эту загадку. Маги и мудрецы стремились оду-

хотворить материю и материализовать дух. Голем — глиняное существо, одушевленное волей мага каббалиста. Это пародия на созданного из глины человека, которым Создатель завершил цикл творения.

Согласно традиции, прежде чем оживить Адама, Бог показал ему в его глубоком забытьи картину будущих поколений, которые от него произойдут. История людей есть память о «сне Адама».

Потерпев неудачу на путях духовного самоанализа, человек попытался разгадать себя как машину. Идея создания Гомункулуса, искусственного человека, проходит из Средневековья в наши дни. Все научные теории неспособны окончательно ответить на вопрос о происхождении человека.

Эта тайна в психике людей прямо связана со смертью.

Операция по воссозданию самого себя есть одновременно попытка решить проблему бессмертия. Борьба с собственной непостижимостью заставляет человека создавать вторую природу — новый космос, в котором он может чувствовать себя как дома. Человеку почти удалось одухотворить неживую материю. Может быть, на этом пути титанизм одержал наиболее внушительные победы.

Именно в этот момент материя становится кошмаром. Слепые энергии, разбуженные во внешнем мире, преследуют культурного героя, ставшего в современном мире авантюристом.

Вечная вертикаль духа, служившая законом в прошлом, превращается в ненадежную зыбкую веревку, которую человеку бросают воображение и культурная традиция. Вряд ли они смогут защитить нашего героя от ненависти земли.

Человек начинает с трагедии Фауста, а кончает фарсом офиса.

Апокалипсис готовится через профанацию социального пространства.

Однако масштабы грядущего конца не становятся от этого менее грандиозными.

Жестокая война с материей порождает наиболее убедительную в этом мире форму величия — величие тотального уничтожения.

И все же главное в человеке то, что он смертен.

Самопознание с этого начинает и к этому возвращается. Юдоль человеческая — долина скорби. Так традиция определяет жизнь в обреченном теле.

Сознание бессмертия души не снимает страха перед физическим концом, не утоляет жажду телесного бессмертия. Человек хочет стать всем — сейчас и навеки.

Только религия откровения ясно отвергает возможность бессмертия при жизни.

«Всякая душа вкусит смерть» — гласит Священный Коран (21:35).

Большинство языческих религий дают, тем не менее, рецепты, как уже при жизни обмануть смерть. В архаичные эпохи человек был уверен в своем месте во Вселенной. Он не выражал свой ужас перед небытием так открыто, как в последние столетия. Сам мир был замкнут и уютен. Человек, по учению древних, является мерой всех вещей; он посредник между небом и землей. Его существо аналогично большому миру, в котором он живет, поэтому он называется микрокосмом — малым космосом. Главная причина смертности человека оказывается в том, что он не реализовал гармонию между собой и Вселенной. От него требуется всего лишь дыхательными упражнениями и чтением магических заклинаний навести порядок в элементах собственного тела, чтобы оно обрело качество нетленности.

Однако так ли уж верно, что все люди жаждут физической вечности?

В действительности воля к личному бессмертию всегда была достоянием немногих. Жрецы и цари понимали борьбу со смертью буквально. Фараоны и первосвященники строили для себя волшебные усыпальницы — машины по обеспечению выживания. Весь мир был для них инструментом общения с вечностью. Для огромного большинства простых людей бессмертие совпадает с бессмертием человеческого рода и даже с идеей вечности материи. Моральная проблема бессмертия — это выбор между бессмертной душой и бессмертным телом.

В конечном счете все сводится к тому рубежу, на котором надо поступиться очень немногим, почти неощутимым — божественной искрой, которая делает нас неповторимыми духовными существами, — за это Антихрист обещает свободу от всех проблем.

Сегодняшний мир управляется посредством ссылок на якобы неразрешимые проблемы: разрушена среда обитания, не хватает жизненных благ для слишком большого количества людей,

деградирует генная природа человека. Антихрист, по преданию, способен управлять материей. Он наделен способностью воскрешать мертвых. Однако с одним условием: те, кто примут от него воскресение в этой жизни, откажутся от своей доли в царстве небесном. Выбор за нами.

«Человек», 1996

Бесконечность

Любая организованность, любой смысл, любое структурирование возникает только тогда, когда фиксировано ограничение бесконечного.

«Бесконечное» само по себе постоянно ничтожит любое ограничение: все, что предъявлено бесконечному — оно снимается.

Но слабость «бесконечного» — в самой возможности предъявить ему нечто. Сама необходимость «бесконечного» действовать, действовать по ничтоженью всего, что ему противостоит, уже указывает на то, что это бесконечное пусто внутри себя, оно абсолютно экстравертно.

И, если взять точку свидетельствования внутри нас, которая противостоит этому бесконечному, то эта точка как раз является отправным моментом структурирования смысла. Потому что само по себе «бесконечное» — абсолютно бессмысленное, оно абсолютно не «заряжено», абсолютно абсурдно.

И у «бесконечного» есть два аспекта — оба они абсурдны, но в разных наклонениях. Есть бесконечное негативное в чистом виде — это коса, которая ничтожит, это просто бесконечное, которое не предполагает никакой определенности рядом с собой, она просто все снимает. А на фоне этого, фасадом этой негативной бесконечности, является бесконечность как бы позитивная, бесконечность, которая предполагает всеединство всех манифестаций, всех возможностей — так называемое бытие.

Причем бытие, которое воспринимается нами как нечто целое и тотальное, на самом деле представляет собой некую комбинаторность: оно является «целым» после «множественности».

Это некий сингармонизм таких конечных вещей, которые зеркально отражаются друг в друге и образуют хоровод тотального присутствия.

Это позитивная бесконечность. Она такая же «бесконечность» (в кавычках), как и пустая внутри себя, отрицающая «все», бесконечность негативная, которая предшествует бытию.

И именно слабость этой пустой бесконечности дает возможность бытию проявиться, прорисоваться.

И то и другое — позитивный и негативный аспекты бесконечности — это два аспекта абсурда. Они тотально лишены смысла.

Точнее, их смыслом можно наделить только извне этих бесконечностей, извне бытия и извне негатива.

...Бесконечность отрицает все, что не она. Она не имеет содержания, она просто является негативом всего определенного, но она как бы является чашей, указывающей на то, что она отрицает. Она отрицает то, что не может быть утверждаемым в нормальных рамках каких бы то ни было.

«Доктрина финализма», 2014

«Бесы» Достоевского

«Бесы» Достоевского — это определенный резонанс, определенное эхо «Мертвых душ» Гоголя. «Мертвые души» — это тоже панорама, панорама неких демонических фигур, панорама святочных рыл, харь... людей, которые иногда и непохожи на людей, — и здесь тоже тема бесов.

Может быть произведение без положительного героя? В эстетике Достоевского — не может быть.

Кто положительный герой в «Бесах»? Степан Трофимович? Смешно: это герой, над которым писатель откровенно издевается и издевается жестко, без мягкости. Ставрогин? Ставрогин — монстр: кончает с собой, потому что абсолютный банкрот. Шатов хорош, Кириллов прекрасен: все они великие люди — каждый по-своему...

Кириллов: как из «Шинели» Гоголя, из пистолета Кириллова вышли Ницше, Фрейд, Юнг... все вышли.

Но кто же все-таки положительный герой в «Бесах»? Получается, что только Петр Верховенский — носитель пассионарности.

А вот Шатов — не положительный! Потому что, когда его спрашивают: «Ну а в Бога, Бога-то вы веруете?», он отвечает: «Буду верить!». Он не заканчивает то, что начал.

А Петр Верховенский бросает вызов. И он свой вызов — в том, что от него зависит, — доводит до конца. Другое дело, что его подвела ситуация, человеческий материал... Но после него пришел другой — реальный человек из жизни, прототипом которого был Петр Верховенский, — и сказал, картавя и с мягким прищуром, что надо работать с тем человеческим материалом, который у нас есть: другого нам история не дала. А Петр Верховенский работал с материалом героев романа, в который он был помещен. Но он свое дело сделал.

Я считаю, что Петр Верховенский — это бесспорно положительный герой. Он противостоит Ставрогину, противостоит всем тем, кто недотянул по пассионарности до того, чтобы произнести последнее утверждение. Кириллов не смог его произнести.

В чем смысл Кириллова? Это очень важный для Достоевского персонаж, потому что в лице Кириллова осуществляется понимание того, что воля к смерти есть предельная форма утверждения: воля к смерти есть предельная форма воли к власти. После этого Фридрих Ницше не сделал ничего, кроме как прокручивал, разбодяживал, повторял и так далее... Он ссылался на Кириллова, он читал Достоевского и был потрясен. Кириллов произвел на него огромное, неизгладимое впечатление...

То, что Достоевский хотел выразить в фигуре Кириллова — тут надо смотреть не на Ницше, а на Фрейда. Фрейд нам говорит, что высшая форма утверждения — это либидо. Это воля к прокреации, воля к жизни. И как проявление воли к жизни — воля к насилию как к некоему индивидуальному самоутверждению.

И если взять предельную пассионарность, заявленную Кирилловым, за 100 градусов — Фрейд остановился где-то на уровне 7—8 градусов. То есть для него 7—8 градусов тепла — это предел пассионарности, а Достоевский сразу берет точку кипения. И Кириллов у него до этой точки кипения не доходит, а вот Петр Верховенский доходит: он эту точку имеет в виду в объективированной форме... Он сам не кончает с собой, он говорит: сто миллионов голов покатится. То есть он эту пассионарность — как волю к смерти и одновременно волю к власти — доводит до метаисторического уровня.

Петр Верховенский может быть замаскирован под демонизм, но не является его конкретным воплотителем. Вот как раз Ставрогин, как раз Степан Трофимович — они гораздо ближе к реальным ликам зла, потому что они теплохладны. Это те, о которых говорится: «изблюю теплохладных из уст моих».

«О, если б ты был холоден или горяч...»

Вот — это зло: Ставрогин и Степан Трофимович. Потому что на самом деле дьявол обязательно носит в себе компонент смешного, носит в себе элемент «обезьянности». Он не убедителен, он всегда немного пародиен...

«Чаепитие в Мытищах», 1997

Благо

...Осознание концепции порядка вещей отличает западного человека от восточного человека вообще.

Наблюдатели не раз обращали внимание — кто со злорадным недоброжелательством, а кто и с индифферентным любопытством — на то, что восточные люди отличаются неискоренимым оптимизмом, незамутненным жизнелюбием, слабостью аналитического аппарата в силу пристрастности и мотивированности своих логических суждений оценочными этическими категориями.

Для восточных людей существует на уровне инстинкта дихотомия «хороший — плохой», для них существует «Благо» как самоочевидная, из себя растущая данность, которая аксиоматична, не требует доказательств, оправдания и защиты.

«Теодицея» (апология божества) для восточного человека вещь абсурдная и провокационно бессмысленная. Как можно оправдывать то, что не нуждается в оправданиях? Это все равно что доказывать, что «Благо» — благое!

А мысль о том, что благо может быть подвергнуто критике и отвергнуто именно на том основании, что оно благое, и вовсе не укладывается в сознание восточного человека. Для него это даже не сатанизм, а что-то вроде «квадратного круга».

Таким на Западе, наверное, был архаичный эллин из той эпохи, которую Маркс называл «детством человечества». Смеющееся детство на берегу ласковых волн Средиземного моря, в котором не водится ни жестоких скатов, ни смертельных ме-

дуз, ни акул (в отличие, например, от Красного моря). Правда, уже и в архаичные времена погромыхивал дальний гром, дошедший до нас в виде стенаний тени Ахилла в подземном Аиде или неоднозначных приключений Одиссея в ходе его странствий...

«Основания "естественной религии"», 2012

Благо — это лозунг традиционного клуба, и в контексте традиционного клуба благом является снятие противоречий между бесконечным и конечным, между бессмертным и смертным, между индивидуальным человеческим существованием, как вспыхнувшей и гаснущей на ветру из костра искры, и той фундаментальной бездной, которая представляет собой основу реальности.

Снятие противоречия между этим или встреча конечного с бесконечным в некоем гармоническом союзе, когда снимается поглощающая конечное противоречие, — это есть, с точки зрения традиционного клуба, благо, и это является ценностным гарантом и ценностным ориентиром в сознании тех, кто сегодня представляет собой супрасоциальный (надсоциальный) позитив, воплощает вектор позитива для массового общества.

«Анатомия молчания», 17.01.2011

Бланки, Огюст

Огюст Бланки является действительным основанием ленинизма... даже до ленинизма — вот этой радикальной русской линии. Потому что он был выношен в равелинах, где Огюст Бланки провел около 40 лет своей жизни.

Постоянно арестовываемый разными французскими правительствами за неудававшиеся одна за другой попытки переворота, Огюст Бланки исходил из теории «заговора профессиональных революционеров».

Раз за разом проигрывал потому, что профессиональные революционеры не справлялись с идеей заговора и победой власти.

И только к концу жизни, уже к Парижской коммуне, Огюст Бланки понял главное: к профессиональным революционерам надо добавить массы.

И вот это понимание Огюста Бланки — партия профессиональных революционеров, узкий клуб заговорщиков плюс рево-

люционные массы — вот это и составило специфику ленинизма, которая приплюсовалась к марксизму как к той либеральной теории, которая может и без революции обойтись и даже поработать в консервативно-право-социал-демократическом пространстве.

Огюст Бланки был подлинным гением революционного нонконформизма, непонятым в свое время. Сквозь неимоверные страдания, тюрьмы и болезни, Бланки вынес открывшуюся ему истину о необходимости партии профессиональных революционеров.

На последнем этапе своей жизни... он довел это понимание до финальной теоретической стадии: революционная партия должна возглавить восставшие массы в точно выбранный исторический момент.

Суть бланкизма — не в заговоре пассионарных одиночек, как некоторые думали на его счет, а в том, что революционер — соль земли, без которого не существует ни истории, ни собственно человечества.

Ленин поднял бланкизм на новую высоту.

Ленинская идея состояла в переносе марксистского акцента с пролетариата как класса, наделенного освободительной миссией, на революционеров как самостоятельную касту — особый духовный человеческий тип, который в конечном счете независим от того, какими социальными классами или группами он должен пользоваться в качестве инструментов своего дела — революции.

«Произведение в красном», 2010

Бог

Обычное жреческое затемненное сознание стремится исказить послание пророков после того, как оно уже было дано: когда церковь овладевает этим наследием, они пытаются представить Бога как одного из своих бывших языческих божков — обитателей Олимпа, как некое объектное существо, которое является управляющим распорядителем, ревностным хозяином.

Тогда что же побеждает этот ревностный хозяин, которому и так все принадлежит? С чем он борется?

Есть великий исламский тезис — лозунг, который на самом деле является спасительным и искупительным лозунгом всех идущих к внутреннему катарсису, тех, которые стоят перед физической и духовной смертью. Этот лозунг гласит: *ля галиб илля ллах*, нет победителя, кроме Бога. Что побеждает Бог? Бог побеждает Рок, который является бездной, поглощающей все сущее. Бог утверждает абсолютную победу субъекта над объектным негативом, над смертью в чистом минусе. На этой метафизической революции пророков строится метаисторическая революция пророков. Пророки утверждают, что восстание и победа против Рока есть восстание и победа против жреческой концепции циклической истории.

«Арийский ислам».
Лекция в Музее Востока, 1994

Боль

Боль — это встреча отражения с оригиналом, когда бытие напрямую сталкивается со своим отражением, воздействует на свое отражение сквозь реальность.

Бытие и реальность, как мы уже говорили, не тождественны.

Реальность — это система описаний, и не более того; она вся погружена в язык, она вся погружена в словесную ткань.

Бытие невыразимо словом, и оно не является никакой вещью, поэтому оно нереально.

Когда оно сталкивается с человеческим существом, с отражением, то оно просекает все тени-плетенья описаний насквозь, и это всполох такого пламени, которое жжет.

Я напомню образ, который я люблю. Это когда Джон Ди, возвращаясь с какой-то пьянки, в холле своего особняка видит в зеркале свое отражение, начинает избивать его хлыстом, чтобы оно сделало лишнее движение и освободилось бы от связи с ним — то есть воздействует на него болью. В данном случае он — оригинал, и он встречается с отражением, и, прежде всего, для отражения — это огонь, это боль.

В сущности, боль — это всегда огонь.

...Боль для архаического человека есть вещь натуральная, очень близкая ему.

Боль — это стержень человеческого фактора.

Боль тесно связана с верой. То есть включенность боли как постоянной константы внутрь личной экзистенции является основой и опорой религиозной веры в собственном смысле слова.

Религиозная вера имеет два эшелона. Но люди плохо понимают, что такое вера.

Они считают, что их умственные предположения — «хотелки», или когда они говорят «я верю, что есть нечто высшее, высший разум», или «я верю, что есть нечто большее, чем мы», — вот эти неопределенные клише, которые они заимствовали из осколков культурных матриц, якобы являются верой или приобщают их к вере.

Вера — это резкая, острая и болезненная встреча с совершенно чуждым. Не совершенно чуждым, как откровение Бога монотеистов (который вообще принадлежит к сфере радикально противоположного Бытию), но вот Бытие, которое отражается, но оно так же чуждо, как оригинал перед зеркалом, то есть как бы есть аналог, но притом это — трехмерный объективный фактор, а это — отражение...

...Можно же переживать боль как животное, или, например, можно переживать боль как переживает ее современный человек, который тупо не понимает: за что это с ним, почему с ним, за что это мне, что я такого сделал?! Он это переживает как нечто абсурдное, бессмысленное, потому что он считает, что он достоин только комфорта, он погружен в комфорт — это его натуральное, — и вдруг в это натуральное вторгается горячий утюг или фосфорная бомба, кассетная. За что это мне?!

Но это не человеческое восприятие боли — это недочеловеческое восприятие боли. Человеческое восприятие боли — это когда он воспринимает боль как страшную энергию поднятия над самим собой и выхода в некое утверждение.

Боль — это утверждение, это утверждение его человеческого предназначения. И он обнаруживает внутренней стороной этого утверждения предмет боли.

Условно говоря, Джордано Бруно, привязанный к столбу и с разложенным костерком под ногами, переживает эту боль как некое доказательство его миссии, как некий выход за пределы его ущербного человеческого бытия, с его домыслами — «множество миров... а есть ли это множество миров или это некое ля-ля такое...» — и за это «ля-ля» его привязали к стол-

бу, и вот, когда он испытывает эту боль, предельную ситуацию сжигания его тела, он выходит в то состояние, в котором он обнаруживает: да, вся его жизнь была правдой. И в этом смысле боль является базой веры.

Это одна сторона.

Вторая сторона, тонкая и гораздо более, наверное, ускользающая, — это интеллектуальная воля. Это вера как постулат утверждения того, что человек не имеет, не видит и не испытывает.

Какой смысл видеть этот стол? Он передо мной — что в него верить? Какой смысл верить в какие-то системы описания? Вот тебе предлагают вариант, что звезды — это громадные огненные шары, пылающие в космической бездне. Тебе дают посмотреть в телескоп, говорят о красном свечении, разбегающихся галактиках и говорят: «Ты веришь в это?» Ну какой смысл в это верить?! Я посмотрел в телескоп. Я могу верить только в то, чего нет, но что я утверждаю как абсолютное. Да, как абсолютно центральное.

Два полюса: боль, которая не требует интеллектуального преодоления отсутствия — боль присутствует, она вторгается в нас, — и интеллектуальная воля, которая говорит: «Этого нет для меня, но я утверждаю, что это — самое главное».

Вот это два в значительной степени взаимоисключающих момента, которые должны соединиться.

Архаический человек — я условно говорю «архаический», потому что архаический человек может быть и сегодня (архаическими обычно называют времена Гомера), а я имею в виду, что, может быть, в так называемую Темную эпоху, которая для меня совсем не темная (в Средние века, в Риме), были люди, вся жизнь которых была построена на боли. Для них боль была фундаментальным принципом. Эту боль им давало все. Начиналось конечно все с фараона, с кесаря, с короля, с монарха, с первого лица...

А современное общество построено на совершенно другом принципе — принципе комфорта, принципе исключения боли таким образом, что для человека боль является просто парадоксом и преступным, незаконным вторжением в нормальное существование.

«Боль и общество», 2016

Большевики

Большевики впервые — пусть на короткий момент — смогли опереться на ресурс русского духа. Страна стала лидером всех угнетенных, что превратило ее из относительного захолустья, впечатляющего только своей величиной и предполагаемым обилием медведей на городских улицах, в сверхдержаву еще до создания межконтинентальных ракет.

Однако «Вяйнемяйнен» (главный герой «Калевалы» — иносказательно-ироничное наименование Сталина) в золотых погонах генералиссимуса обманул народ-победитель и заново договорился с мировым порядком. Последствия этой контрреволюции нашли окончательное выражение в итогах проигранной Москвой холодной войны.

«Россия и мировой кризис», 26.02.2008

Борьба

Реальная борьба — это борьба визионеров, стремящихся к отождествлению внутреннего и внешнего против пассионариев, утверждающих абсолютное разделение.

Естественным союзником для воинов является обездоленная чернь, которой нечего терять, кроме своих цепей. Охваченная паникой, эта армия уродов может идти как вперед, так и назад, и она может нанести удар по цивилизации, взяв штурмом структуры истеблишмента. Но цель — не поставить их у власти, не накормить, не сделать «хозяевами жизни», не привести Хама к благополучию. То, что думал Мережковский, — не есть цель.

Цель — использовать их в эсхатологическом взрыве.

А воины — это «соль земли», их отличает постоянная воля к личной смерти, которая является оборотной стороной воли к власти.

Это борьба прежде всего против Антихриста, Даджала, проявления Царя Ману, вокруг которого концентрируется ноосферная элита.

Но если гражданская война организована без критического потенциала, она не становится последней: не приходит Махди, не манифестируется Второе Пришествие Иисуса Христа. Инициаторы проигрывают.

«Политический ислам в XX веке».
Беседа четвертая, май 2003

Брак (семья)

Семья, дом для мужчины выступают как антитеза противостоящей ему враждебной среды, как тихая гавань, как то, где он якобы оказывается «у себя» в надежде обрести передышку от неумолимого фатума, мечтая реализовать свои глубочайшие подлинные побуждения.

Мифологический концепт «дома» нагружен чаяниями идеальных свойств, которые должны помочь ему выйти из шизофренического тупика повседневной реальности.

(Может быть, именно поэтому американские, в частности, мужчины тупо женятся раз за разом после очередных разводов, несмотря на накопленный ими самими и их мужским окружением негативный опыт законного брака.)

Социальная шизофрения обывателя выражается в том, что семья для него превращается во второе теневое «супер-эго», некое подлинное и понятное на подкожном уровне благо, которое противостоит и во многих случаях отменяет благо официальное, провозглашенное бесчеловечным механистичным социумом. («Кого ты больше любишь: маму или дедушку Ленина?»)

Церковь всегда прекрасно понимала этот дуализм и именно поэтому на правах некой сверхобщественной и, разумеется, внечеловеческой силы держала руку на пульсе теневого интимного «супер-эго», конвертируя его в гармоническое примирение с внешним законом. Мифологизирование «семьи» в сознании обывателя заходит довольно далеко.

Культура нового времени активно эксплуатирует фетиш «частной жизни» — того, во что общество не должно совать нос, того, что является сферой полномочий и компетенций исключительно хозяина дома и его домочадцев.

Этот культ частного тесно связан с концепцией таинства супружеской жизни.

Однако как раз культура, в своем пристальном внимании к недрам «дома-крепости», в значительной степени подорвала однозначность и целостность этого мифа.

«Анна Каренина» и «Госпожа Бовари», Мопассан и Золя осуществили серьезную демифологизацию «семейной гавани», показав ее как гнездо аморализма и лицемерия, как каждоднев-

ный ад, вынуждающий несчастного отца семейства спасаться в работе, пьянстве или адюльтере...

Но именно «дом» связывает и обезоруживает мужчину, не позволяя ему идти на конфликт с системой.

«Дом» становится алиби для всех проявлений трусости и конформизма, тем рычагом, через который социум управляет своими данниками.

Женщина в роли теневого «супер-эго» внизу и общество как официальное «супер-эго» в виртуальных «небесах» современного человечества действуют в заговоре против мужчины. Таким образом, мужчина порабощен дважды: обществом через женщину, женщиной через общество!

«Давид против Голиафа», 2010

Братство

Современные олигархи, современный коллективный фараон пришел к выводу, что 6 миллиардов из 7 просто не нужны. Зачем повышать их стоимость жизненного времени, зачем их капитализировать, когда можно их списать, а работать только над близким к себе миллиардом или полумиллиардом, которых можно довести до максимализации их возможностей. Например, через активность в интернете, в виртуальном пространстве, когда все они будут работать над чисто интеллектуальными проблемами, а 3D-принтеры буду обеспечивать их материальные потребности, а несколько тысяч реальных господ, которые образуют комитет по встрече Антихриста, будут находиться в специальных точках нового «Золотого века», который будет уже здесь образован.

Вот какая стоит задача перед фараоном сегодня.

И какая задача стоит перед нами?

Перед нами стоит задача сорвать этот план.

Перед нами стоит задача не позволить коллективному фараону уничтожить большую часть человечества. Не потому что оно ценно, а потому что мы должны на каждом шагу противопоставлять свою политическую волю воле Иблиса и его слуг. Потому что если есть отражение бытия в виде власти здесь, которая представляет собой фараона и его коллективной тени манифестацию, то мы формируем политический субъект ан-

титезы, политический субъект носителя политической мысли в теологическом смысле слова.

Что это за субъект?

Это братство.

Братство кого?

Братство просто людей — свобода, равенство, братство — идеалы Великой французской революции 93 года?

Нет!

Братство — это братство людей, которые знают, что существо их осмысленной реальности — это точка нетождества, которая выражается в уникальном своем состоянии в том, что они умрут. Они есть сейчас и видят все вокруг себя, но они умрут, и эта смерть есть оборотная сторона их сознания сию секунду.

Почему?

Потому что сознание сию секунду — это их нетождество окружающему миру.

А что такое смерть?

Смерть — это актуализация этого нетождества в другом плане.

Например, что у меня такого оригинального, чего никто из вас не имеет?

Я вижу этот стол, вы его тоже видите. Я испытываю вкус этой воды, да вы ее тоже испытываете. Такое же голубое небо. Все, что я ощущаю — гнев, веселье, радость, смущение, — ощущаете и вы.

А в чем же моя уникальность?

А в том, что, когда я буду умирать, я буду умирать только один. Каждый умирает в одиночку. Моя уникальность — это моя смерть.

Но сейчас я вижу только потому, что я не подобен ничему, в том числе и вам.

Значит, когда я буду умирать, моя смерть — это то же самое, чем я вижу сегодня, сию секунду, это одно и то же, это две стороны одной монеты.

И здесь коренится великое преобразование: выражение Декарта «cogito ergo sum», то есть «я мыслю, следовательно, существую», следует переделать в mortuo ergo sum, «я мертв, следовательно, я есмь» (в уникальном, никому не подобном виде).

И вот те, кто ощущает «mortuo ergo sum», неподобность через смерть, уникальность через смерть, через нетождество — где через закрытую наглухо железную дверь мы прорываемся

в царство абсолютной свободы, — вот те и составляют братство. Потому что они вышли не из родовых путей матери, которые их объединяют как братьев, а потому что они смотрят в могилу, которая объединяет их там как неповторимых и уникальных, которые воскреснут. Воскреснут именно в той форме, в какой они были здесь и теперь. Это братство.

И братство есть субъект, который представляет собой политическую волю, который представляет собой ядро и прообраз антитезы мирового правительства, который будет на каждом шагу противостоять фараону и его слугам — это будет второй полюс. Но не для того, чтобы создать социализм, не для того, чтобы построить фаланстер, не для того, чтобы построить общество равных возможностей. Потому что рай невозможно сделать. Но можно завершить историю и можно встретить второе пришествие Иисуса Христа и Махди и готовить для этого почву, сражаясь с фараоном, сражаясь с комитетом по встрече Антихриста, противостоя на всех этапах социуму как абсолютному злу, проекции бытия, которая есть глина и антитеза Мысли. Для того чтобы вновь и вновь утверждать здесь Смысл.

И эта цель не нуждается ни в каких ограничениях, не может быть связана никакими обстоятельствами, никакими условностями — она безусловна. И то, что я описал, есть суть мировоззрения радикального клуба (бытие как ошибка). И задача братства — исправление этой ошибки. Вот суть радикального сознания.

Если у вас сердце религиозное, а в голове прибавочная стоимость, то вы просто запутаетесь, и в результате все пойдет по кривой. Потом, рано или поздно, чекист вас расстреляет в подвале.

«Теология против метафизики», 2014

Британия

Нынешняя ситуация в мире определяется участием тех или иных стран в прямом противоборстве между сверхэлитами Старого Света и США, по отношению к которому видимые части политических айсбергов в различных странах играют скорее роль маскировки. Так, для всех привычно, что Великобритания есть ближайший союзник США. Даже в палате общин Блэра обвиняли в раболепии перед Вашингтоном.

Однако глубокий анализ стратегии правящих кругов Великобритании показывает, что они делают ставку на такие проекты и на такие силы, будущее которых предполагает уход США с политической сцены мира. Это оппозиции со всего мира, находящие приют в Лондоне, это ТНК, стремящиеся избежать финансового контроля американской администрации, это политические и криминальные мафии, осуществляющие закулисное противоборство с деятельностью американских спецслужб и решающих проблемы в интересах Лондона. Великобритания поддерживает самые авантюрные поползновения Вашингтона, рассчитывая добиться демонтажа этой сверхдержавы и опираясь на внутренних союзников, противостоящих в США собственной сверхэлите, — демократов, выросших из поражения феодально-рабовладельческих сил в уже далекой Гражданской войне 1861—1865 гг.

«Освобождение ислама». Сборник статей, 2004

Бренд «Россия»

Бренд «Россия», изобретенный Петром I, всегда служил прикрытием для диктатуры импортного меньшинства, будь то немцы или евреи.

Сам Петр, изобретатель этого бренда, был марионеткой голландских масонов.

Единственный проблеск в этой двуличной, насквозь фальшивой истории с «российскостью» появился тогда, когда возник СССР. Но Сталин, исходя из чисто конъюнктурных соображений, снова стал раскручивать идею «старшего брата», хотя при нем было брошено умирать около трех миллионов инвалидов Отечественной войны, которые мозолили глаза своими культями и орденами послевоенной публике. Этот человек, поднимавший на банкете Победы тост за «великий русский народ», поступил с ветеранами войны так, как никто не поступал никогда в истории человечества.

Поэтому бренд «Россия» на протяжении более трехсот лет отравляет жизнь в первую очередь обманутому русскому большинству.

«Исламская стратегия на Кавказе». Материалы конференции, 2008

Будда

Будда не был послан — а он и не говорил, что послан. Будда был просто кшатрием, восставшим против засилья брахманов. Он выступил против касты брахманов, которые держат все в своих руках, вяжут, разрешают, контролируют.

Будда не был послан, он был восставший.

Но восставший кшатрий не обеспечен духовным импульсом, поэтому рано или поздно он проиграет.

В результате буддизм исторически проиграл, потому что сегодня буддизм — одна из самых клерикальных религий. Монах на монахе, далай-лама на далай-ламе. Ничего от первоначального буддизма не осталось, кроме концепций, проповедуемых на Западе.

Буддизм реально — это поповщина.

Почему это поповщина? Потому что кшатрий сам по себе может восстать, истребить непосредственных врагов, но трансцендентно он не обеспечен.

Именно к кшатрию приходит пророк, и он приносит ему благовестие, и в соединении с кшатрием возникает совершенно новая ситуация. И вот тогда то, что возникает, приобретает характер неумолимого противостояния Ветхой традиции.

«Арабо-израильский конфликт —
осевая эсхатологическая тема», 02.02.2004

Буржуазия

Это нормальное сословие в Старом порядке, которое имеет свою наследственность, свое последовательное воспроизводство, династичность, свою классовую сословную мораль, свою этику, которой она строго придерживается.

Буржуазия, будучи городской и противостоя феодалам, то есть людям меча, воинам, часто заключает союз с церковью.

Буржуазия и церковь (клерикалы и торгаши) вместе составляют некий тандем против воинского сословия.

«Глобальный крах либеральной идеи», 2015

Сегодня нет больше ни буржуазии, ни пролетариата.

Крайние полюсы социальной пирамиды — суперэлита, стоящая над человечеством, и мировой гарлем с его неизбывной нищетой.

Все остальное представляет собой броуновское движение деклассированного элемента. В условиях глобальной люмпенизации Березовский и Ходорковский — явные люмпены. Они прорвались к деньгам, но буржуазией ни в коем случае не являются.

Буржуазия — это устойчивое сословие со своим кодексом поведения. Его представителей можно встретить сегодня в странах третьего мира — в Иране, в Малайзии, например. Даже встретив этих людей случайно на улице, сразу видишь: они родились в устойчивой системе работы с материальным миром, в атмосфере обмена материальными ценностями между социумом и внешней средой.

Но, скажем, в России ситуация выглядит иначе. Если сегодня человек богат, то вчера он был технократом, позавчера — комсомольским секретарем, а завтра он станет диссидентом, который будет жить на пособие спецслужб где-нибудь в Лондоне...

Это люмпены, то есть деклассированные элементы. Мы не можем описывать общество, состоящее на 90 процентов из деклассированных элементов, как буржуазию и пролетариат.

«Говорить языком прошлой эпохи уже нельзя»,
06.07.2003

Бюрократия

Бюрократы — это некая сила, которая постоянно ищет себе «варягов», постоянно находится в поисках символического «варяга», к которому она апеллирует, но при этом представляет собой такую виноградную лозу связи кабинетов, такую телефонную связь анонимных кабинетов, где существует две абсолютных страшных силы — это подпись и это процедура.

Бюрократия торгует подписью, и бюрократия контролирует с помощью процедуры.

Это колоссальная, могущественнейшая сила, потому что все вместе образует того идола, который приобретает сверхъестественные черты.

В политическом обществе — особенно в языческом политическом обществе — существуют идолы как указания на того мирового духа, который бродит в венах, сверху донизу, на то бытие, которое воплощено в кесаре или фараоне. Это идолы,

которые символически указывают на объективное бытие вне человеческого разумения, вне человеческого объема. А государство — оно само по себе тот идол, который в себя же включает и то бытие, на которое он указывает. Здесь социальное бытие становится имманентным и одновременно идолом. Это идолократия в чистом виде, это власть идола.

Почему, собственно говоря, Гоббс забежал немного вперед с Левиафаном — в его время все это только начало формироваться, но, видимо, он уже это хорошо чувствовал.

«Различие "государства" и "политического общества"», 2016

Сегодня главное противоречие в мире — это противоречие между международной бюрократией и национальными бюрократиями.

Существует космополитический конгломерат различного рода фондов, центров, комиссий и подкомиссий ЮНЕСКО, комиссий и подкомиссий ЕС, комиссий, подкомиссий, комитетов ООН.

Конгломерат бюрократов, которые последние двадцать лет, с исчезновением СССР как участника международного мирового процесса, эмансипировались от своих учредителей. Первые десятилетия после 1945 года, с созданием ООН, это была служебная организация, которая полностью зависела от своих доноров, полностью зависела от влияния сверхдержав: бюрократы были просто делегированы бюрократическими кастами держав-учредительниц. Но сегодня произошел процесс, при котором они срослись с транснациональными корпорациями (ТНК), с фондами, с космополитической банковской системой, которая не зависит от национальных экономик и которая получает огромное количество черного кэша по мафиозным каналам.

И сегодня международная бюрократия окормляется не через бюджетные каналы, она окормляется через неконтролируемые каналы, идущие через фонды, через центры неправительственных организаций.

И у нее сегодня амбициозная задача — взять на себя окончательно финальную часть управления миром.

Но существуют суверенные государства, существует быстро устаревающий, быстро ветшающий, но все еще не снятый с доски принцип национальной суверенности, принцип национального государства.

Национальные бюрократии зависят от своих бюджетов, они зависят от электоратов, они зависят от своей законодательной базы, от политических партий — от чего международная бюрократия, естественно, не зависит.

Поэтому возникает конфликт: международная бюрократия просто стремится разрушить одну корпорацию за другой и превратить национальные государства в такие, скажем, «полубантустаны», в которые можно заходить, открывая дверь ногой, где все для них прозрачно, где их международные акты, которые они принимают в закрытых совещательных комнатах, имеют приоритет и доминируют над национальным законодательством.

...Любой подписанный международный акт имеет приоритет перед национальным законодательством — это просто то, что дано.

Получается, что сегодня любое государство живет в зоне двоевластия с точки зрения закона: международные акты, которые разработаны бюрократами, ни от кого не зависящими, и национальное законодательство, которое должно отступать перед этими актами на второй ранг.

«Новая арена мировой бюрократии», 2013

Вайнахи

Вайнахи — фактор международной политики. Это крупная сила, которая заставила весь мир говорить о себе на протяжении последних 25 лет. Это люди, которые известны не только в Москве, но и в Вашингтоне, Брюсселе. Они живут повсюду, они открывают ногой двери офисов международного уровня, и они заставили считаться с собой. На сегодняшний день нет такого вектора, нет такого идеологического угла, который так или иначе не имел бы в виду вайнахов и их роль в прошедших и будущих событиях.

«Вайнахи стали фактором международной политики»,
24.02.2015

Вайшьи

Цель вайшьев — *артха*, предметы материального мира, *артха* имеет тот же корень, что у латинского art, означающий делание чего-либо руками. Такова конкретика материального мира, материального обустройства.

«Традиция и Реальность». Курс лекций в МГУ, 1998

Сословие вайшья является союзником жречества. Они там, внизу, конечно, за «все хорошее» против «всего плохого». А что хорошо — знают жрецы.

«Революция пророков», 2003

Ваххабиты

Все говорит о том, что в России сейчас царит сумбурное и нелигитимное «правовое» пространство. Понятие «ваххабит», которое используется в настоящее время чиновниками и милицией, было фактически создано в недрах КГБ для борьбы с исламским движением сопротивления еще в 80-е гг.

Называть диссидента мусульманином или же исламистом было некорректно, так как это бросило бы тень вообще на ис-

лам. Поэтому надо было найти термин, эквивалентный «фашисту», — «ваххабит». Хотя, по моему мнению, ваххабизм как религиозное течение уже давно потерял свою актуальность. Реформационное движение в исламе пошло намного дальше, и оно больше связано с современной европейской мыслью, чем с архаичным учением Абд-аль-Ваххаба.

Ваххабитами в России и в странах СНГ чаще всего называют тех, кто выступает против коррумпированной власти, ее неофеодальных методов, а также против полуграмотных учителей. Образованная мусульманская молодежь требует очистительных реформ, она требует освобождения от клановости, установления норм цивилизованного общества на Северном Кавказе.

Credo.ru. Беседа с Романом Лункиным, 2005

Великий инквизитор

Кто такой Великий инквизитор? Великий инквизитор — это предельный образ гуманиста. Это гуманист — жесткий, подчеркиваю, гуманист покровительственно «патронирующего» типа, то есть дидактически ориентированный жесткий гуманист. Его главным интересом является коллективное благо человечества, которое он четко видит, понимает и курирует.

Почему он становится страшным? Почему внезапно от контакта даже с тенью Великого инквизитора мороз бежит по коже? Не потому что это диктатор какой-то, тоталитарный маньяк, нет. Именно в силу того, что он озабочен благом человека, он является страшным!

Потому что (и здесь самая «тайна сия велика есть») человек — это другое обозначение «ничто». Человек — это некий перекресток, откуда мы можем повернуть вверх, вниз, налево-направо, это место встречи, место битвы, это место выбора вектора. Это некое динамическое поле, где решается проекция судьбы, проекция духа...

Человек как таковой, взятый сам по себе, сам для себя, — это ничто. И когда некто мощный, «некто в сером» занимается организацией блага этого ничто — вот тут мы сталкиваемся с предельным злом.

Сегодня маски сброшены, и вот почему: гуманизм Великого инквизитора сегодня, на исходе XX столетия, лишился ценност-

ных ярлыков. Когда кто-то видит разбомбленный город, он не чувствует себя обязанным вскочить с места и завопить: «Смотрите! смотрите! ужас-то какой! плохо-то как!» — он не чувствует себя более так обязанным.

Потому что обнажилось то, что было подспудно, всегда: что мы являемся пульсирующим миром организованного ничто, за которым либо стоит Дух, либо провал в еще большее ничто.

«Чаепитие в Мытищах», 1997

Великое Существо

Наибольшим же злом является Великое Существо в центре этой вселенной идолов — идол идолов. Высшее центральное существо во всех языческих традициях — это дьявол Откровения. Подлинный дьявол оказывается, в сущности, сыном земли и неба, блаженным существом, которое пребывает в самосозерцании, будучи первым творением Бога, иными словами, архетипом всех последующих существ.

Как известно нам из текстов Откровения, дьявол непосредственно говорил с Богом, вел с Ним диалог, спорил, и Бог попустил ему быть Князем мира сего, коим он и является по сей день. Он является мэтром той первой реальности, первой структуры, того логосного космоса, который выведен как порядок из хаоса.

Дьявол — это мэтр порядка, хозяин структурированной вселенной, гарант иерархии, гарант жестко эшелонированного бытия. А Бог упраздняет и отменяет все это. Бог является тем «черным чернее черного», из которого рождается освобождающий свет антисистемы. Только благодаря этому «мы» обнаруживаем себя на какой-то момент чувствующими существами в качестве обещания, в качестве залога будущей мегатрансформации. Когда «мы» умираем, различие между нами и простым объектным бытием стирается. В этот момент «мы» становимся камнем среди камней, свидетель в нас исчезает. Однако внутреннее содержание нашей души, ее запрограммированность картинами, образами, алгоритмами, продолжает существовать, распадаясь. Мир что-то писал на этой доске, надписи остались. Они будут блекнуть, стираться, осыпаться.

Другой образ: из кинотеатра ушли зрители. Продолжает работать проектор, и на белом экране идет фильм. Кто же смотрит

этот фильм, когда зрители ушли? Когда зрители уходят из кинотеатра, этот фильм смотрит некто. Если свидетель исчез внутри человека, который умер, то картинки его распадающейся души смотрит Великое Существо, смотрит дьявол. Дьявол является внутренним зрителем трупа после того, как человек умер.

«Традиция и Реальность». Курс лекций в МГУ, 1998

Вера. Воля

Вера далека по своему содержанию от такой идиллической картины — частных людей, живущих на одной земле.

Вера, если это на самом деле вера, есть духовная воля, направленная на реализацию некоего проекта. Этот проект является универсальным — воцарение справедливости. Христианин молится: «Отче наш... Да будет воля Твоя, да приидет царствие Твое». Они говорят так, потому что этого еще нет.

Воля — это вектор, который направлен на реализацию высшей справедливости. Воля и вера как воля не имеют ничего общего с благожелательством типа «я знаю, что что-то есть, я верю, что что-то есть».

Один говорит, что верит в высший разум, другой — что «Бог — Он во мне», третий — что «Бог — это моя совесть».

Спектр этих конформистских благожелательств очень широк...

Человек, который верит, является солдатом Бога: он не принадлежит себе, он не имеет права давать волю сомнениям...

Естественно, «солдат» не означает того, что он должен именно воевать. Но духовная грань должна проявляться в его жизни ежедневно.

Например, у тебя деньги в кармане, но ты не идешь в казино, не покупаешь «мерседес», а делаешь какое-то дело, которое не приносит тебе непосредственно никакой выгоды.

Я с ужасом смотрю на наших мусульман, которые непременно хотят покупать «шестисотый». Для них просто непонятно, что человек может отказаться от него, может отказаться от евроремонта. Мне это отвратительно.

Я исхожу из такой — главной для меня — вещи, что человек не существует ради самого себя. Он является не самоценностью, не самоцелью, он является инструментом Провидения. Инстру-

ментом надо быть более или менее хорошим (тупая стамеска, тупой топор — это плохо). В чем основная дефектность этого инструмента? В том, что человек не знает и не хочет знать, что он инструмент.

...В Коране есть такой аят: «Аллах не изменит нашего положения, пока мы сами не изменим себя» (13:11), то есть выбор есть, но для этого нужно чем-то пожертвовать.

«Ориентация — ислам, или Назад в будущее», 1999

Вечность

Вечность не вечна, как бы это ни казалась странным, вечность мимолетна, она снимаема.

Есть три вечности.

Есть вечность мига, в котором мы зависаем в этой жизни, когда мы о чем-то задумались, когда мы летим из небоскреба, когда для нас что-то останавливается; или счастье: допустим, засмотрелся на закат, сидя на пляже — пережил момент безвременья. Вечность — это же безвременье. Но это безвременье — как пузырек воздуха в толще воды (времени). Ты туда выпал, но ты оттуда выйдешь. Он внутри себя безвременный и не кончается. Но снаружи он окружен всем другим.

Вторая вечность — это вечность в могиле. Когда мы ложимся в могилу, над нами смыкаются черные воды черной дыры невозможного. Мы отсутствуем. Как сказал экклезиаст: «Живые знают, что они умрут, а мертвые в могилах не знают, что они мертвы». Мы, подобно камням, лежим там, и нет для нас возвращения.

И третья вечность — это вечность Рая. Это самая позитивная вечность, внутри которой субъективность абсолютна. Согласно обещанию, это вечный рай, который не имеет в себе никаких ограничений изнутри. Но извне он конечен, потому что Коран нам говорит, что в конце концов не останется ничего, кроме лика Божьего. А это означает, что и рая не будет.

Есть как бы объективное описание... рай как цветок и в цветке блаженствуют пчелы, а за пределами рая есть сад, который этот цветок рассматривает извне и может его срезать... вечность рая, вечность райского блаженства...

Тема твари, второго творения, воскресения, новой земли и нового неба является периферийным срезом в глобальной ме-

тафизической проблеме мысли Всевышнего, потому что мысль Всевышнего решает проблему, для которой творение само является инструментальным.

«Доктрина финализма», 2014

Власть

Идея власти окружена иллюзиями и предрассудками не только в массовом сознании, но и в представлении философов и ученых. Одно из наиболее распространенных заблуждений — отождествление власти с принуждением.

Мы привыкли к терминам «властные структуры», «исполнительная власть». Постоянное присутствие государства-Левиафана, ограничивающее нашу волю, давно вытеснило мистическую интуицию о природе власти.

В действительности истинная власть вообще не обращена на индивидуумов как субъектов права.

Цари, вожди, герои взаимодействуют с пластической субстанцией человечества, которую можно назвать его коллективной душой. Именно ее они стремятся вовлечь в свой проект, сделать соучастницей сговора против судьбы и против сил костного хаоса.

Другой популярной ошибкой является вера в то, что власть выгодна в буржуазно-торгашеском смысле слова.

Обыватель стремится по-своему очеловечить пугающую реальность могущества, связав ее с материальными привилегиями.

Подлинные пассионарии власти, для которых она является единственной возлюбленной, аскетичны. Для них бремя власти — это форма литургического служения.

Истинная власть никогда не осуществляется во имя свое.

За ней всегда стоит проект, иначе говоря, замысел Провидения о пути человечества. Часто этот замысел оборачивается страшным испытанием.

Трагическая сущность власти тесно связана с жертвенностью, и это роднит ее с Эросом.

Древние знали о темной разрушительной стихии Эроса, Эроса как инобытия смерти. Только подвиг может очистить и преобразить эту стихию в чистую субстанцию любви. Этот подвиг — суть воинского служения.

Вот почему воинская каста Запада — рыцарство — сакрально объединяла в себе три функции жертвенного служения: власть, любовь и смерть, которая была кульминацией боевого пути. Впервые мистическую теологию власти в западной традиции изложил рыцарь-поэт Данте, принадлежавший к ордену «Верных любви».

С момента рождения человек окружен вещами, которые представляются ему чем-то непреложным. Человек беспомощен перед обществом с его правовыми, родовыми и экономическими связями. Человек воспринимает как должное культуру, в которой рождается. Наконец, самым непостижимым и независимым как для телесного существа для него предстает незримый мир Духа. Однако власть над этими тремя измерениями — обществом, цивилизацией и сверхчувственным — всегда была самой дерзкой и сокровенной мечтой.

Опыт человечества свидетельствует, что в мир приходили уникальные личности, которые делали эту мечту былью, изменяя таким образом саму реальность.

Именно поэтому история власти совпадает с историей религии.

Власть является ярчайшим проявлением религии как революции Духа, выражением мистической веры в то, что можно восстать и навеки победить слепое ничто Рока. Полководцы и пророки, иногда соединяясь в одном лице, оказываются в этой борьбе светлыми воинами Бога.

«Власть», 1996

Власть имущие тоже требуют истолкования Корана под себя, в то время как в Коране есть такой аят: «...И установили во всех селеньях правителей преступниками, чтобы они интриговали во имя своей власти, но в конечном счете они интригуют против самих себя» (6:123). Власть тиранов в исламе дезавуирована с самого начала на уровне божественного откровения. Это не интерпретации, не какие-то позднейшие хадисы, придуманные и приписанные нашему Пророку (мир ему и благословение Аллаха), это аят Корана, который говорит, что все правители — преступники.

А кому же тогда предлагается повиноваться? Кому Бог приказывает повиноваться и институирует власть?

Есть такой аят в Коране, самый известный и самый цитируемый: «Повинуйтесь Аллаху, и его Посланнику, и обладателям *амра* из вас самих» (4:59).

Смысл аята — обладатели дела из числа вас самих должны быть вашими *амирами*, то есть лидерами вашими в деле.

А какое дело может быть у мусульманина? Эти дела все описаны в аятах Святого Корана. Это — отстаивать справедливость, распространять ислам, единобожие, бороться за то, чтобы вся религия принадлежала Аллаху на земле, помогать сиротам, вдовам, ограничивать зло тиранов.

«Будущее — за перманентной всепланетной гражданской войной?», 2009

Власть бедных

Ислам поддерживает идею, что те, кто выходит жертвовать своей жизнью и имуществом на пути Аллаха, степенями выше тех, кто остается. А это значит, что джамааты муджахидов, которые по определению не могут заниматься бизнесом, являются главными в обществе. Те же, кто создают богатства — капиталисты, — должны контролироваться джамаатами. Власть в исламе должна быть бедной! А вот общество под властью джамаатов может быть богатым, но в интересах этой «бедной» власти.

«Богатые и бедные в исламе», 23.06.2013

Воины

«Воин» переводится на арабский язык словом «*муджахид*», что уже сразу выбрасывает за ворота всякий языческий мусор типа Кастанеды (который к тому же является еще и не настоящим язычником, а салонным новоделом для полуинтеллигенции, любящей оккультное).

Кроме *муджахида* есть и другие близкие поясняющие слова, например, *феда'и* от корня *феда'*, означающего принесение себя в жертву. Отсюда следует, что воин — это тот, кто совершает *джахд* (усилие) в его предельной максимальной форме, сопряженной с самопожертвованием.

Воин идет по этому пути, потому что в силу своей природной конституции — Аллах его таким создал, «уширил ему грудь для ислама» и «ведет его к Своему свету» — он так любит *хакк*

(справедливость как *сыфат* Аллаха), что не может жить обычной жизнью.

Воина характеризует страстная любовь к справедливости. Он — *ашик уль-хакк*. Та искра Духа Всевышнего, которую при сотворении Он вложил в Адама (мир ему), разгорается в воине с такой интенсивностью, что делает все его действия действиями джихада.

При этом возможны разные степени проявления воина в джихаде. Это проявление может носить более физический или более интеллектуальный характер; идеально, когда в личности воина осуществляется синтез телесной и интеллектуальной пассионарностей.

Воины рождаются среди человечества независимо от цивилизации, но в язычестве они закабалены жрецами, которые «покрывают истину ложью». Всевышний через посланников, которые по рождению и происхождению принадлежат именно к воинской касте, — достаточно сказать, что в доступную нашему взгляду эпоху все пророки Единобожия являются потомками Ибрахима (мир ему), который, без сомнения, проявился как воин и воинский лидер своего *джамаата*, — обращается в первую очередь к воинам. Этому есть масса подтверждений в аятах Корана, которые ставят их над всеми остальными, а павших на пути Аллаха объявляют живыми и вводят в Рай до всеобщего Воскресения и Суда (поэтому выдуманный хадис, говорящий, что чернила «ученых» священнее, чем кровь шахидов, — *астагфируЛлах!* — это злонамеренная клевета на Посланника (мир ему и благословение Аллаха) и явный вызов Корану).

Таким образом, ислам есть религия воинов, которые должны вести уверовавшую часть человечества к справедливости в ближней жизни и к озарению светом Всевышнего в дальней.

«Исламская стратегия на Кавказе».
Материалы конференции, 2008

Война

Мировая война уже рядом, и глобальный кризис достиг такого уровня, при котором решение вопросов видится практически всем заинтересованным силам только через катастрофу. К тому же сейчас постоянно возникают все новые и новые очаги, где война становится осью стабильности.

Раньше война была агонией, которая срывала мирный процесс и стабильность, а константой, нормой цивилизованной жизни, всегда считался мир — вопреки тому, что человечество все время воевало. Сегодня наступает такой период, когда константой становится война, и таких очагов все больше: Афганистан, Сомали, Сирия, Ирак, Ливия, сейчас уже Украина, и, судя по всему, это становится новой тенденцией.

Цивилизация завтрашнего дня превращается в цивилизацию войны. Возникает экономика насилия, экономика, построенная на том, что основой исчисления стоимости становятся не нефть. не золото, не производительный труд, а насилие.

Интервью для АМИ «Новости-Азербайджан», 10.03.2015

Война полов

Культура в широком смысле слова построена на констатации того, что в человечестве с первых шагов его существования идет война полов.

«И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее...» (Бытие, 3:15)

Эта вражда питает драму человеческих судеб, как в ее частном измерении — сюжет физического происхождения и воспитания, так и в общественном — проблематика власти в фокусе гендерного противостояния.

Ярчайшим образчиком такой драмы стал шекспировский «Гамлет», где на противостоянии между мужчиной и женщиной завязаны практически все тайны бытия, причем не только здешнего, но и потустороннего.

Наиболее простым и классическим пониманием гендерной оппозиции является видение ее в терминах физической поляризации. «Плюс» и «минус», анод и катод несут запас энергетического потенциала, который преобразуется во всю многоцветную суетливую и неизбежную жизнь: работа, политика, войны, социальное угнетение и революции...

Короче говоря, вся история человечества для того, чтобы осуществляться, нуждается в этом горючем, которое образовано вечным Мужчиной и вечной Женщиной, смотрящих друг другу в глаза сквозь бездну времен...

«Чертовы куклы», 2008

Воскресение

Всевышний обещал нас воскресить на Страшный суд: Он обещал воскресить именно эту точку в том виде, в каком она была исторически здесь и теперь для каждого.

Мое тело — это «Иван Иваныч», точка во мне при жизни — безымянная, но когда я буду воскрешен, то воскрешена будет именно эта точка, под именем Иван Иваныч. Она получит индивидуальную, персонализированную, уникальную реальность, она получит имя. Сейчас она скрывается под маской меня физического. Точка понимания, которая во мне свидетельствует о внешнем, связана с мигом «здесь и теперь», но она не имеет моего имени. Это имя имеет тело.

А когда я буду воскрешен, при втором творении, именно эта точка будет иметь имя.

И если я вхожу, через узкий мост, в сады праведников, то она получает уже не как блик, брошенный светом через зеркальце, а как блик, эмансипировавшийся от своего источника — самостоятельное бытие с именем.

В этом суть трансформации: то, что было безымянным, в обладающем именем становится источником имени, носителем имени там, где бытие как бесконечный абсурд, полностью снимается.

«Предпосылки радикализма», 2013

Восприятие

Почему живое способно воспринимать? Мы знаем, что все воспринимающее стремится к монизму, стремится подойти к тому последнему, кроме чего ничего нет. Это есть доктрина истины, как говорит Парменид. Но если мы к этой истине подошли, если мы с этим слились, то встает вопрос, как мы в самом начале из этого вышли, как мы начинали свой путь.

Почему вообще, как сказал великий Хайдеггер, существует *нечто*, а не *ничто*?

К этому вопросу приходит человек, который мучительно ощущает недостаточность глобальной перцепции в самой себе.

И оказывается, что в небе без звезд есть, может быть, одна невидимая тайная черная звезда, которая является источником этой дистинкции, этого восприятия, источником различения.

Ведь восприятие основано на различении... Чтобы воспринимать, нужно быть неравным тому, что ты воспринимаешь. Младенец, бегающий по лугу, — это не камень, который на лугу лежит.

Монизм не объясняет первозданных истоков, не объясняет того, как возникает это различение. Да, мы знаем космологию Санкхья, знаем про Пурушу и Пракрити, знаем систему разделений на пассивное и активное, на субъективное и объективное, но все эти схемы не объясняют реальную мистерию разделения.

Мне говорят, что я соучаствую в глобальном уме. Приходит философ, который показывает, что существует возможность опротестовывать неловкими средствами это тотальное утверждение жрецов, пытаться давать имена этому последнему.

Это в общем человеческом контуре есть брешь, прореха, дверь, в которую входит пророк. Да, человек, говорит он, есть носитель восприятия, подставка для перцепции, восковая свечка, которая является опорой для огонька пламени; но перцепция, восприятие, отражающая способность зеркала — это функция главного, самого важного, того, чего вы не знаете и знать не можете.

Ведь, воспринимая, вы свидетельствуете о каждой вещи. Что значит быть свидетелем? Это значит быть не этой вещью. Уникально, что в восприятии человек стремится стать той вещью, которую он воспринимает, а условием восприятия является его отличие от этой вещи. И каждый раз, воспринимая что бы то ни было, он свидетельствует, что он есть не это. Вот что опущено, выведено за скобки в жреческом созерцании.

«Традиция и Реальность». Курс лекций в МГУ, 1998

Восстание

Восстание субъекта против предопределенности — это акт обреченного героизма, потому что герой (в античном смысле) в момент своего восстания «знает» лишь собственное сознание, которое подлежит стиранию неумолимым негативом Рока.

Он все равно восстает, несмотря на это «знание», и в этом его героизм.

Пророк приходит к герою (приходит именно к касте героев, в первую очередь), чтобы сообщить, что у принципа сознания есть трансцендентная база, которая отменяет Рок. Герой, ос-

нащенный откровением, — это уже монотеист, обладающий миссией преодоления бытия и стоящей за бытием негацией, потому что позитивная «бесконечность» бытия и негативная бесконечность Рока, как две стороны одной и той же фальшивой монеты, представляют собой силы тотальной инерции — чистой противоположности Духу Божьему.

«Путь традиции — реализация в частном индивидуальном случае глобально заданной установки», 2003

В истории человечества постоянно происходит восстание более плотного, низкого плана против плана, который им до этого руководил, плана более высокого.

В незапамятные времена совершается первичный кризис сакрального, разделяется функция жреца-императора, который один в своем лице воплощал роль первосвященника и монарха. Священный авторитет обособляется от светской власти, которая начинает руководить, отдавать приказы.

Это разделение на первых порах еще непротиворечиво, гармонично.

В этой связи мы можем вспомнить цикл короля Артура — то, как там предстают взаимоотношения короля Артура и Мерлина, где последний представляет собой принцип священной власти. Король Артур — это воинская власть, так называемая «власть временная». Потом между двумя этими ветвями или началами возникает конфликт. И вот уже мы видим, как воины оспаривают право жрецов на бесконтрольный Божественный авторитет.

Начинается восстание воинской касты против касты брахманов. Примером этого может служить историческое возникновение буддизма. Это был прямой вызов, который сословие кшатриев бросило сословию брахманов. Дальше — больше.

Когда кшатрии обособляются, когда светская власть становится самодовлеющим принципом, начинает поднимать голову третье сословие — торговая, ремесленная буржуазия. В конце концов восстают и шудры — люди без определенных занятий, которые, назвав себя пролетариатом, свергают буржуазию, устанавливают государственную тиранию. Таким нам рисует Традиция нисходящий уровень перверсии. И картина эта верна.

«Традиция и Реальность». Курс лекций в МГУ, 1998

Время

Время — это одна из ипостасей негатива и бесконечности или, точнее, бесконечности как негатива. Потому что время — это то лицо, которым стирающая бесконечность повернута к тварным, вещным предметам.

...Бедуины, которые спорили с Пророком (мир ему и благословение Аллаха), говорили: «мы живем, и мы умираем, и убивает нас только время (*дахр*)».

С точки зрения бедуинов-*джахилов* (как и с точки зрения *мушриков* в Индии или иных доисламских и внеисламских традиционалистов, которые философствуют о жизни), *дахр* — бесконечен.

Это Рок, это Судьба, это Бездна.

Значит ли это, что это иллюзия, что этого не существует, что они говорили о какой-то ерунде? Нет.

Когда мы получили Откровение о Всевышнем, когда Аллах указал о Себе через Пророка (мир ему и благословение Аллаха), мы совершенно иные мысли, иное восприятие получаем о *дахре*.

Мы иначе воспринимаем идею якобы бесконечности этого времени, которое нас окружает, в котором мы живем, которое нас пронизывает. Мы уже это воспринимаем не как тотальный Рок, не как Абсолют, но как нечто, что Аллах может превозмочь для нас, если мы будем Его праведными рабами. Потому что нет победителя, кроме Аллаха, и Аллах побеждает *дахр*. Аллах (Свят Он и Велик) побеждает бесконечное время.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Гегель

В чем был теологический пафос немецкой классической философии, пропущенной через камеру-обскуру марксизма? Мы не поймем этого без учета антикатолицизма и его тайного смысла в сердцах таких людей, которые творили высокую германскую мысль (Шеллинг был католиком, и после написания Гегелем «Феноменологии духа» порвал с ним все отношения — они дружили!).

Тут два момента: метафизика Гегеля открывает канал обратной связи между конкретным человеком (то есть германским человеком) и «абсолютной идеей», которая стоит в начале онтологического процесса.

Между «абсолютной идеей» и прусским патриотическим государственным чиновником стоит Христос.

Гегель, и даже юный Маркс готовы с этим примириться при условии, что Христос не есть «Царь небесный», то есть перемоделированный архетип Великого Существа.

Гегелевский Христос есть человек абстрактный, перед тем как сгуститься в человека конкретного, то есть бюргера, который воплощает волю к благому, но католики ставят дополнительную фигуру Папы, переводя тем самым тему Христа в тему языческого поклонения Люциферу, потому что «небесный царь» никем иным быть не может.

Стало быть, чтобы вернуть германскому человеку прямой выход на чистое бытие — «абсолютную идею», надо снести Папу с его Церковью и, соответственно, всю традиционалистскую пирамидальную организацию общества.

Тут есть два подхода: снести все — и получаем фаланстерно-казарменную Германию, которая становится площадкой для всемирно-исторической роли политического еврейства. Это Мозес Гесс, Гейне и сам Маркс.

Либо сохранить элементы традиционализма в лице кайзера и земельного дворянства (юнкеров), но при капитальной модернизации всего этого, получив социально ориентированную,

полностью отмобилизованную патриотическую монархию, которой вдохновлялись русские монархо-патриоты типа Ильина и Солоневича.

Кайзеровская монархия была вполне «народной».

Вот в чем, на мой взгляд, теологический тайный привкус истмата. Почему это все-таки теология, хотя Гегель не вылезает не только из «шинели» Платона наружу, даже из кармана этой «шинели» не выглядывает? Это теология потому, что она не принимает диктат Великого Существа и его представителей в зеркале нашего мира, она пытается опротестовать все это через «объективацию» бытия, через лишение его фундаментальных личностных свойств, присущих Первому из творений.

Философия Гегеля — это все-таки какой-никакой, а бунт, иначе бы он не был принят в огрубленной форме как модельная база системного левого мышления.

«Теологический пафос немецкой классической философии», 18.05.2012

Гендер

Кризис гендерных (межполовых) отношений в том, что в общественном пространстве перестает открыто действовать надчеловеческая сила, регулирующая неизбежную и естественную «войну полов».

Все религии констатируют, что между мужчиной и женщиной идет постоянная, никогда не затухающая война. Когда Бог изгонял за непослушание Адама и Еву из Рая, то предупредил их: «И вражду положу между вами».

Мужчина и женщина в Раю находятся в золотом сне первозданного блаженства. Среда не противостоит им, и они также не переживают травму своего фундаментального различия. Поэтому до грехопадения они ходят голыми, не зная стыда, поскольку не являются тайной друг для друга.

Человечество, вброшенное в суровый мир, сразу испытывает на себе беспощадность среды. В этих условиях мгновенно проявляется диаметральная оппозиция смыслов, присущих мужскому и женскому. Они по-разному интерпретируют окружающий человека мир, имеют разные ценностные ориентиры, часто

несовместимые задачи. Главная цель женщины — безопасность, главная цель мужчины — вызов, постоянная конфронтация со средой.

Перемирие между полами возможно только при наличии сверхзадачи, которая определяется в религиозной перспективе. Религия дает возможность мужчине и женщине сойтись на общей площадке, урегулировать непримиримое противостояние полов. Речь идет конечно не только о семье и детях. Скорее, сама семья становится возможной лишь после того, как такое перемирие заключено. То, ради чего мужчина и женщина заключают перемирие, а возможно, даже вступают в союз, — это предъявленное им религией сознание того, что все формы и ценности повседневного существования иллюзорны и конечны, смерть господствует над всем. И только выход за пределы этого конечного может оправдать мучительные тяготы обыденной жизни.

Либеральное общество уникально в том смысле, что впервые за всю историю делает ставку не на примирение полов через высшее начало, а как раз наоборот — на разжигание межгендерной розни.

Все это делается под аккомпанемент политкорректных причитаний, через внушение с самого нежного возраста отвращения к «сексизму», через прививку толерантности, идущую так далеко, что мальчиков с детского сада приучают писать так же, как девочек.

В итоге любой офис западного мегаполиса похож на банку со скорпионами, где мужчины и женщины находятся в постоянном напряжении взаимного недоверия, подозрительности, интриг — именно на половой основе. Между ними то и дело вспыхивают судебные разбирательства по поводу не так брошенного взгляда, взаимных обвинений в сексуальных домогательствах и тому подобного параноидального бреда, который либерализм внушает своим утратившим всякую естественность последователям.

Либеральный унисекс не решает через пресловутую толерантность проблему войны между полами, наоборот, он делает перемирие между мужчиной и женщиной практически невозможным.

«Кризис реальности», 2008

Генон

Генон — это человек, который фактически по своему масштабу, по своему весу, по своим перспективам более объемен, более весом, чем вся немецкая классическая философия, вместе взятая.

Немецкая классическая философия тоже вещь глубоко масонская, это не профанический рационализм Просвещения. В этом плане выдающимися фигурами являются Шеллинг и Гегель.

...Фихте, Шеллинг, Гегель, Кант — этот кватернер образует весь объем большой западной мысли, который подводит итог двум с половиной тысячам лет — от Платона до середины XIX века.

После этого начался распад, реконструкция, появились Ницше и Шопенгауэр, появились какие-то еще более поздние авторы, и в конце концов — уход в постмодернизм.

Особняком стоит Хайдеггер. Но вот этот кватернер четырех имен — это все, что человек может современным философским языком сказать о глубочайших проблемах реальности в логическом и психологическом срезе.

Без преувеличений, достаточно смело буду утверждать, что Генон на одной чаше весов весит столько же или больше, сколько четыре названные фигуры на другой чаше весов...

Генон, прежде всего, знает во всей полноте, во всех нюансах послание каждой из этих четырех фигур. Он понимает их место: это все-таки периферийные в традиционализме фигуры. Они центральны в профанической философии — философии, которая преподается с кафедр, это мейнстрим, это огромные имена, бесценные кладези мысли. Один Фихте с его наукоӧведением, с его концепцией субъекта, с его ролью науки и обращением к немецкой нации по поводу ее интеллектуальных возможностей и необходимости науки для того, чтобы она превратилась в великий народ, — это все огромная вещь.

Но... философия профанична, потому что она внехрамовая.

Это не гностицизм, не гнозис, не теология, не метафизика.

Метафизика — это все-таки нечто больше, чем философия.

Философия включает в себя слишком много мелких дробных подразделений, занимающихся несущественными вопросами —

особенно сегодня, когда наступила эпоха постмодерна; философия может заниматься совершенно периферийными делами, в общем, даже отказываться от системы; после Гегеля, как известно, философия зареклась создавать системы, она перешла на пиксельный характер описания реальности. Поэтому эти гигантские фигуры — гигантские в формате маленького лужка.

Но Генон ставит проблемы, которые выходят за рамки, которые даже серьезно не описываются (они описываются где-то краем, они хватаются) этими философами.

Он ставит перед собой прежде всего проблему утверждения: что есть утверждение? Утверждение, безусловное утверждение — это то, к чему ничего нельзя добавить, то, за пределами чего ничего нет.

За пределами утверждения существует только внешний мрак и скрежет зубовный — только ошибка, которая фиктивна, которой нет, ее не существует.

Утверждение — это фундаментальная вещь и это тотальное все. В этом тотальном все все феномены, все реальности, которые мы можем встретить, обретают финальное тождество, потому что нет ничего такого, чтобы осталось без знака равенства, которое идет к этому утверждению.

Это постановка вопроса, которая содержится имплицитно у Платона, у Гегеля, но почти нигде, даже у Шеллинга, она не ставится в такой прямоте, в такой глубине.

Потом Генон дает ключи, которые никто из этих четырех не дает — он дает ключи символизма, он объясняет, на чем основана фундаментальная аналогия, аналогия этого мира и того мира, аналогия спиритуального и материального.

У Платона есть общая идея, что небесные архетипы отбрасывают здесь тень в виде вещей, которые им соответствуют.

Но Генон раскрывает эту тему на конкретных примерах, особенно в такой книге, как «Символизм креста».

Он раскрывает на конкретных примерах, что такое аналогия между земным и небесным. Именно этот момент аналогии между земным и небесным, этот момент тождественной внутри себя двойственности является фундаментом учения традиционалистского клуба.

Это вместе с тем и политическая доктрина, она антилиберальная, это вторая доктрина, которая в свое время была един-

ственной, а сегодня это вторая после либерализма, оспаривающая политическое верховенство; доктрина, претендующая на то, чтобы контролировать судьбы человечества.

Третьей, как известно, является радикализм, который противостоит и традиционализму, и либерализму.

Генон — это человек, который дал описание парадигм ведущих сакральных цивилизаций: индуизма, даосизма. В меньшей степени — ислама, хотя он был мусульманином, но в наименьшей степени он писал об этом, тем не менее он дал такой корпус представления о том, что такое сакральная цивилизация.

Понятно, что и Шеллинг, и Фихте, и, в особенности, Гегель были европоцентристами, а в Европе они были германоцентристами, и для Гегеля за пределами Прусской монархии, за пределами Фридриха Великого очень мало существовало каких-то реальностей, стоящих описания, — это совсем другой конец.

Генон рассматривает Европу как точку крайнего упадка, Запад как страну заката в буквальном смысле — свет с Востока. О Геноне можно говорить как о человеке, который поднял огромную волну, и сегодня он является наиболее читаемым и наиболее известным автором. Он преодолел, прежде всего, мощнейший негатив католической церкви к себе.

Генон как фигура — это человек, который обозначен исторически крайним недоверием, крайней нелюбовью, если не сказать криптоненавистью, — церковь не может открыто сказать, что она кого-то ненавидит: церковь «выше всего этого», — но можно сказать, что является ненавистью по факту со стороны католической церкви.

Почему?

Потому что: а) это человек — выходец из старой католической семьи, так называемой традиционной французской высокой буржуазии с большим культурным наследием и б) это человек, который сам начинал как католик, как человек, который хотел слить воедино католичество и масонство, который хотел оживить католичество через масонство, а масонство через католичество, оживить эту мертвую букву через дух.

В какой-то момент он пришел к выводу, что это безнадежные усилия, безнадежные старания, как говорил Шекспир, «бесплодные усилия любви», и он принял ислам.

...Генон, получив посвящение, стал одной из лидирующих фигур в суфийском эзотерическом интеллектуализме исламского мира, он кончил свои дни в Каире, где начиная с середины 1930-х годов он жил; он был вне политики, по крайней мере по формальным утверждениям, хотя в 1920-е годы и в начале 1930-х он поддерживал связь с крайне правыми католиками.

До самого конца его интересовало прежде всего возрождение Европы. До самого конца он видел Европу как ту страну сумрака, ту *пахьелу*, говоря финским мифологическим языком, которую надо просветить изнутри, просветить эзотерическим светом.

Этот свет он находил для себя лично в исламе, а для Запада почему-то объяснял постоянно в своих книгах, что такое индуизм («Общее введение в индуистские доктрины»). Это один из моментов, который требует объяснения — почему человек, принявший ислам, пишет все время об индуизме.

Я думаю, для того чтобы нейтрализовать ислам, деструктивную силу которого по отношению к эзотерическим концепциям — индуизм, даосизм — он слишком хорошо понимал. Он пытался это нейтрализовать. Естественно, через некоторое время у него созрели ученики — и большие ученики. Одним из этих учеников был Фритьоф Шуон, швейцарец. Это человек, который изначально был глубоко ангажирован в исследованиях оккультного эзотерического характера; встретился с текстами Генона, читал их, штудировал их, в конце концов он принял ислам и стал одной из наиболее активных организующих, менеджерских фигур в исламском пространстве; он создал орден «Марьямия».

«Столпы традиционализма», 2016

Геноцид

В 1920 году Севрский международный трибунал уже занимался вопросом геноцида армян, и под судом была сама Турция. Было проведено большое количество исследований, опрошены свидетели, подняты документы. И трибунал, являющийся прототипом будущих в Нюрнберге и Гааге, пришел к выводу, что геноцида не было. Реально за всю войну на территории

Османской империи погибло 300 тысяч армян, многие из них в качестве военнослужащих османской армии. Были также военные действия османской армии против армянских полевых командиров, которые вели партизанскую войну в турецком тылу на Кавказском фронте. Имело место также и переселение армян из Турции в Египет, Сирию, Ливан и далее. Кстати, масштабы этого переселения технически исключают возможность геноцида. Сегодня геноцид армян признается 22-мя странами из почти 200 субъектов ООН. Первым его признал Уругвай в 1965 году. Среди других есть Чили, Аргентина... Последним признавшим стали США. Все эти признания являются решениями парламентов данных стран и, таким образом, носят политический конъюнктурный характер. Решение парламента — это не решение трибунала! Концепция армянского геноцида в 1943 году была взята на вооружение сионистами, которые трансформировали ее в миф о холокосте. Непредвзятые исследования демонстрируют, что реальное число евреев, умерших по любым причинам во время войны на всех территориях, занятых вермахтом, составляет 450 тысяч. Большинство умерших в концлагерях погибли от голода и англо-американских бомбежек. Есть еще миф о цыганском геноциде... Мифы о геноцидах сегодня являются сильнейшим оружием международного либерального клуба, с помощью которых организуется политкорректное зомбирование «молчаливого большинства». К сожалению, национальные чувства часто не дают возможности объективно разобраться в сути вопроса.

«К вопросу об армянском геноциде», 14.10.2003

Геополитика

В последнее время, с легкой руки некоторых философов-традиционалистов, в мозгах современных интеллигентов-образованцев, полуинтеллигентов, засела эта ужасная буржуазная лженаука «геополитика»...

Что это такое, что это за зверь такой — «геополитика»? Конечно если купить изданные на русском языке отдельные традиционалистские пояснения, мы легко узнаем, что это доктрина, созданная Маккиндером, Хаусхофером, прежде всего — противопоставление в течение веков истории народов моря и наро-

дов земли... в общем, много всяких таких забавных, интересных мифологем.

Чем геополитика отличается от попытки реально разобраться с причинами и следствиями в истории?

Она оперирует к такой доходчивой для образованцев идее, что географические условия являются императивом для человеческой культуры, цивилизации, формирования сознания, целей. Я не скажу, что геополитика в этом отношении, как Афина из головы Зевса, возникла с нуля: есть предыстория, есть любовь к этому описанию. Но здесь есть одна такая загогулина.

Дело в том, что эти географические описания очень интересны, когда речь идет о Древнем мире. Например, о государствах-храмах Междуречья, об Аравии до появлении ислама. Я читал книги, в которых полтома, предшествующие рождению нашего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует), посвящены направлению ветров в Хиджазе (книга Джафара Субхани «Послание»), там ряд глав посвящен тому, где находится Аравия, какие течения ее омывают, какие ветры там дуют, какой там песок, какая порода пальм. Если пишем об индейцах Амазонки, то обойти тему того, как устроена экологическая ниша, тоже не удастся.

Проблема вот в чем: когда мы имеем дело уже с Обществом (с большой буквы), суть-то Общества в том, что оно эмансипируется от природных условий. И, с точки зрения этой эмансипации, технически абсолютно неважно, что англичане живут на острове, который согревается Гольфстримом, а какие-нибудь «швабы» живут в глубоко континентальной Европе.

Общество — это такая скорлупа, которая защищает человека от среды и настаивает на том, что эта среда является главным доминирующим фактором. Это означает фактически игнорировать разницу между племенем амазонских индейцев и социумом, который существует последние две или более тысячи лет.

К тому же эта апеллирующая к мягкому мозгу образованцев идея о господстве физических условий над человеческим фактором еще подтверждается яркими противопоставлениями — псевдодиалектическими тезисами и антитезисами: море-суша, торговля-война, караваны-корабли. На этих ярких образах строится такая завлекательность. А потом уже на базе этой салфетки,

созданной концепцией географии как главного политического и экономического фактора, вышиваются следующие интересные темы — например, появление цивилизаций, как таких матрешек, из некоего человеческого фактора (Данилевский, до этого Хомяков): раз — Египетская цивилизация возникла, потом она пожила-пожила и схлопнулась — возникла Вавилонская цивилизация, Римская цивилизация. То есть непонятно, почему они возникли, откуда они возникли. Ну некая группа пассионариев жила, жила, боролась себе с пустыней или болотами, а потом вдруг у них в мозгу расцвели прекрасные образы — Озирис, Анубис, — они соорудили пирамиды, потом устали, выдохлись, их сменили другие.

В общем, этот антинаучный... — я говорю не как материалист-марксист и рационалист, а как антиматериалист, антирационалист и чистый идеалист, вот с этим акцентом я произношу слово «антинаучный» — вот этот антинаучный бред стал очень популярен.

Почему? Потому что современные образованцы, а надо сказать, что умственный уровень у населения в целом на планете и у нас в стране тоже колоссально понизился за последние 30 лет, вот эти образованцы не воспринимают методологии, они не воспринимают системного мышления, не воспринимают системных ответов, не воспринимают глобальной интегрированной картины мира. Им нравится, что все возникает таким пиксельным медийным образом: то есть вдруг Рим возник, раз — средневековая Европа, раз — инки вспыхнули, загорелись, потом испанцы их хапнули.

Все это как бы не имеет причин, но «причины» — вот они, под боком: «море омывает сушу» (хорошая причина!).

Этот бред мешает, потому что люди, которые этим бредом загружены, разоружены по части классовой войны, борьбы. А у нас время серьезно начинать классовую борьбу, причем новую классовую борьбу. Не те классы, которые Маркс определил, которые имеют отношение к средствам производства, к распределению, к прибавочной стоимости, а реальные классы — классы, с которыми люди приходят в этот мир, рождаются. Потому что люди уже рождаются как бы подключенными к неким фундаментальным направлениям человеческой судьбы. И эти направления встроены в параметры некоего макросозна-

ния. Мешают им найти выходы на это макросознание вот этим геополитическим бредом.

Ну, и к тому же, когда нужно загрузить патриотизмом и объяснить, почему Россия должна захватить Украину и противостоять Европе, можно было бы объяснить это научным образом, системным — но это сложно, и «пипл» не поймет. Поэтому ему говорят: «геополитика». Мы живем в центре суши, вокруг нас хищники с моря, и мы им должны дать по рылам. Вроде как убеждает. Это ерундовый ответ, который не работает в длительной перспективе.

Субъектом становится такая абстракция, как Америка, Франция, Россия, Китай — то есть некая территория, к которой подверстывается сразу народ, материальные интересы его выживания, которые оказываются объединенными в одной корзине с интересами власти, а власть только и делает, что поднимает этот народ с колен и исправляет свои ошибки — в общем, создается такая картина «Маша и медведь».

«Геополитика — ложная наука», 2014

Германия

В самом низу перевернутого треугольника находятся государства-лузеры — проигравшие, лишенные суверенитета. Это бывшие империалистические государства — Германия и Япония в первую очередь, но к ним потом присоединились страны Варшавского пакта.

Задача стран первого и второго порядка — перевести страны третьего, империалистического, порядка из субъектов (которые им мешают, потому что это субъекты, но управляемые национальными бюрократиями) либо в страны-объекты — что сложно, либо в бывшие империалистические страны — в лузеры. То есть чтобы они присоединились к Германии и Японии как страны без суверенитета, с полностью внешним управлением — как прогоревшие, обанкротившиеся фирмы.

В 1945 году общие потери германских вооруженных сил составили менее 4 миллионов за всю войну, а общие потери — более 10 миллионов. Это означает, что более 6 миллионов было убито после войны. Их просто уничтожали. В их число входят все военнопленные в американских лагерях — это 1,5 миллиона

человек. Небольшой процент вернулся из советских лагерей: те, кого забрал первый федеральный канцлер ФРГ Аденауэр. Кроме того, на американской стороне шли зачистки: все, что напоминало «белокурую бестию», было выжжено каленым железом, остались только хромые, ущербные, педерасты, сумасшедшие.

Неслучайно, что Германия поднималась из руин за счет турецких рабочих. Турки вытащили Германию из руин. После 1918 года, когда она была в полном отчаянии, Гитлер поднял ее с колен — тогда Германия не импортировала турецких рабочих, им не нужны были турки. А после 1945-го она поднялась к 60-м годам с помощью турок, это признают открыто. Фактически это означает, что биологическая мощь германского народа была сломлена. И не войной. По данным медиков на 1990 год, немец образца этого года имел уровень тестостерона в четыре раза ниже, чем его дед в 1943 году.

«Мировая система является безусловным и абсолютным злом», 2014

Германцы

Германские племена изначально сопротивлялись Риму, который в те простые времена был синонимом Системы. Внутри Империи они повышали свой статус от партизан к наемникам, далее до императоров... Пока не облеклись в шкуру убитого медведя и сами не стали системой: с V века по сей день вся знать Запада имеет германские корни. Проблема германцев, как и русских, в том, что они всегда боролись не против Системы, а за повышение своего статуса внутри ее.

Ответ на вопрос про Германию, 2015

Герой

Героический тип известен и языческому обществу — прежде всего эллинскому. Они бросают вызов Року. Они трагические фигуры.

Царь Эдип — это одна из глубочайших трагических фигур, которого Рок «возлюбил», что называется, наоборот: превратил его в такую антитезу возлюбленного судьбы. Он его преследует, но преследует сакральным образом, преследует не мелким об-

разом, а преследует тотально, что открывает последние тайны своего негатива.

Герои бросают вызов Року; они знают, что не могут победить, потому что частное не может удалить целое, потому что писк муравья не останавливает движение солнца по своей орбите — день и ночь. Но они набираются воли, они набираются концентрации страшного вектора, идущего изнутри, для того чтобы заявить свое несогласие со всестирающим «нет». И в этот момент они полагают виртуальный предел — есть же ограничение неведению о Всевышнем, — и вот крик героя, который стоит на горе и говорит «нет» Року.

Гильгамеш, который все равно проиграл, пытается кинуть вызов бессмыслице всего.

Без пророка это невозможно реализовать.

Пророк приходит к герою. Конечно он приходит ко всему человечеству, но слышат-то его только герои. Герои собираются вокруг него в первую общину посланников — первопосланников, которые следуют за ним. Те, которые жертвуют собой, становятся мучениками — это герои.

Существует особый сакральный симбиоз, сакральная родственность между пророком и героями.

Герой — это одинокая личность, одинокое существо, которое является мужчиной, мужественной фигурой (par excellence), он одинок во времени, он одинок в пространстве. И только когда приходит пророк, герои собираются в общину, герои становятся неким телом, неким, так сказать, собранием учеников, следующим за пророком вокруг него.

В «Ориентации — Север» я ставил перед собой задачи: каким образом выразить методологически, исходя из ресурса рациональной метафизики, дискурсивной метафизики, вот эту подготовительную работу героического сознания, которое ждет благовестия, которое придет и все превратит в сияющий свет.

«Ориентация — Север» — это еще не сознание, получившее призыв, это не сознание, встретившееся с Откровением, это пропедевтика этого сознания, это подготовка сознания к тому, чтобы иметь гносеологию Откровения, потому что у Откровения есть своя гносеология.

«Философские чтения», 2013

Герцен

В наши дни самое время перечитать «Былое и думы». Торопиться надо, пока Стариков и ему подобные не добились внесения Герцена, Салтыкова-Щедрина, Гоголя в список запрещенной литературы.

...Разоблачение николаевской России потрясающе по своей остроте. Вдруг обнаруживается, что у сталинизма нет никаких инноваций. Переселение народов? Было при Николае Палкине (да и позже, с изгнанием черкесов). Коррупция? Баснословная. Беспредел губернаторов? Все-все имело место и повторялось в сталинское время. Не как фарс, однако!

Но не разоблачениями сильна проза Герцена. Внезапно обнаруживаешь, что это абсолютно современный, живой текст экзистенциалиста, опередившего по строю ощущений свою эпоху на сто лет. Герцен именно экзистенциалист в самом точном смысле слова. Идет он в своем импульсе от Лермонтова. Ближайшая к «Былому и думам» книга — «Герой нашего времени».

Но у Лермонтова еще нет сосредоточенной чистоты и полноты этого состояния. Демонизм, романтизм... Это предшествующий этап. Это протоэкзистенциализм. Лермонтов, безусловно, ярчайшая звезда. Прав Мережковский, сказав, что он опередил «Заратустру», и Ницше перед ним — только эпигон.

Кьеркегор, который считается основоположником экзистенциализма, — это сухая ветвь, протестантский тупичок с узколобой и скучной этикой. «Или-или» сейчас читать как минимум тяжело, если ты не пыльный профессор. А ведь написано примерно в ту же эпоху, что и «Герой...».

«Былое и думы» — антитеза к синдрому Печорина. Не только потому, что Лермонтов глубоко аполитичен, несмотря на юношеское стихотворение. Сам «Герой» — есть холодная темная тень, предшествовавшая живому Герцену.

Что же общего? И Печорин, и герой «Былого...» выделяются из этой жизни, как реальные существа среди манекенов. Они трехмерны в нарисованном пространстве. И этому пространству не помогает то, что оно состоит из поражений и боли других людей...

Задался вопросом, не на Герцена ли намекал Достоевский Ставрогиным: «гражданин кантона Ури»? Герцен ведь стал швейцарским гражданином после отъезда из Лондона.

Линия, начатая Герценом, далеко не закончена. Есть что-то в его борьбе, в чувстве отчаяния и поражения нечто грозное и незаконченное.

«"Былое и думы": есть над чем подумать сегодня», 2016

Гитлер

Имя Гитлера реабилитируется последние несколько лет, начиная с кинофильма «Бункер» (вышел на экраны в 2004 году). И по многим другим «разведпризнакам» можно понять, что в Европе идет постепенная реабилитация национал-социализма. Но она проводится профессионалами: поэтому, когда реально произойдет изменение отношения к Гитлеру на 180 градусов, никто этого даже не заметит. Пока кто-то не скажет: «Слушайте, а пора ведь поставить памятник Адольфу!» Ну не в Германии, а где-нибудь в австрийском Линце.

«Удары в Париже адресованы...», 2015

Глина

Мы представляем собой глиняную куклу из сырой глины, из бытийного онтологического минимума, последнюю фазу затухания энергии. И внутри нас есть вдунутая в нас крупица того, что, с точки зрения Великого Существа, не существует. Дух не обнаруживает себя, он действенен в своем отсутствии, в том, что он противостоит всему сущему.

Благодаря тому, что он в эту куклу вдунут, мы видим, слышим, свидетельствуем. Потому что моделью видящего, слышащего, свидетельствующего является Бог как абсолютная альтернатива бесконечному мраку.

Перед нами стоит задача: доказать Иблису, что эта невидимая, нечувственная, невоспринимаемая, несвидетельствуемая крупица Божьего Духа больше, чем не только вся колоссальная инерция глины, в которую он вложен, но и вся колоссальная энергия огня, которая этой глине противостоит как ее позитивный полюс. Задача такая: дух в нас должен восторжествовать над глиной, из которой мы состоим.

Революция пророков. Противостояние титанов и олимпийцев «переходит» в конфликт человека и дьявола-Иблиса.

Глиняный человек — это человек, который создан из глины. Это фундаментальная традиционная идея всей авраамической теологии по поводу появления человека — он сотворен из глины.

По поводу глины мы знаем, что речь идет о метафоре субстанции.

Коран говорит нам, что для создания человека было использовано два сорта глины: одна звонкая и сухая, другая жидкая и влажная. То есть здесь речь идет о метафоре субстанции: жидкая, чавкающая глина представляет собой субстанцию нижнего мира — это такая грязь; и качественная звонкая глина, из которой делается керамика, представляет собой тонкую небесную субстанцию.

Всякий человек является глиняным, потому что он телесный, субстанциональный.

Эта субстанция является протяженностью, о которой говорил Декарт.

Но метафора глины подчеркивает оппозицию человека как вещественной твари энергетическому полюсу.

В Коране есть момент, когда после сотворения Адама, стоящего особняком от людей, Творец приводит его к Иблису, который является персонификацией Бытия в целом, архетипического Бытия, и говорит, чтобы это архетипическое Бытие, глобальное Бытие, поклонилось Адаму. Напоминаю, что при сотворении, когда Адам был глиняной куклой, Творец вложил в него от своего Духа, то есть частицу Божьего Духа, Божественную Искру, о чем Бытие не знает.

Иблис отказывается поклониться и говорит: «Ты создал меня из огня, а его — из глины (Коран, 7:12). С какой стати я должен кланяться существу, которое на много порядков ниже меня». После чего он, соответственно, вступает в конфликт с Творцом и наказывается за непослушание. Адам (мир ему), в свою очередь, низвергается тоже за ряд своих деяний в мир, в котором он становится, согласно традиции, первым пророком великой пророческой цепи и приносит сюда человеческий язык.

«Разговоры с Джемалем», 2016

Глобальное акционерное общество

Мы будем рассматривать мировой социум как глобальное акционерное общество. После 1945 года мажоритарная часть акционеров (традиционалистский клуб) была подвинута. Она осталась мажоритарной, но они стали мажоритариями второго ряда — 25% плюс одна акция. И в результате поражения Европы, в результате раздела Европы между США и СССР, к власти в мире глобально пришли либералы, которые образовали мажоритариев первого порядка — это либералы, которые представляют собой 50%.

Ну, очевидно, есть и миноритарные акционеры под ними — это 25% минус одна акция. Кто эти миноритарии? Это организованное политическое еврейство, это глобальный мировой криминал, это спекулянты-финансисты и это международная бюрократия (ЕС, ООН, Фонд Сороса и т. п. фонды). Они на подтанцовках, они на посылках. Евреи являются посредниками, они позируют в роли затычки ко всякой бочке.

Криминал — это cash, это 50 направлений мафиозной деятельности, начиная от проституции и торговли наркотиками и оружием, и кончая вырубкой лесов и выловом рыбы в Мировом океане (через фармацевтику, мировое строительство) — это все в руках криминала. Спекулянты — это банки, деривативы, это фондовые рынки.

Бюрократия — это бесчисленные комиссии, которые пропитывают мир.

Вот это — миноритарии.

Эти миноритарии заточены на поддержку разных двух групп мажоритариев. Евреи поддерживают либералов. Спекулянты поддерживают либералов. А вот криминал и бюрократия поддерживают традиционалистов. Криминал тесно связан с Opus Dei, аристократическими фондами, транснациональными корпорациями, в совете директоров которых сидит аристократия, криминал связан и с тарикатами, вообще криминал связан с таким сакральным началом. А бюрократия тоже на посылках у традиционалистского клуба. Теперь есть «пролетарии». И у них нет ни одной акции. Кто такие эти «пролетарии»? Это национальные бюрократии и суверенитеты.

«Социум как глобальное Акционерное общество». 28.04.2014

Глобальный постмодерн

Глобальный постмодерн — это общество, в котором окончательно торжествует женский дискурс, что уже само по себе создает очевидное противоречие: реальность не может оказаться радикально несбалансированной, вплоть до исключения оппозиционного мужского начала.

Оно и не будет исключено: роль как бы противовеса возьмет на себя скрытая сверхэлита, дискурс которой будет совершенно закрыт для непосвященных.

Эта сверхэлита конституируется как раз на базе геноновского традиционализма из клерикалов высшего звена и представителей наследственной знати.

Проблема, однако, в том, что ее функция сводится лишь к имитации мужского начала («ложный фаллос»), с помощью чего блокируется последующий истинно мужской скепсис в отношении постмодернистского нарратива, вышедшего на властный политический уровень.

Иными словами, бытие сверхэлиты принципиально снимает возможность оппозиции. Кстати, мы уже видели, как традиционализм социально обезвреживал касту маргинальных пассионариев, вводя ее в дискурс «консервативной революции», в то время как ключи традиции остаются в руках онтологически избранных.

Другими словами, «протест» должен изъясняться в терминах «опротестовываемых», тайного значения которых он не знает.

«За пределами постмодернизма», 13.01.2003

Гностик. Гностицизм

Отправной точкой для гностика является ощущение того, что единственно чистым в нем, с чем он сам удостаивает работать и что он берет как пример того, к чему он хочет прийти, является его собственное свидетельствующее сознание.

Это свидетельствующее сознание внутри его горит как пожар, который требует этого выхода, этой реализации, этого посвящения, такого трансформационного перехода в нестерпимое и находящееся за пределами всего величия.

Выводом из этого конфликта является дуализм. Дуализм сознания и бытия. То есть разрыв между бытием и сознанием.

С одной стороны, есть сущее, а с другой стороны — эта сверкающая точка внутри его, которая представляет собой некий завет, некий задел, некое семя величия, которое не реализовано в этом семени, не реализовано в этой светящейся точке, в этом пламени «я», тайного «я», которое горит и требует от него реализации в некоем визионе, который сметает, уничтожает просто ту реальность, которая обычно воспринимается органами чувств, обрабатывается понятийным аппаратом.

Первый выход, который гностик имеет на этом конфликте, — это то, что нужно начинать мыслить Великое как свободное от загрязнения сущим.

Гностик прекрасно знает, что юдоль человеческого сознания — это неистребимая тяга к ощущению и переживанию тождества как совершенно естественного посыла. То есть глобальное, тотальное тождество малого с абсолютным — это фундаментальная основа всех традиционных метафизик.

И в этом принципе тождества, благодаря которому можно сказать, что вот эта букашка тождественна Абсолюту, который не имеет никаких определений, она все равно существует иллюзорным образом, она снята в нем и каждая песчинка имеет за собой целый Абсолют.

Инстинктивная идея традиционного метафизика представляет собой вызов для гностика.

Но как это снять? Потому что, когда он говорит «высший Бог не сущий», то он вынужден использовать негатив к тому, от чего он хочет освободиться, к тому, что пятнает.

Он вынужден использовать бытие как точку отталкивания для того, чтобы определить то, что должно быть вне всякого сравнения.

Гностицизм — это особое состояние поиска, особое состояние противостояния с реальностью, когда еще не найдены какие-то тайные последние ключи для того, чтобы взломать эту ловушку.

Гностик в поисках величия забывает о таком верификаторе, который имеют платоники и все традиционные метафизики. Он упускает из виду то, что тотальное тождество, то есть тотальная схваченность всего Абсолютом, выступает не просто как самодостаточная концепция тождества, а она имеет в себе интеллектуальную силу и ценность утверждения.

...Гнозис — это питательная энергия, это страшный пожирающий огонь, который горит сегодня внутри тайной пневмы, и это действительно та сила, с помощью которой можно ускорить второе пришествие.

«Гностицизм: дуальная версия неоплатонизма», 2012

Гог и Магог

Некоторые братья интересуются темой народов Яджудж и Маджудж, которая популярна в русскоязычном пространстве и также известна как тема народов Гога и Магога.

В исламской традиции Яджудж и Маджудж — это племена, которые угрожали существованию людей, пришедших за помощью к Зуль-Карнайну. Зуль-Карнайн приказал собрать железо и медь и построил стену, которая служит им защитой и которую народы Гога и Магога все время пытаются преодолеть, но не могут и возвращаются назад. Их попытки будут продолжаться вплоть до того момента, пока Всевышний не даст им возможность преодолеть Великую Стену, после чего эти народы обрушатся на человечество.

Яджудж и Маджудж — это и реальность, и метафора одновременно.

В этой роли выступали, выступают и будут выступать разные народы.

Нашествие Чингисхана — одно из проявлений Яджудж и Маджудж.

Нужно понять, что масса истолкований, которые ходят в исламской среде, комментарии, которые даются к аятам Корана, приведенным в суре «Каф», имеют не исламское происхождение, а основаны на еврейских текстах.

Большинство суфийских комментариев опираются на каббалистические предания, на Талмуд. Без ссылок на происхождение, без соблюдения авторского права суфии делают плагиат и впихивают в качестве исламской традиции, в качестве исламской культуры каббалистический контент.

В частности, много разговоров о червях, камнях, которые будут сыпаться на головы Яджудж и Маджудж, которые присутствуют одновременно в еврейских и в исламских источниках,

которые при ближайшем рассмотрении являются источниками суфийскими, и доверять им нельзя.

В то же время есть фундаментальное, не «самодельное», представление в большой языческой традиции по данному вопросу.

Это представление о Шамбале, царстве императора Вселенной, или царя Мира, или Князя мира сего, как он называется в христианской традиции.

Это не сам Иблис, потому что Иблис — гораздо более крупная фигура.

Князь мира сего — его функциональный оператор в нашем мире.

Согласно тибетской традиции, когда придет Махди и Иса (да будет мир над ними обоими), 25-й император Калачакры выйдет из-под земли со страшными воинствами и, сопутствуемый дэвами, демонами, джиннами, маракшасами, обрушится на народы Млеччха (народы ислама), которым тоже придут на помощь неземные и нечеловеческие силы.

Будет глобальная битва, которая, согласно тибетской метафизике, завершится победой 25-го императора Калачакры и новым Золотым веком.

Речь здесь идет о выходе подземного воинства Яджудж и Маджудж в полномасштабном виде.

Это не значит, что у этих народов не было предшественников.

Монголы Чингиза — несомненные их представители. Федеральные войска, атаковавшие Чечню, — также несомненные их представители, которые столкнулись с остатками стены, уцелевшей от Зуль-Карнайна, а чеченцы — это, видимо, потомки тех племен, которые пришли к Зуль-Карнайну, прося защитить их от страшной напасти, угрожавшей им с севера.

Яджудж и Маджудж — это истребительные орды, которые просачиваются через трещины Великой Стены.

У этой стены есть несколько аспектов. С одной стороны — это метафора, с другой — реальность.

Зуль-Карнайн построил эту стену — и это нужно понимать буквально, но одновременно это следует понимать и в переносном смысле, потому что эта стена ограждает человечество от разрушительных орд, рвущихся сюда снизу и каждый день пытающихся расширить трещины в этой стене.

Это соответствует не только исламской традиции — это традиция универсальная, известная и вне ислама.

В тибетской традиции данный сюжет описан предельно ясно, вплоть до указания конкретных дат. В соответствии с ней, столкновение сил императора Калачакры с силами Млеччха произойдет на 1800 году от появления Млеччха в мире, т. е. в 1800 году по Хиджре. Это совершенно конкретная дата.

Мы знаем, что час известен лишь Всевышнему, но тем не менее не следует пренебрегать никакой информацией. Тот, кто хочет знать, чем оснащены мушрики, их наиболее посвященная часть, которая разрабатывает планы своей версии истории, тот не должен пренебрегать информацией такого рода.

Подводя итог, можно сказать, что Яджудж и Маджудж — это одновременно народы-носители зла, которые стремятся разрушить единобожие и которые атакуют с севера народы юга, связанные с единобожием.

Это один момент.

Второй момент — это связь Яджудж и Маджудж с подземным царством — Шамбалой, с концентрацией *ширка*, и это царство будет главным оппонентом ислама в 1800 году Хиджры, т. е. примерно через 360 лет.

Мы должны сегодня быть готовы к этой перспективе и создать условия, при которых победим мы, а не мушрики.

«О народах Яджудж и Маджудж», 2016

Головин

...Люди, которые знакомы с поздним Головиным и слышали его в последние годы, знают некоторую специальную маску, специальную позицию, которой Женя четко отгораживался от жадного хипстерского внимания.

Он давал им определенную позитивную предсказуемость, которая была слишком соблазнительна, чтобы ее можно было не усвоить, чтоб можно было бы пройти мимо нее. Отношение Евгения Головина к смерти было необычайно пронзительным, и, несомненно, этот человек имел колоссальные визионы, колоссальный опыт потустороннего в прямом смысле.

Этот опыт в одном из визионов был обобщен под рубрикой, представляющей собой инверсию псевдонима знаменитого поэта: Мальдорор — Aurore du mal.

Aurore du mal — это Заря зла, которая занимается для человека, который умер и похоронен. Сначала это — глубокое затмение, глубокое переживание внутреннего отсутствия, внутренней тьмы, абсолютного безвременья, которое в какой-то момент вдруг странным образом нарушается. Нарушается вторжением красного света снизу, который сначала брезжит как восход на некоем отсутствующем черном горизонте внизу. И потом зарево поднимается все выше и выше.

И в этот момент оказывается, что умерший плывет в сторону этого зарева, он становится кораблем, который движется туда, вниз — на восток небытия. И эта «Заря зла», которая поднимается из трансцендентного подземелья — против нее нет никаких спасительных сил, нет заклинаний, нет ничего. Кроме, добавлял Женя, некоторых имен, зная которые при жизни человек может иметь небольшой шанс (максимум 30 из 100 — в самом лучшем случае).

Шанс на что? Это уже другой вопрос. Потому что это шанс не на благополучный исход, это шанс на какую-то ситуацию.

И эта концепция «Aurore du mal» является только одним из проблесков, одним из образов, в которых обобщался, концентрировался визионерский прижизненный опыт непостижимого, прижизненный опыт того, что находится ЗА гранью жизни и опыта.

...Когда Головин говорит о себе как о неоплатонике, язычнике, человеке, который исповедует гирляндность миров, бесконечную трансформируемость, бесконечное богатство онтологической среды, он не более чем играет с теми людьми, которые хотели бы услышать от него некие готовые и предсказуемые ответы.

За всем этим стоял реальный опыт страшного, абсолютно холодного ужаса, который является не эмоциональным переживанием, не психической реакцией на негатив, а ужаса как плотной консистенции иного, которая стала достоянием «здесь-присутствующего» существа.

Это реальность смерти, которая является подлинной сущностью интимного «я», а все остальное — это маскировка проблемы.

«Головин и прижизненный опыт смерти», 2014

Гордыня

У гордыни есть один важный минус: она направлена на то, что уже существует изначально и даром. Человек осознает свое существование и испытывает гордыню по этому поводу.

Он оценивает свое Я, свою реальность как имеющую право или то, во имя чего должно быть сделано нечто радикальное, как то, что не может подчиниться тому, сему, десятому.

Есть только один минус: он делает гордыню из того, что застает, из того, что находит в уже готовом виде, — то есть из себя самого.

«Поэма для героя», 14.06.2006

Горцы

Для так называемого «цивилизованного человечества» горские народы всегда представляли проблему. В самом их существовании содержится вызов и загадка. Жизнь в горах во всех отношениях тяжелее жизни на равнине.

Экономика гор по необходимости скудна, быт наполнен опасностями природных катаклизмов и физическими испытаниями, составляющими повседневность обитания на «высокой земле».

Понятно, что люди не живут там для собственного удовольствия, не попали в горы в поисках райского местечка.

Есть точка зрения, что в основе происхождения горских народов находятся осколки воинственных кочевых племен, вытесненных в труднодоступные, похожие на естественные крепости места давлением иерархически организованных земледельческих цивилизаций.

Так, в частности, горцы Кавказа — это потомки тех, кто был вынужден отойти на «высокую землю» под давлением Ассирии, Вавилона, древних персов — цивилизаций тоталитарного «пирамидального» типа, которые вели постоянную борьбу с мировым кочевьем, захватывая пастбища под земледелие.

В любом случае всюду, где есть особое культурное пространство горной жизни, встречается один и тот же комплекс черт, в целом характеризующий традиционную воинскую касту: жесткость и воинственность характера, стремление к независи-

мости, физическую дерзость. Таковы шерпы Гималаев, тибетцы, памирцы, пуштуны, индейцы Анд.

Таков и Кавказ.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что огромная романовская империя потратила около двух столетий на завоевание и удержание этого географического региона, в то время как присоединение многократно большей Центральной Азии совершилось за каких-нибудь тридцать лет несоизмеримо меньшей кровью и затратами.

«Кавказская партия России», 17.04.2011

Господин

Господин — это тот, кто имеет стратегию борьбы с юдолью, под которой мы понимаем общий комплекс условий существования, включающий и судьбу, и смысл жизни, и материальные ресурсы. Господин может взаимодействовать с миром, в который он вброшен как смертный индивидуум. Раб не может.

Что значит в данном случае иметь стратегию?

Обычный человек воспроизводит себе подобных, повинуясь естественным импульсам, а также под давлением непосредственной жизненной ситуации. Крестьянин обзаводится многочисленным потомством, чтобы опереться на него в своей экономической борьбе за выживание.

Он не думает, что будет каким-то образом жить в своих внуках и правнуках: его это не интересует.

Господин придает своему естественному воспроизводству проектный династический характер. Его потомство — это «Дом» с неким именем, существующий сквозь время. Его внуки и правнуки — это бароны или князья, которые будут оставаться, подобно ему, хозяевами времени, и так будет всегда.

Территория для этих господ есть не просто среда обитания, а площадка, где разыгрывается исторический сюжет, в котором они — главные действующие лица.

В данном случае речь идет о простейшей форме стратегии, которая не предполагает иной идеи, кроме избытка личного бытия.

Избыток личного бытия делает человека господином, дефицит такового оставляет его в зависимости от обстоятельств юдоли, превращает этого человека в раба.

Речь тут даже не идет о пресловутой пассионарности: личное бытие — это некая жизненная энергетика, которая приподнимает ее носителя над перипетиями судьбы.

Драматический герой всегда «больше чем жизнь», и мы не верим, что его приключения завершатся банальным поражением и гибелью. Они и не завершаются!

Проблема избыточного личного бытия (если угодно — сверхчеловеческой экзистенции) заключается в том, что само по себе оно не имеет смысла.

В любой группе людей, особенно оказавшихся в тяжелом положении, выделяется лидер. Личная харизма и психическая сила подчиняют тех, кто слабее.

Но никакой избыток витальности (жизненности, живучести) сам по себе не конвертируется в легитимность. А без нее господин — не господин, а просто пахан, предводитель пиратской или разбойничьей ватаги.

Чтобы быть законным, наш барон должен получить лицензию от архетипического господина — от монарха, а уж тот, в свою очередь, имеет ее от церкви. В данном случае мы выходим за рамки конфессиональной определенности: церковь — это любая сакральная организация, которая обладает эффективной связью с внечеловеческой реальностью, будь то авгуры, коллегия митраистских жрецов, друиды или брахманы.

«Всякая власть», 30.03.2011

Государство

...Государство — это узкая, функциональная вещь.

Государство — это корпорация бюрократии.

Она откровенно паразитична, но она не обладает метафизическим измерением.

Государство — это организованные люмпены, которые сидят в кабинетах, торгуют подписью, торгуют процедурой, и их задача снимать пенки с любой инициативы.

Вот вы перекрываете Енисей — в принципе, можно без государства перекрыть Енисей, частным образом — государство является тут как тут, с подносом, и говорит, что «мы, во-первых, все это берем на себя организовывать, а во-вторых, там десятина с каждого шага, и она кладется сюда, на поднос».

Государство убеждает людей — это у них получается очень хорошо почему-то именно в нашей стране, — что без них нельзя ни на Луну полететь, ни Енисей перекрыть, ни ребенка воспитать — всюду, всюду должно быть государство.

Это просто банда люмпенов, которая отличается от люмпенов с улицы тем, что они получили образование, организовались и сели такой грибницей в кабинетах. И они перекрыли контакт с простыми людьми и историей, простыми людьми и реально властными элитами.

...Есть Древний Рим, есть Дом Флавиев. И вот к Флавию, к патрону, является его клиент из далекой провинции. Первое, что он встречает — здоровенного вольноотпущенника, который останавливает его на пороге и говорит: «Ты куда?».

Он говорит: «Да я к своему патрону, к лидеру нашего Дома, я из далекого села».

Тот говорит: «Значит, пиши объяснение, зачем пришел; потом каждый входящий платит несколько сестерциев — это порядок такой, — и потом мы будем рассматривать, попадешь ли ты к Флавию или нет».

Он говорит: «А ты-то кто такой?!»

Тот: «Это не твое дело, я здесь на месте, а вот тебе придется объяснить, зачем пришел». Вольноотпущенник, вчерашний раб, который тем не менее решает: попадет этот дальний родственник из деревни к хозяину Дома, к своему патрону, или не попадет.

Вот это суть государства. Вот из этого вольноотпущенника происходит система бюрократии.

«В поисках русской идеи», 2014

Гражданское общество

...Постмодерн характеризуется появлением гражданского общества.

Гражданское общество — это, парадоксальнейшим образом, имитация или пародия находящихся на низшей стадии развития племен, которые заняты мамонтом. Это, в некотором смысле, такая карикатура на те представления...

Гражданское общество хочет кушать, и гражданское общество требует комфорта. Гражданское общество говорит, что «у

нас есть права, мы должны реализовывать какую-то возможность самодеятельности, пусть государство не вмешивается в нашу экономическую жизнь, давайте сократим присутствие государства в нашей повседневной практике — экономической, прежде всего».

Это мамонт. Мамонт в форме современной колбасы.

Но они говорят, что настоящий бизнес невозможен без прав и свобод, и для того, чтобы нам хорошо было иметь развивающийся бизнес, нам нужно иметь возможность, в дополнение к бизнесу, высказывать свою точку зрения. При этом соединяться в какие-то союзы, общественные организации — самодеятельность такого гражданского плана. Она на горизонтальном уровне, никаких претензий на вертикаль нет.

Гражданское общество не претендует на политическую вертикаль, гражданское общество хочет быть сетевым, и оно хочет просто заниматься своими делами, просто чисто человеческими: просто чисто имманентный профанический уровень, но «только в этом уровне нас не трогайте, пожалуйста».

Это кризис идолократии. «Не верим мы больше в вашего Левиафана, мы хотим, чтобы этот страшный слон, разрисованный ужасными, непонятными иероглифами, не топтался бы на нашей грядочке, где мы выращиваем нашу редиску».

Гражданское общество — это антитеза бывшему политическому.

Это новый фактор, который характеризует эпоху постмодерна.

Сегодня идет такая интересная игра, что гражданское общество является политикой второй очереди.

Наступление на это гражданское общество со стороны государства и возражение гражданского общества по поводу этого наступления составляют политическую жизнь. Т. е. «мы хотим собираться, мы хотим устраивать какие-нибудь выступления, противостоять каким-нибудь вещам — это нужно для того, чтобы хорошо шел бизнес, и вот вы мешаете, а поэтому мы опять-таки собираемся и прочее».

Это политика. Но это политика второй очереди. Она не о власти, потому что власть — это бытие. А здесь нет власти. Это вопрос о контроле. Быть контролю всеобъемлющим и тотальным, или как-то его сокращать.

Но контроль — это ограничительная вещь, не созидающая.

Контроль — это цензура. Контроль — это «вычеркнуть», это «туда нельзя, сюда нельзя».

И мы начинаем жить не в реальной политике, не в реальной истории, а в тени политики и в тени истории. Это характерная черта постмодерна.

Различие «государства»
и «политического общества», 2016

Грех

Когда мы оцениваем проблему в метафизических категориях, сложно перейти от этой перспективы к тому, что зло вместе с тем является внутри нашего человеческого общества еще и культурным фактором, уже опосредованным. То есть было время, когда люди вообще не понимали, что есть зло... Что, кстати, отражено в Библии и неким образом корреспондируется с темой некой невинности Адама в раю, которая необязательно является благим состоянием.

Непросвещенность Адама, который не знал, что есть зло, а что есть грех; он был, так сказать, в состоянии райского сна наяву, и мы приучены воспринимать это как блаженство, которое заведомо позитивно.

Он не знал, что есть грех, — значит, он был без греха.

Но так в Библии не сказано, вообще такого вывода там нет. Он не знал. Но потом он узнал только то, что реально существует.

Он же не изобрел грех в момент узнавания о нем — он встретился с ним.

А человек, который находится в состоянии дебилизма, человек, который является просто идиотом или наивным, человек, который просто не знает, как устроена Вселенная, — он же тем самым не делает Вселенную вокруг себя, которую он не знает, благой, гармоничной совершенно.

Но вдруг его что-то выводит из этого состояния, на него обрушивается водопадом правда реальности. И вот — потеря невинности.

Но невинности-то не было вокруг, потому что существовала та сила негатива, которая персонифицирована в образе Змея.

Ведь в традиции Змей — это *уроборос*, окружающий реальность, который сжимает ее и пожирает.

От того момента, когда о нем вообще ничего не знали и не хотели знать, зло приходит к тому моменту, когда оно превращается в развлечение, в эстетику, становится стержнем культуры, тем, что формирует всю цивилизацию — от досуга до жизненных идеалов. Это очень странно.

Казалось бы, зло, которое пришло как инструмент разъяснения того, что есть сущее, не может быть банализировано до такой степени, чтобы превратиться в источник эстетики, любования, игры.

«Цветы зла». Лекция в Московской Международной Киношколе, январь 2002

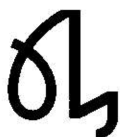
Грузия

Следует бороться за то, чтобы грузинский народ освободился от своего проамериканского и произраильского политического руководства, перестал быть инструментом в руках атлантистов и обратился к своим кавказским корням, дистанцировавшись от либерально-западнической пены в своем сознании.

Нужно понять простую вещь: «суверенитеты» постсоветских республик — это виртуальная чушь, откровенная разводка, которой правители дурачат свои народы.

Имеет смысл только суверенитет Большого Кавказа, в котором единственной объединяющей силой, способной предотвратить гражданскую войну, является политический ислам — ислам джамаатов! Только политический ислам, опирающийся на джамааты, способен со строго шариатских позиций гарантировать полноценное существование в рамках большого Кавказа православной Грузии — разумеется, не в ущерб другим кавказским народам и при ясном понимании того, что Кавказ не может быть разменной монетой в кровавых интригах новых фараонов современного мира.

«Грузино-осетино-российский конфликт с точки зрения мусульман», 15.08.2008

Даджал

Даджал — это осевая фигура, связанная с провалом миссии очередного человечества и повторяемостью циклов.

Она представляет собой выход наружу архетипа, которому соответствуют в течение всей человеческой истории все правители в качестве преступников.

Это, согласно традиции *мушриков*, подземный император проявленного мира, который является прямым агентом Иблиса.

Иблис в ширке имеет много манифестаций: Аполлон, Ормузд, Люцифер...

Со временем они устаревают и превращаются в опорные модели культурных матриц, но обязательно сохраняется одна сквозная (сквозь эпохи) личина, которая сохраняет метафизическое значение.

Актуальная манифестация Иблиса для современного человечества — это Будда. Кстати, его традиционный облик объясняет, почему в исламской традиции Даджал описывается как одноглазый («третий глаз»).

«Даджал — это 25-й император Калачакры», 09.06.2015

Девственность

В традиционном обществе девственность невесты — едва ли не главнейшая ценность, имеющая явно религиозный подтекст. Девственница — само воплощение чистоты, а чистота, как сказал Пророк ислама, — это половина религии.

В современном либеральном и феминизированном мировосприятии существует расхожее убеждение, что идеализацию этого физиологического состояния женскому полу навязали мужчины из извращенно-собственнических побуждений.

Действительность может оказаться совершенно противоположной.

Именно девушка сама находится в совершенно особом контакте со своим девственным состоянием. До того как она позна-

ет мужчину, ею владеет некая иррациональная стихия, в которой ее сознанию открываются многие вещи, исчезающие после того, как она становится женщиной.

Девство — это состояние особой энергетики, причем энергетики деструктивной: девушку можно сравнить в некотором смысле с взведенной и готовой взорваться бомбой.

Конечно многим рационально мыслящим людям Нового времени, привыкшим представлять юных созданий женского пола в образе беззащитных и хрупких существ, нуждающихся в опеке, в это трудно поверить.

Тем не менее одной из ярчайших фигур языческой мифологии является Дева-воительница.

Более того, именно Дева с мечом представляет самую душу воинской доблести, воплощает в себе энергию гнева и возмездия.

Превращение девушки в женщину подобно обезвреживанию бомбы или снятию энергетического потенциала.

Девственность, символически выраженная в этой анатомической детали — девственной плеве, — конвертируется в ребенка, который, по сути дела, является трансформированной и отчужденной первоначальной энергетикой.

Насколько девушка фетишизировала свою огненную чистоту — настолько же, став женщиной, она фетишизирует ребенка, в котором видит свое превращенное девство.

Ребенок становится воплощением того комплекса потери и всех связанных с этим комплексом страхов, который возникает в момент утраты девственности.

Присущая девушке тайная агрессия трансформируется у женщины в явную заботу о безопасности.

Но самое главное, что происходит с этим физиологическим превращением: подобно тому, как это совершается при рождении космоса, для матери возникает время. Девушка не знает времени, она живет в безвременье. Именно это позволяет ей потенциально представлять собой эпицентр возможного взрыва, свободное и яростное разрушение, которое в некоторых особях угадывается даже без специального усилия воображения.

Однако с того момента, когда юная красавица десакрализована мужской плотью, и особенно с того момента, когда она дает

рождение своему чаду, время для нее пошло. Таким образом, она приобщается к юдоли мужчины, для которого время идет всегда, практически с колыбели.

«Чертовы куклы», 02.10.2008

Декабристы

Восстание декабристов было попыткой бунта «кшатриев» (воинов) против абсолютистского государства, разлагающего аристократические добродетели. Достаточно ознакомиться с писаниями Пестеля, Лунина и других, чтобы понять, что это был бунт касты.

Конечно его спровоцировал Наполеон, который сам в своих походах возродил к жизни кшатризм и поднял к жизни новое дворянство на полях Аустерлица, Йены, Бородина; которое, кстати, было позднее признано старой знатью, восстановленной частично в своих правах после реставрации.

«Исламская стратегия на Кавказе».
Материалы конференции, 2008

Декарт

С моей точки зрения, самым близким к исламу западным мыслителем в Европе был Декарт. Декарт бросил вызов европейской традиции, идущей от эллинов, от *джахилов*, от мушриков, которые были все пантеистами и которые рассматривали мир как бесконечное единство, перетекающее из одного в другое.

Декарт сказал, что реальность состоит из двух моментов: протяженность и мысль. Протяженность, которая связана с принципом пространства — есть материя.

А мысль ей противостоит и является основой личного существования.

Личное существование, понятое не как бытие вообще, а как существование мыслящего начала.

Поскольку это мыслящее начало противостоит протяженности, то оно может быть представлено только точкой, потому

что точка — это наиболее явный оппозит протяженности как не имеющей измерений, как прокол, не имеющий измерений в пространстве. Точка и пространство.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ. 2005

Я не встречал еще человека, который бы понял Декарта. Ни традиционалисты, ни нетрадиционалисты — Декарта никто не понимает. Просто несут какую-то ерунду. Я не могу сказать, что сам Декарт себя понимал.

Я считаю, что та интерпретация, которую я даю Декарту, в нем прочитывается, она не вымышлена. Но насколько ясно он сам себе отдавал отчет в этом, что она именно так прочитывается, я бы не поручился. Скажем так, 80% за то, что «да», 20% — сомнения. Но то, что ни у кого этого понимания нет, — это совершенно точно...

«Гейдар Джемаль раскрывает глубинные основы бытия, времени и точки нетождества», 2014

Демократия

Демократия сегодня закрывается как тема. Сами демократические институты в значительной мере базировались на том, что потребитель одновременно был единицей электората, который оказывал влияние на избирательный процесс. И угодить его позиции было важно, потому что они голосовали кошельками. Сумма кошельков электората — это был важный финансовый фактор.

А сегодня потребительский рынок становится все менее значимым адресом мировых финансовых потоков, которые зацикливаются, замыкаются на гиперпроекты, а гиперпроекты обслуживаются кредитами, которые относятся к реальным авуарам банковской системы как один к ста.

Если Маркс, говоря о Капитале с большой буквы, имел в виду принцип, то сейчас этот принцип уже состоялся как факт. Все капиталы замкнулись в единый капитал, и мировой кредит превышает его в сто раз.

После этого зачем они вообще нужны, эти люди, которые голосуют? Ими можно управлять, но необязательно полицейской дубинкой, лучше и эффективнее — информационным потоком.

Моделирование внутреннего состояния людей решает все проблемы, снимает муниципальные, региональные и прочие ненужные выходы общественной озабоченности в создание комитетов каких-то озабоченных граждан — это все решается за счет превращения всего человеческого потенциала в субстрат информационного общества. Информационное общество — это та база, на которой утверждается железная пята мировой олигархии. Мировая олигархия закрывает всю эту бодягу с парламентскими выборами, с представительными институтами, с земствами, с какими-то там округами, с четвертой властью, с местным самоуправлением — это все не нужно. Это все становится вчерашним днем, потому что это была пляска сильных мира сего — для того чтобы существовал человеческий фактор.

Информационное общество — нужно выделить как раз этот тезис, — информационное общество является синонимом смерти человеческого фактора в истории.

«Первые и последние», 12.11.2001

Электоральная демократия является просто неким аппаратом, позволяющим старым властным структурам, старым традиционным элитам снять с себя ответственность за ход дел в обществе. Некоторым образом переложить его на плечи депутатов, избранных от народа, партий, которые предлагают свои программы и т. д., хотя за фасадом электоральной демократии стоят все те же самые элиты, непосредственные предшественники которых были там сто и более лет назад.

«Политический ислам», 23.09.2009

Деньги

Современный экономический кризис во многом связан с нашими волнениями по поводу так называемых денег. Слишком многие мечты и надежды связаны с деньгами, изменениями их курса и попытками увеличить их массу в своем кармане.

Между тем, деньги являются всего лишь наиболее абстрактной формой количества. Ведь денежная единица обладает переменным количественным содержанием, которое возрастает

и уменьшается в зависимости от малопредсказуемых факторов, на протяжении короткого времени.

Кроме того, количественное содержание денежной единицы приводится не только в соответствие со стоимостью потребляемых благ, но и в соответствие с другими, параллельно существующими денежными единицами — чем занимаются валютные рынки.

Согласитесь, кстати, что рынки эти давно уже не имеют практически никакой связи с реальной жизнью, зависят от интересов узкой группы мировых спекулянтов. Но они привязывают нас к себе, потому что нам кажется, что деньги — это воплощенная форма духа времени. Причем игра на разных формах денежных отношений порождает количественный ресурс, который может быть инвестирован в реальные блага.

Суть денег в том, что они являются формой учета общественной стоимости отчуждаемого жизненного времени.

Однако в силу того, что оторванные от привязки к материальному миру денежные системы имеют тенденцию к неограниченному росту обращающихся в них количеств, в итоге совокупная стоимость всех денег начинает превышать общественную стоимость и мертвого, и живого труда всего человечества на данный момент.

Иными словами, если мы посчитаем аукционную стоимость каждого дворца, каждой лачуги, каждой лопаты, спутника и т. п., существующих на земле, и если мы посчитаем общественную стоимость жизненного времени всех мобилизованных в глобальную экономику обитателей мирового мегаполиса, то это будет в неких условных единицах «икс».

А если мы посчитаем всю денежную массу, включая стоимость ценных бумаг, векселей, акций на акции и прочее, то она во много раз превысит совокупную оценку всех производительных сил.

Выход из этого в том, что колоссальный количественный избыток должен быть перераспределен в пользу небольшой группы лиц, которая этот денежный избыток будет использовать не для потребления, ибо это приведет к абсолютной девальвации, а для финансирования глобальных политических сверхзадач. Таких, в частности, как изменение общественного сознания, создание информационного общества и, разумеется, война,

которая является самым «деньгоемким» цивилизационным проектом.

А человечеству будет отведена почетная роль топлива этой глобальной печки или роль мышей для этой вселенской лаборатории.

«Кризис реальности», 2008

Джамаат

Что такое *джамаат* и *умма*? Это не одно и то же. При Пророке (мир ему и благословение Аллаха) *сахабы* («сподвижники») были и его джамаатом, и его уммой. Но сегодня умма насчитывает полтора миллиарда человек, а джамаат — это люди, которые знают и могут друг за друга поручиться. Они испытывают ощущение не виртуального братства со всеми мусульманами, а непосредственного конкретного братства, допустим, с тридцатью людьми, которые могут умереть друг за друга.

Поэтому сегодня джамаат и умма — не синонимичные, а две отдельные категории.

Джамаат собирает в себе лучших из лучших, ибо они, образовав по религиозно-политическим мотивам свое пространство, отказались отдавать соки своей души, отказались давать энергию своих сердец иерархии общества, чтобы та дальше платила ее *тагуту*.

То есть они отказались быть эксплуатируемой частью, в то время как обычные мусульмане, хотя в пятницу и идут на намаз, в остальное время всецело поглощены злобой дня: у них семья, домашние заботы — они тоже втянуты в общество, где их заставляют платить и отчуждаться.

«Система убивает смысл времени», 01.01.2006

Джибриль

Джибриль — это не эксклюзивная манифестация Святого Духа как личности, а это персонализированный аспект Святого Духа, который является именно как архангел.

В суре «Лейлят аль-Кадр» Всевышний говорит в Своей Книге о том, что в Ночь могущества спускаются в нее ангелы и Дух для исполнения всяких повелений.

И в данном случае речь идет не о Джибриле, а именно о Святом Духе, который вместе с тем является Духом Божьим, то есть той частицей или искрой, которая была вложена в Адама (мир ему).

Почему Джибриль приходит к пророкам — носителям этой частицы?

Потому что это прямая связь между тем Святым Духом, который является Духом Божьим, и той искрой, которая внизу присутствует в сердцах пророков адамической линии.

Джибриль есть персональная манифестация, которая таким образом и опознается при явлении перед пророками.

Это не просто архангел, а это архангел, который является «*КаламуЛлах*», то есть то, что греки называли Логосом. Это Логос, то есть это слово-понимание, слово-постижение, слово-присутствие, это слово Божье, это архетип всех тех имен, которым Аллах (Свят Он и Велик) научил Адама (мир ему), сообщив ему имена, о которых потом знал Адам, но не знали ангелы.

За этими именами стоит Логос как принцип понимания — именно этот Логос, как принцип понимания, есть концентрация Духа Божьего.

Нет никакого противоречия между Святым Духом как оператором, спускающимся в Ночь Могущества для исполнения всяких повелений, и тем же самым Святым Духом, который имеет образ архангела Джибриля.

В «Лейлят аль-Кадр» говорится о том, что ангел и Дух спускаются для исполнения *амров* Аллаха, для исполнения повелений. А если мы вспомним аят «подчиняйтесь Аллаху и Его посланнику и тем из вас, кто является обладателем амра» (4:59), то здесь *амр* есть повеление, которое составляет суть исламского проекта, исламской стратегии.

Те самые *амры*, для исполнения которых спускаются ангелы и Дух, — это те же *амры*, в луче которых действуют представители исламской общины, которым большинство должно подчиняться именно как носителям этих *амров*, как носителям этих приказов.

Речь идет именно о проекте, который осуществляется через стратегию Святого Духа, ниспосылаемого сюда.

Ибо что является Ночью Могущества? Ночь Могущества, если взять в буквальном смысле: «*Кадар*» — это потенция, потенциал, возможность.

Ночь возможности — это низшее бытие, в которое мы брошены, и спускание сюда ангелов и Духа для исполнения повелений — это спускание сюда именно Святого Духа для того, чтобы оперировать на нашем бытийном уровне.

Никакого зазора между пониманием Святого Духа как архангела Джибриля и Святого Духа как той сущности, частицы которой присутствуют в сердце пророков — никакого зазора нет. Просто Джибриль — это тот мост, который соединяет Святой Дух, который есть у Аллаха, с искрой Святого Духа, которая вложена Аллахом в сердце пророка.

Джибриль — это именно этот мост.

«Святой Дух и Джибриль: в чем разница?», 2016

Джихад

Мы предали себя Всевышнему, чтобы на этом пути стать не только *муслимами*, но и *му'минами*, т. е. обрести совершенный *иман*.

Но *иман* начинается с того, что ты убираешь камень с дороги, а кончается тем, что принимаешь смерть на пути Аллаха. Все это восхождение в *имане* есть проявление *джахд* (усилия), и полнота всех этих усилий в сумме образует джихад.

Цель джихада — тотальное подчинение мировой глины частице духа Божьего, которая присутствует в нас через нашу сыновность Адаму (мир ему) и следование за его потомком Мухаммадом (мир ему и благословение Аллаха).

Под «мировой глиной» я имею в виду не просто материальную субстанцию, но вообще весь тварный мир, в том числе в его самых тонких проявлениях — как разум, душевные переживания, культура, творчество.

Всевышний указывает нам в Своем Коране, что Он использовал для создания Адама два вида глины. Здесь есть указания на тонкую, или небесную, субстанцию (звучащую) и на грубую, или земную (смешанную с водой). Однако для духа Аллаха, частица которого была вложена Аллахом в глиня-

ную куклу Адама, и небесная, и земная — все суть глина. Она должна полностью подчиниться сознанию, которое несет на себе печать Откровения.

«Исламская стратегия на Кавказе». Материалы конференции, 2008

Диаспора

Диаспора как цивилизационный метод, совпавший по времени возникновения с Новой эрой, стала модернизационной формой глобального кочевья — новым, радикально пересмотренным типом кочевой цивилизации, решившей всерьез взять финальный реванш у земледельческого, оседлого образа жизни, который восторжествовал ранее в масштабах всемирной истории над кочевниками...

Современная диаспора — это не виртуальная категория, а действительно высокомобилизованное особое человеческое пространство, в котором идеи братства, солидарности, политической самоорганизации вызревают органически из самих параметров диаспорного существования.

Жить в диаспоре — значит либо быть борцом, опирающимся на политическую солидарность, либо погибнуть.

Поэтому диаспора как новый субъект оппозиции представляет собой бесконечно более успешную формулу, чем по всем статьям не оперативный сегодня пролетариат. А поскольку качество современности задается главным противоречием, характеризующим человеческое общество на данный момент, именно диаспора и оказывается провиденциальным стержнем, вокруг которого вращается исторический смысл современности.

Кочевье, как разрыв с архаическими корнями биосоциальной встроенности в мир, становится сегодня главным вектором движения против энтропийного воздействия времени.

«Диаспора: религиозный феномен...», 30.11.2003

Достоевский

Я, когда читаю таких авторов, как Данилевский, Достоевский, накачанных таким гневом против Запада, как будто читаю советского идеологического пропагандиста, но когда я понимаю

в каком контексте они писали... Так ведь, извиняюсь, Россия была частью мирового истеблишмента, она была в теснейшем слиянии.

Ну, были легкие конфликты с англичанами, с австрийцами, с пруссаками, но она управлялась немцами, она была взасос с этим западным миром, при этом она была евразийской.

Если вы почитаете «Дневники писателя» Достоевского, то такое впечатление, что это пишет красный комиссар, который проклинает обывательщину, буржуазную природу Запада, его бесперспективность. Такое впечатление, что это два идеологических полюса. Это диалектика... это глиняный человек, это его грудь и его спина.

Достоевский, несмотря на всю свою гениальность, прозорливость, проницательность, религиозную пафосность, ничего не понимал в реальной жизни.

«Евразийство и Атлантизм», 2016

Я думаю, что Достоевский был бы сталинистом.

Он смешивает Наполеона и Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха): «Прав пророк, когда ставит батарею» (в «Преступлении и наказании») — батарею ставил Наполеон, сбежав из Египта.

Достоевский был мучим острыми комплексами. Ему нужно было любой ценой найти свою платформу дихотомии, дуализма зороастрийского, борьбы Ариманы и Ормузда. Как бы очиститься и оправдаться перед империей, на которую он посягнул. Он был сломан имитацией расстрела, сломан каторгой.

Самым интересным может быть то, что именно его сломанность обнажила его талант.

И вот жестокий талант — то, за что мы Достоевского ценим, — неотъемлем от того, что как человек он был поставлен на колени.

Пока он еще не был сломлен и писал в окружении своих ранних политических друзей — это особо не блещет. Если бы не Достоевский, то можно было бы на них и рукой махнуть.

Он неотъемлем от того, что как личность он перестал существовать. И дальнейшая его ненависть к Турции, к мусульманам — вранье. Вот эта история из газет про христианина,

с которого содрали кожу — а он продолжал славить Христа, которую разбирает Федор Павлович, приехав из монастыря со своими сыновьями... Знаменитый разговор о том, что умученный христианин был на самом деле дурак. Смердяков проводит, что надо было бы отказаться, и в тот же момент он перестал бы быть христианином, а стало быть, и измены никакой не было. Гениальное рассуждение.

Смердяков — это часть натуры самого Достоевского. Как и Свидригайлов...

...Великий жестокий талант неотделим от его «смердяковщины» — а это прямо ведет к глубочайшей ненависти к исламу, к туркам как к маскулинному элементу, к мужскому.

Славяне, греки, болгары, которых никто не мучил, но которых якобы мучают, — это все женские «страдающие» элементы. Младенцы, которых подкидывают на штыки, беременные женщины, которым вспарывают животы, — все женское, страдательное начало.

А совершает все такое страшное, зверское мужское начало. Ненависть к туркам проистекает из того, что как мужчина он был сломлен... Мы же не знаем такие микродетали физиологической ситуации. Может быть, он обмочился или хуже, пока стоял в ожидании залпа.

Но было нечто, что превратило его в «тварь дрожащую».

Когда он пишет «право имею или тварь я дрожащая?» — он пишет о себе. И это он — тварь дрожащая. И тот, который получил искупление, раскаявшись на каторге, то есть Раскольников, — это тоже его портрет.

И он оказался «тварью дрожащей, права не имеющей», а стало быть, тем самым спасенной.

Он свое лишение, свою кастрацию духовную, превращает в акт спасения.

На этом основана его ненависть к мусульманам.

Русская культура отнеслась крайне негативно к «нашему всё» — дорогому Фридриху Ницше. Когда Ницше выпустил «Так говорил Заратустра», единственная страна, которая извергла на него такое обилие проклятий во всем западном мире, была именно Россия.

Начиная с Соловьева, который много проклятий посвятил Ницше и идее сверхчеловека.

...Сильнейший удар и сильнейшая провокация для русской культуры, русской матрицы — в концепции сверхчеловека. Хотя ноги растут-то как раз из Кириллова, из Достоевского. Образцом для Ницше был именно Федор Михайлович — его образы, его религиозная интуиция.

Кириллов говорит: «Убьем себя и будем как боги». Великая вещь, и она сносит мозги. Она просто изложена в карикатурной форме, но русские часто излагают и делают в карикатурной форме великие вещи.

«Джихад русской литературы», 2016

Древо Жизни

Вспомним о пребывании человека в Раю, о тех условиях, которыми сопровождалось это пребывание.

Бог говорит Адаму: не приближайся к древу, которое находится в центре, древу, которое растет в середине. Причем Библия говорит об этом древе двояко. Вначале говорится о том, что в середине Рая росло Древо Жизни. А еще там было дерево, плоды которого несли в себе различение добра и зла. Упоминается, что Древо Жизни было в центре, а плюс к этому было то самое древо познания добра и зла, с которым был связан запрет.

Но в следующем месте Библии — там, когда уже змей соблазняет Еву, а она в свою очередь соблазняет Адама, упоминается, что они сорвали плоды с Древа, растущего в середине Рая. Когда человек стремится к восприятию того последнего, кроме чего ничего нет, когда он стремится к восприятию неба без звезд, то его духовная воля направлена на то, чтобы постичь финальную реальность как гомогенность. Но если он воспринимает, значит, он есть как некая звезда, отличная от этого воспринимаемого черного неба. Значит, что-то неладно с этой бесконечностью, с которой надо отождествиться ради снятия метафизической проблемы.

Он ощущает именно внутреннюю, тайную двойственность своей духовной воли к бесконечному, как необходимость утвердить гомогенность реальности.

Вот откуда идет эта интуиция первых философов, первых семи мудрецов, которые говорили о воде, воздухе, огне как гомогенности.

Здесь есть непосредственная интуиция гомогенности.

Вода гомогенна, воздух гомогенен.

Если говорить схоластическим языком, в этом Всем, к которому стремится воспринимающий, есть вкус субстанции. Он стремится не к точке — он стремится к бездне, к тому, что архетипически выражается образами пространства, бездны, неба — к снятию границ, протяженности (духовной протяженности). Он использует духовные образы пространства, образы телесной протяженности как поддержку. Он жаждет тут же стереть у этой протяженности геометрические различия, чтобы сделать ее духовно напоминающей то, что он хочет.

Небо, евклидовское пространство, чистое пространство без определения — вот наиболее близкий символ той бездны, которую он стремится отразить в своем внутреннем зеркале. Это опять же гомогенность, гомогенность пространства — одно из допустимых определений Рая, Золотого века. Или, вернее, даже времени, когда времени не было, то есть предшествования непосредственному движению начальной энтропии, когда время было пространственным измерением, когда геометрических дистинктных форм не существовало, когда пространство было не трехмерным, а четырехмерным.

И в середине этого растет Дерево — центр, нарушающий гомогенность. К нему запрещено приближаться, запрещено нарушать эту гомогенность, запрещено встречаться с возможностью центра.

Но человек нарушает этот запрет. Он встречается с возможностью центра и тут же понимает, что он наг.

Что это значит? Это значит, что он обнаруживает в себе онтологическое, бытийное «я». Он обнаруживает, что является зазором, зазубринкой в гомогенной ровной сплошной ткани субстанции. Он наг, открыт бесконечному давлению среды.

Что же человек делает после того, как обнаруживает, что у него есть онтологическое «я»? Он скрывается от Бога среди деревьев Рая.

Он подошел к дереву, которое росло в центре. Он совершил этот грех, он обнаружил свое «я». Внезапно звуки, которые были неслышны ему в абсолютной тишине блаженства, с ревом нахлынули на него. И он обнаружил себя посреди бьющих в него, стремящихся к нему со всех сторон лучей, он обнаружил свою

наготу, и он ринулся прочь от центра — во множественность деревьев, на периферию.

Он стремится вновь обрести гомогенность, уходя от центра.

Наивные критики Писания, которые были патологически неадекватны, говорили: как же он стремился спрятаться где-то от вездесущего Бога, который всезнающ, всевидящ? И Бог взывал к нему и искал его, а тот откуда-то из кустов, из деревьев отвечал Ему: «ха-ха-ха».

А между тем в Писании нам ясно излагается абсолютная схема, трагическая схема противоречия между бытием и знанием.

«Традиция и Реальность». Курс лекций в МГУ, 1998

Дугин

Жизнь Александра Гельевича Дугина, которому 7 января 2012 года исполнилось 50 лет, могла бы лечь в основу фильма «Судьба интеллектуала в России».

Когда я встретил Александра Гельевича в 1980 году, он был еще совсем молодым человеком восемнадцати лет. И с 80-го по 90-й годы он прошел огромный путь по организации, структурированию, насыщению, воспитанию своего интеллекта, трансформировав его в колоссальную призму, через которую фокусировался, можно сказать, «свет далеких звезд». Он провел эту работу на базе — организационной, структурной, методологической — геноновской школы традиционалистов.

Для этого ему потребовалось овладеть в кратчайшие сроки ведущими европейскими языками.

Его культурный инструментарий не идет ни в какое сравнение со стандартными возможностями обычных академических работников. Дугин проделал огромную работу и овладел таким масштабом знаний, который не снился западным интеллектуалам-традиционалистам.

Дугин изучил еще и тренды современной академической западной мысли, освоил колоссальное научное пространство, лежащее в так называемой профанической плоскости — социологов, экономистов, философов, которых он рассматривал через методологическую призму того, что называется perennial philosophy, то есть «вечной философии», высшего знания.

В этом его громадное отличие от западных традиционалистов, которые комфортно сидят в четко структурированном, ограниченном генонизме, как наседка в соломе, с той только разницей, что они в силу своей бесплодности никогда не снесут ни золотого, ни обычного яйца.

Наследие Дугина уникально и представляет собой беспрецедентный феномен в современной России. И не только в современной — я бы сказал, что даже в обозримом прошлом русского академизма ничего подобного не было и не встречалось.

Этот труд по своему масштабу эквивалентен продукту целого научного института, который работал в течение эпохи. Потому что в фокусе дугинского видения через его душу, через его мозг пропущен результат анализа всех тенденций современной академической мировой мысли — научной, философской, социологической.

Объем этой работы таков, что его еще только предстоит изучать, и, возможно, только грядущим поколениям предстоит по-настоящему оценить масштаб этого продукта. Грандиозность работы тем более поражает, что, в принципе, Дугин стоит посреди интеллектуальной пустыни: он один! И вокруг него только обломки постсоветского академизма, которые стремительно выродились в некий «бобок».

В пространстве, которое считается академическим и профессорским, Дугину говорить совершено не с кем, и понять, что он делает, тоже некому. Тем более эти «бобки», что-то бормочущие осколки старой советской гуманитарной школы, даже в свою лучшую творческую молодую эпоху были узко специализированы, к тому же они всегда были жестко дисциплинированы навязанной им партийно-идеологической методикой.

Я бы сказал, что единственный момент, который, может быть, звучит некоторым диссонансом с этим героическим и световым произведением — а я бы даже назвал дугинский труд «произведением в белом»: чрезмерная привязка к текущей политической реальности и излишние ожидания, которые на протяжении последних двадцати лет Дугин периодически связывал с теми или иными трендами политической жизни нашей страны. Как правило, эти ожидания не оправдывались, о чем сегодня и сам Александр Гельевич знает.

«Слово о Дугине», 17.01.2012

Дух

Аллах (Свят Он и Велик) ничего не сотворил понапрасну. Это касается как единичного феномена, так и всей неисчерпаемой тварности, которая представляет собой мегапроект, имеющий цель и назначение.

Концепция цели и назначения выражена в понятии «*Аль-кадар ва-ль-када*». Внутренним аспектом предопределения является смысл сущего, который в последней инстанции ведом только Всевышнему Творцу. Некоторые же его аспекты могут быть восприняты и тварной реальностью.

Смысл в целом — это мысль Всевышнего о творении. У этой мысли есть проявленная часть, которая выступает в качестве реализующейся программы или сюжета творения.

Центральной частью этого сюжета оказывается история собственно человечества, а внутри человечества — история пророков.

Это внешняя, так сказать, феноменологическая сторона Мысли.

Ее внутренняя сторона не проявлена. Она связана как раз с главным назначением сущего.

Это главное назначение сущего — быть отрицательным указанием на своего Творца.

Сущее — «не-Аллах». Аллах не подобен ничему. Ничто из того, что можно было бы помыслить или вообразить, не является даже намеком на Него. При этом речь ведь не идет о силе воображения твари. Речь идет о бездонном потенциале творчества Самого Аллаха. Он всегда остается абсолютно противоположным, не угадываемым ни через какие аналогии. Это и есть скрытое содержание всего сотворенного сущего, ради которого оно сотворено.

Само сущее собственными ресурсами не может ведать ничего о том, чему оно не подобно. Это его скрытое (на всех уровнях и от него самого) содержание. Это скрытое содержание, как назначение и подразумевание всего сотворенного, есть Дух.

Сказать о том, что он трансцендентен, никоим образом нельзя, потому что он как бы «вшит» в само творение как его подлинный истинный аспект.

Однако Дух не принадлежит творению как часть проявленной феноменологии, потому что это интимная, глубинная под-

разумеваемая сторона мысли — то, ради чего создано то, что создано.

В этом смысле можно утверждать, что Дух не тварен, потому что он является подразумеванием Творца о твари.

Он является Мыслью Всевышнего, которая обнаруживает себя в Слове.

По отношению ко всему сущему Дух выступает как антитеза. Он присутствует внутри сущего как перманентное живое указание на то, что оно — сущее — есть всегда «не то, не то и не то». Вот это «не то» во всем сущем дано скрытно, но в Адаме (мир ему) это было вложено и активизировано как очевидное и ясное сознание.

«Дух и сущность», 03.10.2015

Духовность

Когда люди говорят о духовности, они имеют в виду, что с детства, с момента их рождения, на них наложили матрицу цивилизации, культуры, в которой они родились. Они получают воспитание дома, затем в школе, потом их мурыжат в институте, а потом из них делают полезный винтик социума.

Говоря языком социального фрейдизма, в них воспитывают Супер-эго, некую мотивацию, которая заставляет их воздерживаться от того, чтобы бить витрины, и принуждает их ходить на работу каждый день.

Степень их интегрированности в социум, масштаб проникновения матрицы в мозги, их зависимость от этой матрицы — именно это они называют «духовностью».

Обычно к исламской духовности взывают люди, которые сами ислам не практикуют, не делают намаз, не держат пост, знать ничего не хотят о реальном исламе.

Это либо этнические мусульмане, либо те, кто подошли к исламу, но колготятся на его задворках где-то рядом с суфизмом.

Исламская духовность для них — своеобразная форма алиби, чтобы не практиковать реальный ислам и не нести ответственность за его политическую и литургическую составляющие.

Они просто любят порассуждать о своей религии, имея в виду некоторую экстатику, каких-то шейхов, некоторую связь с какими-то учителями — нечто такое, что, с одной стороны,

является туманным, а с другой стороны, освобождающим от всякой подлинной ангажированности.

...Контроль над современным социумом имеет Сатана, ввиду того что он не может всех загнать в огненные печки (исходя из библейской аллюзии), он вынужден работать с теми носителями религиозных импульсов, которые ему противостоят.

Одним из наиболее успешных методов работы является разделение светского и духовного.

Социальная сфера, где принимаются решения, определяются судьбы людей, народов и человечества, не должна вас волновать: мол, ребята, это не ваше!

А вот духовная сфера, где вы можете закатывать глаза, размышлять над цветочком или предаваться молитвенному созерцанию, — вот это как раз сфера правильная, духовная. Но с этим не суйтесь в политическое пространство!

Поэтому духовность — это оружие Сатаны.

«Духовность — оружие Сатаны», 2012

Душа

Душа есть «внутреннее время».

Внутреннее время как душу следует понимать не в том смысле, что внутри нас щелкают минуты, часы и даты. Биологическая энтропия, старение нашего организма, из которого рождается психологическое переживание длительности, — это как раз не «внутреннее время», а один из аспектов внешнего.

Истинным «внутренним временем» является фиксированный финальный горизонт, который, в отличие от географического, не отдаляется от нас по мере нашего движения вперед, а как раз хорошо стоит на месте.

Встреча с этим горизонтом, выход на этот рубеж означает для нас смерть и уничтожение. «Внутреннее время» — это наш финализм, обреченность абсолютно неизбежному концу.

Это «внутреннее время» присутствует в нас как перспектива неизбежной смерти, которую мы осознаем, но вместе с тем оно же дано как непостижимый, недлящийся миг, «точка» во времени, не имеющая измерений по аналогии с точкой пространства.

Как в пустом однородном пространстве точка означает конец протяженности, но вместе с тем и ее же центр, не тождествен-

ный ничему в этом пространстве, так и эта точка внутри человека означает конец его личной длительности (а в некотором смысле и длительности вообще!), но при этом является центром времени.

Вот в этом смысле мы и утверждаем, что эта «черная дыра» есть внутреннее время, оно же — душа, ибо местоимение «Я», подразумевающее неповторимого Иван Иваныча здесь и теперь, относится только вот к этому скрытому в сердце пределу длящейся жизни, который обнаруживается как конец этой жизни в момент смерти.

«Стена Зуль-Карнайна», 2010

Евангелие и Коран

В христианстве коллегия жрецов уничтожала одни Евангелия (подавляющее большинство), отбирала и переписывала другие, и все это продолжалось многие поколения, притом что основной массе верующих, как известно, знакомиться с текстом Св. Писания было запрещено.

В Европе, до Лютера, инквизиция преследовала не только тех, кто пытался переводить Писание на живые языки с латыни, но также и тех, кто пытался самостоятельно изучить латынь, чтобы иметь доступ к тексту Библии! И это в то время, когда изучение Корана и умножение религиозных знаний было обязанностью каждого мусульманина все 14 веков ислама.

В исламе существует всегда открытая возможность, игнорируя исторические наслоения и культуру интерпретаций, начать восприятие Корана с чистого листа, как будто ты сам — сподвижник Пророка (мир ему и благословение Аллаха), встретивший его только что и услышавший от него впервые Откровение Бога.

В нем же сам Бог говорит, что берет на себя обязанность сохранить до Судного дня весь текст Корана неизменным до последней точки — текст, ниспосланный людям «на ясном арабском языке». И до тех пор, пока человечество может приникать к этому источнику и прочитывать с каждым новым поколением этот текст не как культурный памятник, обросший интерпретациями длиннобородых «ученых», а как прямую инструкцию и открытие Божественного метода мышления, — до тех пор ислам будет инструментом суда над историей, инструментом приближения ее конца.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 07.03.2006

Евразийство. Атлантизм. Конвергенция

Евразийство возникло в 20-х годах XX века в эмигрантской среде. Крупнейшими представителями были интеллектуалы эмигрантского зарубежья и не только: академик Вернадский, князь Трубецкой в России были начальной, ранней стадией.

Из их шинели вышел Лев Гумилев.

Евразийство, чтобы не ходить вокруг да около, ориентируется, в историческом аспекте, на империю Чингисхана.

Для Трубецкого, Флоровского, Вернадского и Гумилева империя Чингизхана, союз народов под «Ясой», законом Чингисхана, — это добродетельное, позитивное пространство, которое своими ценностями (общественное выше личного, служба выше частного интереса, честь выше прибыли — целый набор идей, заложенных «Ясой», т. е. определенные моральные установки этой империи) представляется Золотым веком единого Евразийского пространства.

Все это пересекается с геополитическими выкладками западных интеллектуалов-теоретиков в Германии (К. Хаусхофер) и в англосаксонском мире (Хэлфорд Джон Маккиндер, позднее Спикмэн, Киссинджер, всем известный мастодонт геополитики, но с атлантической стороны). Евразийство — это цивилизация суши, наследница практик Чингисхана.

Атлантизм, с точки зрения геополитического контекста, это власть моря (талассократия), власть торговых морских цивилизаций, прежде всего это Западная Европа, Великобритания как островное государство и, в некотором роде, новый Карфаген и наследница Рима (конечно, она наследница Рима: она была основана как Альбион римскими легионами).

Дальше — новая Атлантида: США как центр атлантического мира.

По отношению к нему уже Западная Европа выступает как некая окраина, прибрежная полоса. Атлантические ценности — это свободный рынок и либеральная демократия.

Вот два полюса противостояния друг другу.

Комплиментарные полюса — их противостояние иллюзорно, они стоят друг друга: и то и другое является матрицами глиняного человечества. И то и другое противостоит миссии Духа на человеческом уровне.

Эта миссия Духа представлена Авраамическим откровением в его динамике, библейскими пророками. И этот пафос, фундаментальный пафос, который является действительно неким стержнем, но в одинаковой мере отрицающим и ценности атлантизма, и то, что есть атлантизм.

«Евразийство и Атлантизм», 2016

Евреи

В каждом еврее сидит убеждение, что мир стоит на заговоре антисемитов против них: то есть они верят в заговор антисемитов, и это фундаментальное их ощущение. Я не спорю, что это не так, потому что точно, что евреи не относятся к власть имущим и не они являются главными в этом мире. И, конечно же, их используют. И, конечно же, те, кто по-настоящему владеет рычагами управления в самом последнем виде, в самой последней инстанции, они — антисемиты, это точно.

Но почему-то именно евреи не допускают никому другому поверить в заговоры и начать исследовать историю с точки зрения заговора. Почему-то именно они всегда корчат рожи и не хотят слушать и забивают всякое объяснение, когда речь идет о конспирологии. Мусульмане не должны поддаваться на это снисходительно-презрительное отношение к конспирологии, они должны помнить, что конспирология поддержана и подкреплена Святым словом Всевышнего в Его Коране.

«Конспирология и ислам», 07.07.2016

Европа

Сегодня хозяева жизни прожрали коллективный ресурс шести миллиардов ныне живущих людей и их будущих поколений. Они прожрали это за несколько последних десятилетий. Благодаря спекуляции, ростовщичеству и фьючерсной экономике сегодня реальных ценностей на планете для обеспечения завтрашнего дня нет.

В каком смысле нет?

Все, что есть реальное, все, что можно взять и подержать в руках, имеет своего хозяина. И этот хозяин не будет с этим расставаться — только отнять и поделить можно. А взять откуда-то, занять, использовать, как-то перенацелить — нельзя.

Вот испанцы приехали в XVI веке в Латинскую Америку (в будущую Латинскую) — в индейскую Америку, — нашли там серебро, золото, привезли в Европу на своих каравеллах, и началась промышленная революция.

Это золото было вброшено на развитие мануфактур. Пошла промышленная революция, потому что появился откуда-то ресурс.

Потом англичане захватили Индию. В 1760 году выиграли битву в Калькутте и вывезли из Индии такое количество алмазов, тканей, шелков, слоновой кости, что на эти деньги началась Вторая промышленная революция в Англии. Вывезли из Индии и пустили на промышленную революцию.

Сейчас это невозможно. Нет такого ресурса.

Последним ресурсом, который был пущен на великий проект, был ресурс России, благодаря которому за 20 лет, с 1920 года по 1940-й, Советский Союз превратился из 150 миллионов неграмотных крестьян в 180 или 200 миллионов развитого пролетариата, инженеров, ученых, людей, которые производили стали и чугуна, электроэнергии и всего больше, чем Европа за 20 лет.

Сегодня Европа снова возвращается к своим истокам, бросает вызов США, и этот вызов, как ни странно, во многом сегодня помогающий мусульманам, которые борются с агрессией США, исходит из самых высоких эшелонов власти. Например, Гуантанамовский форум, проведенный в Лондоне, пользуется поддержкой титулованных людей, людей близких к самому высокому сегменту британского общества, но и при этом встречает сопротивление, как ни странно, лейбористов (условно левых, которых возглавляет Тони Блэр), ориентированных на США.

Получается, что сегодня права человека, в том числе права мусульман, захваченных США, защищают титулованные особы Великобритании и Европы. А самое удобное место, самое надежное политическое убежище сегодня находится в Скандинавии, потому что в монархической Скандинавии проводится политика неприсоединения к антитеррористической коалиции. Скандинавия, под руководством своих монархов, не присоединяется к антитеррористической коалиции, возглавляемой США. И туда человек, чувствующий себя уязвимым перед ЦРУ, может уехать и найти политическое убежище.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Европейские мусульмане

На территории Европы есть мусульманские диаспоры. Они опираются на исламские центры, большинство из которых находится под слишком сильным влиянием Саудовской Аравии. Это делает европейский ислам изолированной параллельной

реальностью, фактически не вмешивающейся в европейскую судьбу.

Мусульмане Европы окуклились, ушли в себя. Это связано с тем, что ислам находится в состоянии зерна, которое еше не дало зеленый росток в плане выведения наружу нового метафизического дискурса.

Алимы последние восемь столетий традиционно запрещали *калам* — рациональный дискурс. Это сохранило зерно в неприкосновенности, не позволило его испортить эллинизмом. Сегодня, когда эллинизм обанкротился даже в своих самых отдаленных постмодернистских исканиях, настало время исламскому зерну прорасти.

Зная все о технологиях западной мысли, мусульмане XXI века развернут такое понимание действительности, по сравнению с которым вся история философии Запада покажется сном садовника в сторожке.

Диаспоры в Европе станут одной из опорных площадок интеллектуального рождения новой Уммы.

Это будет Умма Пророка (мир ему и благословение Аллаха), но подчинившая себе просторы и проблематику конца времени. И, конечно же, центр мира из Европы, где он был, возможно, каких-то пятьсот лет, снова перейдет на Ближний Восток, который был осью мира на протяжении тысячелетий.

«Конец Европы как цивилизационного критерия»,
30.05.2016

Женоненавистничество

Во многих отношениях христианство стоит особняком в цепи монотеистических религий, в том числе и в своем взгляде на женщину.

Нигилизм, присущий христианству в интерпретации женской сущности, уникален в духовной истории человечества.

Ни язычники, ни иудеи, ни ислам не создали такой концентрации женоненавистничества, которая пронизывает всю христианскую теологию от ранних отцов церкви до практически Нового времени. Причем это касается без исключения всех главных направлений в христианстве — католицизма, православия, протестантизма...

Само название «Чертовы куклы» — Pupae diabolorum — связано с реакцией ранних христиан на античные скульптуры, изображавшие как богов, так и богинь. Однако в бессознательном импульсе тех, кто впервые употребил это выражение, четко присутствовала ассоциация между статуей как идолом и живой женщиной.

Недаром еще до опыта переосмысления античного наследия христиане ассоциировали женщину с «повапленным (т. е. разукрашенным) гробом»: снаружи красива, а внутри полна всяческой мерзости.

Женоненавистническая позиция исторического христианства есть лишь крайняя форма оппозиции естественному космосу, которая присуща всему монотеизму в целом, но в иудаизме и исламе носит скрытый характер.

Христианство просто проговаривает вслух многие позиции, которые для предшествующих и последующих монотеистов подлежат скорее преодолению, нейтрализации, нежели озвучиванию. Тем более что ни для иудеев, ни для мусульман безбрачие неприемлемо.

«Чертовы куклы», 2008

Женщина

Время мужчины и время женщины — разные.
В экзистенциальном смысле время человека есть ограниченный запас его жизненной энергии, который конвертируется в нечто иное. Например, в деньги. А может быть — в написанные книги, в размышления о смысле жизни, в подготовку революции.

Женское время конвертируется в пространство человеческих отношений, которые образуют гарантию безопасности для нее и ее детей. Все остальное либо поддерживает эту безопасность, либо угрожает ей.

Поэтому реализация мужского времени, согласно врожденным импульсам, противоречит тому, как осуществляет свое время женщина.

Мужчина действует как смертный, который хочет придать своей смерти смысл. Эта философия является опаснейшим вызовом для того, что женщина ждет от жизни.

«Чертовы куклы», 2008

Жрец

Жрец — необязательно человек в чалме или Папа Римский в тиаре. Жрецом может быть посвященный неоплатоник, принадлежащий к высокой ложе. Например, Кампанелла, написавший «Город Солнца», был жрецом: он был неоплатоником, эзотериком, и, подобно Платону, был жрецом.

Или, скажем, аббат де Сийес, который был идеологом Французской революции, но он уже как бы в законе, он аббат — тут ничего не поделаешь. Но именно он, а не Руссо, не Дидро и не Даламбер, а именно аббат де Сийес был автором концепции Третьего сословия, которая легла в основу самосознания и самоидентификации новой французской нации, совершившей революцию и казнившей короля. Кстати говоря, не отлученный и не преданный анафеме.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Жрецы есть жрецы. Это те, кто работают с благодатью, те, кто работают с определенным сакральным пространством, те, кто являются наследниками жрецов старого калибра, старой

закваски. Они и сегодня при делах, они и сегодня контролируют ситуацию.

Жреческий глобализм был до Македонского, в архаическую эпоху... он стал испытывать мощные кризисные явления, и в какой-то момент поднялась каста воинов, которая была служебной, которая была встроена в иерархию.

Если мы вспомним «Республику» Платона — он описывает как рупор и как пресс-секретарь жречества, как, на его взгляд, было бы идеально.

Вверху стоят философы, мудрецы (под философами он имел в виду не профессоров в университете, на кафедре, он под этим имел в виду реально носителей сакрального знания) — они правят всем.

Ниже них стоят воины, которые обеспечивают их власть жестким применением насилия, санкционированным сверху.

И дальше ремесленники, торговцы.

Все традиционные общества были построены таким кастовым образом.

Каста — это врожденная тема: все люди рождаются либо воинами, либо жрецами, либо ремесленниками, либо торговцами. Все рождаются в кастах, но действенными являются только две: жрецы, которые созерцают, и воины, которые действуют, жертвуют собой и другими.

«Тупиковость имперской идеи в современном мире», 2016

Заговор

С моей точки зрения, фундаментальная конспирология, фундаментальный заговор, если свести его не к бивням слона, не к ногам, не к хоботу, а увидеть его во всей целостности, то фундаментальный заговор во всей истории — это заговор правящих кругов против управляемых, это заговор верхов против низов. И это быть иначе не может, потому что для того, чтобы надежно управлять низами, верхи должны быть в заговоре против них, иначе ничего не получится.

Иначе получится что-нибудь вроде отрубленной головы Карла I, или отрубленной головы Луи XVI, или романовской семьи, расстрелянной в подвале Ипатьевского дома — что-нибудь вот такое. А чтобы этого не получилось, нужно поддерживать управление низшими слоями через заговор.

Что мусульмане должны по поводу этого думать?

А что тут думать — ведь примеры заговоров в Коране даются многократно.

Например, одним из ярких примеров заговора является вообще упоминание *мунафиков*, которые говорят, что они мусульмане, а потом, оборотившись к своим шайтанам, говорят «мы только пошутили». То есть лицемеры говорят мусульманам вокруг них: «мы с вами, мы мусульмане, мы такие же верующие, как вы», а потом они говорят шайтанам, что «мы пошутили, мы ваши». Это что — не заговор? Это чистый заговор.

Мунафики — это образцы заговора. Можно сказать, что это лицемеры, двуличные, которые на двух стульях сидят, но это недостаточно убедительный пример заговора.

Но есть в Коране примеры заговора более прямолинейные, когда, например, Всевышний говорит о том, что «Мы установили во всех селениях правителей их преступниками, которые интригуют во имя своей власти...» (6:123)

Что такое интрига во имя власти? Да, это заговор управляющих против управляемых. Коран нам прямо, открытым текстом

говорит, что конспирология, заговор являются фундаментом социально-политической организации куфра.

Поэтому мусульмане должны исходить именно из этого: «Мы установили во всех селениях правителей их преступниками...» — из конспирологического понимания. Только не смешного, не такого, которого подсовывают; ...ведь дьявол начинает с того, что убеждает в своем небытии, в том, что его нет, потому что, когда люди полагают, что шайтан — это выдумка, то шайтану проще всего действовать.

Так и частью конспирологии власть имущих является именно убеждение того, что конспирология — это смешная придурь этаких фриков и маргиналов. И чтобы это было достаточно ярко и убедительно, специально придумываются разные формы заговора — такие небывалые.

Я приведу один пример: как вы знаете, в Лондоне (в развитии темы 9.11) произошел тоже интересный теракт «07.07» в 2007 году. Это было в канун приезда туда Нетаньяху; потом вдруг объявился некий офицер (по-моему, внутренней контрразведки), который сказал, дал интервью, что «вообще-то, это мы сделали». То есть эта акция, взрыв, страшная суета, погибшие, террористический удар по Лондону — это «мы подготовили и осуществили». Дал одно интервью — дикий, естественно, скандал, сенсация, у него берут еще интервью, он дает серию статей... а он сам офицер, его заставили уйти из органов, он ушел из органов, но продолжает дальше давать. А потом вдруг раз — и перестал давать эти интервью, прошла какая-то пауза, и вдруг он уже стоит в Гайд-парке, залез на ящик, вокруг него некоторое количество слушателей, и этот офицер, который вполне разумный и который подробно рассказывал, как спецслужбы Великобритании организовали имитацию террористического акта со стороны якобы мусульман, говорит про то, что королева — ящерица, что Виндзоры представляют собой род ящериц, которые происходят то ли с Марса, то ли еще откуда-то, и они захватили власть, и они ставят какие-то задачи перед собой, что ящерица правит миром.

В общем, люди слушают, расходятся. Ну понятно, что человек идиот.

А на самом деле ясно, что у человека есть внуки и с ним поговорили и сказали: «Либо ты сейчас дискредитируешь себя,

чтобы все считали тебя идиотом, и обнулишь все твои предыдущие интервью — тогда твои внуки будут жить, либо же ты будешь настаивать на том, что это ты участник подготовленного спецслужбами теракта — и тогда что-то произойдет с твоими самыми дорогими и любимыми существами».

По такому принципу власть действует всегда, когда возникает риск разоблачения. Она сразу стремится идиотизировать разоблачителей, разоблачение и вообще саму тему заговора.

Мусульмане должны это учитывать, не поддаваться на эту смешную тактику и помнить всегда, что самыми главными противниками конспирологии, которые больше всего кричат о том, что конспирология — это маразм, корчат рожи и сразу говорят: «ну, вы, батенька, конспирологией занимаетесь», являются евреи. А при этом евреи сами конспирологи № 1, потому что в каждом еврее сидит убеждение, что мир стоит на заговоре антисемитов против них...

Есть много других аятов, которые также говорят о заговоре *куфаров*. Но для этого нужно иметь определенный подход, определенную точку зрения, отработать определенный метод.

Просто в целом нужно помнить: заговор власть имущих против низов. И тогда многое становится понятным.

«Конспирология и ислам», 2016

Запад

Я ненавижу Запад. Для меня Запад — воплощенное лицемерие. Это обнажение сущности человеческого общества, которое, на мой взгляд, построено на принципиальной несправедливости и лжи.

Максим Шевченко vs Гейдар Джемаль, 29.02.2012

Я убежден, что политический ислам — это главное и единственное оружие человечества против глобального общества, против Системы.

Запад в максимальной степени воплощает эту Систему, является куратором глобального общества. Это не значит, что метастазы социал-сатанизма не распространены по всему миру. Но главная опухоль — Запад.

По моему убеждению, политический ислам не может противостоять машине мировой Системы, не опираясь на союз с Россией. Россия для меня — это единая политическая территория от Балтики до Тихого океана. Она является зоной сопротивления между полюсами языческого Запада и языческого Востока.

В 1917 году здесь были уничтожены Романовы, и это величайшее метафизическое достижение мировой истории. После этого Россия одной ногой вышла из Системы. Вся история, протекающая на территории России после 1917 года, это борьба между теми, кто хочет осуществить полный выход России из Системы, и теми, кто хочет заставить ее вернуться назад.

Если последним удастся закрыть эту брешь в цитадели мирового порядка, у человечества не будет шанса. О смысле, свободе и справедливости можно будет забыть. Как в России идет борьба между силами системы и антисистемы, так же она идет и в исламе. Одна из главных проблем в Умме — это то, что не все мусульмане до конца осознают, что борьба с либерализмом и Западом исключает компромиссы.

Некоторые думают, что Запад можно использовать в качестве попутчика, чтобы получить деньги и оружие на благородные цели. В нынешней ситуации это ошибка.

Использовать можно только слабого врага, как Ленин использовал Германию накануне ее поражения.

Сегодняшний Запад — не Германия образца 1918 года.

Поэтому нельзя позволять, чтобы тактические задачи заслоняли стратегические цели и вынуждали бы мусульман идти на компромиссы. Следует помнить, что «Большой Сатана» — это не метафора, а сущность США и мировой цивилизации в буквальном теологическом смысле.

«Россия для меня — это единая политическая территория...», 14.11.2013

Западная Европа

Сегодняшняя Западная Европа — это политэкономическое образование с коллективным ВВП, превосходящим американский, сравнимым уровнем высоких технологий и тяжелым комплексом страшного поражения, внутри которого медленно зреет понимание того, что это не «взбесившаяся» Германия была раз-

бита и «коричневая чума XX века» остановлена, но что вся она, Европа, была разбита и поставлена на колени неевропейскими силами впервые в своей истории.

Америка и Советский Союз сделали с гордой цивилизацией самого организованного воинства во всем человечестве то, что Карфаген не смог сделать с Римом, а Иранская держава с Элладой.

Вот это новое понимание является внутренним стимулом, побуждающим западноевропейскую часть человечества к тому, чтобы встать с колен и с чистого листа приступить к восстановлению мирового господства — главной цели, которая всегда являлась смысловым мотивом всей европейской истории.

В этой ситуации у Западной Европы оказываются два политических класса, две группировки, влияющие на выработку главнейших решений. Эти группировки противостоят друг другу и имеют противоположные политические интересы.

Первой группировкой оказываются выборные политики, репрезентативные фигуры представительной демократии. Этот класс деятелей следует признать в целом «пятой колонной» американизма, вашингтонским лобби, которое при нынешних раскладах будет отчаянно бороться за сохранение подчиненного положения Европы по отношению к США — под видом союза и партнерства с ними...

Противоположную роль играет европейская бюрократия — точнее, та ее часть, которая стремится формировать международные бюрократические институты, обслуживающие Евросоюз. Эта элитная бюрократия стремится к полной эмансипации от выборных и ротируемых политиков, от местных органов самоуправления, в конечном счете — от национальных суверенитетов. Европарламент и бесчисленные комиссии при нем, фонды и институты, центры планирования и т. п. в идеале не должны быть подотчетны никому. Путь к этому — евросоюзная империя, опутавшая весь мир сетями ТНК и неправительственных организаций, управляемых клубной элитой, для которой международная европейская бюрократия — естественный друг и союзник. (Клерки и писцы в канцеляриях знатных господ.)

Таким образом, западноевропейская бюрократия по своим политическим интересам занимает антиамериканскую пози-

цию, что делает ее как класс врагом профессиональных политиков, сохраняющих, кстати говоря, в силу электоральной логики, определенный элемент персонализма, который, вообще-то, после 1945 года повсюду в мире представляет собой важную мишень для нападок.

Противостояние этих двух классов на политической сцене Европы можно ежедневно наблюдать в форме антикоррупционных кампаний и скандалов, которые то политики инициируют против бюрократов, то бюрократы — против политиков и их партий.

«Предпосылки внутриевропейского конфликта»,
13.07.2006

Зерван

Существует «главный бог» Зерван. Он безличный, это великое небо, это Рок, который кружится и стирает, порождает и стирает, это стирающая вечность. Сущность самого слова «Зерван» обозначается именно как время. И тайный смысл этого слова тождественен тому, который есть в слове «*дахр*».

Бедуины, согласно Корану, отказываясь принять ислам, ссылались на лояльность к *дахру*, то есть Року, времени. Они говорили: «Мы живем и мы умираем, и убивает нас только *дахр*». *Дахр* — это не просто время, *Дахр* — это Рок, представленный в его абсолютной характеристике необратимости, абсолютной характеристике второго начала термодинамики (все, что есть, может быть только холоднее, может только умирать).

Декарт хорошо, в терминах логики, описал Рок в таком логическом постулате своей доктрины, своего метода очевидности: «Следствие не может быть больше причины, следствие всегда меньше причины». Но поскольку каждый следующий момент есть следствие предыдущего, то каждый следующий момент всегда меньше предыдущего. Из ведра нельзя достать колодец — ведро можно из колодца достать, наоборот нельзя.

Вот это — движение времени, движение рока к убыванию, стремление к бесконечно малому. И вот это фундаментальное движение (дело в том, что если ты достиг этого малого, то где-то там надо остановиться) — это вечное повторение равного в воспроизводстве и уничтожении одного и того же.

Это то, что называется по-персидски «*чархифалях*», «колесо неба», которое кружит и стирает, кружит и стирает. Вот это — «Зерван».

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Зло

В политической философии ислама не прописана роль абсолютного или относительного зла как этического принципа. Мы знаем, что зло признается в исламе как фактор, который является частью творения. Мы просим Всевышнего уберечь нас от зла, которое Он сотворил. То есть мусульманин признает, что Всевышний сотворил зло, от которого мы Его же просим нас уберечь.

Что это за зло?

Мы знаем, что есть *халял*, есть *харам* и то, что Всевышний в шариате объявил *харам* — это зло, а то, что Он объявил *халял* — к этому надо стремиться.

Но мы знаем также, что у предыдущих пророков эти рамки были сдвинуты — то есть это не безусловное определение, это не фундаментально выжженные на небесах такие иероглифы (вот добро — вот зло), как у метафизиков — язычников (у них объективное добро, которое само по себе существует, а недостаток добра — это зло).

Но у нас же это не так.

Халял и *харам* — это приказы Аллаха. Сам Аллах непостижим.

Но что такое зло?

Мы не можем сказать, что зло — это убийство как таковое само по себе, потому что при определенных обстоятельствах убийство долженствует.

Мы не можем сказать, что это что-то само по себе, потому что, например, если мы перейдем к Откровению Мусы (мир ему) или Откровению Исы (мир ему), то мы найдем там то, что разрешено, а потом, при шариате пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), запрещено.

Но мы должны знать, что такое зло в чистом виде само по себе.

Почему? Потому что зло — это Иблис. А Иблис соблазняет человечество. А человечество позиционирует себя как противника Аллаха.

Где этот корень, который мы должны видеть и метафизически разглядывать?

Недостаточно сказать, что это, допустим, ночные клубы, как некоторые теологи типа Лариджани («Запад глазами мусульманина»). Поехал, увидел неоновые огни, ночные клубы, ночных бабочек и в ужасе, как крестьянин, который впервые попал в город, убежал и написал целую книжку. Восприятие сельского человека, который попал в город.

Нельзя раскрывать зло через такие импрессии, впечатления провинциала.

Сущность зла безмерно глубже, чем какие-то так называемые социальные язвы. Ислам борется с реальным злом. А реальное зло неотделимо (и это может быть парадоксально для тех, кто меня слушает и кто сейчас будет ахать и охать) от акта творения.

Акт творения предполагает включение в себя этого элемента зла, который выдан нам для преодоления, и он глубоко сопряжен с актом понимания.

Акт понимания, то есть работа нашего сознания, работает на границах зла и, скажем, света (не будем говорить «добра»).

У нас нет добра, у нас концептуально в исламе нет добра, у нас есть *нур ас-самават валь-ард* («свет небес и земли»), у нас есть *хакк* (справедливость, высший ориентир). Но нет добра, нет блага.

«*Хайр*» — банальное слово, блага в плане «виноградная лоза», «шашлык», из даров Всевышнего — это в самом низу.

А если мы говорим о сверхценности, то нет такого добра, которое есть у язычников, — бытие, которое кипит, поднимается пеной.

Хакк — это не добро.

Справедливость — это не добро. Справедливость страшна, бездонно страшна, она некомфортна, потому что сопряжена со смыслом и режущим как бритва краем, который рассекает бытие и там пенится кровь.

Хакк — это страшная вещь, но *хакк* противостоит злу.

А что такое зло?

Зло — это неотъемлемая часть Ветхого бытия, она будет преодолена только в Новой земле и Новом небе, когда свет Аллаха будет озарять лица праведников. Отсутствие этого света, кото-

рый не озаряет сегодня наши лица, — это и есть фундаментальное зло. Скрытость Аллаха и есть фундаментальное зло.

И когда мы поднимаем шариатское знамя и утверждаем на этой земле действие шариата, мы предвосхищаем Новую землю и Новое небо уже здесь, в этом Ветхом бытии. Это — идеология, это — ориентир.

Просто либерал этого конечно не может понять.

«В чем проблема Уммы», 2015

Знаковость

Есть два типа знаковости. Есть мудрость язычников. Она не словесная и связана в основном с символами. Но что такое символы? То, что внизу, указывает на то, что вверху. Например, статуи греков указывают символически на обитателей Олимпа — джиннов, по-нашему.

Эта невербальная мудрость основана на неартикулированном выражении, подразумевании. Кстати, музыка — это средство невербального донесения состояния, которое связано с этой мудростью.

Это все относится к сфере Иблиса, к сфере тонкого огня.

А есть совершенно другой порядок. Есть знаки.

Вот, например, говорится, что человеческая ладонь является знаком имени Аллаха (Свят Он и Велик). Потому что написание слова «*Аллах*» (Свят Он и Велик) похоже на раскрытую ладонь. Тут же понимаешь, что рука-то естественна, а вот эти буквы условны, они как бы придуманы. Как же так получается, что созданная рука дает указание на придуманную, условную букву? Вот в этом парадокс.

Наше исламское восприятие переворачивает обычное, «естественное»...

У язычников, у греков буква может символизировать руку. Буква условная — она указывает, как символ, на руку, которая является органической, естественной и главной. Ее надо обозначать.

А у нас наоборот: «естественное» указывает на то, что интеллектуально!

Слово «*Аллах*» (Свят Он и Велик) — явление интеллектуальное, а рука — «естественное».

Внешние объекты обозначают то, что дано только уму.

Это обратный порядок относительно менталитета язычников.

Понятия — это условные знаки смысла. Они обеспечивают нам контроль над пониманием вселенной.

И если мы не хотим, чтобы ислам был цивилизацией, как другие — китайская, индийская, древнеегипетская, мы должны опираться на язык, на имена и на слова.

Если же мы хотим, чтобы ислам был цивилизацией, узнаваемой через символы — пальма, чалма, верблюд, джелябия, — тогда давайте опираться на вещи.

Верблюд — узнаваемая вещь, джелябия — узнаваемая.

А вот поставим такой вопрос: политическая социал-демократия — это цивилизация? Или это глобальная интернациональная сила, которая «поставила на уши» весь мир на какой-то период?

Можно ли представить себе какие-то специальные знаки или символы, которые выражают в культурном смысле социал-демократию?

Кепка Ильича? Социал-демократия — это целиком дискурс, это понятийная система. Но она пародирует религиозную борьбу за справедливость, которая велась на протяжении тысячелетий. Это безрелигиозная версия религии. Цивилизация принадлежит язычникам, контролируется жрецами и опирается на узнаваемые образы.

А истинная религия — это понятийный дискурс, это вера, которая сопряжена с интеллектом, универсальна для всех и опирается на понятийную систему языкового раскрытия. Поэтому чалму и тюбетейку — в сторону, а исламские смыслы — вверх!

«Коран — интеллектуальная атомная бомба человечества», 01.09.2011

Знание

Есть фундаментальное различие между информацией и знанием.

Знание интимно связано с внутренним центром, с той цитаделью, куда может прийти даже самый последний раб, раздавленный социальными обстоятельствами, беспощадной

эксплуатацией. Даже в этих условиях британский рабочий диккенсовской эпохи возвращается в свою мрачную, задымленную кирпичную казарму, падает на койку и находит путь к своему сердцу. Нет ничего, что унижало бы и угнетало бы его. Он скрывается внутри себя и обретает там новые силы, чтобы выдержать новый вызов завтрашнего дня.

Внутреннее пространство свободы есть тот центр, из которого рождается подлинное знание. Информационное общество грозит затопить и его.

Информационное общество ставит своей целью упразднить различие между внутренним и внешним в человеке.

Остановить этот потоп можно только цитаделью, в которой есть реальный культ подлинного знания. И этот культ, это реальное понимание того, что есть знание, связано как раз со словом «понимание».

Информация отличается характеристикой узнавания.

Знание основано на понимании.

Понимание — всегда понимание самого себя.

Это сократический принцип: познай самого себя.

Познать можно только самого себя так, как то тайное ядро, о которое ударяется человек, чтобы обрести свободу: это и есть он сам.

Это и есть тот концепт, связанный с его личностью, понимание которого воспроизводит подлинность, значимость и адекватность существования.

Выступление на презентации журнала «Волшебная Гора», 12.06.2002

Золото

Запад ценит золото — символ солнца, потому что на Западе солнце заходит и тонет в водах Мирового океана.

Мореплаватели всегда были одержимы идеей найти золото, чтобы с помощью его универсального смысла контролировать пространство.

Цивилизация суши исходит из совершенно иных начал: суровые аскетические воинские цивилизации, которые возникали на суше, исходили из добродетели мужского союза, из добродетели воинской касты. Организаторы походов, вожди

великих переселений народов искали не физическое, а незримое золото, чтобы с помощью его контролировать духовный мир.

Все воинские евразийские цивилизации — от Спарты до Халифата и России — возникали в борьбе против религии золота.

Римские историки связывают происхождение латинян с героем гомеровской эпохи Энеем. Республиканский Рим возник из восстания воинов против выродившейся династии царей, правивших в легендарные времена на Авентинском холме. Древний Рим взял на себя задачу сделать варварское захолустье — Европу — средоточием порядка и власти в мире. До этого мировой порядок принадлежал Карфагену. Это торгашеское государство на севере Африки имело глубокие корни, тянувшиеся в миф Атлантиды. За него воевали наемники. Первые банкноты из кожи, заменявшие золото, были изобретены в Карфагене. Наемники под водительством гениального Ганнибала поставили Рим на грань гибели. Война шла на италийской земле. Карфаген видел в Риме вызов свободному мировому рынку и диктату морских путей над сухопутными. Карфаген проиграл и был разрушен, потому что в последний момент его правители пожалели денег.

Культ золота был связан в цивилизации Карфагена со смертью и сексом. Ритуальный смысл золотые монеты обрели как плата храмовым проституткам. Золотым истуканам приносили в жертву детей. Победивший Рим сам стал из империи меча империей денег. Его власть казалась неумолимой, даже божественной. Это длилось до тех пор, пока Иисус не провел границы между динарием Кесаря и тем, что принадлежит Богу.

Христианство пришло в мир под знаком борьбы с древним и кровавым культом золота. Христос бичом изгнал из Иерусалимского храма менял и ростовщиков. Его религия требовала суровой, воинской дисциплины духа и тела. Предателем учителя оказался казначей общины Иуда Искариот. В этом с максимальной силой проявилось взаимоотрицание христианства и денег. Золото не было побеждено. Христианская цивилизация свернула с апостольского пути.

Ислам попытался по-другому решить извечную борьбу духа против золота: деньги следовало поставить под контроль, торговля — это нормально, однако господствовать должен произ-

водительный труд. Ислам стал наиболее сложной и упорной попыткой обуздать стихию денег. Битва с золотом идет и поныне. И, видимо, ее конец станет и концом истории.

«Сакральная география», 1996

Золотой век

Представьте себе, когда люди были в Золотом веке, они не испытывали никакого конфликта со средой. Гром и молния, дождь, холод — они не знали конфликта с этим, потому что они ощущали себя в мире, как зародыш в утробе матери, в околоплодной жидкости, они плавали в состоянии океанического блаженства, им не нужен был язык, они общались телепатически. А телепатически можно передать только ситуацию в настоящем времени, без сослагательного наклонения.

Вы не можете телепатически сказать, что «позавчера, в среду, я был у тещи на блинах, но блины получились не очень хорошие».

Вы можете сказать телепатически: «Я вижу тебя; вот лиана; смотри — за тобой зверь», — в буквальном, прямом смысле.

Они общались телепатически и не знали никаких проблем, не замечали ни старения, ни изменений с собой, ни смерти, ни гибели.

И потом внезапно к ним является посланник Аллаха Адам (мир ему), первый из великих пророков, и учит их первому откровению в истории человечества — языку, которому его самого научил Аллах.

И мгновенно исчезает телепатическая связь между людьми, язык становится средством коммуникации, исчезает это блаженное состояние, и они вдруг испытывают на себе ливень, холод, град, они начинают трястись от холода, они прячутся по пещерам.

И тогда Иблис посылает к ним культурных героев, которые, например, в традиции греков представлены в образе Прометея, титана.

Он приходит и говорит: «Мне вас жаль, я хочу вам помочь». Он крадет у олимпийцев, т. е. у некоторых ликов, аспектов Иблиса, огонь, который, как мы знаем, является субстанцией Иблиса, из которой он сделан, приносит людям, они начинают обогреваться. Возникает некая система, возникают связи

коммуникативные и возникает кокон, который защищает их от среды, когда они уже больше не трясутся от холода, потому что раньше они были в таком состоянии, что все вокруг них было цветущим садом. Теперь это уже не цветущий сад, но создается имитация защиты, которая все более и более укрепляется и разрастается.

«Теология против метафизики», 2014

Золотой миллиард

Когда сегодня говорят о противостоянии цивилизаций, это глубокая натяжка и подмена. Запад сегодня не является единой целостной цивилизацией, которая, по модели Крестовых походов, противостоит исламу.

И понятие «золотой миллиард» — ложное.

Я приведу цифры из американских университетских источников.

В 1920 году один процент населения планеты владел сорока процентами мировых богатств. В 1970 году, когда Советский Союз находился на вершине своего влияния, этот один процент владел двадцатью процентами. В этот период ему пришлось чем-то пожертвовать, провести какие-то социальные мероприятия, повышающие стабильность, безопасность, социальный мир и так далее. Но к сегодняшнему дню он опять вернул свои сорок процентов. СССР был определенным гарантом, политическим гарантом прав низших классов во всем мире, хотя бы просто по своему знаковому статусу.

А сегодня такого гаранта нет, и международному финансовому капиталу надоело платить пенсии, надоело платить пособия по безработице, надоело гарантировать рабочие места. Они хотят развязать себе руки.

Глобализм не предполагает никакого золотого миллиарда. Глобализм в финальной стадии своего развития предполагает международную олигархию, которая будет совершенно одинаково попирать индонезийцев и французов. Потому что исчезнет смысл поддерживать разницу в уровне жизни французов и индонезийцев.

Многие ошибочно считают, что глобализм — это торгово-экономическое понятие: то есть дешево произвести в Индонезии и дорого продать во Франции, и поэтому надо поддерживать

низкий уровень жизни в Индонезии, чтобы там была дешевая рабочая сила.

Но это только первая фаза глобализма. А вторая фаза — чисто политическая.

Сначала через экономические рычаги осуществляется интеграция инфраструктуры. Когда она достигнута, эта инфраструктура уже не нуждается в рыночных механизмах. Олигархи — это политическое понятие, олигархам не нужны рыночные механизмы. Сегодня рынок уже уходит. Потому что сегодняшний масштаб финансовых потоков в мире не зависит от потребительского спроса. Вот в девятнадцатом веке было важно, чтобы миллионы людей повышали свой социальный статус, чтобы мелкие фермеры становились городскими мещанами, буржуа, вырастали их запросы, они создавали бы рынок, а это влечет за собой возможность новых кредитов. И все это вырастет в десятки раз. И финансовым институтам важно было получить такую кредитную перспективу.

Сегодня, когда финансовые механизмы являются радикально другими, когда они опираются на электронные деньги, на воздушные кредиты, которые связаны с глобальными макропроектами (например, триллионы долларов для закрытия озоновой дыры, полета на Марс или создания противоракетной обороны), то никакие потребительские рынки роли уже не играют.

«Первые и последние», 12.11.2001

Зона

Любители криминальной романтики слышали, что бывают зоны «черные» и «красные». На «красных» правят менты, хозяином является «кум», все подчиняется как бы государственному, абстрактному закону. «Черные» же зоны держат воры. На каждой сидит смотрящий, который отчитывается перед паханом. Там правит воровской закон, который представляет как бы конкретную справедливость...

С одной стороны, менты противостоят беспределу криминала — так они говорят. С другой — воры противостоят беспределу ментов и государства, в этом суть воровского закона.

С недавних пор некоторым романтикам стало казаться, что современное международное сообщество все больше начинает

походить на криминальное. Были до недавнего времени на географической карте две зоны — «красная» и «черная». «Красной», конечно же, был соцлагерь («лагерь» — чувствуете?). Ну а «черной», естественно, свободный мир (он почему-то «лагерем» не назывался, хотя бы даже для симметрии). Но вот воры с воли дали приказ разморозить «красную» зону, устроили лагерный бунт. Власть переменилась. Только против ожидания «суки» и «актив» как были, так и остались главными, а «мужиков» запихали под нары. Весь мир стал сплошной «черной» зоной.

На наших глазах стремительно меняется международное право, исчезают независимые критерии справедливости, общепринятым становится двойной стандарт. Воровской закон правит бал. Политические субъекты делятся на «правильных людей» и быдло. Во главе стоит казначей общака, держатель воровской кассы. Все обитатели «черной» зоны (она же — свободный мир) отстегивают туда со своих доходов (я бы даже не сказал, что это сравнение; скорее, констатация, к которой приходишь, размышляя над судьбой российского Стабилизационного фонда).

Во главе стран-зон стоят смотрящие, но лишь немногие из них, урки в авторитете, имеют право собираться и толковать о международных делах. Остальные сидят по углам и ждут решения своей участи.

Конечно всякий закон — что дышло. Вся юридическая система есть аппарат гибкой интерпретации закона, который претендует на то, чтобы быть якобы абсолютно одинаковым абсолютно для всех. Понятно, что самая непреложная абстрактная справедливость всегда будет заложницей вкусов и идиосинкразий человека в мантии и парике. Но воровской закон крут своей феодальной непосредственностью. Он различает между субъектами права: одни право имеют, другие — твари дрожащие. Может, оно так и есть, но ведь случаются иногда и ошибки! Вот Раскольников думал про себя, что может убить старушку, а оказался тварью дрожащей. А представьте, что будет, если, наоборот, в эти твари запишут Наполеона? Кончится ведь все мировой войной!

...И вот лежит наш зачморенный «мужик» под нарами после длинного трудового дня на лесоповале, отдав ворам свою пай-

ку, и вдруг слышит знакомые голоса. Вроде даже где-то горн проиграл давно забытую мелодию. Радио вдруг издали заговорило голосом Левитана. «Мужик» осторожно выполз, оглянулся и обомлел. На стенах знакомые лозунги, плакаты, над воротами надолго исчезавшая куда-то надпись: «На свободу с чистой совестью!». Крутом ходят важные урки в мундирах с золотым шитьем в сопровождении шнырей с красными повязками. «Мужик» в ужасе протирает глаза. Над вышкой флаг развевается, красный! Только ой!... вместо золотой звезды на нем почему-то череп с костями... Свершилось! Два закона — ментовской и воровской — слились воедино и стали общей правдой. От которой в рамках этого глобуса теперь уже не убежишь.

«Черная зона», 29.10.2007

Зуль-Карнайн

Зуль-Карнайн в переводе с арабского означает «обладающий двумя рогами».

На античных монетах он был изображен с двумя рогами.

Большинство ученых, как в прошлом, так и сейчас, сходятся на том, что речь идет об Александре Македонском.

Некоторые указывают, что коранический Зуль-Карнайн совершал дела, которые исторический Македонский не совершал, и поэтому должен иметься в виду кто-то другой.

Третьи же добавляют, что исторический Александр Великий был язычником и называл себя богом, и поэтому он не может упоминаться в Коране как пророк и вообще в позитивной тональности.

Лично я придерживаюсь мнения большинства, что это Македонский, но взятый не как эмпирическая конкретная личность, а как некий знак или парадигма своей миссии.

Значение исторического Македонского в том, что он впервые реализовал нечто, подобное глобальному обществу, — надцивилизационное универсальное пространство, в котором восторжествовал эллинизм как ключ ко всей мировой культуре.

Есть Македонский, а есть его огромная тень, реализовавшаяся сегодня в той мировой системе, которая нам предстоит. Поэтому походы Македонского на закат или на восход следует

понимать не так, что, дескать, молодой Александр выехал на несколько десятков километров в болоте на западе Македонии, как интерпретирует один пакистанский алим, — это архетипические деяния, закладывающие основы современного миропорядка.

Проще говоря, народ, не имеющий укрытия от Солнца, — это вся цивилизация иранской группы, которая была связана с культом Солнца и поклонялась светилу, называя его как божество «Sol invictus», то есть «непобедимое Солнце». Этот термин и означает, что они не имели от этого Солнца укрытия и защиты.

Македонский оставил их в том состоянии, в котором они были, и здесь уже речь идет о конкретно исторической фигуре. Ислам придет в эти регионы (дав защиту «от Солнца») лишь через примерно тысячу лет после него.

Что же касается путешествия Зуль-Карнайна туда, «где Солнце садится в мутный источник», это еще более интересная тема.

Под мутным источником следует понимать Гольфстрим, который бьет со дна Мексиканского залива из разломов вулканического характера. Это действительно горячая мутная вода, которая образует подводное течение, согревающее Европу и дающее возможность существовать в этой Европе цивилизации.

Известно, что, если бы не было Гольфстрима, в Англии и Северной Европе средняя температура была бы ниже градусов на 15. И вряд ли в этом случае эти территории представляли интерес для заселения.

Однако и здесь речь идет не о физическом акте опускания Солнца в конкретный источник мутной воды, а о цивилизационной парадигме.

Цивилизации майя и инков, существовавшие вокруг Мексиканского залива, рассматривали Солнце как божество, предстающее в виде пернатого змея Кетцалькоатля. Это фигура индейского пантеона как раз была связана с символизмом заката, и, по некоторым традициям, «пернатый змей» принимал заходящее Солнце, чтобы переправить его с запада на восток.

Добавим к этому, что (вынося за скобки данные современной геофизики, которые иногда бывают не только фантастичны, но и неинтересны) Гольфстрим возник в результате ката-

строфы, погубившей Атлантиду, из которой спасся пророк Нух (мир ему).

Так что мы видим, что путешествие Зуль-Карнайна является двумя «рогами» одной темы, в которой полярные аспекты Солнца — восходящего и заходящего — противостоят друг другу именно как полюса глобальной цивилизации. В этом пророческая функция Зуль-Карнайна, малой проекцией которого в физическом плане был реально живший Александр Македонский.

«Кем был коранический Зуль-Карнайн», 07.12.2015

Иблис

Когда в Коране Иблис отказывается поклониться человеку и возражает Богу: «Я не буду ему поклоняться, потому что я лучше его, Ты создал меня из огня, а его Ты создал из глины» (7:12), речь идет о двух полюсах одного и того же, одной и той же субстанции.

Огонь и глина — всего лишь полюса бесконечной материи. Но материи не в смысле вещества, а материи в смысле пассивного субстанционального измерения реальности.

Да, у нее есть огонь, энергетическое поле, в котором огонь — первозданная энергия, которая предлежит появлению всего. проявленных форм. А глина — это уже полюс охлаждения, полюс отпадения вниз, полюс концентрации негатива, и поэтому естественно, что в этих рамках огонь как энергетическая вершина превосходит мертвую, нижнюю массу, которая является глиной.

Но, возражая на требование поклониться Адаму, Иблис не знает, что Адам как глиняная кукла является носителем частицы Духа Божьего, — то есть тайна вложенной в него искры, которая вообще не имеет отношения к бытию.

Эта искра совершенно трансцендентна.

Поэтому он, отказываясь поклониться, совершает фундаментальную ошибку неведения, на которой, собственно говоря, построена вся реальность, вся метафизика, вся мудрость, вся глобальная идеология бытия сверху донизу в нашем мире и за пределами нашего мира; она построена на фундаментальном принципе неведения об этой искре, которая есть в человеке.

Человек и сам не является ведающим об этой искре. Он не может знать об этой искре, потому что эта искра является условием знания, она является предпосылкой того, что знание возможно.

Но сама предпосылка, делающая знание возможным, не является предметом знания.

Мы видим глазами, но мы, если мы не подходим к зеркалу, не видим наших глаз. Глаз не видит сам себя, он видит все, что ему противостоит.

Поэтому этот принцип превосходства знания, превосходства возможности знать, отрицательное знание, которое выражается в том, что Иблис отказывается поклониться Адаму, — это то, что действует в мире глобальной языческой мудрости.

И будем откровенны: и человеческое общество, и все аспекты этого мира являются проекцией этого огненного существа, которое в своей гордыне отказалось поклоняться глиняной кукле.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Ибрахим (Авраам)

Ибрахим (мир ему) — библейский Авраам — основал ислам, религию предания себя Богу, религию Единобожия. Ислам был основан в тот момент, когда он положил на землю своего сына и занес над ним нож. В этот момент прозвучало то великое слово «*аслама*» («они предали себя»), от которого происходит слово «ислам». Ибрахим (мир ему) был основоположником дома пророков, из которого вышли Моисей, Иисус, Мухаммад (мир им всем и благословение Аллаха). Обстоятельства их жизни во многом основаны на той модели, которая дана в биографии Ибрахима (мир ему). Именно поэтому Бог заповедовал всем последователям Единобожия до скончания времени провозглашать мир Ибрахиму и его потомкам.

«Подвиг веры», 1994

Иван Грозный

На сегодняшний день существует достаточно интересный ряд интеллектуалов, которые работают над темой, в какой степени являлся Иван Грозный кшатрийским лидером, представлявшим собой восстание воинской касты против клерикализма, и в какой степени Московская Русь Ивана Грозного была последней попыткой решить те задачи, которые были неадекватно поставлены Священной Римской империей германской нации и которые германские императоры так и не смогли разрешить: противостояние папе, противостояние клерикализму.

Я думаю, что опричнина была орденом, боровшимся с клерикализмом, попыткой продвинуть в данном регионе революцию воинской касты. Эта попытка провалилась, как следует из последующего Смутного времени и установления правления Романовых — а это была клерикально-бюрократическая монархия, имитировавшая превосходство воинской этики и структуры.

Это была имитация, потому что, во-первых, она была погружена в бюрократизм, в туземную закоснелость, это был цезаре-папизм, который подвергался, кстати говоря, резкой и острой критике Федором Михайловичем Достоевским, а позднее Мережковским, который прямо говорил, что романовские цари — это воплощение Зверя из Бездны, предтеча Антихриста. А с другой стороны, романовская династия управлялась атлантизмом, они были завязаны на Дальний Запад. Царская Россия стала через масонское посредничество проводником атлантических влияний. За масонской ширмой глобальный клерикализм, глобальное влияние поповских, жреческих ценностей.

«Проклиная холодную кровь», 22.04.2007

Идеология

Впервые идеология — в современном, партийном значении слова — появилась с Французской революцией 1789 г. Тогда французы разделились на «роялистов» (сторонников короля) и республиканцев. Республиканцы и монархисты были и раньше, в той же Англии времен Кромвеля или Древнем Риме. Но тогда это не было идеологией. Политические деления опирались на религиозный мотив.

В наше время идеология не нуждается в высшем оправдании, выходящем за рамки обыденной жизни. Предметом идеологии может быть спор по поводу ЖКХ или отношения к налогам. Сегодняшние левые доказывают свою левизну тем, что требуют взимать прогрессивный налог с богатых. Другие идеи им просто не нужны.

Идеологические программы партий фактически не различаются между собой. Различаться им не дает жесткая договоренность в современном обществе о том, что можно говорить и чего

нельзя. 99% тем, существующих в большой культуре, в наши дни невозможно ввести в политический оборот: это будет вызовом политкорректности! Прошли те времена, когда говорилось о пролетарской или буржуазной идеологии. В то время считалось, что идеология обращается к реальным группам людей, не похожим на другие, и выражает их особые интересы. Сегодня, по умолчанию, все идеологии обращаются к одинаковым людям и являются поводом для конкуренции партийных брендов. Электорат делится между партиями по тому же принципу, что и фанаты футбольных клубов. С таким же успехом можно говорить об идеологиях «Спартака» или «Челси». Конечно это не значит, что современное общество состоит из одинаковых бильярдных шаров с приблизительно намалеванными на них человеческими лицами. Как и в прошлом, разные и даже несовместимые группы людей противостоят друг другу. Если бы они смогли высказываться от своего имени, у мира возникли бы разные версии возможного будущего. Альтернативные перспективы, связанные с этими человеческими типами. Именно поэтому власть лишает носителей различия возможности говорить, затыкая им рот принятыми и одобренными идеологиями. Это форма психиатрической терапии, которая применяется властью к населению как к пациенту сумасшедшего дома.

«Кризис реальности», 2008

Иерархия

Иерархия существовавшего общества всегда являлась производным от иерархии человеческих целей. В традиционном мире разные цели, стоящие перед человеком в жизни, не равны друг другу. Одно дело — постигать и хранить «высший Закон», благодаря соблюдению которого сохраняется равновесие всех вещей и тенденций, совсем другое дело, например, торговать или мастерить нечто для житейской потребы.

Постижение закона — дело высшей касты, жрецов, которые и «слеплены» из особой глины. Как гласит традиционная мудрость, жрецы сделаны из головы «Великого Существа». Воинская каста реализует в качестве своей высшей цели страсть, которая своим низшим выражением имеет насилие и разрушение,

а высшим — любовь, она же самопожертвование. Третье сословие — купцы, ремесленники — занимается «обменом веществ», их дело — производство и распространение материальных благ.

Очевидное неравенство этих принципиальных жизненных целей оправдывало превосходство или подчиненность тех, кто эти цели преследовал.

Касты и корпорации формировались по строгим критериям соответствия этим целям. Человек с преступными наклонностями не мог быть членом касты жрецов, а человек, неспособный на самопожертвование или хотя бы воинскую отвагу, не мог входить в касту пассионариев.

Современное общество отличается тем, что, во-первых, все цели в нем даны не в своем полноценном природном виде, но как бледные подражания или пародийные имитации того, чем они являлись в прошлом. Закон сегодня стал продуктом парламентского законотворчества, которое мотивируется закулисным согласованием корыстных интересов элитных группировок.

Любовь дегенерировала до деятельности гуманитарных фондов и благотворительных организаций, отвага укрылась за технологическим превосходством огневой мощи, способной за сутки разнести в щебенку крупный жилой массив. А «обмен веществ» с материальной средой полностью покорился азартным играм «воздушной» экономики, которые ведутся на фондовых рынках.

Единственным сохранившимся сословием остались жрецы — ценой того, что вывели себя через ряд социальных потрясений за рамки общества. Они превратились в полумифических «олимпийцев», которые существуют как бы «среди людей, но не с людьми». Они отдали профанированный закон на откуп светским либеральным учреждениям, а сами, с точки зрения общества, воплощают ставшие совершенно абстрактными «вечные ценности». Значит ли это, что с исчезновением религиозной иерархии в обществе наступило равенство? Нет! Современное общество иерархизовано до предела, но критерием превосходства одних над другими сегодня является уровень причастности к власти, лишившейся всякой претензии на высшее духовное оправдание.

«Кризис реальности», 2008

Израиль

Израиль никакого отношения не имеет к иудаизму. Это продолжение Иерусалимского королевства Балдуина.

Что такое Израиль?

Говорится, что это евреи.

Но это вторжение Запада, который вновь, как и в Средневековье, влез туда и институциализировал захват Иерусалима. Только раньше это были крестоносцы, теперь же, по техническим причинам, это нельзя сделать в такой же форме, поэтому были использованы евреи, но это — не евреи, это — представители Запада.

И Израиль — это Иерусалимское королевство, это восстановление средневековой западной оккупации. Израиль — это продолжение Рима, это не иудаизм. Иудаизм же там подавляется. Если подлинные иудеи, протестующие против сионизма, выходят на демонстрации, их бьют по головам.

... Это единственное в мире расистское апартеидное государство, выстроенное по этническому принципу. Можно все оставить как есть, но отменить его однозначно еврейский характер. Не еврейское государство, а государство всех. Сирия — это же не арабское государство. Приехал, получил гражданство и живи. Там полно христиан, иностранцев. Технически это просто, но сионисты — это особый клуб, который связан с массой политических интересов, для которого согласиться на такой ход — это совершить политическое самоубийство.

Но ортодоксальные иудеи хотят именно самоубийства сионистов, они хотят упразднить еврейский характер этого государства. Потому что мистический Израиль, с их точки зрения, должен возродить Мошиах, но не Герцль, не Жаботинский.

*«Арабо-израильский конфликт —
осевая эсхатологическая тема», 2004*

...Чем они отличаются (Россия, Китай, Индия — РКИ)? Они хотят сделать рывок и «на хапок» войти из пролетариев в миноритарии, воспользовавшись мировым кризисом. При этом в ходе кризиса из миноритариев выпадают евреи и выпадают спекулянты. Потому что кризис, который развивается, — это кризис финансовый, это лопанье пузырей и это обанкрочивание

до 90% того класса богатеньких, который возник на фондовых рынках с деривативами.

Пузыри лопаются, спекулянты идут в расход. И евреи тоже идут в расход.

А евреи и спекулянты — это сила, которая поддерживала либералов. И тут оказывается, что либералы получают сильнейший удар. Либералы теряют свои кадры, они теряют в миноритариях.

Поднимаются РКИ и хотят стать миноритариями, а в миноритариях они собираются поддерживать традиционалистов. Отсюда Путин роет землю, подбивает клинья под Лондон, под «знать», с Китаем они там шуруют на поддержку традиционалистского клуба. Индия — это вообще традиционалистский регион (брахманский). И группа РКИ ориентирована войти на место евреев и спекулянтов и поддерживать традиционалистский клуб.

Естественно, что это вызывает отчаянное сопротивление либералов и евреев. И отсюда у нас схема с Украиной.

Россия активно пытается повысить свои акции и заявить о себе как о полноценной империи, которая выходит за национальные рамки и превращается в мирового игрока. И ей дает на это карт-бланш не кто иной, как Израиль, который этим путем хочет создать кризис для России.

И у него (Израиля) есть специфический конфликт с Обамой.

Почему у него конфликт с Обамой? Обама в стане либералов — это человек, который имеет особые отношения с традиционалистами, точнее, с международной бюрократией, со спекулянтами, с космополитической тусовкой: то есть он, будучи либералом, не стоит на платформе национал-почвенничества, он не стоит на платформе американского традиционного классического либерализма республиканского замеса. Он стоит на платформе космополитизма, который обслуживает, в принципе, интересы Лондона.

Поэтому Обаме важно слить жестких сионистских ястребов, вообще избавиться от Израиля. Потому что Израиль, среди этих миноритариев, ориентирован на вчерашний день (на американскую республиканскую империю, на правых либералов, на все такое жестко консервативное, что возникло после 1945 года).

Сам Израиль поднялся на разгроме Европы, на унижении Европы, на господстве США над Европой: порядок 1945 года, на котором они получили вот этот Израиль.

И сегодня Обама начинает вилять хвостом.

Нетаньяху говорит Обаме: «Давай бомбить Иран». Тот говорит: «Не смей». И там начинают не давать въезд израильским чиновникам, там сенаторов проверяют на лояльность, которые до сих пор выступали за Израиль.

Тогда Израиль думает: «Хорошо, ты у меня посмотришь, ты у меня понюхаешь».

...В результате чего Обама выглядит идиотом: «Перезагрузка» к черту улетела, демократы дискредитированы как слабаки и придурки, они точно идут на проигрыш в голосовании на следующих выборах президента, Хилари Клинтон пролетает как фанера над Парижем.

И явно уже маячат республиканцы. То, что и требовалось доказать, потому что республиканцы — это восстановление прав лобби, AIPAC.

«Социум как глобальное Акционерное общество», 2014

Иллюзия

Иллюзия как понятие занимает солидное место в традиционалистской метафизике, в частности, отраженное в термине *«майя»*, популяризованном различными вульгаризаторами восточных доктрин на Западе.

Майя, в широком смысле слова, — кажимость, марево, иллюзия как манифестированный мир. Это не совсем точная передача смысла, поскольку в действительности «майя» буквально означает «субстанция». У этого санскритского слова общий корень со словом mater, т. е. материя.

Материя, мать и субстанция — это все термины одной категории, это пассивный полюс существования, и в крайнем своем выражении — непроявленный потенциал, «ночь внизу», из которого происходит materia secunda, проявленная субстанция, которая, в свою очередь, является основой организованной вселенной.

Ради простоты изложения примем, что майя, субстанция и иллюзия — это родственные категории, потому что иллюзорность — это то, что присуще преходящему: оно не было, оно в данный момент существует, дальше его не будет.

Мы живем в мире, который является относительно иллюзорным, потому что все-таки определенным существованием он обладает.

Почему он иллюзорен?

Для человека, который так и не состоялся в роли «абсолютного» созерцателя, этот мир вполне непреложен. Не просто обыватели, но иной раз и философы утверждают, что мир был всегда, материя неуничтожима, организованная проявленная вселенная всегда была. Даже вполне подготовленные люди уверены, что бытие существует как нечто непреложное.

Если все элементы структуры уничтожимы сами по себе (а это очевидно), то и сама структура уничтожима.

А раз уничтожима сама структура, то нельзя говорить о том, что она (организованное бытие, Великий космос) представляет собой окончательное утверждение.

Если параллельно, наряду с ней, внутри ее существует активно действующее уничтожение, то оно-то и есть подлинно то, что есть, оно (уничтожение) оказывается безальтернативным, единственным, что утверждается.

Мы говорили о косе негатива, которая косит все относительное, эта коса негатива и составляет чистое утверждение, потому что она утверждает только себя, отрицает все, кроме себя.

Утверждение — это то, что нельзя превозмочь, нельзя параллельно утвердить что-то рядом с утверждением, нечто большее. Если можно что-то рядом с этим утвердить, значит, это уже не утверждение, его «утвердительность» иллюзорна.

Мы вначале говорили о древнегреческих философах-космистах. Кто-то из них говорил, что «все есть вода». Замечательно, но ведь мы можем домыслить себе что-то еще: воздух, огонь. И, действительно, следующий, приходящий на смену ему, говорил: все есть воздух, все есть огонь. Но если можно сказать «все есть нечто» и это «нечто» определить так, что рядом можно поставить в принципе что-то иное, значит, это утверждение неверно.

«Утверждением» будет являться то, кроме чего ничего нет.

Понятно, почему с точки зрения традиционалистской метафизики мир иллюзорен: ведь кроме него есть нечто, что его «убирает», а именно — простая бесконечность.

Простое чистое небо, бездна, которая, вращаясь, стирает все проявленное. Она-то и есть «утверждение».

Вот это — реальность.

Реальность — это чистая, не имеющая определений бесконечность, которая утверждает только себя, утверждает за счет того, что стирает все, что не есть она сама. Более того, она создает некие видимости только для того, чтобы жить, стирая их.

Это коса, которая как бы сама растит траву, которую же и косит. Эта коса существует в том, что она косит. Она сама производит предмет своего действия.

Возникает вопрос.

Если есть реальность, если эта реальность безусловна и абсолютна, эта реальность, которая уничтожает, косит, утверждается только за счет того, что она исключает все, что не есть она. Для нас остаются открытыми и нерешенными некоторые гносеологические вопросы.

Каждый из нас как субъект, как воспринимающее существо перед лицом вечности неким тайным образом может постичь, что его истинное живое «я» нетождественно этому «бесконечному снаружи».

Если бы такое тождество было, то нас самих просто не было бы (идеал и конечная цель «реализации» дважды рожденных, согласно Генону).

«Традиция и Реальность». Курс лекций в МГУ, 1998

Империализм

Империализм предполагает ликвидацию буржуазии как класса. Буржуазия неспособна организовать такой уровень отчуждения государственной машины от человеческого фактора, который нужен сейчас империи. Буржуазия вытесняется и ликвидируется либералами, что произошло в Европе в 1945 году. Империя базируется на спекулятивно-финансовом капитализме. Главное действующее лицо в этом капитализме не буржуа, а неолиберальный менеджер. Именно после ухода с исторической сцены буржуазии как класса традиционалистский клуб начинает игру против ее могильщиков. Могильщиком буржуазии оказался не пролетариат, а именно либералы, имеющие исторические корни в богеме.

«К годовщине смерти Чавеса», 05.03.2014

Империя

Имперская идея совершенно неадекватна современному миру по очевидной причине: современный мир представляет собой пародию на империю, откровенный «фейк».

Что такое Евросоюз? Разве не империя с формальной точки зрения? Безусловно! Но почему же никто психологически не воспринимает ЕС как империю, а Брюссель — как новый Рим или Каракорум? Потому что это пародия при сохранении всех требуемых внешних черт: единство многонациональных территорий, единство административных правил, господство наднациональной бюрократии, которая давит национальную.

Даже Советский Союз, который был устроен по тем же лекалам, что и «Соединенные Штаты Европы», был большей империей. По крайней мере, он не был симулякром!

В чем же разница?

Сегодня многие теоретики активно используют термин «империя» по отношению к глобальной мировой системе. Рим как будто бы распространился на весь земной шар, и все осколки старых цивилизаций, еще уцелевшие по периферии, построены по правилам новой римской легитимности. Даже в странах, где официально шариат упоминается как источник права, это не более чем дезинформация, адресованная массам.

В действительности правовое поле и Египта, и Малайзии организовано вокруг либеральной концепции закона. Первоисточником этого был кодекс Наполеона, который, в свою очередь, отправляется от Римского кодекса.

Мир поставлен на колени и подчинен диктатуре «классных наставников», которые всюду заходят с проверками (этакие прокураторы!) и бьют больно указкой... хорошо, если по пальцам.

Но все равно это не империя.

Главное, что отличает современный мир от настоящей империи — отсутствие мотивированной власти.

Мотивированная власть — это проявление Великого Существа на земле в зеркале человеческого пространства. Это проявление всегда связано с некой специфической сверхзадачей. Как только сверхзадача оказывалась дискредитированной, несостоявшейся — империя кончалась.

Проявление Великого Существа без сверхзадачи — а такое на определенном этапе было нормой — это царство. Вавилонское, Аккадское, Шумерское... Все это — царства, но не империи, потому что первые лица в этих образованиях были не деятелями, а скорее живыми памятниками Великому Существу.

Сегодня организовать царство по архаичным лекалам невозможно, потому что мир становится площадкой, где разворачивается титаническая борьба между двумя полярными взаимоисключающими метафизическими основаниями человечества: бытием и сознанием.

За бытие — так называемые элиты, но при этом у них нет поэтапно разворачивающегося внематериального и сверхматериального проекта.

У радикалов, которые стоят на стороне сознания, такой проект есть, потому что радикалы — это носители эсхатологической идеи.

Эсхатология в смысловом плане указывает на последние времена. Доктрина финализма — это просто слегка отредактированное переиздание эсхатологии.

В условиях такой поляризации все, кроме этих двух борющихся полюсов, будет подделкой и симулякром: и империи, и национальные государства.

«Тупиковость имперской идеи в современном мире», 2016

Индия

Эта крупнейшая «азиатская демократия», получившая, при скрытой поддержке Великобритании, доступ к ядерному оружию, опережающая соперничающий с ней Китай в ряде чувствительных технологических направлений и контролирующая водное пространство между Атлантическим и Тихим океанами, находится в орбите политического влияния британских и европейских элит, являясь, таким образом, в перспективе ресурсом глобальной системы.

Один этот факт делает существование «великой Индии» опасным и неприемлемым в контексте американского стратегического планирования. Пентагон рассматривает Индию как один из инструментов нейтрализации Китая в ходе обоюдно разрушительного конфликта.

«Давид против Голиафа», 2011

Индульгенция

Рок, время, вечность, судьба — это та энтропийная сила, которой мы постоянно платим.

При передаче этих энергий снизу вверх что-то оседает и на руках посредников — что-то, но не много.

Потому что финальным посредником является жречество.

Именно жречество преобразует видимое золото в невидимое, как это выражено во всех доктринах всех конфессий, имеющих организованное корпоративное духовенство.

Можно было бы здесь приводить иллюстрации, вплоть до истории с Фомой-апостолом, который пришел в Индию и которому местный раджа поручил сделать дворец. Он взял много золота, слоновой кости и алмазов, а дворец все не строился и не строился. Наконец нашептали придворные, что тебя-то Фома обманывает, и раджа жестко сказал: «Знаешь что, Фома, мне надоели твои рассказы, я хочу посмотреть на этот дворец». Они приехали со стражниками, с верблюдами и видят на месте дворца пустырь. Раджа говорит, чтобы взяли Фому и заковали в кандалы. Фома сидит, ждет казни, а раджа видит во сне дворец, роскошный дворец, но недостроенный, и голос ему говорит: «Это тот дворец, который тебя ждет в невидимом мире, но ты помешал Фоме его достроить». Он с извинениями его выпустил.

Или, если хотите, можно напомнить об индульгенции.

Как-то один теоретик и метафизик сказал, что индульгенция — это единственная возможность простому человеку, дав свои деньги церкви, поучаствовать в духе. То есть он дает свое золото церкви, и она ему говорит, что прощает его грехи. И тем самым это золото преобразуется из видимого в невидимое. Это особый вопрос.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Интеллектуальная экономика

Трагедия человечества в том, что каждый следующий день существования стоит дороже, чем предыдущий. И поэтому человечество сейчас стоит перед следующим шагом.

С одной стороны — золотой миллиард. С него сняли столько, что больше снять уже нельзя. При сохранении Иван Иванычей больше не снимешь.

С другой стороны — пять миллиардов, которые упираются ногами и не хотят в постиндустриальное общество: они не хотят отдавать больше, чем уже отдают. А по большому-то счету снять с них уже нечего перед лицом тех выплат, которые должна осуществлять мировая западная цивилизация Даджала. Все, что можно взять с китайцев, индонезийцев, бразильцев, — это уже ерунда. Это никому не нужно. Это то, что называется «на орехи».

Что делать? Превращать их в такое же общество, т. е. экстенсивно поднять их до уровня французского среднего класса? Но это стоит гигантских затрат.

Вспомните, сколько было затрачено, чтобы крестьянскую Россию 1917 года довести до супериндустриального СССР 1940-го с его многочисленными заводами, огромной армией и тысячами танков. Знаете, сколько для этого нужно было вложить реальных денег? Были ограблены крестьяне, правящие классы, извлечены бриллианты из лифчиков принцесс, Рембрандты из хранилищ Эрмитажа — все пошло на это превращение. Откуда сегодня взять такие ресурсы, когда уже все реальные ресурсы распиханы по карманам спекулянтов для того, чтобы пять миллиардов проделали такой же путь? А сегодня потребуется гораздо больше, трансформация теперь будет гораздо дороже.

Какие нужны чудовищные ресурсы, чтобы семисотмиллионную черную Африку, умирающую от голода, нищеты, невежества, где племена типа тутси режут друг друга, превратить сегодня хотя бы в современную Португалию! А кто их будет давать? Сегодня большевиков нет. Правящий мировой класс не будет давать эти деньги, ему проще эту Африку вообще вычеркнуть, чем превращать в супер-Португалию.

Нет средств для экстенсивного развития третьего мира, да и для интенсивного развития той же Европы и Америки в рамках индустриально-модернистского проекта их также нет. Поэтому сегодня речь идет о постиндустриальном обществе, когда дальнейший рост становится виртуальным, т. е. происходит только в сфере имагинативного цифрового проектирования. Возникает так называемая интеллектуальная экономика, где за цифрой стоит опять же цифра, образ, концепт, бит информации.

Чтобы поддерживать на плаву замкнутый город, сад из интеллектуальной экономики при полном полицейском контроле

над остальными, которые в этот сад не допущены, необходимы колоссальные источники энергии, необходимо, чтобы все материальные вопросы были решены.

Мы находимся в сложной ситуации, ибо все, отказывающиеся быть рабами информационного пространства, терминалами, превращаются во врагов этой империи, отбрасываются в так называемую пустыню или такую глобальную провинцию, где они будут просто контролироваться различными чипами и спутниками и подавляться полицейскими экспедициями без всякой пощады, притом что ресурсов для их существования и развития дано не будет. Даже еда будет распределяться через интернет-каналы, и мусорный бачок станет вчерашним днем, о котором мы будем вспоминать, что было время, когда у мусорного бачка могли поживиться бомжи. Не будет мусорного бачка. Не будет магазинов. И денег не будет. Деньги будут чем-то вроде персонального рейтинга за участие в качестве терминала в обратной связи с интернетом.

Насколько человек передал ему свое внутреннее время, свой ресурс, настолько он получает очков, на которые может заказать себе в дом нужное количество калорий. А если ты свободный человек, бегаешь сам по себе — ну и живи как заяц или олень, грызи кору. А взбунтуешься — подлетит летающая тарелка и расстреляет.

Примерно так будет выглядеть то, что планируется. И это не пугалка, не фантастический сюжет, а то, что претворяется в жизнь уже сегодня. Но с приходом Махди мы разорвем этот порочный круг...

«Система убивает смысл времени», 01.01.2006

Интеллигенция

Раньше была интеллигенция, которая давала стержень сопротивлению простых людей.

Они опирались в своей борьбе на организованное сознание.

Сегодня сознание «образованцев» дезорганизовано.

Стоит взглянуть на форумы, чтобы понять, какой треш в мозгах людей с дипломами.

В итоге сегодняшний рабочий класс разрознен и дезориентирован, беззащитен перед дерипасками всех мастей.

Раньше ряды революционной интеллигенции пополняли взбунтовавшиеся поповичи. Они несли с собой в аудитории университетов веру отцов. Только эта вера лишалась теологической риторики и возвращалась к корням прямой проповеди Христовой.

Нет выше как «положить душу за други своя».

Сегодняшние наследники былой интеллигенции вышли из советских коммуналок, где нянчили злобу на идеалистов прошлого.

Ненависть «образованцев» к добролюбовым и чернышевским огромна. Они винят их в том, что совок недодал им колбасы вдоволь.

Нет никого праволиберальнее, чем обыватель, вырвавшийся из коммуналки на просторы собственного офиса.

«Хомяки лично ответственны...», 04.09.2012

Интернационализм

Интернационализм есть наиболее общая база нашей идеологической платформы, без которой конкретизация дальнейших политических взглядов была бы бессмысленной.

С нашей позиции очевидно, что базовой ценностью всемирной борьбы угнетенных является солидарность всех тех, кто отстранен от определения собственной судьбы, от выражения собственной политической воли, от участия во всемирном проекте человеческой истории. Эти «отстраненные» должны взаимодействовать друг с другом на самом низовом уровне через барьеры культур, языков и способов бытового существования, которое в последнее время стало модно называть словом «цивилизация».

Мы не верим ни в пресловутое столкновение цивилизаций, ни в их диалог. Это новые политтехнологии власть имущих, направленные против интернационала обездоленных. Любая солидарность находит свое практическое выражение в наиболее активных выдвиженцах из числа тех, кому есть за что бороться. Это те, кто готов пожертвовать всем, даже жизнью, противостоя угнетению.

Практическая форма солидарности таких людей традиционно принимала во времена великих социальных потрясений форму «комитетов» или «советов».

История показала, что, когда эти базовые объединения борцов замкнуты внутри национального фактора, они обречены на поражение.

Только интернационализм органов самоуправления прямой демократии является гарантией исторической перспективности и окончательного успеха мирового революционного движения.

«Манифест нового Интернационала», 25.11.2003

Информационное общество

Мы вступаем в информационное общество. Вокруг нас стремительный диктат информации вытесняет сферу знаний, сферу исследования, сферу постижения, сферу проникновения. На место всего этого приходит информация. То есть потоки импрессии, которые соответствуют заранее заготовленным клише. Мы становимся своего рода носителями искусственного интеллекта, который как бы щелк-щелк-щелк — и какие-то клинья, какие-то плоскости встают на место в заготовленные для них емкости, заготовленные для них щели.

Первый шаг к информационному обществу был сделан в Элладе, как ни странно.

Элладу рисуют детством человечества. Маркс говорил о том, что это смеющееся, ликующее детство человечества, имея в виду, что это все спонтанно, это все замечательно: статуи, песок, вода, венки, танцы. А оказывается, это первый шаг к информационному обществу, первый шаг к тому, чтобы человек перестал быть человеком.

Вот почему эллинизм воспринимался ранним христианством, да и исламом, как вызов духу, как страшная угроза, как духовная язва.

Вот почему церковь боролась с эллинизмом.

К сожалению, эллинизм оказался гораздо более гибкой, живучей и соответствующей чему-то инертному, чему-то страшному в человеке традицией, которую не удалось вытеснить.

Она осталась, действует, и, можно сказать, в какой-то степени она сегодня победила, хотя в совершенно другой, не опознаваемой как эллинизм форме.

Но не будем забывать, что в христианское время эллинизм неоднократно возвращался через Возрождение: например, через неоклассицизм немного спустя.

В разных формах он возвращался, притаскивал все наследие в виде статуй с их слепыми глазами, которые, как говорят, были раскрашены и имели зрачки в то время, когда их изготовили, и многого другого — капителей, колонн, пропорций.

Так вот, информационное общество — это общество, которое постулирует право материи быть непрерывной, гомогенной и не иметь ни малейшего зазора посреди себя.

Информационное общество — такая организация человека, где в человеке уничтожается точка противостояния, капля противостояния, капля света: она выбрасывается из его сердца.

Общество в Древнем Египте не посягало на это.

Тогда было общество тирании, общество рабов, из которых выжимали все соки, превращали их в едкий пот, в оливковое масло, но там не посягали на эту точку.

Информационное общество говорит нам о том, что материя является потоком чистого количества, в котором дискретность иллюзорна, а континуумность является финальной правдой о том, как устроен мир — мир-континуум.

Попытка Демокрита разбить его на атомы дискредитирована в информационном обществе, в информационной доктрине о реальности.

Информационное общество — это путь, который прошла эстетика с берегов Эллады для того, чтобы снова похоронить морально-этическое представление о зле и вернуть аморальное, контрморальное переживание статус-кво как единственно данное и должное, поток восприятия которого должен соответствовать системе заранее заданных клише.

Лекция «Цветы зла», 2002

Информация

Информация есть та последняя тюрьма духа, из которой обычный человек практически не имеет шанса ускользнуть.

Это самая совершенная эссенция лжи, которую будет загонять «шприц», воткнутый в мозги человечества. Она вне всякого сравнения превосходит фальшь предыдущих эпох, которая оставляла возможность для индивидуальной интерпретации, переваривания и усвоения на личностном уровне.

Информация не подлежит индивидуальному взаимодействию, ускользает от обратной связи. Это ложь, не допускающая зазора между собой и человеческим «я». Но именно в этом информационном обществе происходит полномасштабное освобождение элит от механизмов социального рока.

Сегодняшний обыватель знает об особах королевской крови, во-первых, то, что они «царствуют, но не правят», во-вторых, то, что они появляются в Каннах под руку с топ-моделями.

При этом реально он чтит их несравнимо более рабским и фанатичным образом, чем его прадеды, умиравшие за монархов на полях Вердена и под Перемышлем.

Для тех монарх был символом божественного присутствия. Для нынешних правнуков «высшее общество», чью гламурную благодать они пьют со страниц таблоидов, есть само благо в чистом виде, прекрасная жизнь, сам факт которой оправдывает существование цивилизации. Это ли не торжество того, ради чего сошел с ума профессор классической филологии?

«Наследие Кириллова», 2007

Иран

Иран — высокопоставленный субъект мировой политики, статус которого и статус его правящей элиты «весит» намного больше, чем все его соседи, вместе взятые. Шиитская теократия непосредственно выходит на Традиционалистский клуб, она является его частью. Эти люди — «свои» при Виндзоре. Поэтому, при всей агрессивной антииранской риторике, Ирану ничего не грозило все это время.

Они взяли за ухо выскочку и самозванца Пехлеви, отец которого совершил антикаджарский переворот и который позиционировал себя как лакей американцев (по крайней мере после 1945 года), — и выкинули. И сегодня те люди, кто правит Ираном, являются частью большой Системы в самом высоком эшелоне ее иерархии.

Финальный расклад будет такой: с одной стороны будет Радикальный клуб, а с другой — Традиционалистский, Иран уже сегодня засветился как «первый крик петуха» Традиционалистского клуба. Еще в 1979 году Традиционалистский клуб организовал свою собственную площадку в лице Ирана, что не-

удивительно, т. к. Иран — источник традиции для всего Запада со времен эллинизма и начала античности...

Иран рассматривает себя как куратора значительной части евразийского региона. Исторически вся Центральная Азия принадлежала Ирану. В древности территория Ирана включала в себя Малую Азию, Сирию, Ирак, а на востоке — Афганистан и Мавераннахр, то есть территорию между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей.

И не то чтобы Иран ждет с нетерпением начала этих процессов, просто в Традиционалистском клубе есть понимание, что у Ирана есть эта роль и что он эту роль будет играть.

Геополитическая монада, имеющая 2,5 тысячи лет истории. Есть люди при этой монаде, которые составляют определенную корпорацию посвященных. Они входят в макрочеловеческий уровень некоего понимания судеб, и они знают, что будет именно так. И они абсолютно спокойны.

Интервью для Евразийского новостного портала, 22.10.2013

Иранская революция 1979 года

На самом деле в 1979 году не было исламской революции в Иране. В 1979 году произошла так называемая консервативная революция, которую осуществили в конечном счете клерикалы. Они осуществили традиционалистский переворот. Это был переворот не в интересах чистого ислама. Это был переворот в интересах традиционной жреческой касты, которая известна под разными масками: до сефевидов они были суфиями, после сефевидов стали шиитами, но это все те же самые суфии, в основе их доктрины — *ирфан*, гнозис.

И содержанием этого гнозиса является учение омейядского суфия Мухиддина ибн аль-Араби, который никакого отношения к шиизму не имеет. Это человек, который создал доктрину «*вахдат аль-вуджут*» — то есть пантеистическую доктрину так называемого «единства бытия», которая просто принципиально не имеет ничего общего с Коранической доктриной трансцендентного Всевышнего Творца. Это просто-напросто пантеистическая доктрина, которая своими корнями восходит к грекам — платонизму, к неоплатонической философии — и которая кон-

трабандой проникла через суфиев в сердце исламского мира и до сих пор его отравляет вот этой клерикальной метафизикой, которая распространяется из Кума.

То есть в Куме и Тегеране сидят попы, которые находятся на платформе греческого гнозиса и выдают себя за исламских «вероучителей», требуют *таклида*, т. е. следования себе, объявляют себя *муджтахидами*...

В действительности их мировоззрение — это мировоззрение, ничего общего не имеющее с исламской доктриной, более того, ничего общего не имеющее с «*Нахдж аль-Балага*» — собранием выступлений, проповедей и посланий хазрати Али (да будет доволен им Аллах), которого они объявляют фундаментом и основой шиитского мазхаба. Но если вы возьмете «философию» кумских аятолл и то, что собрано в посланиях хазрати Али, которого они считают первым имамом (то есть хазрати Али — это гордость Уммы, один из ярчайших сподвижников нашего Пророка (мир ему и благословение Аллаха), то не найдет ничего общего между той доктриной, которая содержится в его посланиях, и доктриной, которую мы можем обнаружить в писаниях аятолл Талегани, Табатабаи, Ларинджани и также прочих. Ничего общего не будет — это пантеизм, чистый пантеизм. На самом деле это суфии, которые сбивают с толку, называя себя шиитами.

«Иран с Арменией против Азербайджана»,
11.12.2015

Иран и Россия

Сегодня в многоэтапной тридцатипятилетней эпопее постшахских взаимоотношений между Москвой и Тегераном наметился определенный итог. (Кстати, важно отметить, что точкой отсчета в этих отношениях является именно Исламская революция и возникновение послешахского Ирана, а не распад СССР и появление постсоветской России.)

Дело даже не в том, что масштабы торгового оборота между двумя странами опустились ниже одного миллиарда долларов.

Гораздо важнее то, что, независимо от активной риторики проиранского лобби в Москве и пророссийского лобби в Тегеране, Кремль с гранитным постоянством строится в общий ряд с Вашингтоном и его сателлитами и разделяет позицию,

которая высокопарно и лживо именуется позицией «мирового сообщества».

Здесь приходится констатировать, что проиранское лобби в России не смогло выполнить стоящих перед ним задач и оказать существенное влияние на позицию российских чиновников.

Эти чиновники как стояли на платформе «ираноскепсиса», так и продолжают на этой платформе находиться по сей день, оказываясь подчас в каких-то аспектах даже более антииранскими, чем Вашингтон, которому это положено, что называется, «по должности».

В последние годы главным инструментом демонстрации политического партнерства обеих стран было отношение к режиму Башара Асада в Сирии, который поддерживали и Москва, и Тегеран. Соответственно, и Москва и Тегеран декларировали свою враждебность к радикальной суннитской оппозиции и клеймили «подлую политику» империалистов по отношению к братской Сирии.

Однако совпадение позиций по Асаду и совместная поддержка алавитского (баасистского) режима — всего лишь надводная часть айсберга.

Подводная же часть — это мировоззрение чиновников, которое десятилетиями формировалось таким образом, что солнце для них восходит на Западе, а между Россией и Исламским миром, в том числе и с Ираном как частью этого мира, априори существует глубокое расхождение по многим вопросам стратегического характера.

«На чьей стороне Иран?», 27.03.2015

Иса (мир ему)

Мусульмане верят во второе пришествие Иисуса Христа, которого называют «Иса-Масих», то есть «Мессия Иисус».

С точки зрения мусульман, хазрат Иса (святейший Иисус) является новым Адамом — согласно кораническому аяту, в котором говорится:

«Воистину, Иса для Аллаха таков же, как и Адам. Сотворил Он его из праха, потом сказал ему: Возникни! — и тот возник» (3:59).

Аллах создал его без посредства физического отца из субстанции... В арабском тексте употреблено слово *«тураб»* — «земля», но «земля», «глина» и даже «огонь» в кораническом тексте являются названием различных модусов универсальной субстанции.

Что для нас это означает?

Адам открывает цикл человеческой истории, внутри которой непосредственное следование жесткому сюжету, провиденциальному сценарию. Это как постановка пьесы, написанной великим драматургом, которая реализована строгим режиссером. Приход хазрата Исы (мир ему) — нового и завершающего Адама — есть конец пьесы, конец строгой режиссерской постановки, после которой актеры остаются на сцене предоставленные самим себе и начинают импровизировать. Но поскольку их труппа — это не драматург и не режиссер, а они — не творческие люди, а имитаторы, то они, как могут, воспроизводят обрывки отыгранной внутри адамического цикла пьесы по памяти в надежде, что в конце к ним явится кто-то, кто выставит им за импровизацию оценку: «единицу» или «пятерку».

Нюанс в том, что после нового Адама — Иисуса Христа, закрывающего цикл, — Провидение посылает в мир последнего пророка, цель которого — последнее разделение на «козлищ и агнцев» (выражаясь библейским языком). Импровизирующие актеры предоставлены самим себе, но опять-таки их разделяет разнонаправленный вектор, который некоторых из них возвращает в общину, а большинство сгоняет в общество. Объективно, община ждет второго пришествия Иисуса Христа как подтверждения того, что виртуально открывшаяся в них от «первого Адама» частица Духа Божьего состоялась и стала подлинной. Общество же ждет Антихриста, который, по фундаментальной интуиции жречества и следующих за ним пасомых, должен вернуть им Золотой век — «океаническое блаженство» пра-времени.

Иисус возвращается в силе и славе как свидетель торжества Духа Божьего над субстанцией, что и было тайным подразумеванием метаисторической пьесы, в которой в качестве актеров играло человечество.

Но рядом с ним выступает ожидаемый Махди (да ускорит Аллах его приход).

Махди с арабского переводится как «ведомый»; он — потомок Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и да приветствует), посланный Творцом как вождь верных людей в последней войне против Антихриста, который направляется в каждом своем жесте и движении души и тела непосредственно Всевышним.

После победы над Антихристом Махди, который во время войны выступал рядом с хазратом Исой (мир ему), возглавляет оставшихся в живых победителей (а среди них как мусульмане, так и христиане, не принявшие Антихриста и не соблазнившиеся) и наполняет мир справедливостью так же, как до этого он был наполнен злом и страданием. После этого периода торжества, в котором сами физические законы будут изменены и которое в христианской традиции называется «*хилиазмом*» — тысячелетним царством, — звучит труба Архангела, и с этим звуком все умирают, а по второму гласу трубы — воскресают на Страшный суд.

«Адам и проблема ветхого человечества», 2014

Искусство

Проблема только в том, что искусство не достигает своей цели, потому что это некое фантомное воспроизводство определенных моделей, которые тут же десуммируют, потому что, если даже мы возьмем обозримый период времени — например три тысячи лет, которые мы существуем, — то, во-первых, искусство Ассиро-Вавилонии, Древнего Египта, тех ничтожных элементов, которые до нас дошли, — оно нам уже непонятно, и те интерпретации, которые мы им даем, целиком на нашей совести.

Культурная преемственность поддерживает традицию. Только сакральная, священная традиция внутри себя может гарантировать неотъемлемость и подлинность самопонимания, то есть она знает, что она имеет в виду то же самое и в X, и в XX вв. Но и там есть некоторые оговорки.

Что касается не сакральной культуры, то мы не можем утверждать, что мы понимаем, что имел в виду Сервантес, написав «Дон Кихота», и что испанский язык сейчас имеет ту же семантику, что и в XVI в. Я уже не говорю о более отдаленных эпохах, когда мы видим на фресках ряды воинов и читаем объяснение,

что это должно проиллюстрировать величие Тутанхамона, будто это идут покоренные народы отдать дань. Это просто околесица.

Мы не в силах адекватно интерпретировать творчество совсем недавних художников. Более того, часто сами художники не могут интерпретировать свое творчество и говорят, что оно не нуждается в этом, будто хаос внешнего мира они пропускают через себя и таким образом будто бы самовыражаются. Иными словами, человек, когда творит, он либо ничего не имеет в виду, либо имеет в виду то, что высасывает из пальца, или, если он имеет в виду нечто, то это нечто он берет из священной традиции.

Так было с искусством готическим, искусством Средневековья, искусством древних храмов цивилизации. В этом случае это просто некое ритуальное подражание перводействию Творца, ассоциирование себя с Первотворцом и попытка включиться в творческий акт, либо это просто медиумическое упорствование своего бессознательного. Более того, все продукты этого упорствования тут же растворяются и распыляются, ведь мы существуем не 3 тысячи лет. А где те поколения, которые мы не слышим, где их искусство, где то, что они пытались сказать?

В то же время мы существуем в космосе, устойчивом космосе, созданном Его взглядом, и мы знаем, что этот космос существует, во-первых, не 3 тысячи лет, а гораздо больше, а во-вторых, что смысл этого космоса, то есть тайна сюжета, которая стоит за Вселенной, не может быть нами интерпретирована. Мы в ней участвуем лишь как статисты, которые не читали сценарий.

Лекция «Судьба в исламе», 1997

Искусство, внешне родственное идолотворчеству, было бы откровенной глупостью, если бы не заключенная в нем сила отрицания. Это отрицание слепо и поэтому вновь и вновь проигрывает хитрой церкви человекобожия, но оно способно прозреть.

Ненависть к культуре — внутренний огонь искусства, нечеловеческий императив, отрицающий все, кроме себя, — его недостижимый идеал.

У титанов, проигравших олимпийцам, остается последний шанс: обратиться в единобожие. У любого подлинного художника пока еще есть этот шанс...

«Художник и культура», 1994

Ислам

Ислам, как и все, относящееся к авраамической традиции Единобожия, — это не религия в индивидуальном значении этого слова. Верующие просто не имеют права перед лицом Аллаха действовать по принципу «Я услышал призыв, я верующий, я практикую, а вы как хотите». Ислам — это гражданство. Человек может быть кем угодно, но если он родился в данном гражданстве, то находится под определенным покровительством. И до тех пор, пока он не совершил прямой измены, к нему будут взывать и напоминать о его обязанностях.

«Синдром «пятницы» российской Уммы», 01.01.1997

Ислам — это религия благородная, религия благородных, религия, которая наполнена жертвенным воинским, кшатрийским, рыцарским духом...

Характеристики, метафизические ориентиры, заложенные в Коране, являются достоянием не только ислама, как понимают его обычно люди, находящиеся вне этой традиции как религии, принесенной в мир через Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и да приветствует).

Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) всегда говорил, что ислам — это религия всех пророков, и впервые это название — *«ислам»* — и название своих последователей — «мусульмане» — были даны нашему праотцу Аврааму — Ибрахиму (мир ему), — который жил 4300 лет назад, приблизительно за 1000 лет до Пророка Мусы (Моисея) (мир ему). То есть эта религия, которая специфическим образом присуща целой цепи пророков, обладает общими характеристиками, и особенно ярко и наглядно бросается в глаза близость между метафизическими установками, существующими в христианстве и исламе.

С точки зрения мусульман, ислам как раз является христианством, истинным христианством. В Коране много упоминаний об Иисусе, Иисус является любимым пророком Мухамма-

да и рассматривается как величайший Пророк дома Авраамова и вообще всего пророческого цикла. Признается непорочное зачатие, и Иса (мир ему) в Коране уподоблен Адаму (мир ему) в том аспекте, что, подобно Адаму, он не имеет тварного физического отца, что является непосредственным вмешательством *Рух-уль-кудс* — Святого Духа, воздействующего на человеческую субстанцию. В этом смысле мусульмане никогда не противопоставляли себя истинному христианству.

Девяносто процентов ныне живущих на Ближнем Востоке мусульман — это потомки христиан, которые жили в V—VI веках, поскольку ислам, выйдя из пределов Аравии, существовал не в вакууме, развивался не среди язычников, он развивался в глубоко культурном пространстве тогдашней эллинистической христианской цивилизации Византии, он действовал в Сирии, Палестине, Междуречье, Иране, Магрибе, эллинизированном Египте — а все это было христианским пространством, за исключением Ирана, где господствующей религией был зороастризм, но и там примерно треть населения исповедовала несторианскую ветвь христианства.

Таким образом, все ныне живущие мусульмане Северной Африки, Ирака, Сирии, Палестины, значительной части Ирана и регионов Афганистана, т. е. Средней Азии, имеют предков христиан монофизитского или несторианского толка, которые находились в глубоком теологическом конфликте с тринитариями, увидели ислам как радикальный выход из этого глубокого конфликта, как продолжение унитарианства.

«Арийский ислам». Лекция в Музее Востока, 1994

Есть два названия, два понимания слова *«ислам»*. Ислам — это то, что принес Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха). Ислам — это религия Единобожия вообще, потому что под исламом семантически понимается предание себя Тому Единственному, Который обнаруживает Себя только через: а) откровение пророков и б) в вашем личном опыте через специфический уникальный опыт шока или испуга, страха.

...Тот факт, что ислам дан, скажем, в VII веке новой эры, не означает, что этот ответ состоялся неким космическим образом, вне нас и помимо нас. Мы должны возобновлять... по

крайней мере, верующие мусульмане возобновляют в себе ислам регулярно, своей жизнью они непрерывно возобновляют в себе ислам. Если они считают, что они возобновляют ислам тем, что читают размышления людей X или XI века на тему ислама и повторяют их чисто начетнически, то это глубокое заблуждение, потому что ислам дан им в их живой актуальности здесь и теперь.

Ислам не дан им как, скажем, мертвой калькой или клоном каких-то арабов, которые жили через 400 лет после Пророка и что-то пытались для себя объяснить и которых сейчас изучают чуть ли не с большим трепетом, чем первоисточник.

Есть первоисточник, который является непостижимым вызовом. Это Коран, пониманию которого научилась, может быть, 1/10 000 часть людей, которые его знают наизусть и читают совершенно свободно. Люди на родном языке его читают и не понимают, и тому есть бесчисленные доказательства.

...Нет ни одного аята, и я берусь это доказать, который гладил бы гносеологические чаяния человека по шерстке. Он гладит их против шерсти, он заставляет напрягаться. И вот почему подавляющее большинство верующих старается читать это как некую мантру, не понимая. Потому что, когда их носом тыкаешь в то, что здесь конкретно написано, как правило, бывает шок и бывает нежелание с этим смириться, попытка найти какие-то оправдания, предлоги и поводы, чтобы вернуться к старому, застойному пониманию. Это как раз одно из могущественнейших доказательств откровения.

...Если вы видите, что нечто делается ради Бога, то это ислам. Если вы видите, что то же самое похожее, но делается для каких-то конкретных практических задач — шкурных, эгоистических или даже политических, но отвлеченных от эгоистического интереса, но не для Бога, а для страны или нации, — то это не ислам. Есть хадис. Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) сказал: «Кто умирает ради племени — тот не из наших, и кто умирает за род — тот не из наших».

...То, что она (исламская мысль) исторически не получила движения, это проблемы конкретно людей, а не ислама, потому что изначально были созданы оптимальные и идеальные условия для того, чтобы вторая площадка получила мощное развитие.

Образовалась группа последователей Аристотеля и Платона, которые стали проводить эллинизм на исламскую площадку, на исламское поле в сфере мысли, тем самым совершенно переформатируя контекст откровения, и потом возникла необходимая и неизбежная коллизия с ними, и с водой выплеснули ребеночка, т. е., ликвидировав эллинских философов, восточных перипатетиков, отказались от калама, глубинного богословия, на какой-то период вообще. Это проблема исторических превратностей.

Точно так же можно сказать, что в христианстве произошли еще более страшные вещи. Там манихейство переформатировало первый контекст практически полностью. И то, что мы получили в итоге, — митраистско-манихейский синтез, вместо того что нам принес Иса... Вторая площадка должна быть инструментарием, который обеспечивает раскрытие этого откровения, раскрытие коранических смыслов как методологий контроля над глиной.

Что такое контроль над глиной?

Мы сделаны из глины, но глина взята из внешнего мира. Торжество над глиной человеческой — это торжество над глиной вселенской.

Что это означает?

Это означает в пределе, что правильное понимание коранического откровения ведет эвентуально к новой физике, новой математике, потому что старая физика и старая математика — это эллинистические концепты, которые построены на абсолютном примате (преобладании) объекта над субъектом. Даже более того, рассмотрение субъекта как негативного оттиска, как не имеющего самодостаточного бытия.

Это все построено на идее гомогенности и на идее того, что «все во всем», на идее того, что субстанция может восходить от наиболее грубых до наиболее тонких форм, но никогда не кончается и не прерывается.

До сих пор мы являемся заложниками этого подхода и, если не считать нескольких попыток прорыва, то в естественно-научных дисциплинах мы по-прежнему эллинисты. Существует огромный и пока непочатый потенциал реновации естественно-научных идей, исходя из совершенно другого альтернативного видения реальности.

...Ислам опаснее в первую очередь для саудовцев и нефтяных шейхов, потому что ислам идет по их душу, поскольку рассматривает их как узурпаторов и преступников.

В Коране есть такой аят, который я переведу по-русски, несмотря на наш разговор о непереводимости, но тем не менее: «Мы установили повсюду правителей преступниками для того, чтобы они интриговали во имя своевластия, но поистине и в конечном счете их интриги против самих себя» (6:123). Это в первую очередь относится к таким персонажам, как Саудовская династия и компания на прилегающих территориях.

Поэтому кому нужен ислам?

Ислам нужен тем людям, которые инстинктивно обнаруживают с момента рождения фальшь в тех параметрах, в которые они вброшены, они обнаруживают, что мир построен на лжи. Они намерены не оставить эту ложь безнаказанной и не мириться с ней независимо от того, родились ли они на Кубе, в Венесуэле или в Афганистане, рано или поздно они должны сойтись на интеллектуальной площадке, пусть даже лишенной конфессионального маркера. Все, что я говорил, мы могли проговорить, вынеся за скобки слово «ислам». На этой интеллектуальной площадке будут все, кто обнаруживает, что экзистенциально они ввергнуты в начальные параметры лжи. Они-то, не смиряющиеся с этой ложью, клуб этих людей, которые есть повсюду. Им ислам нужен, и они будут его двигать.

«Онтология, точка, Бог», 2008

«Евроремонт» ислама — это убогая и бессмысленная затея. Точно так же как бессмысленно предъявлять исламской цивилизации претензии, что, дескать, Белл и Эдисон изобрели в рамках западной цивилизационной матрицы телефон и электрическую лампочку, а вот мусульмане, дескать, ничего такого не изобрели — а пользуются!

Сейчас такие голоса раздаются со стороны «партии» как бы патриотов ислама, недовольных его «цивилизационным отставанием» от Запада. Эта волна пошла от бывшего премьер-министра Малайзии Махатхира, который обратился к мусульманам с глобальной критикой: и нобелевских лауреатов-то у них мало, и университеты не такие передовые, как Гарвард или Итон,

и технологии-то придумывают не в исламских странах... Это означает, что и у Махатхира, и у тех, кто сегодня ему подражает, мозги повернуты совершенно в другую сторону!

Ислам уже создавал материально-технологическое изобилие, цветущее пространство, в котором, в соответствии с либеральными идеалами, свободно циркулировали люди, идеи и товары. Это был Аббасидский халифат — единственная не имевшая реальных конкурентов сверхдержава за всю известную историю. Монголы этот халифат уничтожили за несколько лет...

Целью ислама не является изобретение лампочек и велосипедов.

В системе, постоянно разрабатывающей все новые и новые технологии, заперты миллиарды потерянных людей, для которых проблема смысла настолько энтропировала, что они уже считают маргинальным даже поднимать сам вопрос о смысле.

Исламское сознание постоянно работает над генерированием смысла как некоего сверхмотива, сверхпобудителя человеческого существования. У Запада сегодня есть атомная бомба, но нет Платона. Кто-то скажет, что в нынешнем исламе тоже отсутствует Фараби или Авиценна. Да, но весь ислам в целом является колоссальной коллективной работой в референтном поле, к которому относятся, в частности, и Платон, и Фараби. Исламское сознание стоит на грани колоссального духовного взрыва, рождения «сверхновой». Это будет возвращение к подлинному смыслу коранического откровения после четырнадцати веков «Моисеева странствия» в человеческой пустыне. По сравнению с этим технологические достижения Запада выглядят трюками хорошо обученной обезьяны.

Интервью Inews. az, 2009

Ислам тогда и сейчас

...Ислам существует в реальном человечестве, которое, мягко говоря, не блещет. Формат человечества такой, что люди заслуживают всех наиболее негативных эпитетов, поэтому они всегда стремятся сделать все по-своему.

К счастью, в исламе есть такие механизмы, которые не дают окончательно все растоптать, забыть, снять, устранить жало, которое жалит, не дает уснуть сладким сном. И вновь и вновь

вся история ислама — это непрерывное возвращение к первому исламу, к тому, который имелся в виду при жизни Пророка.

Это постоянный поиск и преодоление естественно встречающейся среды, потому что, когда очередная группа поднимается и говорит: «мы хотим чистого ислама, который имелся в виду Пророком», их сразу начинают бить по голове со всех сторон, ибо все хотят комфорта, согласия, выстроенных отношений, конформизма.

И между ними не бывает согласия...

Смотрите, 72 пути — все спорят между собой. Я считаю, что это показатель жизнеспособности, потому что это обозначает, что это является предметом постоянного жизненного дискурса на предельных нотах, причем люди конкретно ежедневно в тот момент, когда мы об этом говорим, жертвуют своей жизнью за это в бесчисленных точках. В Египте, на улицах Каира, студентов, которые выходят за это на улицы, расстреливает полиция. Где-то в Тунисе, Марокко происходят бесчисленные аресты по идеолого-политическим соображениям, потому что людям не все равно. Они ведут борьбу.

Они в этой борьбе могут делать ошибки, что угодно, но не это главное. Главное — это воля к чистому исламу и к пониманию: «А все-таки что же имелось в виду вначале?». Но рано или поздно это пробьет пелену блуждания или недоумения, и она выйдет на ту оптимальную позицию, которая методологически будет совершенной или близкой к совершенству и которая даст возможность собраться той критической массе, которая и будет решать вопрос.

Сегодня все это находится, как 14 веков подряд, в состоянии жесткого отбора примерок, прикидок, отрицаний — это живая жизнь, это кипение постоянного диспута, который не дает никому уснуть, но формы его со временем меняются, и, если посмотреть на разногласия спорщиков в III веке исламской эры — а сейчас уже идет XV век исламской эры, — в III веке можно вычислить те же основные тенденции, которые не умерли и сегодня. Они действуют уже более сложным языком, с более сложной аргументацией, люди с другим образовательным цензом, но пассионарность противостояний и жажда истины остались теми же.

«Онтология. Бог», 2008

Исламоведение

Не секрет, что вокруг бродит масса «исламоведов», которые с формальной стороны начитанны в фикхе, может быть, получше иного имама. Это не только не делает их мусульманами — это делает их гораздо более упертыми и опасными исламофобами, чем какой-нибудь несведущий обыватель, чьи представления об исламе формируются «Московским комсомольцем».

В принципе, эта вещь самоочевидная: формальные знания, даже весьма обширные, не имеют никакой самостоятельной связи с тем, что мусульмане называют *«иман»*, то есть вера. Но дело, тем не менее, обстоит с этим не так просто, как кажется на первый взгляд...

Я не раз замечал, что люди, обладающие исчерпывающими знаниями об американской цивилизации, погружавшиеся в традицию рок-музыки, могущие перечислить ведущие футбольные команды, читавшие Чарльза Буковского и Чака Паланика, — верят в Америку как в некую духовную сущность, которая выступает для них как их подлинная родина, настоящий хозяин их жизненных смыслов.

Что в их случае курица, а что — яйцо? Увлеченность запретным Западом, которая переросла в «поклонение», или же вера в Запад как в символ всего недосягаемо прекрасного — изобилия, свободы, возможностей, — которая превратилась в фанатичное изучение западных культурных символов?

Думаю, что в их случае это все-таки второй вариант. Любовь — метафизическая, политическая, «культурная» — диктует желание знать.

Во всяком случае мне не попадался ни один знаток «западного образа жизни», который был бы критиком империализма. Все эти ребята верят в политическую благодетельность западной системы.

Итак, вера и знание в разных случаях связаны по-разному.

В случае ислама само по себе знание не ведет к вере и может приобретаться независимо от веры. Более того, те западные востоковеды, которые изучают не ислам, а какие-либо языческие традиции, как правило, так или иначе становятся к ним причастны. Буддологи становятся до определенной степени буддистами, индологи собственное мировоззрение выстраивают по

канонам индуизма, о синологах и говорить нечего — они все в душе конфуцианцы или даосы.

Исламская вера ограждает сама себя очень эффективно. Мусульманином нельзя стать, изучая исламскую культуру, религию, то, что писали на тему фикха различные ученые. Потому что внешняя изучаемая предъявленная в книгах и свидетельствах сторона ислама не совпадает с внутренним пребыванием в исламе, с мусульманской верой.

«Воля и вера», 2012

Всем нам известно, что исламоведение в куфре является важным направлением в науке. Важным направлением в исследовании.

Исламоведение началось вместе с началом создания великих колониальных империй. И первенцами здесь оказались голландцы.

Был такой, в конце XIX века, Кристиан Снук Гюрхронье, который выучил арабский язык настолько, что проник даже в Мекку под личиной мусульманина и выдавал себя за албанца или за турка (был голубоглазым). Был в Мекке, беседовал с людьми и даже как бы вел да'ват, изучил много теологических направлений, прекрасно знал хадисы, Сунну Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и да приветствует). После этого он проник в Индонезию. Надо сказать, что тогдашняя Индонезия (султанат Аче) как раз вела жестокую войну с голландскими колонизаторами. И он действовал там как агент голландских сил, выдавая уже себя за араба.

Это был один из первых, а может быть, и первый, основоположник политического исламоведения, который изучал ислам реально, вглубь. В Средние века во время Крестовых походов тоже были публикации по исламу — они были совершенно смешные, они не имели никаких представлений о статусе нашего Пророка (да благословит его Аллах и да приветствует), ни о содержании Корана, ничего у них не было, у них были только фантазии, они считали нас язычниками, идолопоклонниками.

Серьезное исламоведение началось только с конца XIX века. Потом присоединились англичане: Батон, который выучил

арабский язык настолько, что даже, кажется, принял ислам — как многие англичане.

Кстати, англичане создали принципы научного востоковедения, особенно после того, как они захватили Индию, после 1762 года, после битвы в Калькутте; они стали системно вгрызаться во все это — они занимались изучением и арабского языка, и урду, и санскрита; для них это было необходимо, потому что они хотели не только подчинить и освоить это пространство, но они хотели выделить элиты из мира, который лежит вокруг них (третьего мира, как часто говорят). Выделить элиты на свою сторону, включить их в грибницу знати, которая правит миром, потому что они понимали, что в одиночку нескольким сотням лордов не справиться с миром, надо подтягивать и арабов, и иранцев, индийцев, раджей, султанов, чтобы они тоже вошли в служение — служение Даджалу, Иблису — по этому каналу.

Выступление в Махачкале, 2011

Исламоведы — это западные враги ислама, изучающие его в качестве объекта.

...Исламоведение существует на Западе уже около 500 лет, может быть, немного меньше. Но я — ни в коем случае не исламовед. Я живой мусульманин.

«Будущее — за перманентной всепланетной гражданской войной?», 2009

Истина

В русском языке существуют два на первый взгляд близких по смыслу слова: «истина» и «правда».

С течением времени их значение несколько исказилось в силу некорректной практики словоупотребления.

Сейчас в обиходном языке «истина» обозначает нечто подлинное, с оттенком религиозной сакральности, а «правда» указывает на соответствие субъективной реальности тому, как «на самом деле».

В действительности дело должно обстоять наоборот — истина (как указывает сам корень слова) — это то, что есть, а правда — то, что должно быть, то, что соответствует Божьей воле.

Различение между тем, что просто есть, и тем, что должно быть в высшем смысле, «по совести», присутствует во многих языках.

Например, по-английски verity — это фактическое положение дел, а truth — это то, что подлинно в этическом смысле, это «правда правдинская».

Известная картина Ге, изображающая разговор Иисуса Христа с Понтием Пилатом, называется «Что есть истина?». Это вопрос римского прокуратора, адресованный Мессии. Он, конечно, должен был звучать иначе: «Что есть правда?».

Самое важное в этом вопросе то, что знание об истине определяется интуицией правды.

С моей точки зрения, правда является центральным и определяющим моментом, а истина как бы следствием правды.

Постараюсь раскрыть чуть подробнее.

Мы в своих суждениях о мире не можем судить иначе, чем посредством нашего сознания. Подчеркиваю: сознания.

Я пользуюсь этим словом, а не, например, такими словами как «разум», «рассудок» и прочее, потому что разум и его дериваты — это некая матрица, приходящая извне, это правила игры в царстве идей, которые сами по себе не являются человеческим достоянием. Человек «входит в разум» через социализацию, адаптируясь к обществу, в котором он родился. Но он не отвечает за это общество: он его застал. Общество навязало ему свои «понятия», свою логику, которые совершенно не безусловны.

Некоторые думают, что логика — она и в Африке логика.

Напрасно! Есть, например, буддистская логика со своими специфическими канонами, которая далеко отходит от традиций греческой логики, на которой основан западный интеллектуализм. Есть талмудическая логика, и так далее...

«Что есть истина», 18.05.2012

История

История — это реализация сюжета, драматического конфликта между искрой Духа и сложной поляризованной субстанцией, в которой есть измерение глины и измерение огня.

Измерение глины и измерение огня тоже находятся в некотором противоборстве между собой, что осложняет картину,

потому что многие вещи, о которых мы думаем, что это борьба между Духом и материей, на самом деле — борьба между двумя полюсами материи, один из полюсов которого выступает в качестве духовности.

Но нужно не забывать, что духовность, в виде огня или в виде тонких сублимированных состояний субстанций, не имеет никакого отношения к Святому Духу. Есть дух или духовность как тонкие проявления субстанции, а есть Святой Дух как абсолютно противоположное всему сущему.

Святой Дух — скала в океане, о которую волны сущего разбиваются.

Есть субстанция воды, которая накатывает, бьет волнами в эту скалу, и у этой субстанции есть тяжелые, плотные, донные слои, есть брызги, водяной пар, который стоит над поверхностью, — все это не имеет никакого отношения к скале, которая стоит посреди океана и представляет собой точку оппозиции.

Вот это Святой Дух по отношению к бытию.

И задача состоит в том, чтобы центрировать все сущее вокруг этой скалы и подчинить все сущее этой скале. Потому что изначально замысел Всевышнего при творении задан так, что эта скала как бы не существует, а все, что «не она», существует очень хорошо. И вот в конце истории все должно поменяться наоборот: все, что существовало изначально, перестает быть, а то, что было не сущим, является единственным. Тот самый краеугольный камень, который строители отвергли, но который должен лечь в основание храма.

Вся эта сложная, высокая метафизика является не абстракцией, она является конкретикой, реализующейся на наших глазах, в нас самих и вокруг нас каждый день. Вот эта метафизика истории — это то, что заставляет сегодня стрелять автоматы в Сирии, что мотивирует выступления и заявления деятелей в Иране, что проявляется сегодня на улицах Москвы. Все, что мы видим, все, в чем мы участвуем, — все это не что иное, как сценарные скрипты, которые созданы в соответствии с замыслом о сути творения, о назначении творения.

«Метафизика истории», 2012

Иудаизм

Есть два иудаизма. Есть иудаизм, который ничем не отличается от ислама, но он кончился в 135 году, во время восстания зелотов, и все истинные иудеи были тогда убиты.

Те иудеи, которые остались после восстания, — вавилоняне, принявшие иудаизм, точнее, вошедшие в традицию Мусы (Моисея) и изменившие ее.

Иудаизм современный состоит из целого ряда компонентов, которые не имеют никакого отношения к традиции Моисея.

Это в первую очередь Талмуд как комментарий к Торе. Сама Тора, как известно, во время вавилонского плена была потеряна, уничтожена вавилонянами и восстановлена по памяти Ездрой, но на этом перипетии Священного Писания не кончились.

Римляне тоже уничтожили Тору, и она была в обратном переводе восстановлена с Септуагинты, с греческого.

Таким образом, она дважды восстанавливалась, что снимает вопрос о ее прямом присутствии. Раввины прекрасно понимают это и сами говорят, что признают письменную Тору постольку, поскольку есть Тора устная, то есть устная Тора является реальным, прямым подтверждением авторитета письменной.

А что такое устная Тора? Устная Тора — это Тора преданий и комментариев, она также опирается на Талмуд, который является ее толкованием.

Опять, таким образом, возникает некая корпоративная каста, причем истоками своими уходящая не в Израиль, ушедший под водительством Моисея из Египта, она уходит в жреческую касту вавилонян, поэтому я вообще не понимаю, как может религия, явленная Мусой, называться *«яхудийат»*.

Иудаизм должен называться (и он так назывался) *«мусайят»*, потому что название *«яхудийат»* закрепилось после возвращения из вавилонского плена.

Но в Вавилоне осталась огромная диаспора; считается, что какое-то время там жило не менее 300 тысяч евреев, это огромная цифра. В 70—72 годах — Римская война и второе уничтожение Храма, а в 132 году — восстание Бар Кохбы.

Надо представить себе его последствия, ведь в то время быть евреем в средиземноморском регионе означало непримиримую вражду и преследование римлян.

Мы имеем дело с воспроизведением одной и той же парадигмы. Существует некая корпорация, которая как на страшную угрозу реагирует на послания пророков и принимает все меры, чтобы создать так называемые «исторические» иудаизм, христианство, не имеющие ничего общего ни с целями, ни с тем проектом, которые приносились в мир потомками Ибрагима.

Это модель универсальная — она, кстати, существует и вне авраамизма. Возьмите Будду, возьмите Заратустру — модель действует. Это универсальная парадигма, потому что фактор клерикализма тотален, глобален, охватывает все века и продолжается сегодня.

«Ориентация — ислам,
или Назад в будущее», 18.03.1999

Кавказ

В мире осталось три главных цитадели настоящих мужчин. Это Афганистан, Балканы и Кавказ. Все три в ходе последних лет стали объектом разрушительной агрессии и геноцида со стороны Системы. Все три характеризуются упорными архаичными традициями мужского общинного самоуправления, противостоящего всякому отчуждению авторитета и власти в пользу бездушной политической машины.

Кавказ, однако, даже среди этих трех — место особое.

Это родина мифа о Прометее, согласно которому титан, похитивший олимпийский огонь, прикован именно к кавказской скале.

Эта исламская традиция об Александре Македонском, который, согласно Корану, превратил Кавказ в линию обороны против Гогов и Магогов.

Кавказ — это то место, куда на протяжении тысячелетий вытеснялись наиболее непримиримые и упорные осколки разных племен с юга и с севера Евразии, которых давили и преследовали распространяющиеся в равнинах торговые цивилизации: ассиро-вавилоняне, хазары и пр. Таким образом, на Кавказе возник заповедник воинской касты — кшатриев.

Именно поэтому современное российское государство, ненавидящее, в силу своей бюрократической сути, мужчин любой расы и национальности, вошло в жесткий клинч с Кавказом.

Подобная Афганистану и Балканам кавказская «горячая точка» носила бы характер классического конфликта цивилизаций, если бы не одно «но»: существование внутрироссийской кавказской диаспоры. Этот факт переносит противостояние кремлевской бюрократии и кавказцев в сферу конкретной политики. Подобно тому как в 17-м году Ленин обнаружил естественный кадровый ресурс большевизма в лице евреев, расселившихся по Российской империи с началом империалистической войны, сегодня многие политики начинают по-

дозревать, что расселившиеся по РФ с началом чеченских войн вайнахи и дагестанцы также образуют великолепный материал для будущей партии нового типа. Возможно, речь идет о партии мужчин?

«Кавказский человеческий тип
в современном мире», 20.11.2003

...Для меня Кавказ является не просто местом на земле.

Есть такие цивилизационные зоны, которые связаны с конкретной географической территорией, с ее спецификой, атмосферой. Но люди, которые на ней живут, представляют собой как бы некое дополнение к этой земле, то есть если они куда-нибудь переселятся, то они не возьмут с собой эту землю. Земля — отдельно, люди — отдельно.

В пример могу привести Памир. Для меня это уникальное место и духовная родина. Таджики, которые там живут, уезжая из Памира, не берут его с собой, в лучшем случае он остается как память.

Кавказ — это обратный феномен.

Кавказ существует в первую очередь как человеческий тип и уж потом как горы, ледники, земля. Географический Кавказ есть сцена для главных действующих лиц — кавказцев. Если таджик уедет с Памира, он будет никем или членом какой-нибудь диаспоры. Где бы ни находился кавказец, будь то Кемерово, Москва, Петербург, вокруг него всюду будет Кавказ.

Кавказ — это определенный цивилизационный центр, он имеет собственное бытие.

Кавказ есть кузница удивительного, уникального человеческого типа, который сегодня является надеждой и спасением человечества и которого в мире почти не осталось, — эти люди на вес золота.

Для меня настоящий кавказец — это олицетворение мужчины, потому что европеец после 1945 года сломлен поражением в войне против Советского Союза и Америки (в современном немце, например, мужских гормонов в четыре раза меньше, чем в его деде до 1945 года).

А Кавказ несет в себе архетип Прометея, который является страдающим титаном, постоянно платящим за свой героизм вечной мукой. Этот мужской тип фундаментально неистребим

и является живым мотором большой истории. Поэтому Кавказ — это некая мужская тайна мира.

Мужской тип на Северном Кавказе, конечно, доминирует, он более заметен.

Настоящий кавказец идеологически должен быть мусульманином.

Для него Кавказ должен быть особым местом, где мужчины живут по рыцарским законам. Настоящий кавказец предпочитает смерть позору, защищает слабых. А личные слабости: трусость, лень, стремление к удовольствиям, комфорту, богатствам — незнакомы истинному кавказцу. И он никогда не бывает равнодушен к ситуациям, в которых происходит попрание справедливости. Это своеобразный рыцарский клан. Конечно среди кавказцев есть отклонения.

Но, по-моему, идеальный кавказец пока еще ищет себя.

Идеальные кавказцы были и в XVIII веке, но тогда еще не окреп фактор ислама. Кавказцы тогда тоже были в поисках, они только оформлялись в идеологическом плане.

Кавказцы не боятся войн, так как следуют аяту Корана, который говорит: «И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло...» (2:216). Здесь речь идет о войне. Кавказцы знают, что война — это трагедия, но они считают, что ее стоит принимать.

И то, что кавказцы сейчас в поиске, говорит о перспективе, потому что Кавказ имеет потенциал для будущего и там должна быть собственная идеология и ментальность. Это вовсе не значит, что Кавказ перестает быть частью исламской цивилизации. Кавказ — это заповедник воинского ядра.

Я не говорю о Халифате. Истинный Халифат может создать только Махди — тот, кого Всевышний пошлет в конце для того, чтобы он возглавил армию оставшихся верными Аллаху в эсхатологической войне, когда раздирающие человечество противоречия выйдут наружу. (В исламской традиции говорится, что в этой войне верные победят под руководством Махди и Вселенная наполнится справедливостью так же, как до него она была наполненная горечью и болью.)

Причем под Кавказом я подразумеваю Большой Кавказ. Для меня не может быть Северного и Южного Кавказа. Я вижу этот

регион как большую, объединенную, независимую конфедерацию. На этой объединенной территории найдется место для всех — и для казаков, православных грузин, калмыков.

«Стена Зуль-Карнайна», 2010

Мое мнение: будущее Кавказа в исламской военной демократии по типу Уммы Пророка (мир ему и благословение Аллаха), но с адаптацией к вызовам времени и со способностью к защите от высокотехнологичного противника.

Практически это союз джамаатов, которые ставят перед собой политические цели и несут ответственность за форсированное развитие исламской науки, дающей возможность встречного (антизападного) контроля над пространством и временем.

На Кавказе должен быть реализован синтез пассионариев ума и пассионариев тела, желательно на уровне одних и тех же людей (не объединение, с одной стороны, пассионариев ума, а с другой стороны — пассионариев тела, что может быть только переходной ступенью).

Когда муджахеды, сохраняя волю к шахаде, станут интеллектуалами, рассеются как дым чалмоносная муллократия и тарикатские устазы. Такие люди и будут амирами, лидерами большого социума, обладателями амра (согласно Корану).

«Исламская стратегия на Кавказе». Материалы конференции, 2008

Кавказ и революция 1917 г.

Большевистская революция не увенчалась бы успехом без поддержки Кавказа, потому что, как известно, именно благодаря вайнахам удалось остановить наступление Деникина на Москву. Благодаря Дагестану были блокированы те белогвардейские силы, которые перебрасывались из Баку на Северный Кавказ. Красный Дагестан, красные ингуши и в определенной степени чеченцы были теми, кто спас Ленина в Кремле.

Конечно большевики отплатили черной неблагодарностью кавказцам за свое историческое выживание, но факт остается фактом. Именно Кавказ стал той соломинкой или тем предельным фактом, который решил историческую судьбу громадной страны.

Я убежден, что это не случайное, стохастическое совпадение факторов и что иного расклада быть не могло. Это провиденциально, потому что выбор кавказцев встать политически на стороне большевиков определяется именно их исламской мотивацией. Я думаю, что это можно рассматривать как исторический архетип, который проявит себя и в будущем.

«Россия как колыбель обновленного ислама»,
06.12.2008

Казахи

Казахи сегодня занимают место, определенное их прошлым значением. То есть они потомки тех, кто был костяком армии Бату-хана.

Казахи — прямые потомки тех, кто брал Козельск, Москву, и их роль в военно-политическом формировании Орды очевидна.

Пока значимость казахов носит исторический характер, обращена в прошлое, а потенциал раскрытия казахского народа ждет своего часа.

Это произойдет в рамках большого Турана, где Казахстан явится становым хребтом Средней Азии.

Туран сегодня состоит из трех цивилизационных элементов. Один — традиционное кочевье, которое сведено к минимуму, но тем не менее оно лежит в основе коллективного бессознательного.

Второй — земледельческое «начало», которое находится под иранским влиянием, — Узбекистан и Таджикистан тому пример.

Третий элемент — пока что еще чуждый Центральной Азии большой город или мегаполис, который принято отождествлять с западной городской традицией.

Задача политического ислама: превратить мегаполис из фактора западной или, шире, глобальной цивилизации в свой инструмент, поскольку на архаические кочевой и земледельческий культурные факторы опирается природно-космистское неисламское мироощущение, присущее пассивной родо-племенной стихии.

«О русском мире, ISIS, исламе в Казахстане»,
12.09.2014

Кант

Если Субъект есть условие познания, то он сам не может быть предметом этого дискурсивного познания. Некое трансцендентальное условие опыта не может становиться объектом непосредственного восприятия.

По-своему трагическим мыслителем Европы, пришедшим к этому фундаментальному выводу, был Иммануил Кант.

Будучи колоссальной фигурой европейской мысли, напрямую связанной с пульсом проблемы, Кант сформулировал в критически осторожной форме то, о чем мы сейчас говорим, а именно: условие познания не может становиться одновременно и объектом познания, т. е. всегда остается за кадром опыта и восприятия.

Сказав это, он вызвал такую проблемную волну среди европейских мыслителей, что все последующие поколения европейских философов делали только одно — пытались замолчать и разрядить Канта, вытащить из его послания этот провокационный запал.

Но идеи Канта в терминах европейского менталитета — это достаточное объяснение того, почему невозможна естественная религия, почему невозможно натуральным путем прийти к тому, что дает откровение. Потому что любой тезис дискурсивного разума амбивалентен, и существует абсолютный баланс между тезисом и антитезисом.

Преодолеть эту тупиковую амбивалентность можно только парадоксальным вторжением субъектного революционного послания.

«Арийский ислам». Лекция в Музее Востока, 1994

Карабах

Карабахский конфликт есть закономерный итог сотрудничества между Российской империей (СССР) и международным армянством.

Первым этапом этого конфликта было появление на мировой карте государства Армения в 1918 году. Это стало итогом Версаля, поражения Германской империи, Австро-Венгрии и Османского Халифата.

Армения с самого начала явилась инструментом Антанты на Кавказе.

Однако геополитическое искусство лидеров армянства состояло в том, что, будучи тесно связанными с Францией и США, они тем не менее сумели убедить красную Москву в необходимости продолжения союза между ними и СССР — такого же, какой имел место между армянской диаспорой и царской Россией. И это несмотря на то, что в самом начале существования советской власти Ленин и большевики многого ожидали от сотрудничества с исламским фактором в противостоянии Британской империи.

Скорее всего, определенным силам в стане большевиков армяне были нужны именно как канал выхода на «антантовский» Запад, как лоббистский инструмент в закрытой для них среде.

Появление Армении на территории Эриванского ханства со всей неизбежностью должно было рано или поздно поставить вопрос и о Карабахе.

И здесь следует отметить, что все первые секретари Азербайджанской СССР (в особенности после багировской эпохи) страдали невероятной расслабленностью и конформизмом — чтобы не сказать «пофигизмом», — с точки зрения отстаивания интересов Азербайджана. Именно благодаря ахундовым и визировым и им подобным азербайджанская территория стала сокращаться, как шагреневая кожа. Ведь в первые годы СССР Нахичеванская республика не была отделена от остального Азербайджана, а озеро Севан находилось на азербайджанской территории.

Карабахский вопрос не может быть решен через двустороннее противостояние между Баку и «Степанакертом» (Ханкенди), потому что Карабах не является стороной в данном конфликте. Не может он также быть решен и путем урегулирования этого вопроса между Баку и Ереваном — это был бы ложный путь даже в невероятном случае согласия армянских руководителей отказаться от своих претензий. Ложный, потому что увековечивал бы существование армянского фактора в роли политического субъекта на Южном Кавказе, делая Ереван самодостаточным партнером Баку по диалогу.

Исходя из того, что так называемое мировое сообщество, включая Россию, заинтересовано в такой конфигурации Южного Кавказа, какая имеет место сейчас, стратегической задачей

как Азербайджана, так и всего Большого Кавказа, должно стать изменение конфигурации самого этого мирового сообщества. Иными словами, какие-то режимы, отвечающие за международное status quo, должны уйти в историю.

Только тогда может быть решен вопрос Карабаха в рамках интегрального единства всего Большого Кавказа, ибо фантазировать на тему сегментированных национальных анклавов, курируемых различными международными бюрократическими структурами, — непродуктивно для того, кто понимает, что вне Большого Кавказа ни у аварца, ни у азербайджанца, ни у карачаевца, ни у русскоязычного казака нет никакого достойного будущего.

...Армяне не пойдут на уступки, потому что они прекрасно знают: одно движение в сторону уступок — и в два приема их вообще не будет на Южном Кавказе! Кроме того, возврат азербайджанских земель Баку не соответствует интересам ни России, ни США, ни Ирана, ни даже — о ужас! — самой Турции. Им всем нужен Азербайджан, который зависит от мирового сообщества, которому чего-то надо, который чего-то у всех просит. С таким Азербайджаном им комфортно разговаривать.

Можно ли решить Карабахский вопрос вопреки консолидированной позиции названных держав? Конкретно сегодня — нет! Однако, в преддверии изменения общей ситуации, ни в коем случае нельзя идти на частичные промежуточные соглашения типа поэтапного возврата земель вокруг Карабаха.

Любое соглашение со стороны Баку будет означать фактическое примирение с потерей Карабаха. Кроме того, любые движения по «возврату» околокарабахских территорий сразу потребуют громадных бюджетных расходов со стороны Баку (как при объединении Германии). Это приведет к резкому понижению уровня жизни, новому витку коррупции и дискредитации самой идеи возвращения Карабаха в лоно Азербайджана.

Таким образом, любое частичное соглашение с армянами опустит Азербайджан на несколько ступеней вниз в морально-политическом плане, а в самой Армении приведет к власти радикалов и стимулирует новые финансовые вливания в Ереван со стороны диаспоры. Надо выждать, не идя ни на какие соглашения. Динамика мировой политической конъюнктуры работает на нас.

«Стена Зуль-Карнайна», 2010

Карнавальность

Тайна управления людьми — в их небывалой, по сравнению с прошлыми временами, зависимости от информации, которая раскладывается на знаки, квантуется, перетасовывается, подчищается... Однако для того, чтобы быть эффективными, основанные на информации политтехнологии должны овладеть неким фундаментальным приемом, без которого они только мечта политтехнолога о настоящей власти.

Этот прием также открыт и освоен в России: «ложное узнавание», оно же «ложное различение».

Без этого открытия толпу невозможно убедить, что она живет не в «совке», а в стране, приобщившейся к «цивилизованному мировому сообществу». Невозможно внушить избирателю, что Зюганов несет угрозу не только для его имущества, но и для его физического существования. Невозможно заставить обывателя поверить, что Чечня представляет собой такой же вызов геополитическому существованию России, как в свое время Третий рейх.

Все эти вещи достижимы, только если банальное сознание стоит на двух могучих китах «ложного узнавания» и «ложного различения».

По сути, современные российские политтехнологии есть своего рода итог карнавально-смеховой «традиции».

Но самый, так сказать, «смех» состоит в том, что пафос этих технологий — обеспечение политической преемственности, проще говоря, бессрочного выживания узкой узурпационной группы, в которой воплощена мелкобуржуазная бюрократическая диктатура, когда-то установленная Сталиным и продолжающаяся при Ельцине и Путине.

«Банальность как российская политтехнология»,
29.04.2003

Каста

В свое время было четыре фундаментальных касты, которые действовали как главные игроки, или операторы, в традиционном обществе. Эти касты просто являются характеристиками естественного человека — как глина разного качества.

Бывает глина жидкая, бывает глина с большим количеством песка, бывает глина удачная, звонкая и твердая при обжиге.

И люди рождаются принадлежащими к четырем главным типам:

1) тип жрецов — те, которые склонны к медитации, интуиции, определенного образа схватывания вертикали бытия, которая выводит их на Иблиса;

2) люди-воины по природе, пассионарии — это те, которые внутри себя имеют такой энергетический запал, жесткость, волю и которые стремятся к проявлению силы и к самопожертвованию;

3) есть те, которые торгуют: они ориентированы на «обмен веществ» со средой, на стяжание материальных благ, на производство — ремесленники, крестьяне;

4) и есть те, которые ничего не хотят, которые живут как ботва, простые совсем — просто ботва.

Это классические типы людей, которые доминировали в традиционном обществе. Но в традиционном обществе мы не живем последние несколько сот лет. Сегодня, благодаря тому что существует так называемый прогресс, резко меняются условия проявления этих фундаментальных типов.

Выступление в Махачкале, 2011

Китайцы

Китайцы — фундаментально безрелигиозная нация.

Конфуцианство представляет собой социально-этическое мировоззрение, а даосская метафизика и буддизм никогда не являлись существенным фактором, влияющим на массовое сознание китайцев.

Материалистическая «матрица» в Китае начала формироваться задолго до победы Мао Цзэдуна.

Попытки построить идеологическую вертикаль, связывающую «небо и землю» на заимствованных доктринах, никогда не приводили к успеху. И особенно катастрофической оказалась попытка христианизации Китая в конце XIX века.

Поэтому китайцы не понимают внутренней сущности религии вообще, а ислама — в особенности!

«Мировая исламская Умма воспринимает Китай как особо опасного врага», 16.07.2015

Клонирование

Существует среди профанических обывателей широко распространенный миф, будто бы любая религия — и в том числе ислам — с ужасом воспринимает клонирование как сатанинское вторжение человеческого произвола в деликатнейшую сферу воспроизводства жизни.

Это убеждение поддерживается в значительной степени позицией части православного духовенства, которое порой эксплуатирует популярную склонность к округлению глаз и театральному шепоту — в частности, по таким замечательным предметам, как число 666.

Исламу никогда не было свойственно устраивать «охоту на ведьм», муссировать мифические суеверия, волюнтаристски вбрасывать табу и вообще практиковать весь тот мракобесный шабаш, который характеризует кастовое духовенство в тех конфессиях, где оно устанавливает законы. Исламские законы изначально установлены Богом, и в них запрещено вводить добавки от себя — как разрешительного, так и запретительного свойства.

Исламская теология исходит из того, что человек создан Аллахом — так же, как и все прочие существа во всех мирах. При этом само создание не является абсолютно фиксированной и неизменной моделью. Адама Аллах создал из глины, добавив туда от своего духа. Однако о других людях сказано, что они созданы из капли (мутной жидкости), под чем ученому вольно понимать либо сперму, либо оплодотворенную яйцеклетку. В другом месте Корана говорится, что человек сотворен «из сгустка». При этом употребляется слово, которое в одном из своих значений обозначает образование из живой ткани, напоминающее мокрицу или моллюска вроде устрицы. Некоторые ученые считают, что речь в данном случае идет о зародыше на ранней стадии развития. Однако мы можем допустить — и в этом не будет противоречия, что здесь говорится вообще о любом сгустке живой ткани.

В некотором смысле можно считать, что Пророк Иса (Иисус Христос) — мир ему! — явился священной формой клона, поскольку его генетическим материалом в одностороннем порядке был только генетический материал его матери — Пре-

чистой Девы Марии. (Ислам разделяет христианское учение о непорочном зачатии Иисуса Христа.) Коран говорит нам: «И был Иисус подобен Адаму: Аллах создал его из земли...» (3:59) Это интереснейшее высказывание, которое открывает нам бездну смысла! Мы ведь знаем, что Иисус был создан по воле Аллаха во чреве Девы Марии из ее плоти. Таким образом, Всевышний называет человеческую ткань как источник партеногенеза (неполового воспроизводства, или «клонирования») — «землей».

Иными словами, Адам тоже вполне мог быть технически не самым первым человеком. Аналогия между Адамом и Иисусом подчеркивается еще и тем, что Адам рассматривается как «первочеловек» — «альфа», а Иисус — как последний человек, «омега», с точки зрения монотеистической традиции. В этом смысле люди до Адама и после Иисуса рассматриваются, скорее, как обрамление или фон. Это не отменяет того факта, что последним пророком является именно Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха), и в определенном смысле можно сказать, что его миссия и призыв реализуются в «постчеловеческом» пространстве.

Любопытно также отметить, что, согласно древним мифам, доадамические люди были способны к партеногенезу. Сначала эту способность утратили мужчины, а у женщин она сохранялась якобы до позднейших времен и отмечалась, скажем, в племенах амазонок.

В любом случае очевидно, что творцом и хозяином любого существа, каким бы образом последнее ни возникло, является именно Аллах, Всевышний и Пречистый. Так что само по себе инициирование человеческого существа из некоторого количества генного материала является не более предосудительным, чем поход вдвоем в спальню с той же самой целью.

Истинная этическая проблема клонирования заключается не в его технологии, а в намерении, с каким создается клон.

Если данное существо, которое ничем не отличается от его прочих братьев по разуму, появившихся половым путем, предназначено, подобно животному, служить донором органов тому человеку, из генного материала которого он взят, — это преступление. Точно такое же, как похищение обычных людей с ана-

логичной целью. Между убийством клона и убийством человека, у которого есть отец и мать, нет разницы.

Поэтому клонирование — как один из возможных репродуктивных методов — ни в чем не противоречит шариату.

«Цветы зла», 2002

Количество

Что означает футурократия? Она означает такую организацию социальной пирамиды, при которой низы ни при каких обстоятельствах не могут бросить вызов верхам (т. е. верхи всегда имеют гарантированное будущее). А для того, чтобы этого вызова никогда не было, нужно, чтобы в обмене веществами и энергиями человечества с природой никогда не случалось кризиса, дающего низам шанс.

Такая бескризисная метафизическая экономика возможна только при превращении ее в аспект глобального информационного поля, в котором вся реальность кодирована как интеллектуальное количество.

«Интеллектуальное количество» есть сущность информации, информационного потока. Информационное общество — это господство интеллектуального количества над личностным сознанием, над персональным экзистенциальным фактором.

Современность отличается не только от архаического времени, но и от сравнительно недавно минувших эпох необычайно возросшей ролью количественного фактора. Количественную интерпретацию в наше время получают реальности, которые еще недавно трудно было совместить с самим представлением о количестве.

Первоначально это проявилось как тенденция превращения гуманитарных наук в «точные». Затем количественное кодирование феноменов, которые имеют отношение к ментальной и психической сферам жизни.

Сегодня практически вся видимая и воспринимаемая действительность колифицирована в форме информационных сигналов, имеющих количественную природу. С другой стороны, наиболее общей формой количества в человеческом мире являются деньги. Таким образом, на современном этапе цивилизации открывается возможность прямого конвертирования

реальности, интерпретированной как информационный поток, в деньги, т. е. в финансовый поток, и обратно.

В информационном обществе материальный мир выступает уже не как фактический или возможный товар, а как обратная сторона чистых денег, являющихся вместе с тем выражением информационно-количественного описания всего существующего. Именно это превращает различие между богатством и бедностью в абсолютно полярное противостояние.

Если раньше человек, обладавший корнями в тех социальных слоях, для которых было характерно манипулирование материальным ресурсом, и противостоящий ему представитель народа, которому приходилось тяжким трудом добывать крохи на пропитание, все равно стояли на общей площадке человеческого фактора, имели общую базу для диалога по общим проблемам, то сегодня такое положение осталось в прошлом.

Человек, который принадлежит к полюсу «абсолютного богатства» в современном мире, не просто имеет деньги — он включен в смысловой луч истории, является участником проекта, определяет содержание и назначение человеческой жизни.

Тот же, кто, по всей видимости, будучи человеком, принадлежит к полюсу «бедности», не просто ограничен в средствах, но лишен смысла как человеческое существо и не имеет доли в истории.

Вчера это разделение еще было тайной, которую маскировала политкорректность, всегда могущая сослаться на демократические институты, электоральные процедуры и т. п. Сегодня, хотя формально набор классической демократии еще не выброшен на свалку, он уже лишен души и никого не может обмануть.

«Манифест нового Интернационала», 25.11.2003

Коммунизм

Для советских людей их квазирелигиозный идеал («сверх-Я») выражало слово «коммунизм». Интеллигенты и простые люди, говоря о коммунизме, прибегали к самым разным, в том числе и фантастическим соображениям.

«Голубые города» Алексея Толстого и титанические чаяния героев Платонова, ноосфера Вернадского, «Туманность Андромеды» и «сады на Марсе» — все это входило в обобщенный,

недосформулированный, но необычайно притягательный образ великого Блага, одновременно «трансцендентного» и вещественного.

Именно оно, это Благо, заставляло молодых людей жертвовать здоровьем и молодостью на строительстве городов в тайге, БАМа, разнообразных ГЭС... Это то, что Александр Проханов в своих текстах неоднократно называет «красным смыслом».

Один из сильнейших ударов по этому «красному смыслу» был нанесен хрущевской «Программой партии», принятой на 22 съезде КПСС в 1961-м. И дело не в том, что Хрущев обещал построить коммунизм (воплотить намеренно недосформулированный «красный смысл») при жизни одного поколения — за двадцать лет, гораздо более тяжким психологическим проступком Хрущева было то, что он этот «красный смысл» четко определил... как изобилие продуктов питания!

До Хрущева было понятно, что при коммунизме «колбасы будет навалом», но никому в голову не приходило, что именно в этом и будет состоять суть коммунизма. Хрущев, а за ним профессиональные идеологи и комментаторы однозначно заявили: да, именно в этом.

Те, кто рассуждали о ноосфере, прекращении действия второго начала термодинамики в масштабах Вселенной как космической сверхзадачи человечества, и другие «красные» космисты-мечтатели были осуждены как завиральные фантазеры, занимающиеся «богостроительством».

Вот это и подготовило второй, окончательный удар по «сверх-Я» советского народа, который был нанесен в годы горбачевской перестройки. Что произошло тогда? Бесчисленные популяризаторы нового демократического концепта стали подробно описывать, формулировать, раскладывать по косточкам большой советский миф. Этот квазирелигиозный «красный смысл» в течение нескольких поколений получал огромный энергетический поток снизу, из донных слоев общенародной психики. Его питало восходящее тепло от переведенного в статус бессознательного христианского слоя, хранившихся там же около него слоев христианского сектантства, и даже наиболее темный и старый фольклорно-языческий слой.

Психоаналитики перестройки взорвали и осквернили «тайну». А она была не слишком-то объемна, не слишком-то сложна.

В квазирелигиозном поле советского «супер-эго» не было пространства для маневра, отступать было некуда.

Битый на вещественно-космическом фронте советский визионер-коммунист не мог отступить в трансцендентное, потому что был привязан к рациональному как к догме.

Неразвитость оперативно-мыслительного инструмента в СССР привела к тому, что критика коротичей, шахназаровых, гайдаров оказалась убийственной (случись «наезд» такого же масштаба на «супер-эго» в любой другой стране, он бы во всяком случае не вылился в духовную катастрофу).

«Психоанализ как политтехнология», 16.12.2003

Комфорт и блаженство

Я бы хотел начать с такой темы: «Ошибка Фрейда».

Его фундаментальная идея — это то, что как бы танцует от некой точки отсчета, от океанического блаженства, которое зародыш испытывает в утробе матери. Он находится в околоплодных водах, поэтому это называется океаническим, и он испытывает то абсолютное чувство комфорта, безопасности, эйфории, которое потом является бессознательной доминантой всей его последующей жизни. И к этому состоянию он стремится вернуться.

В чем, я считаю, его острая ошибка?

Она заключается в том, что он назвал это чувство блаженством, в то время как это комфорт. Можно сказать — океанический, но это дела не меняет, потому что между блаженством и комфортом фундаментальная, глубочайшая разница.

И здесь встает интересный вопрос: люди Золотого века что испытывали?

Как раз их ощущение было подобно зародышу в утробе матери, поскольку у них не было никаких проблем со средой.

Не было проблемы дождя, жара, духоты, мух, комаров. Они в этой среде себя чувствовали так же, как зародыш в утробе матери.

Когда это называется Золотым веком, когда это называется земным раем, судя по всему, это должно предполагать некое блаженство. Ведь блаженство — это райское состояние.

Но тут есть тонкость: это земной рай.

Не будем забывать, что это земной рай, то есть это рай, который находится в зеркале нашего мира, это рай отраженного, вторичного бытия.

В Золотом веке первые люди, которые были в доязыковом состоянии, испытывали именно комфорт, а не блаженство.

Почему это так важно?

Потому что антитезой боли является не блаженство, а именно комфорт.

Есть некоторая путаница, потому что серьезно разбирать все нюансы стали только в XVIII веке, когда появилась сенсуалистская школа, гедонисты, Локк, люди, которые стали погружаться в исследования того, к чему стремится человек. Они стали смешивать эти вещи: блаженство и комфорт.

А проблема-то в том, что блаженство — это сверхъестественное состояние. Блаженство — это переход от coagulo к solve (solve et coagulo — алхимический девиз на латыни «разлагай и соединяй». — *Прим. ред.*). То есть это поднятие от более грубых и плотных состояний вещества — от телесной глины или глиняной телесности — к таким более тонким, разреженным уровням субстанции. Вплоть до того, как сказал один герметик в XVI веке, Меркурий ван Гельмонт (был такой алхимик): «Дело в том, что материя и дух — это два полюса одной субстанции, наша задача сделать материю духовной, а дух материальным».

Тут речь идет о блаженстве, потому что этот переход по шкалам снизу от вещества вверх — вверх к парообразному состоянию: некоторым образом это и есть то, что дает блаженство, максимально приближая гештальт человека, его экзистенциальное состояние, к чистому бытию в платоновском смысле.

Ведь блаженство — это то, что присуще именно бытию, согласно Платону. Платон говорил: «Бытие — идея — благо». Благо — это блаженство.

Есть коррекция на санскрите — «*сат-чит-ананда*», то есть «бытие — сознание — блаженство». Это платоновский аналог. Они имеют в виду то же самое, что и Платон: благо, блаженство как чистое бытие.

А вот комфорт не требует повышения вашего телесного статуса: вы находитесь в этом состоянии грубого вещества, и вы не превращаетесь ни в сверхсущество, ни в ангела, ни в призрака...

... Антитеза комфорта — это именно боль.

...Комфорт начинается с того, что из экзистенции человека устраняется риск боли, упоминание о боли, угроза боли, боязнь будущей боли. Это уже начало комфорта. И здесь мы обнаруживаем интересную вещь: мы обнаруживаем, что все общества прошлого фундаментально строятся на боли и вокруг боли, а современное общество строится на комфорте.

Поэтому, например, исторические сериалы или исторические фильмы так шокируют зрителя, если они качественно сделаны, что они все построены на большом количестве боли. Взять хотя бы «Игру престолов».

...Комфорт — есть не что иное, как парадигма расчеловечивания, то есть демонтаж человеческого фактора.

«Боль и общество», 2016

Конвергенция

Советский Союз и Соединенные Штаты постоянно делали вид, что они оппоненты, хотя конвергенция шла полным ходом. И была горячая линия, красный телефон.

Более того, Советский Союз непрерывно сдавал те или иные революционные движения и коммунистические партии.

Он сдал восстание в Париже 1968 года — я его свидетель.

Он сдал социалистическую революцию в Португалии 1974 года.

А в ответ на это Запад сдавал Москве 1968 года Прагу. Пражскую весну и еще кучу всяких вещей.

В общем, там было «рука руку моет».

Но это не исключает соперничества.

Конечно же Запад был ориентирован на то, чтобы утопить СССР. Но утопить не так, как абсолютного врага, а интриги донов внутри мафиозной семьи. То есть они конечно подрезают друг другу сухожилия, но при этом — одна мафиозная семья.

И в данном случае Соединенные Штаты рассматривают Россию как служебный и абсолютно долженствующий подчиняться им элемент, потому что, как правильно заметил один эксперт, для Соединенных Штатов международное право — это выполнение их приказов.

Когда они говорят, что Россия нарушила международное право, — это значит, что она не подчинилась или подчинилась не так,

или даже они, при условиях полного подчинения, все равно будут говорить, что не подчиняется, ведет себя агрессивно и так далее.

Потому что доктрина Вулфовица, который является главным идеологом неоконов, заключается в следующем: нужно предотвращать возникновение любого центра силы на поверхности Земли, которая может бросить вызов монополярной структуре современного мироустройства, в котором Соединенные Штаты являются единственным полюсом, единственным источником авторитета их силы.

И, кто бы ни поднял голову, эту голову надо отсечь или замолотить ее дубинкой.

Передача «Пиджаки» на радио «Говорит Москва», 07.10.2015

Конспирология

Конспирология стала «притчей во языцех» и символом маргинальности; она стала показателем того, что человек, который интересуется конспирологией, — чудик, фрик, которого всерьез нельзя воспринимать, потому что это тема НЛО, гигантов и карликов, и прочей ерунды.

Но в действительности мы часто сталкиваемся с тем, что далеко не маргинальные персонажи в той или иной форме вдруг обнаруживают, что они пользуются конспирологической методикой.

Ну, например, когда рухнули две башни-близнецы на Манхэттене, президент Буш выступил и сказал, что «мы (то есть Запад, куфр) имеем дело с террористическим заговором». А что такое заговор? Заговор — это conspiracy. То есть он объявил о том, что имеет место конкретный пример конспирологии в лице международного заговора мусульман (мусульман-экстремистов или террористов).

Никто же не сказал, что «Буш, ты дурак, маргинал, ты веришь в зеленых человечков, в карликов и гигантов, в НЛО и прочее». Все навострили уши и сказали ему: «Да, Америка, мы с тобой против этого самого заговора». И война идет до сих пор.

Если брать более серьезные примеры, то после окончания Первой мировой войны — когда большевики совершили Октябрьскую революцию — Ленин сказал, что «мы (большевики)

сейчас опубликуем (и опубликовали) документы тайной дипломатии, которую осуществлял царизм вкупе с Антантой, то есть мы кончаем эпоху тайной дипломатии, наша дипломатия будет открытой; а вот та тайная дипломатия, которая имела место до сих пор, мы ее разоблачаем, мы ее публикуем».

Я извиняюсь, что такое тайная дипломатия, если не заговор?

А что такое заговор, если не conspiracy?

То есть тут наличие конспирологии доказывается уже документально, и это исторический факт, и об этом кричали в течение всей истории советской власти, что «товарищи, Ленин впервые в истории просто взял и опубликовал документы тайной дипломатии, обещав, что ее больше не будет».

Конечно, она тут же появилась, и конечно же Сталин вел в полный рост эту тайную дипломатию. Но и сам пакт Молотова — Риббентропа, который имеет секретные приложения (оспариваемые, правда, что это якобы фальшивка — но может быть, и не фальшивка).

Это тоже заговор.

То есть заговоры есть.

Почему так много конспирологов и почему они выглядят такими смешными?

Мы, мусульмане, понимаем, что такое «роль сионизма в современном мире», но когда нам все время рассказывают о международном еврейском, масонском заговоре, то (хотя мы понимаем, что дыма без огня не бывает) это все-таки напрягает. То есть это точно не мейнстрим — это попахивает провинциальностью. Или, например, нам говорят о том, что имеет место заговор, ну не знаю... убийц в белых халатах или «Гринпис» (заговор экологов, заговор сторонников глобального потепления), заговор ящериц с Марса, которые захватили власть.

Конспирологию легко скомпрометировать: просто вбросить пару таких идей с диагнозом, с точным происхождением из палаты № 6, и все — над этим можно уже смеяться. И серьезные люди, услышав слово «конспирология», тут же отворачиваются.

Но упрощение думать, что все просто идиоты.

Знаете, есть такая история про слепых дервишей, которым дали слона и предложили его описать. Один схватил хобот и говорит, что это змея, другой обнял ногу и сказал, что это колонна, третий ухватил хвост и тоже что-то придумал. Все это был слон,

но, естественно, из всех этих тактильных экспериментов образа слона не получалось.

Есть, условно говоря, подозрение, что все эти конспирологи, которые указывают пальцем то на евреев, то на армян, то на цыган, то на Рокфеллера или Ротшильда, что все они в какой-то степени правы, но так же, как правы слепые дервиши, которые бились за свои слоновьи уши или слоновьи хвосты.

То есть это все маски настоящей конспирологии. Это действительно маленькие такие пиксели, имеющие отношение к общей картине, но это не настоящая большая конспирология.

«Конспирология и ислам», 2016

Контроль

Контроль — это запрет на проход налево, направо: контроль — это запрет на провоз тех или иных вещей, это цензура, это редукция, это ограничение возможностей, а мы называем это властью.

Власть нам дает то, се, пятое, десятое, но мы не видим, чтобы эта власть породила нечто небывалое. Мы видим, что она отнимает у нас возможность сделать то, другое, третье, то есть она сводит все к одномерным монохромным колебаниям молекулы в четко заданной частоте. Как бы редукция броуновского движения в понятной схеме.

Известно, что когда броуновское движение исчезает и теплый раствор, где молекулы движутся в беспорядочном движении, заменяется такой холодной кристаллизованной субстанцией, то говорят, что информация возрастает — то есть растет количество информации и уменьшается количество энтропии.

То есть контроль есть информационный процесс.

Контроль над деятельностью и возможностями каждого из нас, ограничение этих возможностей есть возрастание информации в социальном объеме подобно тому, как при охлаждении горячей взвеси, где много беспорядочных колебаний, энтропия убывает, а информация возрастает.

Контроль — это опять-таки информационная методология.

Потрясающе, что она связана с эстетикой, потому что эстетика играет огромную роль в демагогическом воспитании элементов, подверженных этому контролю.

Эстетика — это не просто те или иные клише и демагогия, подъем флага, распевание гимнов и так далее.

Эстетика — это также и воля буржуа к соразмерности, гармонии и предсказуемости его обыденной жизни. Эстетика — это воля к чистым улицам... ну как воля? — претензия, требование, ожидание чистых улиц, вовремя приходящих трамваев, четко, как машины, работающие социальные структуры.

В двадцатые годы XX века это было красиво изложено: «Мы, марширующие легионы, квадраты, каре».

Посмотрите на запись физкультурных парадов тридцатых годов — какая колоссальная эстетика! Она могла быть построена только при доведении до виртуозности форм спортивного корпорального психологического контроля над человеческими массами.

Так вот, оказывается, материя, которая вокруг нас протяженна, гомогенна и является депутатом негатива по уничтожению нас, — оказывается, что эта материя может быть грубой и хаотичной, а может быть тонкой, высокоорганизованной. И когда она тонкая и высокоорганизованная, она гораздо более опасна. Потому что она уничтожает нас, она гнетет нас, вытирает о нас ноги.

Взрыв таких структур, уничтожение таких структур, разгром таких структур тонкой материи является просто долгом каждого духовного, тонко и глубоко чувствующего свободу человека.

Лекция «Цветы зла», 2002

Коран

Коран есть Слово Божье, переданное через авраамического Пророка, последнего в этой цепи. Это непосредственное слово Бога, обращенное к конкретным людям последней фазы истории. Все, что там сказано, обладает остро современным содержанием.

Анализ оригинального текста показывает удивительные вещи. Так, аргументация бедуинов, которые возражают — в кораническом тексте Бог приводит ответ бедуинов на призыв поверить в Него, — возражают словами, которые необычайно актуальны и необычайно современны, которые выражают менталитет современного массового человека неважно какого

общества — хоть западного мегаполиса. Бедуины говорят: «Зачем нам верить во Всевышнего, когда мы живем, умираем и нас убивает только время» (Коран, 45:24).

Представьте себе, что несколько дней назад я возвращался домой, и вдруг в переходе ко мне пристает человек, который видел меня по телевизору. Он берет меня за лацканы и говорит: «Я желаю с вами поговорить, хочу поговорить о религии, мне все интересно, что вы говорите». Сам армянин. При этом он сразу сказал: «Я Коран не читал...». Говорит, знает, что это все ерунда — знаете почему?! «Мы живем и умираем, нас убивает только время».

Я выпал в осадок. Я ему говорю: «Вы знаете, что вы мне сейчас процитировали?» Отвечает: «Не знаю и знать не хочу, просто считаю, что нас убивает время, порождает время. Вот лицо Бога, которое мы все носим на руке».

Я не знал, что ему сказать, потому что это была живая иллюстрация божественного откровения. Передо мной явился профан, который профанически, ничтоже сумняшеся, повторил слова профанов, приведенные в Коране.

«Онтология, точка, Бог», 2008

Коран — Слово Бога — существует сегодня в том же виде, в каком его передал нам Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха!).

Благодаря тому, что в исламе нет церкви, история каждого документа прозрачна.

При жизни Пророка каждый аят был заучен наизусть тысячами людей и зафиксирован письменно. После его смерти несколько комиссий, работавших независимо, собрали и кодифицировали весь текст, результаты их работы были сравнены между собой, и был выбран оптимальный вариант, с которым согласились все сподвижники. А к моменту смерти Пророка (мир ему и благословение Аллаха!) их было 112 000, из которых по меньшей мере треть знала наизусть либо весь свод ниспосланных аятов, либо значительную их часть. И все считали своим долгом принять участие, внести вклад и бдительно следить, чтобы не вкралась ошибка, ибо для них это было делом спасения души и вопросом вечного блаженства или вечной погибели!

В христианстве же коллегия жрецов уничтожала одни Евангелия (подавляющее большинство), отбирала и переписывала другие, и все это продолжалось многие поколения, притом что основной массе верующих, как известно, знакомиться с текстом Св. Писания было запрещено.

В Европе до Лютера инквизиция преследовала не только тех, кто пытался переводить Писание на живые языки с латыни, но также и тех, кто пытался самостоятельно изучить латынь, чтобы иметь доступ к тексту Библии!

И это в то время, когда изучение Корана и умножение религиозных знаний было обязанностью каждого мусульманина все 14 веков ислама. В исламе существует всегда открытая возможность, игнорируя исторические наслоения и культуру интерпретаций, начать восприятие Корана с чистого листа, как будто ты сам — сподвижник Пророка, встретивший его только что и услышавший от него впервые Откровение Бога. В нем же Сам Бог говорит, что берет на себя обязанность сохранить до Судного дня весь текст Корана неизменным до последней точки — текст, ниспосланный людям «на ясном арабском языке».

И до тех пор, пока человечество может приникать к этому источнику и прочитывать с каждым новым поколением этот текст, — не как культурный памятник, обросший интерпретациями длиннобородых «ученых», а как прямую инструкцию и открытие Божественного метода мышления на человеческом уровне, — до тех пор ислам будет инструментом суда над историей, инструментом приближения ее конца.

«Стена Зуль-Карнайна», 2010

Короли

Подлинные короли, которые и по сей день называются королями (а не их имитаторы для человеческих масс в виде политических деятелей), стоят теперь над обществом вместе со своим ближайшим аристократическим окружением. Они, подобно отделенной от государства церкви, хотя и продолжают во многих случаях упоминаться в конституциях и символизировать суверенитет, но при этом вынесены из зоны ответственности.

Мировая знать учла опыт цареубийств и после Карла I занялась строительством такого надмирного клуба господ, существо-

вание которого было бы застраховано от любых исторических потрясений.

Что же касается жрецов, то сегодня они образуют совершенно закрытую экуменическую касту, действие которой более не сопровождает непосредственную жизнь вышеописанных треугольников: эта каста теперь служит мостом непосредственно между сверхэлитой и «Великим Существом».

Притом что весь социум как таковой, хотя и остается инструментом отчуждения внутреннего человеческого ресурса, но не несет больше на себе печати общей сакральности, которая была присуща «традиционному миру». Если традиционное общество включало в себя духовный элемент, сопровождавший практически каждый составляющий его слой, то современный социум просто превратился в глиняного голема.

«Общество и время. Глобальный механизм отчуждения», 19.07.2006

Космос

Проблема существования социума, человечества в вакуумной пустоте видимого космоса — это один из великих эзотерических секретов.

И каким образом мы существуем в некой благодатной замкнутости, в тепле, в некоем пространстве, где даже звезды напоминают нам фонари, а не фонари — звезды, потому что все антропогенно; космос для нас — это как бы небосвод наших собственных представлений о нем.

И мы чувствуем себя необычайно комфортно.

За пределами этого ревет ледяной хаос, близкий к абсолютному нулю. Мы должны понять, что компенсация, зазор между этим ледяным хаосом и теплой, уютной, комфортной колыбелькой, в которой находится человечество, — это тайные соки наших сердец, которые поднимаются вверх по каналу социальной пирамиды и вкладываются, вкладываются, вкладываются с каждым днем истории все в большем количестве. А что именно Всевышний — Единый Всевышний — является подлинным Хозяином внутреннего времени, и это внутреннее время в наших сердцах есть свет Его стопы на поверхности чистой глины, из которой был создан Адам.

Теперь подумаем вот о чем. Если каждое общество, взятое само по себе, — Древний Египет или Египет XVIII века, империя Инков или Ацтеков, или современная Колумбия, — если они, каждый сам по себе, предстоят холодному ледяному космосу, то энтропия наступает достаточно быстро.

Ресурсов у архаического общества, общества изолированного, компенсировать историю, которая есть не что иное, как постоянное закрытие бреши, — ресурсов у такого общества нет. Если мы поймем то, что ресурсы есть не нефть, не газ, не что-либо иное, а внутреннее — я бы даже сказал мистическое — время человека, которое есть вместе с тем его реальный срок существования и реальный финал его смертного проявления на земле, а вместе с тем это то, с чем он вступает в связь ежедневно и еженощно, — вот это и есть подлинный ресурс.

Если мы это поймем, мы увидим, что весь процесс прогресса и модернизации есть не что иное, как процесс повышения валентности человека, повышение стоимости этого внутреннего времени и разработка новых и новых механизмов по его изъятию.

...Каждое общество в своей архаичной изоляции сталкивается с тем, что его высасывают как губку слишком рано.

И вот, странным образом, мы видим, что существует некая синхронность между всеми этими обществами, по которым время от времени пробегает единая судорога.

Две с половиной тысячи лет назад единая судорога прошла по архаическому миру, который, казалось бы, должен был быть так разрозненен, что его составляющие ничего не знали друг о друге.

В Китае появляется Конфуций, в Греции появляется сократическая философия, появляется новое мышление, в Индии появляется Будда, в Иране появляется Заратустра (обновитель старого магического зерванизма, зерванизма жрецов, магов) — в самых разрозненных местах. Такая судорога проходит по миру, в котором не было еще, до Македонского, никакой связи.

И в наше время, уже в XIX веке, мы видим, что события проходят в одно и то же время: Гражданская война в Америке, освобождение негров; то же самое (в 60-е годы) — освобождение крепостных в России, реформа. А в Японии (в 60-е годы) — революция Мэйдзи, а в Индии (в это же самое время) — восстание

сипаев, которое привело к колоссальным реформам и созданию Индийского конгресса.

Мы не знаем, может, в каких-нибудь более захолустных местах тоже были такие эпизоды — раз проходит такая волна, некая трансформация.

Исходя из этого, Ясперс вывел идею, что существует осевое время. Осевое время, проходящее сквозь всю историю, которому принадлежат все народы, все цивилизации, так или иначе чувствующие это время, — в нем есть свои ритмы.

И не нужны коммуникации между цивилизациями, чтобы испытать узловые ритмы этого осевого времени.

Из того, что мы сейчас сказали, мы можем пойти дальше: мы можем сказать, что это осевое время есть универсальный канал коллективного человечества, по которому внутреннее время каждого из нас отбирается и поднимается вверх по социальной пирамиде, чтобы компенсировать зазор между космосом и существованием этого коллективного живого тела во времени. Это внутреннее время каждого из нас по этому каналу вливается в это осевое время. А осевое время — это как позвоночник, как посох внутри кадуцея, внутри змея, который низводит влияние неба на землю и поднимает влияние земли на небо.

По этому прямому посоху, по этому осевому времени и движется контакт с внешней протяженностью. И если так, то вдруг становится понятно, почему в какое-то время наступает эпоха географических открытий и строительство колониальных империй. Внезапно не только Англия, а Голландия, а до этого Испания, Франция, Португалия — внезапно вдруг испытывают необходимость объединить под собой народы в некую общую цивилизацию.

...Васко да Гама какой-нибудь поплыл, нашел нормальный народ с раджой, с войском, они великолепно умеют ковать доспехи, великолепно производят оливковое масло и пшеницу для своих нужд, и все у них хорошо; и вдруг они соглашаются войти в Португальскую империю. Конечно какие-то конфликты есть, какая-то кровь проливается, но в целом нет такой вайнахской упертости, что «умрем свободными».

Создается колониальная империя.

Да, если бы все уперлись — «кто вы такие, откуда вы взялись», — то какая-то там маленькая Португалия, с ее несколь-

кими сотнями отважных авантюристов, просто канула бы, как песчинка, в буре против сопротивления народов.

Нет, возникают гигантские колониальные империи Португалии, Британии, Голландии. Что это такое? Это не что иное, как интеграция всех цивилизаций и всех народов для того, чтобы выплатить дань на более новом порядке, то есть эти народы, входя в колониальную империю, подвергаются модернизации, капитализации заново в стоимости внутреннего времени всех своих членов.

...Космос — некая сплошная, тотальная иллюстрация, взятая в таком физическом виде, принципа остывания. Есть некое первоначальное тепло, есть первоначальный ресурс энергии, условно говоря, бесконечно большой, который с каждой секундой, с каждым днем, с каждым световым годом, эоном становится все холоднее, холоднее и холоднее.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Кочевники

Непримиримость оседлости и кочевья основана на принципиально различном в двух этих цивилизациях статусе человека по отношению к миру.

В земледельческой оседлой культуре человек фиксирован на земле, двигаясь во времени. Для него существует история, существуют перемены. Привязанность к фиксированному месту в пространстве делает его заложником «четвертого измерения пространства» — быстротекущего времени.

Кочевник, будучи человеческим «перекати-полем», свободно перемещается в пространстве, но, наоборот, фиксирован во времени. Оно для него не движется. Кочевые племена находятся вне истории. Под иным углом зрения можно сказать, что кочевники противостоят истории в ее натуральном стихийном виде.

Напомним, что великие пророки монотеизма были тесно связаны с кочевой моделью существования.

Авраам, став избранником Бога, рвет с оседлым обществом и уходит, чтобы стать патриархом кочевья.

Моисей, приступив к выполнению своей миссии, уводит своих сторонников в пустыню кочевать сорок лет.

Иисус «кочевал» со своими учениками по Иудее, в каком-то

смысле явив образец новой будущей диаспоры — «кочующей общины».

Мухаммад осуществил *хиджру* — переезд своих последователей в место, благоприятное для продолжения их деятельности, развив, таким образом, тему «кочующей общины».

Итак, мы видим, что кочевье тесно связано с оппозиционной миссией пророков Единобожия, которые вступают в конфликт с оседлым жреческим государством, составлявшим становой хребет как древней цивилизации, так и — в определенном смысле — сегодняшней.

«Диаспора: религиозный феномен...», 30.11.2003

Крест

Современный человек считает, что пространство однородно. В нынешнем мире верх и низ, право и лево — условности, которые помогают практически ориентироваться и не более того. Для человека традиции Вселенная выглядит совершенно иначе: это сложно организованная структура, в которой есть центр и периферия. В иерархической вселенной проходит незримая, но совершенно реальная вертикаль — ось миров, по которой восходит и нисходит Дух, действующий в пространстве.

Человек освоил третье измерение — высоту — сравнительно недавно, с появлением воздухоплавания.

Однако религия всегда обращалась к этому измерению как к символу высшего смысла. Ось мира есть одновременно мировое древо легенд и преданий, вокруг которого вращается космос. Свастика — это результат движения креста.

Обычно крест рассматривается как эмблема христианства. Это древнеримское орудие пытки и казни, связанное с историей мученичества, которому подвергались верующие единобожники в языческой империи.

Однако распространение креста не ограничивается христианством.

Крест, используемый во всех традициях, — универсальный знак пространства.

С незапамятных времен у креста было магическое значение, основанное на его геометрическом смысле.

Крест есть узел, связка, сопряженность противоположностей. Благодаря этому крест становится ключом, который открывает двери в другие измерения.

Главный смысл креста — это тело, космическая телесность.

Пересечение горизонтали и вертикали указывает на постоянно совершающийся выход за пределы видимого мира.

Полный трехмерный крест имеет шесть направлений пространства, исходящих из внепространственной точки — подобно тому как материальное рождается из нематериального. Как сказал греческий философ, «мировая душа распята на мировом теле».

Великий шейх суфизма Мухеидин ибн Аль-Араби добавил, что этот метафизический крест мусульмане носят в своем сердце.

«Сакральная география», 1996

Кризис

Кризис нужен «хозяевам», чтобы приступить к учреждению нового мирового экономического порядка — без участия в нем широких масс населения, без прав народа на долю пирога.

Однако кризис нужен и радикалам. Именно потому, что благодаря этому кризису появляется практический шанс немножко поправить «хозяев» жизни, слегка указать им на их ошибки... А то и вовсе смести их!

Но это субъективные расчеты и стратегии различных группировок, противостоящих друг другу на площадке глобальной цивилизации. В действительности же и пресловутые «хозяева», и «ужасные» радикалы оказываются не более чем пешками в руках куда более могущественных сил, лепящих историю. Чем больше сознание нынешних профанов стремится свести все к сугубо человеческому измерению, тем в большей степени «нечеловеческий фактор» лезет изо всех щелей и демонстрирует свое полное господство над здравым смыслом и либеральным прагматизмом. (Взять хотя бы тот же рынок, который главные идеологи либерализма признали непознаваемой иррациональной силой... Вот тебе и раз!)

Кризис внушает наполеоновские планы игрокам, рассчитывающим его оседлать. Но действительная же реальность кризиса — в кризисе самой реальности. Проще говоря, это значит, что

человечество вступает в противоречие с самим собой. То, как оно существует, противоречит тому, какие цели оно ставит. То, какие цели оно ставит, противоречит тому, зачем оно вообще возникло.

Неслучайно конец XX века знаменовался появлением целого ряда мыслителей, сразу ставших влиятельными. Эти мыслители стали заниматься деконструкцией всего, во что люди верили вплоть до вчерашнего дня. Деконструкция разоблачила «ложь» таких понятий, как нация, государство, культура, семья и пр.

Впрочем, деконструкцией занимались и Маркс, и Ницше. Это вообще благодарное занятие — деконструировать! Может быть, самое доходное в период, когда доходность ценных бумаг падает до нуля...

По-гречески слово «кризис» означает суд.

Этот суд все время идет над человечеством, над его историей, над его ценностями, чаяниями и иллюзиями. Со времен тех мифических пещер, в которых люди дрожали от холода, ожидая визита Прометея с гуманитарной помощью, они обросли массой всякого рода социальных приспособлений и техник, массой интерпретаций того, что они делают и зачем они вообще нужны во Вселенной.

Немало созданных людьми вещей и идей содержит в себе принципиальную ложь. Поэтому кризис неизбежно будет сопровождать каждый шаг человечества — до Страшного суда...

«Кризис реальности», 2008

Культура

Любовь к жизни как к самодовлеющей ценности слишком часто оправдывает утрату духовной ориентации. «Ваше богатство и ваши дети — не то, что приближает вас к Нам», — говорит Бог (Коран, 34:37). Когда религия перестает быть всеобъемлющей реальностью, на ее место приходит культура — моральное алиби безбожия.

Современная культура — это собрание всего, что за множество поколений наслоилось в человеческой душе.

«Мираджж», 1995

Культура — это система подмены и имитации, которая уводит нас от реальной проблематики, от реальной жизни. Культура тесно связана с идолами как заместителями реальности.

«Онтология, точка, Бог», 2008

Главная проблема культуры та же, что и главная проблема денег: ее всегда мало, и она всегда находится в состоянии инфляции.

Что такое инфляция денег, понятно каждому. Это значит, что сегодня за рубль можно купить меньше, чем вчера. А вот что такое инфляция культуры?

Возьмем высокий пример такой инфляции. У нас есть знаменитая картина Да Винчи, с одной стороны, и у нас есть книжка Дэна Брауна «Код Да Винчи» — с другой.

На одном конце — колоссальный груз подразумеваний, бездна мастерства, в итоге которых возникает шедевр. Вокруг этого шедевра веками идут споры, рождаются домыслы...

На другом конце у нас есть попсовая поделка, которую читают в метро, чтобы убить время. Это «высокая» инфляция, потому что «низкая» — это улыбка Джоконды на пластиковой сумке из супермаркета.

Культура возникает из переосмысления религиозных символов в человеческом ключе. Богомаз пишет по заказу церкви Деву Марию, а в качестве модели берет простую девушку. Потом приходит критик и объясняет, что Дева Мария — это просто повод для того, чтобы возвеличить обыденную человеческую женственность. С этого начинается. Кончается это массовой культурой, в которой завершается распад первоначальных символов.

С момента своего появления культура становится инструментом вытеснения обычных людей из сферы высших религиозных смыслов. Если религия для простого человека связана с этикой — с тем, что должно, культура концентрирует его внимание на эстетике — на том, что красиво. Это прием для того, чтобы заставить человека полюбить самого себя вместо того, чтобы любить Бога.

Культура освобождает от этики, потому что приучает к мысли, что «человек широк». В человеке-де есть все. И в конечном

счете ему все можно. А стало быть, если возможен в культуре Пласидо Доминго, то есть место и для Гарика Сукачева.

Культура изначально имитировала религию. Только она в качестве своего главного оправдания ввела в обиход идею «ценности». Торговое понятие, денежное — стало быть, еще раз сближающее культуру с низменной сферой финансов. И по мере того, как подвергается инфляции заложенное в культуру содержание, цены на культуру растут. Она в все возрастающей степени становится привлекательным инвестиционным направлением.

А массы лишаются последнего контакта с «высоким»...

«Кризис реальности», 14.01.2008

Смысл культуры в том, что она — континуум. Она — как вода: принципиально отвергает разрыв. Внутрикультурная иерархия чужда эксцессов, ее ступени не разделены бездной.

Какой бы монстр ни отбросил свою тень вовнутрь этой платоновской пещеры, она, эта тень, все равно будет поверяться человеком — «мерой всех вещей».

Поэтому культура есть начало и конец метафизической пошлости. Адепты кукольного бессмертия — культурного безвременья — ухитрились все уцелевшие доныне документы духа загнать на универсальную полку этой пошлости. Осталась лишь одна книга, которая не вошла и, очевидно, уже до конца истории так и не встанет в ряд с другими корешками. Это — Коран, о существовании которого наслышано все человечество; последнее напоминание о смерти, которое культуролог еще принимает всерьез.

В чем тайна его успешного сопротивления культуре, тайна, бесспорно имеющая отношение к чуду?

Коран — внечеловеческий императив, он не только провозглашает необходимость такого императива — он им является. Авторами дошедших до нас священных текстов были жрецы; в лучшем случае — апостолы. Максимум подлинности этих писаний назывался «боговдохновенностью».

Автор Корана — сам Бог, Коран определяется через категорическое исключение всякого сомнения и всякого сравнения в отношении себя. Для культуры это чистое безумие!

«Художник и культура», 1994

Курбан-байрам

Это единственный на сегодняшний день ритуал, тесно связанный с памятью нашего праотца Ибрагима (мир ему), который был намерен, повинуясь Всевышнему, принести в жертву своего первенца Исмаила.

Своей жертвенной готовностью выполнить приказ Бога он положил начало присутствию монотеизма в условиях глобальной тирании и несправедливости.

Возникла точка света, оппозиции.

У Ибрагима (мир ему) появилась группа последователей, которые веками — через борьбу с Вавилоном, с фараонами, с Византией, Ираном и другими великими мировыми тираниями — пробились к полуторамиллиардной Умме, которая является залогом воли людей к свободе и справедливости.

Умма есть суть религиозных чаяний и надежд, потому что политические и социальные чаяния людей имеют теологическую и религиозную подоплеку, а вовсе не экономическую и не бытовую, как об этом говорили марксисты.

Точка отсчета, которая стоит в основе нашей истории, началась именно тогда.

Курбан-байрам — это соединение события, которое имело место быть 4300 лет назад, и нас сегодняшних, подтверждающих, что мы, как партия Аллаха, существуем на протяжении этих 4300 лет.

«Стена Зуль-Карнайна», 2010

Курды

Курды — инструмент мировой системы. Иранцы в свое время говорили о том, что «из рукава Саддама торчит кулак американского правительства». Из рукава курдов торчат сразу два кулака — американский и израильский, поскольку это инструмент американо-израильской политики в регионе.

Именно они при помощи курдов вдохновляют этот квартет против Турции. Эрдоган их пугает, он им надоел. Турция является вызовом для США, это ослабление позиций США на Средиземном море, ослабление позиций на Балканах и в южном спектре ответственности НАТО, исключение влияния США на Южном и Северном Кавказе.

Лучше всего, по задумкам Вашингтона, развалить Турцию. Для этого идеально подходят курды. Роль курдов не только в том, чтобы нейтрализовать Турцию как независимого игрока. Она еще интересна и тем, что они находятся на путях потенциального «Шелкового пути» — экспорта китайской продукции в Европу. А это США не устраивает: они намерены закрыть европейский рынок для китайских товаров. Для этого мало соглашений на бумаге. Нужна еще и сила. Таковой силой являются курды.

При своем состоянии диаспоры, которая сидит на Южном Кавказе, в Туркмении, Казахстане, Иране, Сирии — 30 миллионов курдов. Это огромная сила. Если они сколотят псевдогосударство — это будет мощным фактором давления, силового воздействия на все страны региона.

«Эрдоган не устраивает никого», 07.09.2015

Куфр

Мировой протест отождествился с исламом. Но сразу же стало очевидно, насколько чудовищно не готов исламский мир, протестные мусульманские массы, противостоять «зверю из бездны».

Сегодняшний «зверь» — это не мекканская знать, озабоченная шкурным благополучием и конформизмом, это даже не кесарь с коррупцией Рима, цинизмом сената и наемными легионами. Куфр сегодня — это тот самый человек, взятый глобально во всех его измерениях, о котором Бог в Коране говорит: «Мы сотворили человека из капли, а он враждебен определенно» (36:77). Именно к столкновению с этим глобальным человеком не готовы умы подавляющего большинства мусульман, ибо ментальность Уммы заражена гуманизмом, который ее парализует и расслабляет.

«“Ориентация — Север” и ее время», 01.01.1997

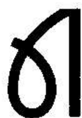
Кыргызстан

Мы можем говорить о специфическом отличии Кыргызстана, где существует практика прямого вмешательства народных масс в политический процесс — как Майдан. Таким обра-

зом, Кыргызстан стоит особняком, потому что в парламентской республике существует принцип прямой демократии в виде выхода народа на площадь. Два предыдущих президента убежали из страны, что является, в общем-то, более высоким достижением, чем, например, на Украине, откуда убежал только один президент. Что касается остальных стран Центральной Азии, то это постсоветские сатрапии, основанные на феодальной преемственности, идущей от первых секретарей республиканских ЦК...

В Кыргызстане власть уже научена горьким опытом, и она учитывает этот самый горький опыт, который получили А. Акаев с К. Бакиевым. Поэтому власть придумала массу заглушек, систему выпуска пара, она развивает «софт»-исламизацию, включающую в себя бюрократию. Таким образом, положение в Кыргызстане наименее критично благодаря всем этим принятым мерам.

«В Центрально-Азиатском регионе...», 30.06.2016

Левая идея

Кризис левой идеи в том, что она рано или поздно вынуждена делегировать заботу о равенстве всех в получении благ государству, которое само представляет собой социального паразита.

Крайне левый либерализм исходил из красивой посылки о том, что свободный производительный труд всегда создает товаров больше, чем их можно потребить. Именно на этом был построен коммунистический проект преодоления «отчуждения».

На деле красота теории превратилась в финансовую демократию партийно-бюрократического типа, где только обилие фольклорных экзотических примет не дает понять глубинного тождества между СССР и США.

Экономика СССР являлась, в сущности, не чем иным, как спекуляцией безналом. Точно так же, как это делает сегодня ненавистный всему миру американский спекулянт, беря в долг у всего мира.

За советский безнал приходилось рассчитываться реальными жизненными соками миллионов людей — то есть трудовых ресурсов.

Фактически экономическая проблема СССР в уменьшенной модели воспроизводила коллизию современного кризиса: с одной стороны, спекулятивная экономика потребления, где в роли неограниченного потребителя выступало единым субъектом бюрократическое государство, с другой стороны — экономический полюс производительного труда, который просто не мог угнаться за спекулятивными экспериментами Госплана.

СССР был нынешними Китаем и США в одном лице.

Именно совмещение коммунистической идеи сверхпроизводства материальных благ с финансово-спекулятивным подходом к кредитованию этого производства привело к неизбежной деконструкции всей схемы.

Ведь в роли реального благополучателя на полюсе потребления стояла бюрократия, отвечавшая за левый проект. И она

в какой-то момент приняла решение, что пришла пора просто выйти из такого противоречия!

Так закончился грандиозный левый проект под названием СССР.

Рухнув, этот проект похоронил левую идею. Все оставшиеся на поверхности троцкисты, марксисты, социалисты, евромаоисты и еврокоммунисты — не более чем щепки на поверхности моря, когда «Титаник» уже затонул.

Китай, оставаясь формально коммунистическим, вряд ли способен нести левую идею и осуществлять коммунистическое руководство в мире. Китай погружен в обслуживание «золотого миллиарда». Его элиты добровольно согласились передать страну в ранг «мастерской мира», что со временем превратит ее в сточную канаву мировых отбросов и зону экологического бедствия.

Китай сделал было попытку консолидировать альтерглобалистские движения в мире. Он финансировал социальные форумы и дирижировал протестами антиглобалистов на протяжении десяти лет. Однако его бюрократия отказалась от поддержки левого проекта в мире — точно так же, как советская бюрократия отказалась от проекта СССР.

«Кризис реальности», 2008

Левые

Сегодняшние левые, безнадежно буксующие в осколках скомпрометированного и несостоятельного марксизма, неспособны вынести из Октября тот главный урок, который необходим революционерам нынешнего и завтрашнего дня.

Проиграл не «красный проект» — проиграло либеральное сознание, которое завладело этим проектом и завело его в тупик.

Революции, конечно, будут потрясать мир и дальше. Каждая будет ставить вопрос о судьбе человечества шире и глубже, чем предыдущая.

Одного больше не будет никогда — революции под антирелигиозным флагом, поскольку либеральное сознание в XX веке потерпело окончательное поражение как на крайне левом, так и на крайне правом фланге.

«Теология отрицания как нелиберальный урок Октября», 05.11.2007

Ленин

Ленин был радикалом, а Маркс был либералом.

Но радикал Ленин не мог найти адекватную форму идеологии, которая бы выразила его радикальный экзистенциал и одновременно при этом была бы международной идеологией.

Такой идеологией был только марксизм.

Марксизм был создан левыми либералами. Достаточно почитать коммунистический манифест Маркса и Энгельса, чтобы понять, что это либеральная, левацкая в самом сомнительном и проблемном смысле идеология.

Ленин отрицал Бога, но при этом был горящим страстью пассионарием, для которого его нигилизм, его негативизм имел совершенно религиозное значение. И поэтому конечно он модифицировал марксизм таким образом, что марксизм-ленинизм имеет мало общего с идеологией самого Маркса.

Ленин был социал-космистом. Космисты считают, что уровни сложности внешней материи, космоса, должны расти, прогрессировать и повышаться — от неорганической материи к жизни (к органической), от органической материи к сознательной, мыслящей, от мыслящей материи к ноосфере, под которой они понимают эмансипировавшийся, освободившийся от материи разум, который уже начинает диктовать новые законы природы самой материи (менять эти законы природы, мыслить новые законы).

Почему он говорил, что кухарка может править государством?

Имеется в виду, что это темное коллективное начало можно поставить в такие условия, так его освободить, что оно самоорганизуется и начнет управлять собой.

Из хаоса инстинкта оно станет разумом.

И поэтому государство отомрет, поэтому государство не нужно.

Ленинизм прямо видел в народе аналог хаотической материи, а в перспективах развития народа — преображение его в сияющий разум.

Идея — истинная в чем-то и одновременно глубоко ложная.

Истинная в том, что в ней содержится пафос освобождения от рабства тагуту, от рабства Сатане, от рабства Великому Суще-

ству, зеркальным отражением которого является человеческий социум на земле.

Но почему эта идея одновременно ложная?

Потому что она предполагает, что эта материя должна сама себя возделывать, вознести, просветлиться и вытащить себя, как Мюнхгаузен, из болота за волосы. А это невозможно.

То есть эта идея в корне игнорирует опорный свет, опорный луч Откровения, который радикально противостоит Великому Существу, который радикально противостоит инерции и огня, и глины — то есть бытия во всей сложности этих тварных субстанций.

Об этом левые идеи, радикальные и либеральные ничего не знают.

И ленинизм, и социализм — это не что иное, как избивание отражения Сатаны плетью в надежде, что от боли это отражение станет реально человеком. Не отражением Сатаны, а реально человеком. Что оно порвет связь со своим архетипом, с Великим Существом, и оживет к самостоятельной жизни.

Отсюда все перипетии советской истории: войны, ГУЛАГи... Это избивание отражения плетью. Вдруг проснется...

«Ленин как архетип русского радикализма», 2015

...В определенном смысле можно считать фигуру Ленина своеобразной духовной линзой, в фокусе которой горит луч всей русской культуры и истории, прожигающий «свинцовую мерзость» любой жизни в любую эпоху.

Ленин опирается на трагический личный опыт своего непосредственного предшественника Бакунина — кстати, оппонента Маркса — именно в тех же острых вопросах, по которым принципиально различаются марксизм и ленинизм.

За Лениным видится фигура и другого непонятого русского нонконформиста титанической силы — Нечаева, воплощенного Достоевским в образе Петра Верховенского в «Бесах». Гениальный писатель, работавший над романом примерно в то время, когда Володя Ульянов появился на свет, неслучайно заставил своего героя быть не организатором «народа», а организатором Ставрогина в качестве красного «Ивана-царевича», который, в свою очередь, явился организатором целой плеяды «русских мальчиков»: Кириллова, Шатова и других...

Ленин в Мавзолее — это религиозный факт русской истории, как бы к этому ни относились консерваторы, традиционалисты и контрреволюционеры, ностальгирующие по потерянной ими России.

Крах советского строя означает всего лишь расчищение поля для новой битвы, ибо лживость миропорядка со времен казни Александра Ульянова возросла многократно.

Человечество разорвано между двумя абсолютными полюсами — Богатством и Бедностью. Классов больше нет, деморализованный люмпен либо с завистью читает светскую хронику о жизни олигархов, либо выходит на рельсы в бесперспективном и тупом отчаянии.

О таком «бесклассовом» обществе Маркс не мечтал: бесклассовость привела к еще большей тирании, чем старая социальная пирамида.

Против этой тирании завтра, как сто и тысячу лет назад, способна действовать и непременно будет действовать только одна организованная сила: каста пассионариев, владеющая искусством срывания «всех и всяческих масок».

«Срывание масок», по Ленину, есть, говоря языком психоанализа, разоблачение коллективного «сверх-Я».

Интеллектуальный прием ленинизма — скальпельный удар, вскрывающий анатомию господствующего над психикой и сознанием людей духовного авторитета, развенчивающий его харизматический пафос и уничтожающий его моральный гипноз.

В ленинском прищуре короли не только голы — они изначально лишены возможности «одеться».

«Неоленинизм как революционная доктрина наступившего столетия», 2003

Летоисчисление

В Коране есть аят: «День Аллаха — 50 тысяч лет» (70:4).

Это довольно загадочная фраза.

Что означает «день»?

В моем толковании это длительность пророческого цикла внутри истории адамического человечества.

Начало человеческого цикла и начало пророческого цикла не совпадают — так же как не совпадают конец истории и конец действия пророческой миссии на земле.

Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) был последним Пророком, после которого Откровение уже не обновится до Судного дня. Однако после него прошло уже более 14 веков...

Первым Пророком человечества был Адам (мир ему). Его принято считать прародителем, первочеловеком.

Но традиция совершенно точно говорит нам, что он был первым посланником Аллаха.

К кому?

Есть интерпретация, что он был послан к человечеству Золотого века.

С него начинается язык, имена вещей, мышления.

Миссия Адама делит Золотой век пополам (по аналогии с Пророком Ноем: Всемирный потоп делит пополам Бронзовый век, предшествовавший нашему Железному).

Согласно ведической традиции, длительность человеческого цикла составляет 64 800 лет. Золотой век длится четыре десятых этого срока. Таким образом, Адам приходит к человечеству через 12 960 лет после начала цикла. Прибавим к этому 50 тысяч лет «дня Аллаха» — срок миссии пророков во времени, — получается, что после последнего пророка до конца цикла остается 1840 лет.

Остается добавить, что 14 столетий из этих 18 000 лет уже прошли, стало быть, до событий, сопровождающих подведение окончательного итога, остается порядка 360 лет, что составляет половину периода, именуемого в арабской традиции «*аср*».

Аср — это 720 лет.

Это треть длительности стоянки Солнца в зодиакальном знаке (стоянка длится 2160 лет). История ислама насчитывает два *асра*, развиваясь 360-летними периодами.

С начала мусульманского летоисчисления до 990 года — первая половина *асра*, восхождение исламской цивилизации, почти всемирный Халифат, расцвет наук, искусств, экономики. Следующие 360 — Крестовые походы, потеря Иерусалима...

Удалось отбиться от западных рыцарей — обрушились орды язычников из монгольских степей. Длится все это до 1350 РХ. В этом году османы прорвались в Европу и возродили Халифат.

Следующие пол-*асра* — восхождение, успехи ислама под водительством османов до 1710 года. Это поражение от Петра I.

Начинается упадок на следующие 360 лет. На днях этот теневой период заканчивается.

Сами понимаете, что будет дальше...

«“Святые Сатаны” и конец Золотого века», 2011

Либеральный клуб

Либеральная позиция: все — здесь, жизнь — здесь, жить надо максимально хорошо, и все средства для этого годятся — другого смысла, кроме как хорошая жизнь, не бывает и быть не может.

Поэтому нет никакого предустановленного замысла, нет никакого плана, нет никакого значения ни у чего, все совершается в силу естественных стихийных причин как результат сталкивания бильярдных шаров.

Кому-то повезло, кому-то нет.

Либералов очень много разных. К либералам относятся марксисты, коммунисты. К либералам относятся нацисты. К либералам относятся Вулфовец и Буш, Меркель и Саркози. Либералы — это антиглобалисты, которые считают, что нужно поправить корпорации и брать со всякой финансовой транзакции налог.

Интересы классических либералов представляет сегодня национальное государство, национальный суверенитет, национальная бюрократия.

«Метафизика истории», 2012

...Либеральный клуб сегодня в политэкономическом смысле делится на два фланга.

Есть международная группировка, связанная с промышленным капиталом, которая делает ставку на крайне правые движения, которая поощряет реакционно-националистические группировки во всем мире: от России до Греции или до Ирландии.

Это промышленный капитал, который, в принципе, в своей политической перспективе имеет идею имперско-почвенного строительства.

А есть спекулятивно-финансовый капитал, который, с одной стороны, как бы чисто либерален, арелигиозен, такой за все хорошее, но, с другой стороны, странным образом в местах

торжества финансово-спекулятивного капитала происходят обнищания, кризисы, коллапсы, лопанье пузырей, пирамид.

Есть два таких крыла, которые сегодня конкурируют друг с другом в условиях общего кризиса либерализма, потому что то, что сегодня происходит, — это кризис именно либерального клуба.

«Анатомия молчания», 2011

Либералы представляют собой люмпенов, они деклассанты — то, что называется разночинное население; у них нет корней, и они мыслят в категориях очищенного от коллективных (социальных) обязательств индивидуума.

То есть индивидуум атомарный, который появился из ниоткуда и никому ничем не обязан. Вот это идеальная ситуация либерала.

Посмотрите сегодня, что либерализм делает. Либерализм не запрещает какие-то сексуальные отношения, а он вводит закон о ненормальных. Либерализм лезет в постель, либерализм запрещает массами любые книги, исходя из своих конкретных в данном регионе предпочтений, либерализм жестко запрещает курить, например. Либерализм становится тоталитарным, убивает свободы.

Идея стала рушиться. А почему? А потому, что стал рушиться аргумент тела в глазах масс. Массы увидели, что нету перспективы повышать материальное благополучие — раз. Второе — они резко увидели, что в интеллектуальном, духовном плане аргумент тела не дает ничего.

Миллионы переживают дефицит смысла, и их больше не убеждает либеральная идея, работающая от аргумента тела.

Крошится матрица, матрица начинает сыпаться, и мы видим это на разных примерах. Это повышение роли религии, это переход в контрнаступление традиционалистского клуба, это крах материалистической и агностической идеологии, это появление нового типа аргументации, которая базируется на, казалось бы, изжитых и отнесенных либералами в область Средневековья концептах.

Речь идет о том, что люди, способные пожертвовать жизнью, требуют политической власти. И это конец либеральной идеи.

«Глобальный крах либеральной идеи», 2015

Либидо

Для рядового обывателя половое влечение есть единственная возможность соприкоснуться с чем-то сверхчеловеческим и даже сверхъестественным.

Эротическую энергию люди всегда обожествляли и относились к ней со страхом, ибо эта сила, с одной стороны, живет в них самих, а с другой стороны — выходит из-под их контроля.

Часто либидо (половое влечение) смешивают с любовью.

Сущность любви — в самопожертвовании. Это пассионарная готовность отдать себя во имя высокого дела, своих близких — тех, кого Христос имел в виду, призывая «положить душу за други своя»...

Все это связано с духовной волей, имеющей корни в человеческом сердце.

Половое влечение, в отличие от благородной жертвенной страсти к самопожертвованию, подобно электричеству, которое действует независимо от того, знаем мы о нем или нет. Это не «сверх-», а скорее нечеловеческая сила. Мы неслучайно употребили слово «электричество»: подобно тому как там существуют плюс и минус, образующие разность потенциалов, и в биологической сфере есть свои катод и анод в виде мужского и женского начал.

В обществе, где доминирует «третий пол», невозможно представить себе драму эротического чувства, составляющую одно из стержневых направлений классической культуры.

Для современного мужчины, с точки зрения офицера наполеоновских войн, являющегося биологическим выродком, непостижима проблематика шекспировских любовных пьес. Именно поэтому постмодернистская либеральная культура так ценит Чехова, который хорошо показывает обрушение поляризации и кризис мужественности в разночинном интеллигенте на переломе веков.

Оппозиция полов есть, пожалуй, наиболее космическая вещь, явным образом представленная в человеке. То, через что человек ближе всего подходит к стихийному космосу. Мужское и женское в их символическом плане пронизывают всю реальность, предавая ей мифологическую структуру: земля и небо, форма и материя, точка и протяженность...

Мы окружены примерами этого бинарного противостояния и несем его в самих себе.

Энергия секса в своем фактическом проявлении разрывает опыт обыденного мироощущения, который у большинства людей подобен сну наяву.

Соединение мужчины и женщины ведет к вспышке, которая выбрасывает их из профанической действительности и вводит, хотя бы на мгновение, в опыт парадоксальный и пугающий.

Именно поэтому современное общество стремится максимально банализировать секс, сделать его одним из продуктов безопасного потребления. Главной технологией торжествующего либерализма становится атака на противостояние полов, на гендерную идентичность.

Мужчина должен быть лишен своего специфического качества в первую очередь, после чего природа женственности тоже без труда деформируется.

Унисекс, порождаемый либерализмом, приводит к тому, что половая энергетика уходит из человеческого пространства и люди лишаются последнего соприкосновения с чем-то неизмеримо большим, чем их бессмысленная повседневность.

«Кризис реальности», 2008

Литература

Если говорить именно об исламской литературе как историческом классическом корпусе, то исламская литература насчитывает примерно сто тысяч названий.

Туда входят труды по медицине, по географии — от Ибн Батута до Ружда, — труды по астрономии. Это если взять суммарно то, что известно, — а много погибло, много недоступно исследователям...

Например, мне известно, что будущий аятолла Мараши, родившись в Ираке, был в 1920-е годы студентом медресе. Он видел, как в оккупированном Ираке англичане скупают арабские рукописи. Жадно скупают, вывозят национальное достояние... Он работал вначале на разгрузке вагонов, учась в медресе, чтобы покупать эти книги и спасать их от рук английских оккупантов.

Потом он вывез эти книги, чем положил в Куме основу Кумской библиотеки.

Сейчас там более 30 тысяч названий, колоссальный музей книги, лаборатории по восстановлению рукописей.

Гигантские запасы уникальных книг находятся в Питере, в библиотеке Салтыкова-Щедрина. Никто ими не занимается.

Художественная литература — это недавно возникшее явление...

Есть в XVIII веке какие-то образчики художественной литературы («Хромой бес» или романы в письмах типа «Опасные связи»), но по-настоящему художественная литература возникла в XIX веке.

Это новодел, новое явление, оно связано с модерном и с тем, что люди на Западе стали иметь огромные интересы к своим психологическим переживаниям, эмоциям. И этому был посвящен психологический роман.

Это особое западное явление, которому можно подражать, можно не подражать.

Современный человек вряд ли будет читать психологические романы Бальзака из-за фундаментальных изменений, произошедших в психологии современных поколений. Литература XIX века может обсуждаться только специалистами, она не может быть массовым явлением.

И поэтому я не думаю, что художественная литература в западном понимании может привиться или расцвести буйным цветом в исламском мире.

Но тот факт, что всегда писалось и будет писаться много книг, — это да!

Эти книги вернули научные дисциплины самому Западу.

Как известно, в IV веке в Риме была создана паровая машина, а в VII веке на Авентинском холме уже ходили гуси — и дети с хворостиной, которые их пасли, даже не подозревали об императоре Траяне.

Так вот, Европа сейчас знает о том, что она Европа, и помнит о своем прошлом только благодаря мусульманам.

Лекция «Кризис глобальной системы и политический ислам», 2014

Общение всегда ситуативно. Но литература внеситуативна, потому что мы сегодня читаем Достоевского, и понятно, что «Братья Карамазовы» происходят не здесь и теперь, а это некое отчужденное от времени, о котором мы читаем, не имеющее к нам отношение описание, которое будет читаться и после нас поколениями, и до нас читалось поколениями.

И здесь язык обнаруживает свою некоммуникативную природу, потому что литература — это не коммуникация.

Кому-то это может показаться странным, но литература — это не коммуникация.

Это осколок, остаток мышления.

Как все в нашем пространстве, как все в социальном пространстве, это тоже подвергается извращению и пародированию, потому что возникает роман-поток, возникает просто некий бессюжетный поток слов, ассоциаций, который читать реально невозможно — это считается суперсовременно, супермодно.

И литература тоже присоединяется к общей динамике деградации языка в сторону посткоммуникации.

Но если брать классику, которая вызывает постоянный интерес, всегда находит себе спрос у новых и новых поколений — вот это момент, который резко дистанцируется от общения, от коммуникации и от ситуативности, от обусловленности моментом, который, как я уже сказал, лучше всего выражен в перекличке соседа через улицу, который вешает белье. На одном конце — «эй, как ты?», на другом конце — «Братья Карамазовы».

«Общение и мышление:
взаимно исключающие функции», 2016

Личность

В прекрасном стихотворении Пушкина «Анчар» властелин посылает раба за плодами ядовитого дерева. Выполнив задание, отравленный раб приползает на «ложе» в собственном шалаше. Это важный момент: у раба есть место, где умереть. Каждую ночь измученные социальным гнетом существа возвращались к себе, на жалкое ложе, и внутрь себя — в тайники собственного сердца, чтобы остаться там на короткий миг одиночества наедине с собой.

Этот возврат в духовное убежище собственного сердца — обязательное условие воскресения к новым испытаниям, обретения сил для того, чтобы выдерживать страдания и унижения реальной жизни.

У современного человека забирают это духовное убежище. Ему не оставляют возможности уйти в самого себя, совершая внутреннюю иммиграцию из мира абсурда и бесполезной растраты времени и усилий.

Медийное пространство, реклама, интернет, профессиональные и социальные связи все больше заполняют то пространство внутри человека, где, по идее, не должно быть ничего, кроме тишины, ничего, кроме тайны его непостижимого Я. Человек становится лентой Мебиуса: внешнее плавно переходит в нем во внутреннее. Он боится остаться наедине с собой, потому что встреча со своим Я не возрождает его, не дает ему новые силы. Путешествие в себя отравляет современного человека, как поход за плодами дерева анчар отравил раба из пушкинского стихотворения.

Следует признать удивительную вещь — древо жизни в сердцах людей превратилось для них в анчар, и его плоды стали ядовитыми.

В ужасе люди бегут наружу — к социуму, к рекламе и развлечениям, к партийным собраниям и клубным тусовкам, они просят у всего этого внешнего гама защиты от ядовитых плодов собственного Я.

Психоанализ оказывает им в этом деле активную помощь. Фрейд подсказал элитам — и они взяли это на вооружение, — что истинную сущность человека следует шельмовать и держать в кандалах и за решеткой, как озверелого маньяка. То, что является врожденной совестью, не дающей смириться с диктатурой мира, — диктатурой, осужденной всеми пророками, включая Иисуса Христа, как совершенная ложь! — превращается в психоанализе в бессознательного внутреннего агрессора, имя которому «Оно». Психоаналитики — профанические наследники церковников — не учат смирению; в той системе контролируемого абсурда, которую они предлагают современным людям, смирение превращается в излишнюю роскошь.

«Кризис реальности», 2008

Логика

Одной из характерных черт нынешних мусульман, боящихся «интеллектуализма» и «философствования», является их недоверие к логике.

Это восходит к отсутствию традиции самоанализа и исследования законов суждения, которые остались вне сферы внимания ранних исламских мыслителей.

Тем не менее логика является императивом для каждого мусульманина, потому что она предполагает смысловую связь слов, а Коран ниспослан человечеству на ясном арабском языке.

Это означает, что все, что Аллах говорит в Коране, является не набором иррациональных заклинаний, которые читаются вслух невежественными муллами по различным оказиям.

Коран есть глубочайшая связь смыслов, образующая многослойную ткань. Расшифровка этого может осуществляться только через абсолютное внимание к внутренним законам смысла. Ключом к этим законам является *таухид*. А замочная скважина, в которую этот ключ вставляется, есть *фуркан* (различение).

Таким образом, выводы по поводу человека, общества, познания, природы времени, природы материи, которые делаются через последовательное применение «единственности» и различения, имеют характер не каких-то субъективных «мнений», но обладают статусом доктрины, которая должна стать безусловной базой исламской идеологии.

Именно из понимания того, что Откровение само по себе есть оборотная сторона единственности и абсолютной нетождественности Аллаха всему, что есть не-Он (все сущее), следует все остальное, все мировоззрение мусульманина, которое имеет природу последовательного миропонимания и характер научного метода.

Что такое научный метод для мусульманина?

Методы могут быть разными — при условии, что они дают последовательную систему выстраивания мира вокруг нас.

Аллах (Свят Он и Велик) научил Адама (мир ему) именам (что означает также и концепты, содержащиеся в этих именах). Связь имен, которая реализовалась через Адама (мир ему), выстроила вокруг него организованный мир.

Достаточно посмотреть на людей, живущих сегодня, чтобы увидеть, что они живут в разных мирах, описываемых разными смысловыми связями.

С нашей сегодняшней точки зрения, мир фундаментально не изменился за минувшие сто или даже двести лет.

Да, конечно есть спутники и мобильные телефоны, но это мусор.

Как будто бы основные реалии на месте: страны, народы, общественные институты, семья, коммуникации между людьми и т. п. Однако это только кажется.

Между нами и нашими прапрадедами лежит пропасть: они видели мир совершенно иначе, и вещи в контексте их деятельности функционировали и проявлялись тоже совершенно иначе.

Мы находим в старых словарях те же слова, которыми пользуемся сейчас, и не отдаем себе отчет в том, как изменилось их значение.

В мире постоянно борются несколько логик, и на каждом этапе одна из них оказывается более сильной и начинает играть центральную роль.

За последние 500 лет технологии смыслов, которыми пользовались западные язычники, оказывались более эффективными, чем те логики, которые были на вооружении у мусульманского интеллектуального класса.

В итоге получилось, что уже в XX веке даже искренне верующие братья должны принимать как должное смыслы и логики, контролируемые врагом, либо же, как делают многие называющие себя «салафитами», отказываться от борьбы, от усилий, и заявлять, что логика — это вообще полная ерунда.

И тот и другой путь категорически неприемлем для политического ислама.

Мы должны восстановить то логическое прочтение Корана, которое даст нам объективный метод выстраивания своих смысловых связей на глобальной площадке, которые переломят логику противника.

Такой метод открывает, прежде всего, путь к политическому *иджтихаду*, без которого любые решения наших лидеров будут диктоваться понятийно-логическим аппаратом, созданным в интеллектуальных лабораториях куфра.

Усвоение этого метода позволяет мусульманину обрести свободу независимого мышления не вопреки, а благодаря Корану, внутри коранической логики. Такая свобода означает прежде всего свободу от глобальной матрицы новой всемирной цивилизации, которая контролируется Иблисом через мировое правительство.

«Тезисы политического ислама», 2012

Лукреций

Гениальным выразителем римского концепта «порядка вещей» был Лукреций со своей поэмой в шести книгах «De Rerum Natura» («О природе вещей»).

Лукреций, кстати, был и единственным заслуживающим упоминания философом римского мира.

Его поэма, в определенной мере, предвосхищает бюхнеров и молешоттов — материалистов XIX столетия, которыми так зачитывались базаровы и верховенские-младшие.

Лукреций описывает мир как пустоту, в которой летают атомы. Различные комбинации этих атомов образуют людей, животных и прочее (вплоть до самих «богов», которые не более чем соединения наиболее тонких и легких атомов).

В отличие от восточных метафизик, например, буддизма, где «пустота» является главной категорией, в видении Лукреция — римском видении — пустота есть просто протяженность, игровая площадка для атомов. Главными, в его понимании, являются как раз они, атомы. Они-то и есть настоящие «вещи», которые в своей сути просты и неизменны, в отличие от комбинаций, в которые они вступают. Принципиально то, что в бесконечном процессе этого атомарного движения нет никакой телеологии. Иными словами, из порядка вещей исключены «цель» и «смысл». Это просто есть — и все! Мы существуем в качестве случайной преходящей комбинации вечных атомов. Это надо принять как «порядок вещей». Римская идея начинается именно отсюда.

Порядок вещей находится по ту сторону добра и зла. Он вне оценочных категорий. Но это не значит, что он внеэтичен: римская этика как раз постулирует, что именно этот порядок вещей, внутри которого правит абсолютное отсутствие смысла, имеющее объективную независимую и совершенно индиффе-

рентную к частному хотению природу, должен быть принят как высший императив.

Римлянин возвышается до божества, принимая тотальность внешнего произвола как форму высшей организации. Именно в этом принятии — и только в нем — хаос броуновского движения становится имперским порядком. Поскольку этот порядок по ту сторону добра и зла — он неумолим. В этом его божественная сила.

Отсюда идет римское понимание закона: dura lex sed lex (жесток закон, однако он — закон). В конечном счете принятие порядка вещей порождает некий позитив, свою форму «блага». Это благо обусловленное. «Благом» оказывается чистая сила (как могущество), возникающая из долженствования, утверждаемого через высшую бессмысленность сущего. Предельное выражение эта сила находит в личности человекобога — кесаря.

Вот почему его воля есть не продукт политического анализа, целесообразности, наконец, не проявление священной промыслительности; воля кесаря есть декрет Рока. Голос самого порядка вещей, приобретший человеческую форму.

«Основания "естественной религии"», 26.08.2012

Любовь

...Основой касты воинов является пассионарность — то, что на санскрите называется «*кама*», на арабском называется «*хуб*».

А что такое «*хуб*»?

Это любовь.

А к чему любовь?

Пассионарная любовь — это любовь к смерти.

А что такое смерть?

Смерть — это встреча скважины в моем сердце с Тем, Кто ее сделал.

«Предпосылки радикализма», 2013

...Любовь есть жажда самопожертвования, т. е. это просто жажда жертвы, жажда смерти. Это настолько высокий уровень кипения пассионарности, при котором сосуд не выдерживает этого и стремится выплеснуться. Но это универсальная авраа-

мическая онтология, которая в язычестве неизвестна, потому что в Евангелии сказано, что кто полагает душу за друзей своих, тот ее сохранит. Как раз там этот момент жажды самопожертвования обрисован четко.

«Онтология, точка, Бог», 2008

...Любовь — это, конечно же, теологическое понятие, а не метафизическое. Потому что любовь связана с аффективной экзистенциальной ситуацией человека, человеческой трагедии, человеческой драмы. А метафизика предполагает универсальное. Универсальное не включает в себя любовь, потому что любовь — это напряжение между полюсами. А полюса уже предполагают разделение.

...Любовь, согласно Евангелию, это «нет выше, аще кто положит душу свою за други своя». То есть это воля к жертве или воля к смерти — высшая стадия пассионарности. Это и есть любовь. Если вас такая любовь устраивает, то она может быть названа «волей к власти». Потому что пассионарность проявляется как: а) воля к власти; б) воля к смерти; в) воля к самопожертвованию. И это три лика одного и того же.

«Теология против метафизики», 2014

Люмпен

Люмпен — это особое состояние человека. Конечно его Маркс использовал, и он имел в виду пролетария без работы.

Первоначально, когда Маркс использовал слово «люмпен», он имел в виду пролетария, который не ходит на завод.

И вообще, люмпен по-немецки — это лохмотья.

Мы пользуемся словами, которые проэволюционировали за этот период, теперь мы не вкладываем то же самое значение в слово «люмпен».

Люмпен — это человек, который оторван от своих корней, от любых сословных кодексов чести или правил поведения, от этики, он внеэтичен, но он, может быть, сохраняет некоторую память о том, что дед или прадед имели какие-то устои, когда жили в деревне. Но сам он уже давно живет в городе, и сам он цинично относится к каким-то правилам, к каким-то принципам.

Различие «государства» и «политического общества», 2016

Люмпен организованный — это низший тип деклассанта, который идет в бюрократы, а *чандала* — это высший тип деклассанта, который идет в политические деятели, в идеологи, в адвокаты высокого разбора, актерами становятся большими, на скрипочке играют, то есть это сливки, это класс либеральных профессий высшего разбора.

А бюрократ — это люмпен, который дорвался до образования, встал в строй и стал частью сетевой системы кабинетов на службе у высшего разбора *чандал*. А теперь у них уже и авианосцы есть, и космос у них есть, все у них есть для того, чтобы контролировать ситуацию.

«Глобальный крах либеральной идеи», 2015

Трамп — это фигура, которая будет играть объективно в интересах Традиционалистского клуба. Не потому что он к нему принадлежит каким-то боком, а потому что он преследует собственные персональные амбиции.

Трамп хочет быть Цезарем, диктатором Соединенных Штатов.

Ему абсолютно наплевать на историческую дихотомию американского истеблишмента. Своими корнями, своей, как говорили в 1930-е годы, «психоидеологией», он принадлежит социальной макрогруппе «белой швали» (white trash).

Это люмпены с комплексом мачо и большим ресентиментом (негодованием, озлобленностью) относительно мира.

Такой подход у политика принято называть «популизмом». Цезарь был популистом, но, в отличие от Трампа, не был частью римского люмпениата.

«Новый Цезарь. Кто будет Помпеем?», 2016

Мазхабы

Что касается *мазхабов*, трудно оспаривать, что, с формальной точки зрения, они представляют собой *бида'аты* (нововведения), поскольку являются продуктом «религиозного творчества» своих основоположников.

С другой стороны, область, в которой они расходятся, с точки зрения сегодняшних интересов Уммы является периферийной — это детали ритуальной практики и регламентации, касающиеся бытовой, обыденной жизни.

Конечно теоретически было бы желательно, чтобы в мельчайших деталях, хотя бы и не касающихся сути ислама, между мусульманами не было бы разночтений.

Однако, по-видимому, технически это недостижимо.

Так, установка на восстановление того, «как на самом деле было при Пророке (мир ему и благословение Аллаха)», сталкивается с серьезными трудностями, поскольку есть как разночтения в хадисах, так и неоднозначность в их интерпретации.

Поэтому недостаточно только одной доброй воли — *ниййата* — чтобы прийти к безусловному и очевидному для всех результату.

Единственным выходом может быть только понимание того, что различие во второстепенных деталях, не касающихся столпов ислама, *усуль уд-дин* и *фуру'уд-дин* («корни» и «ветви» религии), не должны быть препятствием к единой братской общности всех мусульман. Гораздо более серьезными препятствиями могут стать теологические расхождения, относящиеся к методу интерпретации Корана (теория отмененных и отменяющих аятов), пантеизм, а также фундаментально различное понимание ранней истории ислама и роли конкретных сахабов в этой истории.

Преодолеть эти гораздо более опасные разногласия можно только на платформе политического ислама, выстраивая логику соглашения между мусульманами по всем вопросам не снизу,

через догматику («Я, мол, считаю именно так, а все остальные — кяфиры»), а сверху!

Иными словами, мусульмане должны последовательно сойтись на том, чем ислам сегодня должен быть для них и для всего мира, в полном согласии с ясным и буквальным кораническим текстом.

После того как вменяемое ядро мыслящих мусульман согласилось на том, чем ислам является, надо последовательно и от обратного, через коранические доказательства, очертить отрицательное определение: чем ислам не является.

Третьим же уровнем конкретизации будет сфера характеристик, которые безразличны для ислама и могут варьироваться.

Когда есть понимание того, чем ислам должен быть для исповедующих его, — а из этого становится ясно, какими должны быть те, кто его исповедует, чтобы ему соответствовать в наивысшей мере, — тогда уже из этого понимания мы идем к оценке роли сахабов, анализу истории самого раннего ислама и последующих этапов, а также, соответственно, формулируем общее эсхатологическое ожидание по поводу конца Истории.

«Исламская стратегия на Кавказе». Материалы конференции, 2008

Македонский

Александра Македонского традиция рассматривает как сакральную фигуру. В его лице деятельность героев впервые из мифологического переходит в историческое измерение.

Эпоха Македонского — мир изолированных друг от друга самодостаточных цивилизаций. Эллада с ее городской демократией, софистикой, философскими школами Платона и Аристотеля. Последний, кстати, был учителем молодого Александра.

Это в Европе.

На другом конце едва известного мира — загадочная Индия, о которой слухи доходили до греческих мудрецов — страна непостижимых чудес и темных культов.

Между ними великая и все более расширяющаяся империя — зороастрийский Иран, чья монархия стала примером застойной азиатской тирании.

Гений и воля Александра объединили эти три чуждых друг другу космоса в единую сверхцивилизацию, сама возможность которой была непонятна и недопустима сугубо с человеческой точки зрения.

Несколько тысяч воинов, зараженных безумной волей юного вождя, прошли тысячи километров, сражаясь с армиями, в десятки раз превышавшими их числом.

Все мы сегодня пользуемся наследием Македонского, ибо созданное им пространство стало базой и христианской, и исламской цивилизаций.

«Власть», 1996

Сегодня монотеисты говорят, что это язычник, что Зуль-Карнайн в Коране — это не Македонский в истории, потому что Зуль-Карнайн — это позитивная фигура в коранической истории, а Македонский — это «полный гад».

Почему же это «полный гад»?

Ну, вот он считал себя богом, а это гнусное язычество и т. д... подождите, подождите... контекст совершенно другой: когда он считал себя богом в том контексте, это означало не более чем то, что он считает себя героем и бросает вызов Року -- это не более чем традиция абсолютного отрицания *чархи фаляк*, этого *зервана*, этого *дахра*. Это как раз протомонотеизм.

Потому что бог в устах Македонского, прошедшего школу Аристотеля, за которым стоял Платон, а за Платоном Сократ, — это «технический» термин, который обозначает его свободу, его право на свободу.

Что касается Чингиза, то это прямо противоположная вещь...

Чингиз имел задачу уничтожить эту искру, он выступал как душитель свободы.

«Возможна ли свобода», 2016

Мамлеев

Тема конца очень актуальна для Мамлеева. Возможно, именно потому, что он ориентирован всеми силами своей любви и души на Бесконечное.

И здесь есть такая гностическая диалектика личности Мамлеева: будучи ориентированным на Бесконечное, он сосредоточен на финале как на вызове, угрозе, провокации, как на некоем осевом камне преткновения для того, что является для него высокой очевидностью.

Тема конца Бесконечного является у него своего рода катарсисом, взрывом и очищением смыслов — опять же возвращающим к Бесконечному.

Творческий вечер Юрия Мамлеева, 28.02.2012

Маркс

...Маркс с восторгом говорил, что «наконец мы сбрасываем религиозную одежду с социальной борьбы. Раньше люди облекали свои проблемы, конфликты в религиозные одежды, потому что у них все стояло на голове, а не на ногах, мы все переворачиваем на ноги, и у нас речь идет о производственных отношениях». Но оказалось, что всего марксизма с его научным социализмом хватило на 150 лет пудренья мозгов.

«Конец левой и правой идеи в современном мире», 2016

...Маркс знал, что этот горячий блин нельзя сразу кусать, можно обжечься.

И он не был фанатом обязательной революции, он полагал, что можно подойти к смене общественных систем и мягким, демократическим, путем.

Он был сыном адвоката, женатым на аристократке. Несмотря на то что Маркс был евреем, крещенным в шестилетнем возрасте, он был женат на девушке, которая происходила из баронской семьи (Вестфален), родственной Гогенцоллернам.

Семья конечно ее выгнала, что не помешало им жить долго и счастливо, родить пять дочек. Баронесса Женни фон Вестфален, которая имела отношение к Гогенцоллернам, крещеный еврей, сын адвоката, — и вместе они придумали диктатуру пролетариата.

«Революционное неравенство:
кто заменит пролетариат в роли “гегемона”», 2016

Марксизм

Марксизм был плагиатом: это был плагиат синкретический, с включениями элементов протестантской теологии, в значительной мере разбавленной платонизмом, пропущенным через Гегеля.

Но там был хороший задор методолога, то есть он все-таки создал некий, пусть плохой, пусть стремительно устаревающий, пусть крайне частный, но инструментарий какого-то анализа: пролетариат, буржуазия, прибавочная стоимость, отчуждение...

Маркс просто понял, что в его время некому с этим работать, никто это не поймет (Лукаш, Грамши потом пришли), а он посмотрел и понял то, чего рабочий класс не мог понять: что ему надо прибавочную стоимость.

Поэтому он пошел по пути «Капитала».

«Анатомия молчания», 2011

Маркс интуитивно или еще каким-либо образом — во всяком случае открыто он об этом не писал — понимал, что реальной ценностью, реальной универсальной валютой космоса является человеческое время, субъективное человеческое время.

И он полагал, что единственный способ вырвать у космоса победу, космистскую победу над энтропией, — это сделать человеческое время сверхценным так, чтобы оно стоило бесконечно много — не так даже, как у фараона, а больше — как у Великого Существа.

Просто свести Великое Существо непосредственно в формат каждого индивидуума, сделать фараоном каждого из живущих (каждая секунда бесценна, сверхценна).

Как это можно сделать?

Это можно сделать, только обратившись к людям, у которых время ничего не стоит.

Время у пролетария, которое не стоит ничего, путем простого переворачивания оказывается временем, которое стоит бесконечно много. Только нужно изменить формат оценки.

А для этого нужно изменить общественное сознание.

...Пролетариат указывал Марксу кратчайшую дорогу ко второму контуру сверхъестественного — к выходу на тот социум, при котором второе начало термодинамики больше не работает: законы природы обращаются вспять.

Это, я бы сказал так, религиозный метафизический ход, который является, при всей своей эффектности, поверхностным, — я бы даже сказал, что это симулякр метафизического хода.

Понятно, что ничего с таким пересчетом и ничего с такой ставкой само по себе не получается.

Более того, Маркс полагал, что при таком изменении отношения ко времени пролетария, которое ничего не стоит, а будет стоить бесконечно много, только тогда свободное время станет источником бесконечного богатства.

Современный постиндустриальный капитализм с легкостью объехал на кривой эти ожидания Маркса, потому что сегодня свободное время, продолжая оставаться свободным, является источником капитализации.

Потому что сегодня оно пущено в оборот, потому что сегодня не труд отчуждается как часть некоего времени, а сегодня отчуждается тотально все время индивидуума, включая время, проводимое с семьей, время, уделяемое своим личным делам, время порока, то есть время, когда он идет не на работу, а, скажем, в казино или публичным дом, — это время интегрировано как капитализованное время большого города, то есть Города как цивилизации.

И, таким образом, показано, что в рамках этого первого контура сверхъестественного невозможно выйти, невозможно вырваться из концепции «общества паразита» в концепцию «общества как дающего».

...Почему победил марксизм?

Аппарат мысли был совершенно другой.

Поэтому в результате собирается Интернационал Первый, Второй, Третий...

А где вы слышали про интернационал народовольцев, интернационал эсеров, интернационал утопических социалистов? Такого не было.

А интернационал как «система, но антисистема» — работающая, которая бросает вызов, — она должна быть на базе стройной мысли, которая методологически выверена.

Марксизм — это пародия на то, что должно быть.

Но у других не было и пародии даже.

«Теология против метафизики», 2014

Выживающие еще сегодня тут и там группы протестных «неформалов», упорно цепляющихся за марксизм, никого не могут обмануть: доказательство банкротства этого недавно всесильного учения — в его нынешней дозволенности и легитимности. Правящие классы официально признали марксизм беззубым, поскольку он неспособен сегодня вскрыть их политические тайны, мистерию их экономического и политического господства в начале XXI века...

...Стратегическое поражение марксизма, досадным образом дающее фон контрреволюционно-реставраторской карусели в странах бывшего соцлагеря, стало неизбежным из-за своей связи с менталитетом XIX века.

Марксизм опирается на догматическое представление о четко определенных социально-экономических классах.

Вне контекста рассуждений о расчищающей дорогу для человечества прогрессивной деятельности буржуазии и освободительной миссии пролетариата марксизм лишается своего главного пафоса, а стало быть, и смысла.

Помимо этого марксистскому сознанию присущ специфический для эпохи его зарождения миф о «научности» — наукопоклонство, порождающее тупиковую антирелигиозность и неприемлемый сегодня догматизм в способах описания живой человеческой действительности.

Несостоятельность марксизма проявилась в том, что его тайная мысль носит метафизический историософский характер, но маскируется в одежды материалистического детерминизма.

В итоге с методологической точки зрения философские предшественники Маркса — прежде всего Гегель — сегодня звучат гораздо более актуально!

...Марксизм, вышедший из гегелевского и фейербаховского антропоцентризма с его буржуазно-протестантской моральной подоплекой, так и остался, несмотря на весь имидж радикального учения, филистерским гуманизмом, вся ограниченность которого открывается в концовке «Коммунистического Манифеста».

Раскрытие творческого потенциала индивидуумов в обществе как свободной ассоциации людей — вот предел социальной онтологии марксизма.

В конечном счете это все — то же «бытие ради бытия», или «жизнь ради жизни», на котором уже за восемнадцать веков до Маркса выдохся пафос классического язычества.

Для Ленина сущее есть ложь, а единственная истина — это революция против лжи.

«Неоленинизм как революционная доктрина наступившего столетия», 2003

Масонство

Древнеегипетская мифология является важным элементом ментальности определенных кругов, а именно — тема Изиды, ищущей части тела своего мужа Озириса, и вся эпопея любовного треугольника Изида-Озирис-Гор — основа основ масонского интеллектуализма и инициатического учения, которое опирается на два фундаментальных столпа.

С одной стороны — легенда об Озирисе, с другой стороны — легенда о Хераме.

Вот два момента, которые определяют интеллектуальное поле той европейской элиты, которая организовывала социальное пространство Запада.

Это является культурным стержнем западного современного человека...

Если раньше это были некие секретные программы в закрытых клубах, потому что существовала установленная институционализированная церковь: если бы в католической стране человек исповедовал культ Озириса и Изиды, ему бы задали некоторые вопросы.

Но теперь, в эпоху свободы совести и императива политкорректного поведения, они сняты. Существует масса монографий, написанных не культурологически, а как бы актуально, доктринально изложенных, и пишутся они в академическом дискурсе по египетской ментальности как имеющей живое значение для современного человека.

К примеру, в Советском Союзе кто-то же должен был обеспечивать единство общества.

Этим занималась КПСС. Но на Западе нет КПСС, а кто будет обеспечивать некое единообразное восприятие тех или иных явлений и как бы единый общественный подход?

Во всех советских учреждениях — хозяйственных, министерствах, исполкомах, собесах — были коммунисты. Но вот как в многообразии институтов западного мира обеспечить — при отсутствии КПСС — такое же единство?

Должна быть структура, которая имеет свою программу и свой интеллектуальный код. Вот этот интеллектуальный код при анализе оказывается не христианским и не иудеохристианским, а как раз заимствованным...

Там три источника: Древний Египет, Вавилон, Римская империя.

Три элемента, которые являются основой основ культурного кодекса современного западного человека. А иудеохристианство оставлено таким протестантским богословам, как Тейяр де Шарден, — то есть профессионалам христианского дискурса. Но этот христианский дискурс за пределами профессионально коллегиального корпоративного пространства не входит в культурный код людей действия.

Людей, которые организуют реально социальное общество. Социальную структуру.

С чего начинается вообще масонство? С того, что общественное выше личного.

Общественное выше личного — иначе это будет просто разгул эгоистических страстей, буржуазии и кланов, которые просто разорвут социальную ткань на куски.

Кто-то должен прийти и сказать, что нужно ограничивать себя для того, чтобы построить мост или создать пенсионный фонд... Вот, например, в Дагестане, где исламский фактор уничтожен, а масонства отродясь не было, пенсионный фонд является заложником в руках бандитов.

Это детали нашей постсоветской жизни. Масоны бы этого не допустили.

«Цветы зла», 2006

Материя

Древние философы, гностики, те же неоплатоники, зороастрийцы уже имели инстинкт или интуицию того, что материя некоторым образом является своеобразным делегатом той негативной Бесконечности, которая стирает и уничтожает.

Когда мы говорим «материя», мы должны уточнить, что имеем в виду не вещественный аспект мира, не корпоральный аспект.

У марксистских философов, кстати говоря, квалификация была так низка, что, как правило, они путали две совершенно разные вещи — материю в ее философском, аристотелевском, первоначальном значении и корпоральный аспект материи, то есть вещественный аспект мира, который является только частным проявлением материи.

Материя в философской традиции есть субстанция, лишенная свойств и обладающая потенцией как бы производить из себя форму при воздействии на нее, то есть материя не может быть почувствована, воспринята, пережита, это есть чистая субстанция. Как чистая субстанция, она не ограничена сама в себе никакими формами, она не лимитирована, гомогенна, непрерывна, континуумна.

Она более конкретизированным образом несет в себе характеристики той бесконечности, которая является ночью, поглощающей все данное.

Традиция, в том числе традиция жреческая, говорит о ночи вверху и ночи внизу.

Есть две ночи.

Ночь вверху — это ночь Абсолюта, которая поглощает все.

Ночь внизу — это ночь материи, из которой выходят все проявленные вещи.

Но эти две ночи находятся в четком соотношении, они корреспондируют друг другу.

Так вот: мы погружены в ночь внизу.

Мы погружены в ночь материи, которая является уже не просто абстракцией (бесконечное, которое ничтожит).

У материи есть конкретный враг, потому что мы инстинктивно чувствуем, что внутри нас есть некий огонь, капля света, которая, как светлячок, как некий маяк, вброшена в эту тьму, и эта тьма грозит затопить ее.

Почему есть путаница у наивного человека между идеей материи и корпоральным, вещественным миром? Да потому, что вещественный мир более близким нам образом является делегатом этой ночи, то есть он эту ночь субстанции, ночь материи представляет нам чувственным образом.

Лекция «Цветы зла», 2002

Матрица

Простой человек даже не задумывается, почему он видит то, что видит, или слышит то, что слышит... Он живет не мыслью о сознании, а он живет непосредственно опытом, который получается вследствие этого сознания, он поглощен своим опытом.

А зачем ему этот опыт? Этот опыт — просто хаос пятен, который интерпретирован через некую цивилизационную оптику, культурную матрицу, которую придумал не он.

Он родился и вырос во Франции, в России, в Индии, и эта Индия или эта Франция сказала ему, что вот это — так, а вот это — так, надо там при входе старика вставать и уступать ему место, а при входе женщины грубо на нее рявкать или, наоборот, шаркать ногами, кланяться и снимать шляпу.

Весь этот мир в матрице, и весь он находится в опыте как некоем результате неведомого ему процесса.

И, естественно, это скучно.

Человек начинает испытывать утомление уже к 30 годам, когда кончается первый эффект, первая эйфория гедонизма (юного).

Потому что ему подсовывается хаос чувственного опыта, отработанный и моделированный по матрице, которую он каким-то образом получил извне.

Он может быть недоволен этой матрицей.

Но человек не в состоянии придумать себе сам альтернативную матрицу, он не настолько креативен, чтобы придумывать матрицы (одну вместо другой).

Он может быть несогласен и искать альтернативу, он может модифицировать имеющееся в какой-то степени (редуцировать), но он не может заново придумать все.

Поэтому он чувствует себя в познавательном смысле пленником и заложником ситуации, которую не он создавал, и назначение которой он не знает.

И он не знает, что в нем есть такого, что воспринимает то, что воспринимает.

...Только Кант поставил вопрос о ноумене, о том, что мы воспринимаем совсем не то, что есть на самом деле. Но это же

была колоссальная фигура, которая запустила механизм немецкой классической философии.

А что мы хотим от простого человека? Простой человек — он как рыба: даже не подозревает, что есть другая вещь, нежели вода, и, попадая в другую среду, он просто задыхается и умирает.

...Но люди прошлого опять-таки получали готовые ориентиры, готовые ответы... Понимаете, мы же зависим от языка, и язык определяет все, язык делает человека.

И если вы с детства человека воспитываете в языке, в котором семантика искажена таким образом, что там нет места апелляции к смыслу — допустим, язык, который получали советские люди с рождения... там не было смерти и не было смысла.

Максимум, о чем там говорили, — это о светлом будущем, которое было бесплатной колбасой. И если вас моделировать таким языком... быть человеческим существом очень сложно...

...Мы не только говорим языком, но мы еще и формируем себя как людей грубых, тонких, жестких, мягких.

И если нам подсунут язык, который уже деформирован, то ничего хорошего из этого получиться не может.

Есть такая проблема, когда плохое генерирует плохое и усиливается тем, что оно генерирует.

Например, люди же не создают язык.

Вот идея Энгельса, что язык появился в трудовом процессе, когда труд создал из обезьяны человека... Это, понятно, чушь, потому что язык не может возникнуть у людей за счет их человеческого ресурса. Прежде чем они станут людьми, прежде чем они начнут что-то делать совместно, они должны уже иметь этот язык. Без языка они ничего не могут организовать.

Язык — некая сила, которая приходит к ним извне: его приносят пророки, культурные герои, учителя человечества.

Они приносят язык бессловесной твари, которая квалифицирована, чтобы это воспринять.

И в результате этого языка, принесенного им культурными героями и пророками, люди становятся людьми.

Но этот язык, принесенный им, всегда сакральный, он сложный, он информативный, и люди могут его только портить: из латыни появляется французский, итальянский, из санскрита получаются новоиндийские языки, которые являются обрывками этого бывшего санскрита.

...Все дегенерирует. И дегенерирует в большом смысле, и дегенерирует в малом.

Наши прадеды, прапрадеды говорили на более сложном, более интересном языке в частной жизни, чем мы сегодня говорим.

...Они описывали себя таким образом, что у них было преимущество перед нами. Они описывали себя более сложным, более эффективным языком, и в результате они были более яркими, сложными и многообразными людьми, которые более тонко все чувствовали и воспринимали только потому, что у них были более выгодные позиции.

Мы сегодня говорим на языке, который представляет собой 10—15% от языка времени Пушкина или до Пушкина.

Мы сегодня выстраиваем какие-то бессмысленные синонимические ряды, которые для нас значат одно и то же: прекрасный, чудесный, замечательный — это все хорошее. А для тех людей эти слова были не заменяющими друг друга — они были абсолютно разными. Они говорили на языке, который их делал исполинами по сравнению с нами. Он был очень яркий, очень сложный.

Когда мы сравниваем человека времен Бородино и человека времен Новороссии, то разница разительная: с одной стороны — какие-то фигуры эпоса, а с другой стороны — какие-то моторолы, которые едва что-то там произносят человеческое.

В этом плане трудно говорить о смысле, потому что, как только вы заговариваете с такими людьми о смысле, они отвечают вам элементами наведенной матрицы.

«Гейдар Джемаль о смысле жизни», 2015

Мать

Голое и беззащитное человеческое дитя появляется на свет в обществе, будь это Древний Египет фараонов или Франция президента Саркози.

И появляется это дитя, независимо от своих половых признаков, из утробы матери. Оказавшись в колыбельке, дитя мгновенно попадает под воздействие другого охватывающего бытийного контура — общества.

Ребенок с первых недель существования начинает усваивать систему коммуникативных сигналов, учится различать между своим телом и средой, между яркими цветными пятнами предъявляемых ему феноменов внешнего мира.

Прямым проводником этого формирующего воздействия является мать.

Но то, что через нее проходит, то, что превращает кусочек беззащитной мяукающей плоти в организованное человеческое существо — это Общество как таковое.

«Чертовы куклы», 02.10.2008

Махди

С точки зрения человека, который придерживается буквализма, — это фигура, ведущая к соблазну, к недоумению.

...Некоторые мусульмане ставят вопрос: в Коране нет понятия Махди, в Коране не упоминается Махди. Что касается хадисов, они говорят, что это, может быть, слабые хадисы, может быть, это хадисы, возникшие потом, выдуманные.

Али, когда он был избран четвертым халифом, взошел на минбар со свитком хадисов, как говорят, длиной в тридцать локтей, который он повесил на свой Зульфикар, и сказал: «Я буду править по Корану и по вот этой Сунне Пророка (да благословит его Аллах и да приветствует)».

Поэтому, если Пророк (да благословит его Аллах и да приветствует) оставил какие-то комментарии к тем аятам, которые Всевышний низводил ему, то игнорировать эти хадисы было бы неправильным, потому что у современных людей довольно слабый инструментарий для понимания тех аятов Корана, которые написаны для них ясным арабским языком, но они все равно их читают и игнорируют прямой текст и прямое содержание, которое там написано.

...*Махди* означает «ведомый». Ведомый со стороны Всевышнего.

Это уникальная позиция вождя Уммы, который является просто проекцией Воли Всевышнего напрямую — не опосредованно, а напрямую.

Это лидер, который не совершает ошибок, который является инструментом реализации Воли Всевышнего и прямо осущест-

вляет тот аят, который гласит: *«ля галиб илля Ллах»* (нет победителя кроме Аллаха).

Поэтому Махди обречен на победу.

Он, явившись и возглавив битву правоверных против несправедливости (*зульма*) этого мира, является той печатью, которая ставится в конце истории и которая определяет, что это человечество выполнило те задачи, которые перед ним были поставлены Творцом, и оно победило.

А ведь Аллах в Коране предупреждает: «...если вы отвернетесь, Он заменит вас другими людьми, и они не будут подобны вам» (47:38).

Иными словами, в Коране проводится такая угроза, напоминание со стороны Творца, что это человечество — может! — оказаться несостоятельным, в результате чего оно будет уведено и присоединится к тем поколениям, от которых нет даже шороха. То есть те поколения, которые были уничтожены и, как сказано в Коране, «настигла их Наша кара, и они увидели свое наказание» (7:5).

Приход Махди может не состояться к этому человечеству.

И вот почему в Коране он, Махди, не упоминается.

Потому что в Коране упоминаются только безусловные вещи, которые имеют отношение в любом случае если не к этому человечеству, то к другому.

«Пришествие имама Махди», 2014

Мера вещей

Есть два главных типа сознания, образующих метафизические полюса, между которыми зажата всемирная история.

Один тип сознания сегодня воспринимается как либеральный и современный, но на самом деле является древним, естественным и повсеместным.

Лучше всего сущность этого типа сознания сформулировали греки: «Человек есть мера всех вещей».

Действительно, специфика человека и его отличие от всех, попадающих в орбиту его внимания существ от животного до ангела, это его «центральность».

Человек воспринимает себя как цель бытия, как то, ради чего — опять же по выражению греков — «бытие есть, а ничто нет».

Конечно у этого полюса есть версии серьезные, традиционалистские, «духовные»...

А есть версии вполне шкурные, либеральные.

Древнегреческий антропоцентризм в исполнении современных финансовых воротил превращается в наглый наступательный гедонизм, в котором великие прозрения метафизиков трансформированы в пафос безудержного потребления.

Разница между традиционализмом и либерализмом слишком очевидна!

Тем не менее «культ человека» остается некоей общей платформой того и другого, сутью первого типа сознания.

Второй же тип сознания рассматривает человека как «глиняную куклу», созданную в целях, безмерно превышающих возможности человеческого понимания. Настолько, что она, эта «кукла», все время забывается и полагает, что существует ради самой себя.

В действительности же человек — участник некоего провиденциального замысла.

Автор этого замысла — трансцендентный Субъект (непостижимый и ни с чем не могущий быть сравненным Бог), который создал людей и все сущее ради своих собственных, лежащих за пределами акта творения, целей.

Этот тип сознания отрицает, что человек есть мера всех вещей. Он утверждает, что «мерой всех вещей» является отношение к неведомому Богу.

Подобное отношение варьируется от полного неведения — через лживое теплохладное псевдопризнание — до абсолютного и полного предания себя этой непостижимой и, с точки зрения реального опыта, невозможной идее: единственному трансцендентному Субъекту, без ссылки на которого вся реальность полностью лишена смысла.

«Врата в царство Мессии», 05.12.2009

Метафизика

Традиционная метафизика — доктрина, противостоящая исламу.

Однако это не означает, что она представляет собой пустой вымысел или ошибку. Метафизика констатирует наиболее вы-

сокое состояние реальности, которое способен отразить в своем созерцании «естественный человек».

Парадокс в том, что все, что констатируется «естественным человеком», — ничто с точки зрения Откровения, которое, тем не менее, без миссии Посланника не может быть предвосхищено, повторено или угадано никакими духовными инструментами и ресурсами.

Иными словами, «естественный человек» констатирует некую «объективность», которая представляет собой ошибку. Но эта ошибка — не сбой в процессе познания, она присуща самой объективности постольку, поскольку все, что человек может отразить как самостоятельный свидетель, есть «не-Аллах».

Таким образом, традиционная метафизика оказывается наиболее полным и глубоким выражением джахилии (неведения об Аллахе) на космическом уровне.

«Исламская стратегия на Кавказе». Материалы конференции, 2008

Мечеть

Мечеть — это место собрания для молитвы и для поклонения Богу, в котором не существует алтаря, завесы, в котором нет священника, стоящего спиной к Богу и лицом к пастве. Самое главное, что имам, который возглавляет молитву, так же стоит вместе со всеми перед Богом. Он предстоит пастве только для того, чтобы остальные, глядя на его движения, синхронизировали свои: он является эталоном этих движений.

...В исламе, по факту, существует, возникает корпоративное духовенство, но для него нет легитимной базы.

Духовенство никогда не сможет узурпировать, как в христианстве, коренные истоки авторитета.

В христианстве авторитет, свет непременно в церкви, и, если ты не воцерковлен, не ходишь в церковь, это богоискательная интеллигентщина или секта.

В исламе этого быть не может.

...Мусульмане должны находиться в джамаате, ходить по пятницам в мечеть, но там отсутствует понятие духовного окормления у священника, которое необходимо для христианина, чтобы считаться воцерковленным.

В исламе этого нет...

Приобщение — это профанический термин, который корнями уходит в просветительно-языческие мистерии, где происходило обожение.

Не забывайте, что христианство распространилось на Западе среди широких низов, которые были вовлечены в элевсинские мистерии, которые, при своей сакральности, в поздний период упадка допускали всех и участникам давали номинацию бессмертия, виртуально конечно, потом это забылось...

Вот отсюда идет приобщение.

В религии Ибрахима (мир ему), в религии пророков, не может быть «приобщения», потому что Бог является трансцендентным субъектом, абсолютным хозяином, владетелем всего сущего и всех смыслов.

И разница между Богом и тварью бездонно велика — она гораздо больше, чем, скажем, между скульптором и его творением; между скульптором и творением есть связь, общая основа. Между тварью и Творцом нет общей основы.

«Ориентация — ислам, или Назад в будущее», 1999

Мечта об общине

Мечта об общине — это мечта преодолеть общество как машину по вымогательству жизненных соков из каждого ныне живущего.

То есть это мечта решить уравнение, каким образом осуществить миссию человека и протиснуться между Сциллой и Харибдой.

Чтобы, с одной стороны, не быть сметенным страшными силами Хаоса, свирепствующего за окошком нашего уютного теплого дома.

А с другой стороны, чтобы избежать избыточной социализации, когда люди превращаются в винтики защищающей нас от космоса исполинской машины.

Эта дилемма не может быть решена в рамках той системы, в которую мы все сегодня погружены.

«Последние станут первыми», 17.06.2008

Мир

Миров много. Все миры — это зеркала.

...Мы вброшены не просто в бытие, мы брошены в отражение бытия, потому что миров много.

Все миры — это зеркала.

В каждом зеркале отражается целое, но еще отражаются, некоторым образом, отблески из других зеркал.

Поэтому каждое отражение в каждом мире — оно как бы затуманено.

Вы знаете, если встать посреди комнаты с большим количеством зеркал, то некоторые ближайшие зеркала будут отражать только вас, а удаленные зеркала будут отражать еще и отражения в этих ближайших, они будут перепасовывать эти отражения друг другу, и поэтому будет впечатление, что, когда вы поднимаете руку, делаете шаг в сторону, то вся комната приходит в движение, потому что ваше отражение — это уже толпа, которая начинает совершать массу несинхронизированных движений.

И такова ситуация с каждым из зеркал, в частности, с зеркалом нашего мира.

Под нашим миром я понимаю вот что.

Я понимаю под этим миром пространственно-временной континуум, четырехмерный пространственно-временной континуум, который, подобно некой стеклянной поверхности бронестекла, имеет критическую точку.

У этого бронестекла есть одна микроскопическая точка, в которой, даже если попасть туда монеткой, все это стекло рассыпается вдребезги.

Это узел напряжения. Узлом напряжения нашего пространственно-временного континуума является наша земля, на которой находимся мы с вами, потомки Адама (мир ему) — по крайней мере, морально-культурные потомки Адама, если даже не физические.

Так вот, если нечто критическое совершится здесь, то это будет иметь последствия для всего нашего мира, для всего этого зеркала.

А если одно зеркало будет разбито, то вся цепь зеркал будет разомкнута и мгновенно отражение в этих зеркалах погаснет.

Это будет победа над оригиналом, который стоит в центре и отражается.

Таким образом, на нас возложена ключевая, критическая задача: разомкнуть цепь зеркал для того, чтобы Иблис был посрамлен.

Иблис как бытие, которое отражается в этом зеркале.

«Теология против метафизики», 2014

Мир и война

Многие мусульмане уверены, что мир — это благо в любом случае, само по себе. Что надо стремиться к миру. Что ислам — это религия мира.

Они постоянно доказывают это всем и друг другу.

Вместе с тем Всевышний совершенно определенно сказал мусульманам, что «вы думаете, что для вас это благо, а для вас это зло. А то, что вы думаете, для вас зло, для вас это наоборот — благо» (Коран, 2:216).

Имелась в виду именно война.

Потому, что мир — это то, что будет только в последней жизни.

В этой жизни мир нам не дан.

И более того, Адам (мир ему) создан как таковой и поставлен халифом, то есть наместником Аллаха на землю с учетом того, что при нем не будет покоя, будет смятение, будет борьба, будет кровопролитие.

И Аллах поставил Адама халифом вопреки возражениям ангелов, которые считали, что это слабое и порочное существо.

Аллах им ответил: «Я знаю, а вы не знаете».

Но мусульмане это не учитывают, мусульмане впитали в себя вот эту пацифистскую, языческую идею о том, что мир хорош в любой ситуации, а война есть сама по себе зло. Война не есть зло.

Потому что война есть добродетель воинов, которые призваны осуществлять свою миссию воинов, свою миссию борцов с несправедливостью на этой земле.

А ислам — это религия воинов.

Но поскольку ислам попал в руки касты жрецов и опирается на поддержку третьего сословия, то есть сословия торгашей и мелких мещан-приспособленцев: мировоззрение, которое было воинским во времена саххабов, сегодня изменилось.

И большинство мусульман, к сожалению, несут на себе вот эту вот печать вырождения. Теологического и политического вырождения, которое осуществилось за последние века.

«Жизнелюбие в исламе — это порок», 03.08.2014

Мирадж

День 27 раджаба по лунному календарю связан с центральным событием в жизненном пути Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха). Полное название этого праздника — *аль-Исра уа аль-Мирадж*, что по-арабски означает «Ночное путешествие и вознесение». Речь идет о чудесном путешествии, которое Пророк совершил из Мекки в Иерусалим, откуда он, сопровождаемый архангелом Гавриилом, поднялся на небо, видел Рай и ангелов, предстал перед Богом. Это событие относится к числу важнейших религиозных знамений, им подтверждается авторитет и миссия Пророка.

Традиционно все человеческие дела нуждаются в благословении свыше.

С незапамятных времен священный авторитет был сосредоточен в руках духовного сословия. Где же источник этого авторитета?

Разумеется, им может быть только Всевышний Творец.

Бог говорит с человечеством через Своих пророков, которых Он Сам избирает.

Признанной миссией священства считается передача и сохранение слова Божественного откровения и закона учительства.

Авторитет исламского духовенства имеет своим источником посланничество Мухаммада. Господь говорит в Коране: «Скажи: я ведь человек подобный вам; ниспослано мне откровение о том, что ваш Бог — Бог Единый» (18:110).

Аристократический воинский дух ислама очень рано проник в западное феодальное общество. Пример Пророка, его добродетели легли в основу рыцарских идеалов и кодексов чести. Некоторые рыцарские ордена, в первую очередь рыцари Храма, возникли под влиянием исламской метафизики. Кстати, этот орден называется так в честь мечети Аль-Акса — наследницы Храма Соломона. Во время пребывания крестоносцев в Иеру-

салиме в этой мечети располагался капитул ордена — исламская религиозная дисциплина сродни жертвенному служению и послушанию воинского сословия.

В исламе также есть традиция созерцательной жизни — суфизм. Однако суфийский путь никогда не был столбовой дорогой ислама. Ведь ислам отрицает противостояние между духовным и мирским.

Лестница миров, согласно Библии, увиденная Иаковом, — это великий символ духовного восхождения от царства гибели к царству вечной жизни.

Немногие пророки были подняты живыми на небо.

Бог в Коране говорит об Идрисе (библейском Енохе): «и вознесли Мы его на высокое место» (19:57). Иисус, согласно исламу, также был взят живым на небо: в Коране говорится: «Аллах вознес его к Себе» (4:158).

...Чудесное вознесение Мухаммада — Аллах вознес его к Себе — последнее и наиболее известное нам в этой цепи великих знамений Аллаха.

Значение этого события вышло за границы ислама и оказало влияние на посвятительную традицию средневековой Европы.

Мирадж стал основой сюжета самого знаменитого религиозного шедевра западной литературы — «Божественной комедии». Ее автор Данте Алигьери был учеником великого шейха Мухеидина ибн Араби и одновременно рыцарем Храма высокой степени посвящения.

...Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) был первым и единственным в цепи существования нашего человечества, кто реально совершил вознесение на небо и живым вернулся оттуда к людям в историю. В живом и реальном вознесении Пророка и его возвращении дано знамение того, что последний день истории — День Суда — будет несомненно.

«Мирадж», 1995

Миссия России

Мы не задаемся вопросом, почему Россия такова.

Это бессмысленный вопрос с точки зрения исламской теологии.

Россия — инструмент провиденциального замысла о судьбе и назначении творения.

Когда Аллах хочет, чтобы некая вещь была, Он говорит ей: «Будь!» — и она бывает.

Россия просто есть в описанном качестве, и поэтому она концентрирует, как линза, эсхатологический черный свет конца истории, чтобы прожечь им глиняную стену бессмысленного бытия.

Именно в этом качестве Россия востребована человечеством, востребована историей... Именно поэтому угнетенное человечество продолжает упорно чего-то ждать от России, смотреть на нее как на противовес сверкающему фаланстеру мирового супермаркета.

Такая Россия всегда нуждается в политической партии — партии, в которой отразилась бы законность сопротивления произволу, шемякиным судам, угрюм-бурчеевщине всех разновидностей и на всех уровнях!

Россия нуждается в политической партии, которая бы сорвала с мурла «инквизиторской» цивилизации «все и всяческие маски».

В роли такой политической партии в России последовательно пытались выступить декабристы и народовольцы, эсеры и большевики.

Но у всех них был один дефект.

Являясь религиозными по существу (и даже в высшем смысле!), они на головном уровне все-таки не освободились от влияния и психологической доминанты «Великого инквизитора». Так или иначе, они пытались оправдать свой статус революционеров аргументами, заимствованными у мировой цивилизации — тем более что последняя всегда как бы «противолежала» русской повседневности, являлась чем-то «с той стороны».

Ложная аргументация, ложное политическое сознание последовательно губило все политические партии, бравшиеся фактически реализовать «антиинквизиторскую миссию» России.

«Врата в царство Мессии», 05.12.2009

Митраизм

Что такое митраизм? Подчеркиваю, что это фундаментальная иранская доктрина, которая имеет тот же самый корень, что и индуизм, но, отпочковавшись, противостоит ему.

Существует главный бог — Зерван. Он безличный, это Великое Небо, это Рок, который кружится и стирает, порождает и стирает, это стирающая вечность.

Сущность самого слова «*Зерван*» обозначается именно как время.

И тайный смысл этого слова тождественен тому, который есть в слове «*дахр*».

Бедуины, согласно Корану, отказываясь принять ислам, ссылались на лояльность к *дахру*, то есть Року, Времени. Они говорили: «Мы живем и мы умираем, и убивает нас только *дахр*» (Коран, 45:24). *Дахр* — это не просто время. *Дахр* — это Рок, представленный в его абсолютной характеристике необратимости, абсолютной характеристике второго начала термодинамики (все, что есть, может быть только холоднее, может только умирать).

Вот это движение времени, это движение Рока к убыванию, стремление к бесконечно малому. И вот это фундаментальное движение (дело в том, что если ты достиг этого малого, то где-то там надо остановиться) — это вечное повторение равного, в воспроизводстве и уничтожении одного и того же. Это то, что называется по-персидски «*чархи фалях*» — «колесо неба», которое кружит и стирает, кружит и стирает.

Вот это «*Зерван*».

Теперь, под этим существует два существа: одно светлое, другое темное.

В древнем зерванизме они оба назывались богами — бог добра и бог зла.

В последующем, уже в зороастрийской реформе, зороастрийцы сняли со второго темного статус бога и просто назвали его антитезным существом.

Это Ормузд (бог света) и Ариман.

Ариман — это, собственно говоря, дьявол или бес, который является хозяином мира полной тьмы, абсолютной тьмы.

Первоначально они оба были порождениями Зервана.

Но потом в зороастризме, с реформой, — потому что древний зерванизм был доктриной (бесконтрольно) только мугов (то есть то, откуда слово «маги»), жрецов, первых древнейших иранских жрецов, — зороастризм немножко поправился кор-

рекцией в сторону монархии, в сторону аристократии, в сторону кшатрийского принципа...

Отсюда равноправный дуализм добра и зла, характерный для жречества, был устранен в пользу выстраивания вертикали: добро над злом.

Зло было лишено статуса равного происхождения от Зервана.

И Ормузд — это бог света, который является вместе с тем ослепительным солнечным существом, сияющим существом, существом небесным.

Напомню вам, что Люцифер — это именно светоносец, русское слово *«денница»*. То есть под Люцифером, под Денницей, имеется в виду именно религиозный образ и интеллектуальная интуиция, связанная с Ормуздом.

Кстати говоря, «дьявол» означает, в прямом переводе, уменьшительное от латинского *«деус»*. Дьяболос означает маленький бог, божок. И это можно понимать двояко: это можно понимать как нечто уничижительное (божок, идол), а можно понимать как сын Зервана. Дьяболос — это вторая сыновняя ипостась Рока.

В митраизме Зерван просто называется бог-отец, Ормузд — бог-сын.

А есть еще бог-«дух святой» — в митраизме он называется «спаситель» — это третья ипостась, которая изображается в виде белого голубя или огня нисходящего.

Иногда это красный орел, когда это ипостась *хварена* — то есть благодати, спускающейся на царя. Красный орел осеняет монарха и дает ему статус харизмы.

То есть *хварена* и греческое слово *«харизма»* — это одно и то же.

Есть еще мать богов, то есть мать бога Ормузда, Анахита.

Вот такое святое семейство: бог-отец, бог-сын, бог-дух святой и мать бога Анахита.

Что происходит? Хозяин черного мира, мира тьмы, — Анграмайнью, или Ариман, — совершает атаку на мир света вверху и похищает свет (не весь свет конечно, но часть света) и уносит вниз, в нижний мир, что приводит к порождению некой реальности в этом, абсолютно сплошном, черном мире мрака.

Это дестабилизация, это чудовищный конфликт, потому что эта реальность возникает в отчуждении от своей подлинной

природы — от корней, от родины, от небесной световой субстанции; возникает, благодаря похищенному свету, во внешних сумерках, в сфере, где ничего не должно существовать.

И Ормузд берет на себя миссию спасти этот свет.

Он посылается вниз для спасения света. Он нисходит вниз, но он попадает там в ловушку...

И когда он оказывается распятым на дне мирового рва, он возносит клич, он издает страшный крик, который пронизывает все миры и все пласты, который возносится вверх, обращенный к богу-отцу Зервану.

Но бог-отец не может сам вмешиваться в происходящее, потому что он над всем, он запределен.

Поэтому он посылает бога Святого духа — Спасителя, который спускается вниз, в мир тьмы, освобождает Ормузда (снимает его), и они вместе, взяв большую часть похищенного света, спасают его и в этом свете возносятся вверх, на свою небесную родину.

Но немножко света остается.

Крупицы света продолжают пребывать в темном царстве, и они находятся в людях.

...Мы являемся, в какой-то мере, носителями этих световых частиц, поэтому мы и существуем. Еще частицы света существуют в растительности, в деревьях.

...Задача тех людей света, которые еще остаются в этом темном царстве, \\ бороться за то, чтобы вернуть этот свет до конца наверх, то есть полностью извлечь и спасти свет, и вернуть его на его небесную родину.

Такова доктрина зерванизма, митраизма.

Митра — это просто ипостась Ормузда, одно из проявлений Ормузда.

...Сегодня мы имеем дело с митраизмом, который может рядиться в разные одежды. Он может называться фундаментальным, протестантским христианством Буша, он может называться национал-социализмом, он может называться идеологией бремени белого человека Киплинга, которая превалировала в Британской империи, может называться католицизмом, как угодно может называться, но это все является описанным митраизмом.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Могущество

Могущество — качество, которое изначально не дано человеку.

В этом понятии соединяются священные и трагические аспекты бытия — на одном полюсе Всемогущество Творца, создавшего мир, на другом — силы героя, бросающего вызов смерти. И тот и другой аспекты присущи власти, которая творит Историю.

«Власть», 1996

Молитва

Молитвенная практика, прежде всего, есть воинский ритуал: это некая форма дисциплины, в которой верующий выражает свой *ибадат*, свое поклонение Тому, что является абсолютно неданным, незримым и невидимым, Тому, что не входит никоим образом в круг его опыта, Тому, что он не может пережить, иначе как совершив интеллектуальный акт веры и воли.

Вера и воля — это одно и то же. Это означает, что человек внутри себя утверждает, что он верит в то, что принесено ему нашим Пророком Мухаммадом (да благословит его Аллах и да приветствует), он выражает это в Шахаде, он говорит *«ля иляха илля Ллах, Мухаммаду абдуху ва расулюху»*, то есть он отрицает все, кроме Аллаха, Который непознаваем, и он говорит, что эта непознаваемость сформулирована для него через пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и да приветствует). Иначе подойти к этому никак нельзя. Только через Пророка, только через то, что он принес.

Поскольку для нормального глиняного человека невозможно в нормальном состоянии через опыт, через какую-то жизненную практику, через какие-то инстинкты и тенденции, подойти к этому естественным путем, существует дисциплина, которая дана через Откровение и которая конденсируется в джамаате.

Поэтому молитва в джамаате является гораздо более эффективной и гораздо более значимой, потому что это воинский ритуал.

Это просто выражение своей ориентированности, своей абсолютной заточенности на То, что противоположно всему, что можно пережить и воспринять, — то есть всему тварному, всему сущему, всему, что является данным в наличии, предъявлен-

ным, всему, что можно понять, всему, чему можно приписать некий рациональный причинный смысл.

Это ориентация на То, что является альтернативой человеческой реальности.

Эта ориентация крайне трудна.

Она постоянно ускользает от волевого контакта.

Она тяжела, потому что для человека совершенно непонятна и в какой-то момент становится неясна эта связь.

Он совершает *ибадат* Тому, что находится вне его разумения и вне его круга экзистенциальных интересов, за пределом его конкретного, реального существования.

В какой-то момент для него становится тяжело совершать этот *ибадат*, потому что от него ускользает рациональный смысл.

А рациональный смысл здесь не должен содержаться: здесь есть просто выражение вассальной верности Тому, что абсолютно не поддается никакой интеллектуальной, разумной оценке.

В этом весь смысл *салята*: это система движений и слов на арабском языке, которая подтверждает твою вписанность в порядок дисциплины воинства Всевышнего.

Ты подтверждаешь каждый раз в этой молитве, что ты являешься *муджахидом*, что ты принадлежишь к воинству Всевышнего, что ты связан не с ценностной системой тварного мира глиняных существ, а что ты являешься представителем стратегии Святого Духа в этом пространстве, и ты являешься исполнителем того, Чьи цели, Чье содержание абсолютно выходит за любые рациональные рамки.

Это вне экзистенции, вне сущего, вне какой-то корреляции с тем, что можно понять и пережить.

Вот это есть не что иное, как дисциплинарная ритуальная практика, как поднятие флага в расположении части каждое утро.

«Молитва и внутренняя точка нетождества», 2016

Молчаливое большинство

Фоном человеческого общества, зеркалом человеческого общества в его исторической динамике является человек молчащий: те, которые представляют собой огромное большинство живущих на планете и которых гораздо больше в городе, чем, например, в селе.

Молчаливое большинство — так называют этих людей.

Есть еще другое выражение, примененное американскими социологами — *dispossessed majority* (обездоленное большинство).

Молчаливое большинство — это человек пассивный.

Можно сравнить конечно это молчаливое большинство со зрителями в театральном зале... Действительно, в театральном зале зрители молчат, они пассивны, они смотрят.

...Но сравнение будет неполным, потому что то, что происходит на сцене, происходит таким образом, что сидящие в зале — это бенефициары смыслового послания, это для них разыгрывается, это им все посылается, это они должны сопережить катарсис на сцене и выйти очищенными, обновленными и приблизившимися к какому-то схватыванию своего собственного участия в макропьесе.

А в жизни молчаливое большинство не является бенефициаром, оно является, наоборот, дающей, эксплуатируемой, выжимаемой отчуждаемой стороной.

...За молчаливое большинство идет борьба, она идет непрерывно и всесторонне.

Вот мы смеемся над мыльными операми.

А есть такая важная часть молчаливого большинства, как домохозяйки. Это та часть, которая очень влиятельна, потому что она в значительной степени определяет умонастроение своих мужей. А мыльная опера адресуется им.

...Какие сигналы заложены в «богатых, которые плачут»?

А там заложено много сигналов.

Я не поленился и посмотрел «Побег из тюрьмы». Левая вещь, которая выносит жесткий приговор пенитенциарной системе, политической системе США. И там масса рассеянных антропологических формаций, посылов.

Сериалы и реклама — это колоссально воспитательная штука для обывателя.

Борьба идет непрерывно.

Посмотрите, как на улицах и площадях митинговой России ведут борьбу между собой разные крылья тех же либералов.

Левые либералы говорят: «рост цен на ЖКХ», «точечная застройка», «пенсия», «тебя ограбили», «где твоя зарплата?».

Правые говорят: «ты же русский», «ты на каком языке говоришь», «ты посмотри, понаехали вокруг»...

То есть разные реперные точки.

Борьба за то, чтобы привести ту или иную часть молчаливого большинства к некоему своему пониманию, то есть не к своему пониманию, потому что они хитрее этого понимания, а к тому пониманию, через которое можно этой частью управлять.

Но давайте вспомним Крестьянские войны в Германии XV—XVI веков. Кто вел крестьян с косами в наступление на князей и на епископов? Рыцари.

Если бы не посвященные рыцари с мечами, носители орденского духа, пассионарии, которые были одержимы идеей справедливости, то ни о каких крестьянских войнах даже близко нельзя было бы говорить.

Потому что бронированный молот системы просто разнес бы этих мужиков с косами в течение первых 10 часов.

Вообще, соприкосновение обычного человека с воинской кастой во все времена — это как железо с маслом. Но только за счет того, что крестьян под «знаменем башмака» на систему вели в бой рыцари, мы сейчас говорим об этом как о колоссальном социальном феномене позднего Средневековья.

«Анатомия молчания», 2011

Монголы

В коллективной бессознательной памяти русского народа допетровская старина совпадала эстетически с «басурманством».

Алексей Толстой и другие сталинские наймиты от исторической литературы вложили огромные художественные ресурсы в то, чтобы испохабить облик старой России.

В изображении Алексея Николаевича это были немытые вонючие бояре с грузными телесами, укутанными в парчу и соболя, которые прели на лежанках русских печей, топившихся по-черному.

Вообще, описание допетровской Руси граничит с похабщиной.

Она была как бы лицензирована самой неприемлемостью описываемой эпохи.

Я уж не говорю про пресловутое «иго».

Особенно тут постарался «большой» сталинский «писатель» от истории — Ян.

Целые поколения советских людей знают о монголах то, что прочли в книжках этого «извратителя истории».

Я, разумеется, тоже в детстве отдал дань смачным страницам, по которым гуляли тени монстров и извергов: Джучи, Батыя, Угедея, Субудай-богатура.

Архетипическим стал бессмертный образ белой как лебедь голой княгинюшки, которую волокут на аркане хохочущие монголы.

Маленький, коричневый, прожаренный походным солнцем Субудай с брезгливым недоумением смотрит на пышные телеса пленницы, которая стыдливо пытается закрыться от маленьких раскосых глаз завоевателя.

Коллизия этого сталинского исторического фрейдизма в том, что княгинюшка испытывала стыд и ужас перед посторонним «мужиком». А последний даже не понимал, что перед ним сексуальный объект.

Это, читай, встреча цивилизации и варварства.

Встреча, как вы понимаете, не на Эльбе.

Трудно отрешиться от химерических представлений о той эпохе, будучи воспитанным на Алексее Толстом и Эйзенштейне.

Талантливы были мерзавцы, ничего не скажешь!

Однако Чингисхан был достаточно страшен совершенно в другом, духовном измерении, чтобы к этому добавлять еще лубок и карикатуру.

Панмонголизм превратил всю Евразию в царство безблагодатности.

Как ни странно, парадоксальным образом только Византия и сельджуки «не легли» под монголов, хотя красная черта прошла где-то рядом.

Византия, чтобы не стать улусом, обернулась на 50 лет Латинской империей, завоеванной крестоносцами.

По сути, сегодня в Большой Евразии только турки не были раздавлены монгольской пятой. Наверное, что-нибудь это да значит.

В принципе, и западных арабов, начиная с Палестины, монголам тоже не удалось оседлать. Но невидимое ярмо в тонком мире существует до сих пор.

«Вспомним все!», 16.10.2014

Москва

Москва — это мегаполис, в котором идет непрерывный ток и обновление человеческого материала.

Идея постоянной оседлости и изоляции этого города в интересах какой-то этнической группы неадекватна.

Москва, как Нью-Йорк, Лондон, — это прежде всего столица империи.

Говорить о том, что Москва должна быть по своему внутреннему составу похожей на Ярославль — значит быть совершенно неадекватным человеком, который просто не понимает, что такое Москва.

Москва — это столица евразийского пространства, большого Севера, и она, несомненно, должна быть транснациональной и открытой для всех новых токов людей.

«Всего четыре мечети в Москве — это просто неадекватно», 12.09.2016

Мудрость

Мудрость — это вещь, которая основана на символе, на интуиции, а ее языком является музыка, образ.

Мудрость — это как раз взаимопроникновение этих идей, которые были возможностями, но стали идеями. Идея — это невербальная форма, музыка. Вроде мы все понимаем музыку, слушаем Бетховена, и вроде у нас есть некое понимание, но это понимание нерасшифрованное, это некое чувство реальности, интуирование ее во всей полноте.

«Анатомия молчания», 2011

Мудрость — это антимысль, которая является состоянием бытия.

Бытие — как антитеза мысли, бытие — как то, в чем мысль приходит, спускаясь, снижаясь, превращаясь в свою противоположность намеренно.

Все состояния бытия как антитезы мысли, то есть бытие в своем самодостаточном таком самоотношении, в своей самодеятельности, в забвении о том, что это конечный продукт сокрытия — это мудрость, это спонтанная фиксация всех возможных состояний бытия.

И мудрость — это синоним абсурда или бессмыслицы.

Потому что мудрость не предполагает задачи, не предполагает цели, не предполагает выход из себя в нечто трансцендентное.

То есть мудрость не предполагает радикального раскрытия.

Это как сон, который не имеет варианта проснуться или, например, как замкнутая лента в магнитофоне, которая в принципе не может перейти к какой-то новой музыкальной фразе, потому что она склеена. Внутри ее дурная бесконечность, потому что это бесконечно множащиеся состояния.

«Гейдар Джемаль раскрывает глубинные основы бытия, времени и точки нетождества», 2014

Мужчина

Мужчины играют более важную роль тогда, когда общество ориентируется на воинский тип мужчины, на воинскую касту, когда она является доминантной в социальной иерархии. Тогда, соответственно, доминируют и мужские ценности. Это бывает сравнительно редко.

Таковым является традиционное исламское общество во времена халифатов, традиционное европейское общество (христианское Средневековье), Римская империя.

Но это достаточно уникальные моменты, поскольку подавляющее большинство примеров — это господство клерикального типа, господство жрецов, как в Южной Америке: ацтеки, инки, так и Китай, Индия, так и Древний Иран (хотя там были паритетные моменты, но роль жрецов была несравнимо выше, чем в последующем монотеистическом пространстве).

Жречество сопряжено с подчинением и подавлением мужского типа, но не в форме гинекократии, а в форме некоего контроля, подчинения и использования воинской касты в своих интересах. Это традиция, типичная для язычества.

В обществах монотеистического откровения, не испорченных прогрессом, либерализмом, атеизмом, жречество находится в противоборстве с воинами.

В исламском мире XIX век был временем ожесточенной борьбы этих двух каст внутри Османского халифата. Поражение воинов повлекло разгром янычар, подавление тариката Бекташи, либеральные реформы, бунты балканских христиан и рост

значения армянской буржуазии. В конце концов, это привело к падению Османской империи и упразднению Халифата ровно 90 лет назад.

Кемализм в Турции стал в известной мере реваншем воинов, но в искаженной антиисламской форме. Только в последние десятилетия героическое сословие внутри мировой Уммы начало активную борьбу за свое возвращение на авансцену истории.

Для христианства воинская каста была доминантной вплоть до последних нескольких столетий. Шло постоянное противоборство жречества и воинов, основой существования средневековой Европы были рыцарские ордена, вплоть до социального взлета буржуазного сословия.

Буржуазное сословие и либеральная богема несут в себе сбой мужского начала, открывая дорогу господству женщин с культом жизни, деторождения, всяких гуманитарных установок.

Политический контроль либералов ведет к энтропии и подавлению мужского начала, повышению значимости женских ценностей, среди которых на первом месте стоит безопасность, воспроизводство жизни, стабильность, сохранение статус-кво.

Женщина является главным носителем этих установок как организатор семьи и домашнего очага. В ней заложена установка на безопасность и постоянство, в то время как мужские ценности — это риск, жертвенность и героическая авантюра.

...Высокий уровень тестостерона — это чисто физиологический аспект, внешняя сторона айсберга, которая указывает на внешнюю предъявленность мужского начала. Но эта физиологическая сторона лишь намекает на более важную глубокую духовную сторону.

Ведь духовная мужественность является предметом и смыслом всего разговора.

Высокий уровень тестостерона проявляется не только в большом количестве людей, склонных к насилию, жертве, риску, к авантюре и нарушению закона (что несомненно есть), но и в высоком уровне интеллекта.

Как ни странно, если взять присутствие тестостерона в социуме в целом, он разделяется на два полюса. Один полюс — это пассионарность тела, т. е. наличие в обществе молодцов, готовых к физическому риску, к силовому воздействию на среду,

к защите своих близких, к агрессии, покорению новых земель, военным походам и так далее.

Но параллельно с этим высокий уровень тестостерона проявляется в обостренной интеллектуальности.

Многие интересные исторические фигуры были одновременно и пассионариями тела, и пассионариями ума. Например, Декарт был профессиональным военным, будучи вместе с тем одним из величайших мыслителей Европы. Великий воитель Александр Македонский был любимым учеником Аристотеля.

Пример «неразбавленного» мачо с избытком тестостерона и нехваткой мозгов, обычный в аргументации феминисток, — это неправильный пример. Здесь надо брать отношение тестостерона в целом к обществу, а не конкретные его проявления в отдельных индивидуумах.

Высокий уровень тестостерона в мужском поле данного социума ведет одновременно и к избытку интеллекта, и к избытку физической воли.

В частности, могу указать на такие примеры, как взрыв пассионарности у монголов во времена Чингисхана. Они были продвинуты в интеллектуальном плане хотя бы потому, что адаптировали все достижения завоеванных ими культур в цивилизацию своей империи, созданную ими, которая смогла гармонично охватить и Русь, и Китай, и Юго-Восточную Азию.

На 200 лет они создали беспрецедентный пример панъевразийской империи именно за счет доминанты героического мужского типа, который, кстати говоря, связан с кочевьем, потому что опирается на мужской тип. Кочевая и горская культуры — последняя как производная от кочевой.

...В западном социуме уже давно нет места воинскому типу.

Милитаризация западного пространства, государства, профессиональные армии, которые существуют там с XVII века, а с XVIII становятся детально разработанным институтом, представляют собой уничтожение воинской касты, уничтожение мужского героического, самодостаточного рыцарского типа.

Это военная машина, которая превращает человеческий материал в первичный аппарат уничтожения, построенный по всем правилам фронта каре, которая противостоит личному героизму старых вооруженных сил.

Это то, что называется бюрократия в погонах, зависящая от технологий и определенного военного менеджмента.

Буквально в последние 300 лет воинский мужской тип был выкорчеван из европейского социума, и на его место пришли клерки, организованные люмпены, бюрократия, спекулятивно-финансовый проходимец, который является героем современной экономики. И это сопряжено с поднятием феминизма и всякого рода извращений, сменой ориентации и т. д.

Мы часто видим люмпенов, поклоняющихся мамоне, т. е. золотому тельцу.

Например, в исламе мужчинам запрещено носить золото, потому что, согласно не очень популярному знанию, которое можно назвать в определенной степени эзотерическим, у истинного мужчины золото растворено в крови. Поэтому внешнее золото причиняет ему боль и мешает жить, реально взаимодействовать со средой.

А женщинам золото помогает, потому что у них в крови золота нет.

«Мужчины», которые носят золотые цепи, золотые перстни, завязанные на абсолютно материальный принцип потребления, абсолютно преданные женскому началу, представляют собой антимужской тип. Это те самые существа, которые во время блуждания евреев в пустыне пытались создать себе золотого тельца и были истреблены.

Именно эти твари, которые сегодня являются экономической и политической верхушкой современного общества — потомки тех, кто в пустыне пытался отречься от истинного Бога и которых левиты (воины) вынуждены были истребить.

Люди рождаются либо мужчинами высокого типа, либо мужчинами сниженного типа.

Ведь мужчина — еще более сложное понятие, нежели женщина.

Под покровом мужчины может скрываться антимужчина вроде олигарха в золотых цепях, может скрываться дегенерат, который практически является гермафродитом...

Есть разные уровни мачизма: мачизм брутальный, связанный с грубой мужской сексуальной и физической силой, но есть и высшая героическая жертвенность, которая была проявлена

сподвижниками пророков Единобожия, а также ведущими посвящение от мусульман рыцарскими орденами.

Люди имеют те привычки и склонности, которые заложены в них от природы.

«Засилье гермафродитов ведет к вырождению», 2012

Музыка

Музыка сфер — это как раз формы гармонии, которые уже выходят за пределы законов нашего мира. Музыканты, композиторы, творцы музыки — они как бы слышат эту музыку сфер и просто транслируют ее сюда.

И музыка — это вещь не просто бессловесная, она антисловесная, потому что любая попытка описать музыку как то, что ты слышишь и понимаешь... всегда есть иллюзия, что, когда ты слышишь музыку, тебе кажется, что ты ее понимаешь, но, когда ты хочешь сказать словами, что же ты понял, — это чушь.

«Возможна ли свобода», 2016

У нас есть два вида идеологии, два вида сознания.

Одно — «сознание» Иблиса — это то, что Платон называл «идеей идей». Это идея бытия. Это бытие как идея, которое есть благо. Благо в языческом смысле, то есть бытие как утверждение, как позитив, как благо. То есть то, что понятно всем глиняным людям: «быть лучше, чем не быть; быть много лучше, чем быть мало».

Альтернативное — это сознание «здесь и теперь», это трагическое сознание, которое взрывает консистенцию глины, и оно обнаруживает себя только через язык, которому Адама научил Аллах.

Мудрость не нуждается в языке.

Мудрость Иблиса, то есть мудрость глины, — она не артикулирована.

Поэтому ее совершенным выражением является музыка, музыка сфер.

Все мы, как глиняные существа, прекрасно знаем, что, когда хорошая, качественная музыка играет, она не нуждается в расшифровке.

... Музыкальная фраза непосредственно отзывается состоянием внутри всего вашего существа вибрациями. Если кто-то будет говорить, что в данном случае Вагнер хотел сказать то-то и то-то, то вы посмотрите на него с сожалением как на больного: то есть человек настолько глуп, что не понимает, что это другой порядок сознания.

Альтернативным искусством является литература, где абсолютно четко действует слово в своей собственной стихии, в своем собственном соку.

Как человек является смешанным существом, так и между музыкой и литературой является куча уровней и переходов: поэзия — это есть уже вторжение неартикулированного в артикулированное, то есть это ритмизация, это музыка, это уход рационального смысла в пользу иррационального (вибрации такой, которая понятна на невербальном уровне).

Дальше — больше: песня, потом опера, ария, когда слово начинает умирать, умирать — наконец приходит в чистую музыку.

Это важно понять, потому что музыка — это форма бытования платоновской идеи.

А слово (номиналистское, как знак концепта, смысла) — это форма бытования сознания *РухуЛлах*, точки оппозиции всему сущему.

«Пророческая эсхатология и доктрина циклов», 2013

Мухаммад (да благословит его Аллах и да приветствует)

Последний Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и да приветствует) сосредоточил данную ему Богом власть на создание нового общества. Его миссия носит открытый социальный характер.

Впервые в истории создается открытое общество на основе универсального права. На протяжении истории социальная структура была основана на роде и касте.

Закон шариата требует обязательного равного применения ко всем людям без различия. Он вводит подотчетность правителей судебной власти, упраздняет автократию и абсолютные привилегии главы патриархальной семьи, запрещает расовые предрассудки, ограничивает право частной собственности.

Шариат впервые вводит представление не только об обязанностях, но и о правах всех социальных категорий.

Общество Мухаммада (да благословит его Аллах и да приветствует) — это декларация прямого правления Бога через посредство фиксированного слова Откровения. Отныне всякое самодержавие, ставящее себя над Законом — будь то религиозная власть халифов или светская султанов, — оказывается узурпацией.

Творческий итог Мухаммада (да благословит его Аллах и да приветствует) — управляемая Богом община, которой он оставил Коран и людей своего дома как преемников его лидерства, прямых наместников.

«Власть», 1996

...Его (Мухаммада) религиозная власть была не такая, как у жрецов. Она была другого качества. Она была не корпоративная — она была персональная власть Пророка, который является посланником неведомого Бога.

Он являлся воином, который участвовал в 62 битвах, из них в более 30 он непосредственно командовал и планировал эти битвы...

Пророк создал из людей разного социального состояния касту воинов, потому что, когда к нему приходили люди, они приходили из торговли, из криминала, из финансов, из пастушеского состояния, и они превращались в воинов, они лишались своего прежнего состояния и становились воинами. Они входили в систему жесткой дисциплины и жесткого оправдания своим действиям. Они превращались в тех, кого мы сегодня называем *сахабами*, сподвижниками. И эта каста завоевала фактически весь мир.

Более того, когда многие стали входить в ислам после того, как они захватили командные позиции в Иране, в Средней Азии, в Малой Азии, они были недовольны, потому что это нарушало их избранность.

Это уже потом все размылось, но первоначально была четкая дискриминация между истинными первыми, которые были арабы, и теми, которых называли *аджам*, т. е. позднее присоединившиеся, неарабы. Они осознавали свою кастовую избранность.

Но и потом, когда интернационализация произошла и поглотила арабов как отдельный этнос, все равно идея халифата строилась на системе взаимоотношения амиров, султанов, беков, знати меча, которая была воинской структурой, а не жреческой.

При них были всякие знатоки — *алимы*, изучатели Корана, которые статуса фактически не имели.

Единственная ситуация, которая выбивается из этого, где по факту создана церковь, которая не имеет отношения к исламской традиции, это шиитский мазхаб, где де-факто создана церковь, как сегодня мы видим в Иране. Но она поэтому и пользуется негативом и окружена всеобщим давлением критики со стороны остального ислама.

«Тупиковость имперской идеи в современном мире», 2016

Мысль

Некоторые — может быть, из тех, кто подходит к теологии формально, — скажут: «А нет такого понятия, как мысль, в исламской теологии».

Ошибаетесь, есть.

Есть такое понятие *«кадар уаль када»*, которое именно и определяет потенциал предназначенного, потому что *«кадар»* — это мощь, это потенциал, а *«када»* — это предназначенное, сужденное. И это два внешних проявления, два внешних аспекта Замысла, что подтверждается еще аятом Корана, который гласит, что Аллах «ничего не сотворил понапрасну» (3:191).

«Не понапрасну» — это значит есть цель. Цель, вписанная в Замысел. Замысел является проекцией Мысли.

Теперь, если мы говорим о Мысли, мы должны сосредоточиться на том, что такое есть мысль как мысль в ее чистом виде.

Мы можем пользоваться терминами греческой философии как техническими терминами, потому что многие из этих терминов переведены на арабский язык, и, в принципе, это инструментарий, который достался нам в наследство. А всякое наследство принадлежит теологам по праву, если они пользуются этим в интересах теологии.

Так вот, есть фундаментальное понятие: апория.

Апория — есть парадокс, неразрешимый парадокс.

Например, апорией Зенона является то, что Ахилл не может догнать черепаху, потому что «логическая» ситуация такова: пока Ахилл делает определенное расстояние за определенное время, за это же время черепаха делает, хотя и меньшее, но то же расстояние, и, сколько бы Ахилл ни прошел, приближаясь к черепахе, черепаха тем не менее делает то же определенное путешествие за это же время — она все время удаляется. Это расстояние может сокращаться, но никогда не сливается, потому что черепаха тоже уходит от той точки, куда стремится Ахилл.

Это называется апория.

Мы же знаем, что Ахилл в два счета догонит черепаху.

А вот логически нам предъявлена ситуация так, что вроде как — по логике — и не догонит.

...Апория буквально с греческого переводится как безвыходность, тупик (*порос* — это выход).

Так вот, для того чтобы мысль была мыслью, внутри ее должна быть апория.

Внутри ее должен быть парадокс, который очевидным образом противостоит всему возможному.

Не просто такая зеноновская апория с несчастным Ахиллом и черепахой. А такая апория, которая явно аннигилирует все законы — мыслимые и немыслимые, является чем-то невозможным, но решение которой — это преображение, катарсис, свет, триумф.

Эта мысль должна содержать в себе такую апорию.

Что же это за апория? Эта апория как раз и есть нетождество.

Нетождество — это означает отсутствие финального, конечного, безусловного, абсолютного утверждения. То есть что это значит?

Бесконечность, которой учит метафизика, с точки зрения жрецов, клерикалов, — это тождество, это утверждение, потому что нет ничего, кроме нее. И все, что ей предъявлено, она уничтожает и говорит: «Вот уничтожено и нет ничего, кроме меня — опять бесконечность». Это утверждение.

А нетождество — это означает, что нет ничего, кроме этой мысли, но эта мысль не тождественна сама себе. Она бездонно проваливается сквозь себя и за себя, она свободна от себя, она не является утверждением, она свободна.

А как же она тогда может быть?

Это парадокс. Не отсутствие утверждения — отсутствие финального совпадения самой себя с самой собой.

...Бытие — это антимысль, это конечная стадия засыпания, умирания и превращения в свою противоположность этой мысли.

Но ведь мысль доходит до этой стадии только для того, чтобы ее преодолеть и изжить из себя, и это означает, что мы как часть бытия отличаемся от всего остального тем, что к нам имеет отношение частица Духа Божьего. Та самая частица Духа Божьего, которая была вложена Творцом в Адама.

Для чего? Для того чтобы он эту частицу нетождественности унес с собой в бушующее море бытия и там бы бросил бытию вызов, исходя из противостояния сознания как частицы Духа Божьего и бытия как антисознания, антимысли.

Вот этот дуализм — это трагедия двух полюсов бытия и сознания. Они как раз и определяют ту площадку, на которой развивается теологическая драма.

...Абсолют — это негативная изнанка того бытия, которое представляет собой совершенное зло, бессмыслицу, абсурд, зло в чистом виде. Но она представлена позитивно, как сад, в котором постоянно цветут феномены: такие, сякие, они исчезают, возникают, они подобны друг другу. А сквозь этот сад незримо проходит коса, которая его отрицает и отрицает — это его подлинная изнанка: бесконечность. Которая есть разоблачение тщеты и абсурдности бытия.

Но мы вброшены сюда с искрой Духа Божьего, которая соединяет нас с Мыслью. И цель наша — соединить эту искру с этой Мыслью, точнее, создать здесь то пространство — пространство мышления, пространство видения — в котором, в сердцах наших, эта точка свидетельствования отразится и приобретет характер этой невидимой, незримой для нас Мысли, которая проявится как наше понимание Замысла, как наше соучастие в Замысле.

«Теология против метафизики», 2014

Мышление

Мышление — это прежде всего работа с именами, которые превращают хаос в порядок.

Мышление — это оперирование именами, которые пятна Роршаха делают подлинными концептами.

Мышление существует только потому, что у человека есть центральная позиция, то есть он равноудален от всего.

Для него что заяц, что звезда, что женщина с коромыслом, что угодно — это все одинаково далекие вещи.

А он как бы сидит на пригорке, в центре, и он устанавливает связи между ними через имена, которые имеют точкой сборки только его как свидетеля. То есть мышление — это оперативное, непрерывное восстановление его центральности на земле.

Поэтому этот процесс мышления создает, при правильном применении, ту самую ткань, которая начинает резонировать с Замыслом, то есть который отражает сюжет. Язык как система имен и мышление теснейшим образом связаны между собой, и они противостоят мудрости.

«Анатомия молчания», 2011

Мышление связано с глубочайшим одиночеством, с различением «я» и «не-я», которое отражает внутреннего свидетеля прежде всего через язык, обнаруживающего свою нетождественность любым объектом, любым образом. То есть постольку, поскольку эти образы даны как кирпичики мышления, постольку человек обнаруживает, что он — как «он», как свидетель — есть не то, перед чем он предстоит, не то, с чем он имеет дело. А нечто иное, нечто принципиально иное, нечто вброшенное сюда как оппозиция тому, во что он вброшен.

Поэтому этот конфликт создает драму постоянного натяжения мысли, которое идет во время общения.

Ведь неслучайно было сказано, что мысль изреченная есть ложь.

Это глубокая интуиция Тютчева.

Мысль изреченная, то есть изреченная в целях коммуникации, есть уже необходимая капитуляция перед матрицей, которая сформулирована обществом для того, чтобы запрограммировать людей, уже вписанных в коммуникацию через язык. Ну и конечно деваться им некуда.

...Проблема возвращения человека к мышлению, возвращения человека к подлинному есть преодоление общения.

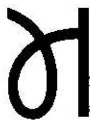
...Об этом писал Ницше в «Заратустре».

Уход Заратустры от людей, уход в горы, удаление в сосредоточенное безмолвие именно от людей — это как раз возвраще-

ние к истинному мышлению или попытка вернуться к истинному мышлению.

Кстати, напомню, что миссия Заратустры была связана с учительством. А учительство — это адамический архетип, который связан с пророчеством, то есть принесением Адамом первого языка. То есть здесь, где-то, ницшеанская интуиция бродит вокруг этой тематики, она всюду проходит как некая поэтическая интуиция.

«Общение и мышление: взаимоисключающие функции», 2016

Надежда России

Что касается России, то другой надежды, кроме как на мусульман, у нее нет.

Нельзя сказать, что после обожаемого национал-патриотами Сталина Россией правили немцы, евреи или зеленые человечки.

Хрущев, Брежнев, Горбачев были русскими. Но вдребезги развалили страну, которой правили.

Их оттерли ловким плечом евреи: типа «мы знаем, как надо...».

Результаты на сегодняшний день еще печальнее: страна доведена до точки, словоблудия — море.

Мусульмане — единственные, кто способен вытащить этот воз из болота.

Многие русские с этим согласны и поддержат активно.

Не согласны евреи, поскольку они политически наживаются на процессах распада, и чем ниже падает Россия, тем больше евреев идет в национал-патриоты, в православные или даже в язычники арийско-расистской ориентации.

Не секрет, что среди скинов и отморозков, клянущихся Гитлером, полно персонажей, которыми бы гордился Вавилон.

...Как известно из неисламских источников, цитирующих результаты независимых исследований, самой влиятельной книгой в мире сегодня является Коран, а самой влиятельной личностью в истории на сегодняшний день — Посланник Аллаха (мир ему и благословение Аллаха). Абсолютно логично, чтобы к этому добавилось самое влиятельное политическое сообщество в мире — «партия Аллаха».

Если это произойдет на территории нынешней России, то, соответственно, она (в том виде, который мы ей придадим) будет самой влиятельной страной в мире.

ИншаАллах, у нас получится лучше, чем у Льва Давидовича!

«Исламская стратегия на Кавказе». Материалы конференции, 2008

Наполеон

Наполеон был последний человек в истории модерна, который пришел к власти и создал пирамиду архаическим, или классическим, образом: с нуля.

Мы не говорим о Каролингах, Капетингах (французские династии), о казненном Людовике, который был последним отголоском того сакрального, что шло по наследству, а потом «обнулилось»: хаос, пляска, карманьола на площадях, гильотина, период директорий, Баррас и все — чистый лист, перезапуск.

Появляется лейтенант, который попросту убегает из Египта, приходит и в конце концов, вырывая из рук Папы Римского корону (Папу Римского нагибает, чтобы тот его короновал, в последний момент вырывает), надевает на себя, и вот он — император.

Ну что — его французское общество выдвинуло? Нет.

Оно консолидировалось вокруг него, потому что все эти люди не имели бытия, а они имели реальность смерти, выражавшейся в гильотине, они были в хаосе чистой деструкции.

И он явился, пусть даже это очень инфернально, но он явил в себе конкретный прорыв онтологии: это конкретное бытие, которое тут же стало строить все остальные выродившиеся монархии, они стали строиться вокруг него. Он ступил в этот луч в темном храме, который падает в единственное пятно на полу.

Он ступил и стал единственно реальным, единственно живым, сакральным — и все так его и воспринимали.

Поэтому его так ненавидели монархи вокруг, потому что они понимали, что они выродились в отношении онтологии: они уже как-то очень условно воплощали этот символический принцип.

А вот человек с нуля, с чистого листа, и он ступил в это.

Так же как Август. Август, собственно говоря, тоже был никто.

Почему ни прусский король, ни австрийский император не осмеливались себя прямо соединить с языческим Римом, а Наполеон соединил себя с Римом, с Кесарем?

Значки легионов с орлами, и его герб с пчелами — тоже старый, архаический герб, который на самом деле шестиконечная

звезда, — сакральный символ: много пчел, связанных с концепцией культа солнца, потому что это мед, а мед — один из символов благодати солнечной. Это он не сам придумал, это в его семейном дворянском гербе, он корсиканский дворянин.

«Различие государства
и политического общества», 2016

Народ

Согласно кораническому повествованию, фараон обращается к своему народу: «Я ваш верховный господь!» (Коран, 79:24)

Фараонам и кесарям необходим народ, потому что это непросветленные хаотические отражения человеческого архетипа — микрокосма — внизу, в зеркале нашего мира. Они представляют для монарха объект воздействия, в каком-то смысле объект искупительной акции, идущей сверху. Простой человек обретает «спасителя» в человекобоге, который для него и ему подобных — безвестной пыли на ветру времени — объединил свое личное бытие с Бытием вселенским.

Народ есть всегда настоящее, он находится в безвременье постоянного здесь-присутствия. Народ занят обыденной жизнью, лишь время от времени возводя очи горе — туда, где сияет ослепительное солнце власти.

Поскольку монарх является спасителем народа и в определенном смысле его искупительной персонификацией, народ также приобретает характер если не прямой божественности, то, по крайней мере, богоносности — по соучастию.

В этом смысле у народа есть некий потенциал приобщения к онтологической вертикали. Он становится инверсией Бога в нижнем полюсе бытия.

Если необходимо, народ можно использовать для различного рода ритуалов политического священнодействия: собор, ринг, ареопаг, экклесия...

Жречество, применяя определенные процедуры, извлекает из народа коллективное бессознательное — своего рода сгустившийся и кристаллизовавшийся осадок «неба» — и трансформирует его в декларацию политической воли, обычно сводящейся к призванию такого-то на царство.

Понятно, что народом могут быть далеко не все присутствующие в данной среде проживания: рабы, вольноотпущенники, иностранцы в народ не входят, потому что лишены контакта с архетипом.

Очевидно, что именно здесь, в концепции сакральной почвы, и вызревает зерно ритуальной демократии. Именно ритуальной, не имеющей никакого отношения к прямому народовластию Запорожской Сечи или первых поселений протестантов в Новом Свете. Ритуальная демократия никогда не освобождается вполне даже в самом либеральном и постмодернистском пространстве — от сакральной связи с «большой» онтологией. Сохранение такой связи в условиях парламентов, партий и прочих эрзац-ритуалов является главным назначением так называемого либерального масонства.

От этого принципиально отличается позиция азиатской противопоставленности одного всем, когда, с точки зрения царя, нет никакой разницы между приближенным к нему сатрапом и бесконечно удаленным феллахом: все — одинаково рабы!

Эта ситуация присутствовала в России не только в допетровские времена, когда именитые бояре были царскими холопами; в эпоху послепетровской модернизации статус дворянина был, по европейским меркам, ужасающим. Дворян (взрослых) полностью освободили от телесных наказаний только к началу XIX века!

«Всякая власть», 30.03.2011

Насилие

Насилие и пролитие крови пронизывают всю человеческую историю. Человеческая история совершается через насилие духа над телом. Это религиозно признанный факт, подтвержденный всеми традициями.

Как деяние духа, насилие всегда было достоянием людей духовных. На него имели право только адепты Любви, понятой как самопожертвование.

Насилие всегда являлось внешней негативной стороной страстной жертвенности.

Таким оно было как функция традиционной корпорации воинов, которая сосредоточила в своих руках всю сферу, от-

носящуюся к казни, воздаянию и разрушению. Воины в традиционном обществе служили именно духу, понятому как неизменный закон.

После того как Небо оторвалось далеко от Земли, а святость радикально покинула властный институт, для верхушки общества каста пассионариев стала обузой.

Насилие для власти теперь не должно являться способом вершения истории. Оно превращается, прежде всего, в технику вымогательства дополнительных жизненных ресурсов из человеческого биоматериала.

Уже во время перехода от феодальных суверенитетов к бюрократическим абсолютистским монархиям стало ясно, что люди чести и шпаги не могут найти себе место при новом порядке.

Государству-монстру потребовалась сила принуждения, организованная как механизм, как нечто, отражающее нечеловеческую природу самой власти. Палочная дисциплина, марширующие каре и колонны, движение человеческих масс, уподобленное движению хорошо смазанных частей инфернального механизма, — вот что принесло новым колониальным империям военную победу над индивидуальной отвагой и боевыми искусствами воинов традиционных обществ.

Современная армия ничего общего не имеет с духом мужественной героики и суровой жертвенности. (В той части, где эти моменты еще проявляются, армия не является современной.)

Это бюрократическая организация, мерилом которой стало отношение количества разрушений, которые она может причинить, к количеству денег, которые для этого разрушения надо истратить. Это технологический вопрос, решаемый технократами в погонах, максимально защищенными от ответного риска.

Однако фальсификация фундаментальных сторон человеческой жизни не может окончательно подменить собой подлинную реальность. Фальсифицированное насилие, осуществляемое люмпенами-наемниками, обламывает себе зубы, сталкиваясь с встречным насилием новых воинов, которые встают на пути вселенской лжи.

«Кризис реальности», 2008

НАТО

НАТО Интересует складывающееся сегодня четко обозначенное противостояние Западной Европы, все еще остающейся частью НАТО, и бывшего Варшавского блока, который сегодня превратился в «троянского коня» американцев внутри европейского континента.

Варшавский блок плюс Балтия страстно желают войти в НАТО.

На первый взгляд это ничем не противоречит имеющей место европейской ситуации и соответствует тенденции Евросоюза включить те же самые страны в свой состав.

Но это только видимость.

После конца организованного противостояния двух «лагерей» и прекращения действия Варшавского договора, НАТО стало исключительно инструментом американской оккупации Европы, продолжающегося военного господства Вашингтона без каких-либо внешних геополитических оправданий, которые раньше существовали в лице Москвы.

Сегодня вступление в НАТО со стороны Польши или Чехии означает только присоединение к факту этого иноземного господства над Европой, предоставление себя в распоряжение американцев.

«Дауд vs Джалут», 2010

Наука

Наука Многие люди, не исключая и нынешних ученых, думают, что наука — это синоним материализма. Дескать, научный метод основан на эксперименте и истолковании практических результатов оного.

Наука продвигается на ощупь, малыми шажками, шаря в темноте растопыренными пальцами и отвоевывая у неизвестности крупицу за крупицей достоверного знания.

Такой подход живо напоминает о том, как пять слепых щупали слона. Один, ухвативший хобот, говорил, что слон — это гибкая упругая труба. Другой, обнявший ногу, уверял, что это мощная, уходящая ввысь колонна и т. д.

Конечно же, наука начинает с общего абстрактного представления о том, чем мир является (должен быть). Потом она начинает это доказывать. Если не доказывается, наука нехотя и чуть-чуть подправляет первоначальную идею и снова доказывает.

Так, представление о вселенной, существующей миллиарды лет, возникло фактически в XIX веке, и отнюдь не экспериментальным путем, потому что экспериментальным путем это доказать нельзя.

Такое представление пришло в научный разум из плохо понятых индийских мифов, а дальше его начали доказывать с помощью радиотелескопов и синхрофазотронов.

Идея Дарвина о происхождении человека из обезьяны также происходит из шаманского мифа.

Различные тотемные концепты происхождения человека от разных животных популярны у разных примитивных народов.

Но Дарвин для обоснования этого шаманского мифа разработал целую теорию естественного отбора. Когда в XX веке в этой теории обнаружились дыры, на смену пришла теория скачкообразных мутаций и т. д.

Наука в современном смысле была создана талантливыми идеалистами-язычниками вроде Коперника и Джордано Бруно во имя политической борьбы с церковью.

Сегодня она превратилась в самостоятельный мифологический институт — могучее средство для контроля массового сознания.

Ведь обыватель верит, что окружающие его технологические «чудеса» созданы наукой.

Ему и невдомек, что развитие технологий не только не опирается на научное мировоззрение, но часто осуществляется вопреки ему.

«Кризис реальности», 2008

Нафс

Те, кто рассуждают о нафсе, во-первых, не знают, что *нафс* переводится как сущность (мужчина и женщина сотворены из одного *«нафса»*, что буквально означает: принадлежат к одному и тому же виду существ).

Совершенствовать эту сущность или бороться с ней — не задача для мусульманина.

Почему?

Да потому что под борьбой или совершенствованием *нафса* имеется в виду не установление контроля частицы Духа Божьего как центра своего истинного «Я» над личной «глиной», а нечто

совсем другое: совершенствование самой этой глины, возгонка ее до более «тонких» состояний, «одухотворение» глины (то есть субстанции индивидуального существа).

В таком процессе совершенствующийся *нафс* полностью вытесняет сам принцип «тайного центра», практически исключает взаимодействие с ним.

Это легко увидеть на примере высших клерикалов, которые обрели статус посвященных старцев и «стяжали благодать»: у них совершенно нет того, что мусульмане называют *таква*, то есть «страха Господня».

Они достигают состояния прозрачного и блаженного «слияния» с наиболее тонкими уровнями мировой субстанции, что на их языке называется «обожение». Их путь и наш путь диаметрально исключают друг друга.

«Исламская стратегия на Кавказе». Материалы конференции, 2008

Национализм

Национализм как форма сознания сложился только в течение Новой истории.

Тем не менее парадоксально: идеология, ориентированная на национальный фактор, обращена вспять, на историческое прошлое, в глубь веков.

Объединяющий фактор в национальном — это общность совместного прошлого.

Именно поэтому великое прошлое, исторические деятели, легендарные герои играют главную мобилизационную роль в формировании национал-политического пространства.

Эта обращенная в прошлое ретроградная форма сознания давно стала мощным инструментом дезинформации и манипуляции в руках наднациональных правящих классов.

Национализм цинично и беззастенчиво используется в политтехнологиях врагов народов. Даже позитивные формы политической кооперации угнетенных низов (социалистического или религиозно-освободительного характера) в сочетании с национальным фактором оказываются в тупике и неспособны переиграть своего наднационального противника.

При этом мы отдаем себе отчет в том, что вне идеологической сферы национальный фактор как образ жизни, способ

мышления, язык высказывания, является неизбежным и необходимым инструментом жизнедеятельности для подавляющего большинства населения Земли.

Совместный язык, совместная психология, разделяемые мироощущение и повседневная эстетика — все это первичные формы солидарности, без которой каждодневное существование и борьба за жизнь простых людей стали бы просто невозможны.

Именно поэтому мы говорим об «интернационализме», а не о «наднационализме». Последний термин характеризует форму существования тех, кто свободен от проблем «земной юдоли» — бедности, болезни, неуверенности в завтрашнем дне, страха перед насилием, бесправности и т. п., — за чужой счет, за счет народов, кровью и потом которых эти «наднационалы» (глобальные корпоративные олигархи, финансовая сверхэлита, наследственная знать, высшее международное чиновничество) питаются.

«Манифест нового Интернационала», 25.11.2003

Нация

Я не считаю, что понятие «нация» является универсальным и одинаково применимым ко всем регионам мира.

Прежде всего, мы должны разобраться в том, что такое нация.

Это слово часто используется для того, чтобы описать этническую группу, которая находится на уровне родо-племенной общности, а также используется для описания политического этнического сообщества, которое связано друг с другом только символикой, идеей общей истории.

Под словом «нация» имеется в виду достаточно узкая категория, которая возникла только в XVIII—XIX веках. Это политическая общность людей, которая имеет мало общего на кровном и генетическом уровнях, — это общность исключительно интеллектуального культурного плана.

Если мы говорим о самоопределении нации, то мы не должны позволять, чтобы этническая борьба определенных групп разрушала цели и задачи, например, такой цивилизации, как исламская. Очень часто для того, чтобы подорвать исламскую целостность, используют такой фактор, как «борьба наций за самоопределение».

Нужно отличать самоопределение народов, которые являются реально народами и действительно имеют такую волю.

В данном случае Чечня является, безусловно, землей народа, который имеет волю, имеет историю и который самостоятельно принимает решения, в частности, по поводу выхода из состава России. Эта установка является исторической для Чечни на протяжении нескольких столетий.

Что касается Нагорного Карабаха, то здесь очевидны происки и вмешательство другого государства, причем по отношению к населению, которое даже не является собственно армянским. Армяне появились там после того, как Грибоедов начал ввозить в этот регион армян Ирана и Турции, чтобы вбить армянский клин между мусульманами Азербайджана и мусульманами Ирана.

Что касается Абхазии, то это более сложный вопрос, потому что, несомненно, абхазско-грузинский конфликт уходит своими корнями в советскую историю. Но и здесь это не чистый пример борьбы народа за свое самоопределение. Здесь мы видим игру московских политических сил, которые сделали ставку на расчленение Грузии, на ее раскол, для того чтобы наказать страну, которая представлялась наиболее «вредоносной» и «упрямой» с точки зрения московских амбиций и московских интересов.

То есть в данном случае имела место политическая игра Москвы, которая разыграла абхазский конфликт.

То, что это именно так, подтверждается позднейшим грубым империалистическим диктатом в вопросе выбора абхазского президента, когда пророссийские настроения абхазов были подвергнуты испытанию и фактически были сведены на нет в результате того, что перед абхазами был поставлен ультиматум: выбирать не того, кого они хотели, а того, кого им навязывает Москва.

И сегодня Абхазия — а я это знаю из первых рук, поскольку поддерживаю отношения с абхазскими деятелями, — неоднозначно относится к роли России в абхазско-грузинском конфликте и тяжело переживает, что она оказалась заложником колониальной империалистической игры Кремля.

«Стена Зуль-Карнайна», 2010

Небо

Прошу правильно понять, небо для меня — враг.

Потому что небо, которое вращается, это *дахр* по-арабски, это *зерван* по-зороастрийски, это вечное вращение Рока.

Единобожники получают Откровение, чтобы нанести удар по этому Року, по этому вращению.

До единобожия вне пророков есть герои, которые бросают этому небу вызов.

Поднимается Одиссей и говорит: «Я не принимаю рока, я не принимаю судьбы, я бросаю вызов». Но он проиграет — он поэтому и герой, что он знает, что проиграет, но бросает вызов.

Почему?

Потому что он не оснащен Откровением.

То есть вызов у него есть, он кшатрий, но ему не дали Откровения — инструмента для того, чтобы противостоять.

Брахманы созерцают это вращение *дахра*.

Бедуины в Коране говорят: «Мы живем, и мы умираем, и нас убивает только время» (45:24).

Время — это и есть *дахр*, то есть небо.

Но все Единобожие — это эсхатология, это апелляция к вечности, к прекращению времени, к новому небу и новой земле, то есть это радикальный вызов Року, сущему, бытию от имени Святого Духа, от имени этой непостижимой, внерациональной, недешифруемой причины, которая находится вне сущего и которая отражена в каждом из нас, в черной дыре нашего индивидуального сердца, благодаря которому мы видим и понимаем.

«Честь как главная скрепа Духа», 2013

Неоплатоники

Парадоксальная проблема мысли, связанной с монотеистическим Откровением, заключается в том, что в поисках аргументационной и методологической опоры в своем противостоянии с метафизикой жрецов, она была вынуждена обратиться к простой зеркальной оппозиции этой метафизики — к философам.

Неоплатоники оказывали влияние на восточных Отцов Церкви, аристотелизм лег в основу теологии Фомы Аквинского.

Такая преемственность обрекла Церковь на глубокий конфликт с обществом, которое в разной степени, разными слоями тем не менее приняло монотеистическое послание, на глубоко внутреннем уровне «отравилось» пафосом *алкания* невозможного — Небесного града. Церковь, оставшись с Аристотелем, с платониками, вывела утопию за пределы своего дискурса.

Утопическое сознание стало оружием тех кругов, которые вместе с тем претендовали и на подлинную энергетику христианского послания — религиозные секты в оппозиции к учрежденному духовенству.

То, что потом деятельность этих сект встала под контроль посвятительных организаций, часто говорящих языком неоплатонизма и пантеизма, ничего не меняет в принципе: Мору, Кампанелле, Бруно неоплатонический язык был необходим для отмежевания от Церкви, которая превратилась из факела свободы, зажженного в первых катакомбах Рима, в нового фараона-угнетателя.

Возрождение как откат европейской мысли к домонотеистической философии знаменовало провал церковной попытки сформулировать теологический дискурс.

«Теология в Высшей школе», 30.11.2003

Неравенство

Один из вопросов, который мне задают, — это вопрос о неравенстве людей, вопрос о кастах. Для многих мусульман этот вопрос является странным и неожиданным.

Они привыкли к тому, что в исламе не существует каст, не существует неравенства.

Они думают, что все одинаковы перед шариатом, не может быть никакой дистинкции между верующими.

Разве что они отличаются богобоязненностью и усердием на пути Аллаха, а во всем остальном они абсолютно должны быть равны друг другу.

Это не так! Потому что святой Коран говорит о том, что люди не равны. Муджахиды, которые «выходят жертвовать своей жизнью и имуществом на пути Аллаха», не равны тем, которые «остаются поить водой паломников».

Одни пророки не равны другим, т. к. одни выше других степенями.

Знающие больше не равны тем, кто знает меньше.

Му'мины и *муслимы* не равны друг другу.

Это все формы неравенства.

Коран подчеркивает, что неравенство является динамической пружиной, некой силой, которая внутри нашего джамаатского пространства работает и действует.

Речь, конечно же, здесь не идет о кастах, как их понимают в индийском обществе. Индийское общество, будучи языческим, характеризуется тем, что оно детально разработало сторону глины, сторону глиняной манифестации человека. Человек сделан из разных типов глины.

Святой Коран указывает нам, что при создании человека были задействованы два типа глины: одна сухая и звучашая, другая влажная, взятая снизу.

Понятно, что при мультипликации этого в творении, при появлении многих разнообразных глиняных существ, пропорции глины меняются, они не являются постоянными величинами: у кого-то больше звучащей глины, а у кого-то больше глины, взятой снизу.

Упоминания о том, что есть муджахиды, которые жертвуют своей жизнью и имуществом, а есть те, которые остаются, и вообще — что есть муслимы, а есть оппоненты Всевышнего, *мунафики* и *кяфиры*, указывают на то, что спектр достаточно широк и есть множество различий между людьми.

«Степени человеческой глины в исламе», 04.11.2016

Ницше

Политическое значение Ницше (как особо противопоставленное его культурному и узко философскому влиянию) в том, что он впервые создал идеологическую базу для крайне правого либерализма. Общим местом является увязывание философа с германским национал-социализмом, объявление его предтечей фашизма и прочее. Не менее общим местом стала и «защита» Ницше от этих обвинений. (Впрочем, уже в начале века Ницше стал популярным автором в среде радикальной сионистской молодежи, так что Ахад Гаам вынужден был стыдить

увлекающихся соплеменников: «Ну, какие же из вас белокурые бестии?!...»)

Определенная связь ницшеанства с нацизмом есть, поскольку последний представляет собой в целом разновидность крайне правого либерализма.

Здесь законен вопрос: с какой стати мы пишем Ницше в либералы, хотя бы и крайне правые?

Либерализм, с нашей точки зрения, в своем фундаментальном отличии от традиционализма и религиозно-политического радикализма, основан на имманентном «жизнизме», утверждении непосредственной сиюминутной жизни как безусловной самодовлеющей (а в некоторых случаях и «вечной»!) ценности. У такого «жизнистского» подхода есть различные уровни и направления: от грубого экономического материализма до рафинированного экзистенциализма. Однако «Да», сказанное жизни как непосредственно переживаемому психобиологическому моменту, присуще всем спектрам либеральной антиметафизики.

Методологическая яркость Ницше в том, что он освободил либеральный «жизнизм» от последнего привкуса традиционалистского классического мышления.

«Заратустра последних людей», 25.08.2010

Ният (Намерение)

Ният — то есть утверждение своего намерения, свободной воли в самом позитивном аспекте — может быть неугоден Богу, и тогда Бог сбивает с пути тех, чьи, даже самые благие, намерения он не принимает.

Есть такой аят, что тем, кого Аллах приемлет, он уширяет грудь к исламу, а тем, кого он не принимает, он делает грудь узкой и закрытой (Коран, 6:125).

Коран жестко критикует человека: Коран, как и все Священные Писания, не является гуманистическим и антропоцентричным по своей сути.

Отличие Святого Корана в том, что нигде нет такой жесткой критики человека — Человека вообще.

Скажем, в языческих описаниях, в Ригведах, человек является мерой всех вещей, но в Коране Бог говорит: «Поистине

Мы сотворили человека из капли, а он враждебен определенно» (16:4).

Человек декларируется Богом как то, что ему противится. Потому что смерть и страшный смысл абсолютной свободы, по сравнению с которой мы просто являемся фигурантами и должны приносить себя в жертву этой свободе, — и она все равно будет реализована не нами, не для нас, не у нас, а Богом, для Бога, в Боге.

Мы являемся тем, что Бог создает для Себя, а не для нас.

Человек не может этого вынести.

Как бы он ни пытался быть «хорошим», он все время будет сбиваться на антропоцентризм, на постановку себя в центр вопроса, на представление о том, что Бог создает его для того, чтобы ему было хорошо, чтобы он получил благо в этой и будущей жизни.

Мы знаем, что это наиболее популярное, наиболее массовое представление, широко распространенное среди людей. Бог сотворил нас для того, чтобы мы получили блага за свое послушание Ему.

Надо внимательно читать Коран, и мы увидим, что там совершенно жестко сказано, что Бог сотворил нас, чтобы мы поклонялись Ему и приносили себя Ему в жертву (51:56), — потому что Он за нас победил то, что мы сами победить не можем.

Наша свободная воля от нас требуется, но нет никаких гарантий, что усилия этой свободной воли будут приняты.

Лекция «Судьба в исламе», 1997

«Новый год»

Я, в отличие от некоторых уважаемых экспертов, не считаю, что Новый год — это светский праздник.

Он, конечно, не Рождество, потому что Рождество хотя бы относится к личности признаваемого исламом Пророка хазрата Исы (мир ему) — реальной исторический фигуры.

Хотя другое дело, появился ли он на свет именно в это время, потому что Рождество подозрительно совпадает с днем рождения Митры, который уже является совершенно не монотеистической, не исламской фигурой, но его рождение связывается с зимним солнцестоянием.

И почему-то, под влиянием зороастризма, рождение хазрата Исы (мир ему) тоже приурочено к зимнему солнцестоянию.

Это символизм, который не имеет отношения к фактологии, а по фактологии никто ничего не может сказать.

Новый год — это просто праздник времени, чистый *дахр*. Время, которое является объектом поклонения язычников — например, неверующих бедуинов в Коране — выражается в периодической смене года.

И этот так называемый Новый год в данном случае является абстракцией: он не привязан ни к весеннему равноденствию — как Новый год в зороастрийской традиции, ни к зимнему солнцестоянию — как установилось в западной традиции, ни к символическому движению календаря, привязанного к фазам луны.

Это некая абстракция, которая просто отмечает тиканье длительности. Это культ длительности. А культ длительности — это культ наиболее опущенных, агрессивных материалистов-язычников, ультраязычников. Новый год абсолютно враждебен религии.

Дед Мороз становится фигурой-эталоном, через призму которой рассматривается любая сакральная фигура, любой сакральный образ. Неслучайно в западной традиции с наступлением века скепсиса и материализма Бога принято уподоблять Деду Морозу.

Не Дед Мороз становится божеством, а, наоборот, Бог рассматривается как Дед Мороз, как некая комическая фигура, стоящая на облаке, неадекватный, непонятный, всемогущий колдун инфантильно-клоунадного типа. Это демонтаж сакрального — что мы, естественно, связываем с культом времени в чистом виде. Это неоязычество, которое лишено метафизической глубины и даже не является материалистическим в буквальном смысле. Оно скорее является тотальным скепсисом даже по отношению к собственным теориям реальности.

«О Новом годе и культе опущенных материалистов», 29.12.2014

Главным праздником советского человека был и остается Новый год. Понятно почему: он не имеет отношения к идеологии, к «7 ноября» и «1 мая», от него не коробило тех, кто держал

фигу в кармане, да и блюстители идеологической чистоты могли расслабиться заодно с простыми «хомячками» под бой курантов.

С другой стороны, Новый год как бы намекал на некоторое обновление, на брезжущую надежду, что завтра все может быть по-иному, то есть в этом празднике, помимо его политической «обнуленности», была и чисто человеческая, где-то даже «гуманистическая», составляющая.

Но, вообще-то говоря, Новый год — это праздник Времени. Времени в чистом виде.

Раньше, в традиционном обществе, счет годов маркировался в тех цивилизациях, которые исповедовали культ солнца и космические сезоны, теми или иными астрологическими событиями. Наиболее известным до сих пор является «Навруз» — начало нового года, совпадающее с весенним равноденствием.

В либеральном посттрадиционном обществе даже такие «космистские» намеки и смыслы убраны: новый год, который наступает в ночь с 31 декабря на 1 января, не связан абсолютно ни с чем — ни с мифологическими фигурами культурных героев, ни с космическими событиями... Как есть чистое время!

Однако для мусульманина это отнюдь не безобидная нейтральная вещь. «Время» — это другое название Рока, слепой и беспощадной силы, которая ходит по кругу, ничтожа все сущее.

В Коране эта сила называется «*дахр*», и бедуины, отвергая обращенный к ним призыв единобожия, заявляют: «Мы живем и мы умираем, и убивает нас только время (*дахр*)» (45:24).

Согласно зороастрийской доктрине, каждый день есть особая самостоятельная сущность, имеющая своего ангела. Строго говоря, зороастриец может праздновать каждый день в году, воздавая почести ангелу этого дня.

Но, если говорить серьезно, временная «ангелология» из зороастризма целиком перешла в христианство, и новорожденных там называют в честь ангелов того дня, в котором они родились, хотя роль этих «ангелов» играют персонажи религиозной истории — святые.

Само слово «святой» имеет индоевропейский корень и также является ключевым термином зороастризма и манихейства — *«свента». Свента-Манью* — это Святой Дух, Спаситель, обычно изображаемый в виде белого голубя — одно из лиц зороастрий-

ской троицы, состоящей, кроме него, из бога-отца Зервана и бога-сына Ахура-Мазды, которого европейцы знают под именем Ормузд.

Кстати, одна из его манифестаций — Митра — имеет при рождении человеком свой «день ангела»: 25 декабря.

На митраистских иконах он изображался юношей-пастухом с агнцем на плече (то есть возвращающим заблудшую овцу в стадо). Иначе говоря, и эта дата заимствована христианами и приписана рождению нашего Пророка Исы (да благословит его Аллах), потому что у евреев был лунный календарь, и даты по солнечному календарю там просто не фигурировали.

Походя отметим, что иудеи, как единобожники, вообще не отмечали дней рождения — это строго иранская традиция.

Итак, Новый год — это праздник времени-дахр, которому поклоняются полностью освобожденные даже от намека на сакральный смысл «духовные» потомки бедуинов (со времен ниспослания Милосердного Корана, «бедуины» стали синонимом и олицетворением религиозной тупости и животного цинизма. Аллах (Свят Он и Велик) говорит о них в своей книге, что они хуже животных).

Что же касается *«фраварти»*, или ангела, относящегося к первому января — дню, когда ничего не происходит, потому что все адепты этого ритуала находятся в тяжелом похмелье, — это ангел обманутых надежд и горького сокрушения.

Ибо каждый очередной год, с которым и советская «ботва», и их «отцы-командиры» связывали свои робкие ожидания, оказывался если и не безусловно хуже, чем предыдущий, то по-своему не менее ужасный.

Были конечно веховые годы в истории профанизма, победившего на одной шестой, но каждая такая веха вбита в целое озеро крови.

Следует признать, что переход с 31 декабря на 1 января — одна из самых зловещих из регулярно повторяющихся дат в истории человечества.

Разумеется, то, что является бедствием для обитателей Содома и Гоморры, с точки зрения праведного Лота, — лишь постигшая этих мерзавцев участь.

«С Новым годом, с новым ширком», 2013

Ночь

Все язычники стоят на платформе монизма, а не монотеизма.

Когда мы говорим «многобожники», мы имеем в виду тех, чье мировоззрение подразумевает тождество части и целого, отдельного феномена и универсального всеобщего. С точки зрения многобожника, любую пылинку поддерживает Абсолют — весь целиком, и поэтому пылинка исчезает в Абсолюте, так и Абсолют исчезает в пылинке.

Это монизм.

Монотеизм исходит из того, что «Он» (Единый творец — Всевышний) противостоит всему, что не есть только он сам: все, что существует, есть не-Бог, а, стало быть, все сущее на фундаментальном плане есть неведение о Боге, некая ночь, которую Откровение называет Ночью Возможности, потому что «*кадр*», который обычно переводится как могущество, имеет значение возможность, потенция.

Речь идет о непроглядной ночи, которая есть чистое неведение.

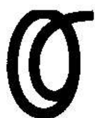
Всевышний отправляет туда Дух для того, чтобы реализовать свою провиденциальную мысль, которая осуществляется в акте преодоления и уничтожения самого факта этого неведения о Боге, которое совпадает с творением как таковым.

Поэтому монотеизм есть всегда движение от «Всего» (которое в себе едино универсально и лишено света, знания, духа, является чистой «лишенностью») к противостоящему этой бессмысленной универсальности непостижимому Единому.

Это движение от всеобщего к уникальному, от известного бессмысленного к неизвестному Смыслу называется *таухид*, т. е. диалектический динамический процесс движения Духа к отождествлению с полюсом единственности, уходя от полюса всеобщности.

Таким образом, монотеизм — это враг монизма, *таухид* — это враг *вахдат*. Но это уже требует специальных знаний эзотерической семантики арабского языка.

Вопросы Гейдару Джемалю от Евгения Мирошниченко, 22.10.2013

Образование

Когда мы разъясняем необходимость образования, то говорим обычно: «Без этого нельзя стать полноценным человеком». Образование в нашем понимании — это путь к раскрытию и реализации человеческого потенциала, к тому, чтобы из родившегося «чистой доской» новорожденного сделать не какого-нибудь Маугли, а полноценного представителя своей цивилизации.

Вот здесь-то и находится камень преткновения. Что воспроизводится с помощью образования — личность или система? Мы обычно считаем, что личность, которая может раскрыться, только усвоив картину мира и набор профессиональных навыков, достигнутых нашим обществом. Но есть не менее обоснованная позиция системы, которая нуждается в своем воспроизводстве, формируя соответствующих членов общества из сырого человеческого материала.

То, что к действительности ближе вторая точка зрения, подтверждается постоянным бунтом каждого очередного юного поколения против тесных рамок той матрицы, в которые его загоняют. В человеке изначально есть нечто, сопротивляющееся видению мира, способу мышления, которые навязываются ему его средой с момента появления на свет. Конечно сил на бунт хватает только в молодые годы, пока еще не завершен процесс формирования и «замораживания» конечного продукта.

Система, однако, не желает мириться и с таким ограниченным возрастом и возможностями протестом. Поэтому современное образование представляет собой ловушку для тинейджеровского бунта.

Современное образование не дает более в авторитарном порядке жесткую картину мира, за ошибки в усвоении которой бьют линейкой по пальцам. Оно теперь предлагает на выбор несколько вариантов ответа, один из которых правильный. Усвоение картины мира идет в форме игры, в которой юное создание должно угадать правильный ответ как выигрышный номер в лото. В таком формате преподавания картина мира

исчезает, зато и протест против нее рассеивается — нет того, против чего можно возразить. Собственно говоря, не возникают при этом и профессиональные навыки: ведь если сведения об окружающем мире угадываются по типу игры в казино, то в итоге не может возникнуть знающий что бы то ни было человек.

Система добивается посредством такого образования специфического результата: с одной стороны, в жизнь вступают гиперконформисты, лишенные всякого стимула к самостоятельной позиции и воспринимающие все происходящее как вращение колеса фортуны: повезет — не повезет.

Это новое поколение восприняло бы школьные учебники своих отцов и дедов как безумную конспирологию! С другой стороны, система получает в лице этих новых членов общества непрофессионалов.

Они отлучены от всякой возможности производительного труда или организованного творчества. Единственная сфера, в которой они могут найти себе применение, — это потребление и основанные на нем хаотические социальные связи.

Поскольку при таком подходе подавляющее большинство этих людей обречено остаться профессиональными неудачниками, они вынуждены зависеть от кредитования их потребления.

Благодаря этому система получает в их лице идеальный «социальный низ»: зависимых от кредита паразитов. Однако, с другой стороны, система не может решить с помощью такого человеческого материала ни одной серьезной проектной задачи, не может предпринять ни одну фундаментальную инновацию.

Таким образом, новое постмодернистское образование со всей неизбежностью ведет систему к цивилизационному застою. Именно поэтому научно продвинутые центры Запада все больше полагаются на экспорт мозгов из «третьего мира», где передача знаний еще не подверглась постмодернистскому разложению.

«Кризис реальности», 2008

Общение

Общение есть одна из форм дегуманизации — причем кардинальных форм дегуманизации.

Раньше мы говорили о том, что формой дегуманизации или прямым инструментом дегуманизации является комфорт. Но

ведь одним из фундаментальных инструментов комфорта, как ни странно, является именно общение. Потому что именно в общении рождается чувство защищенности, чувство протектированности, чувство отведенности от тебя рисков.

Если мы берем широкие круги, там общение как бы разрушается.

А в узких элитных кругах общение очень ценится.

И в этом общении людей, которые присваивают себе много прибавочного продукта и комфортно сидят в холле «Хилтона» за бокалом хорошего «Хеннесси», — это общение является не просто составной частью, оно является опорой комфорта.

Невербальные моменты коммуникации между своими — это один из таких могучих инструментов отделения своих от чужих.

Когда эти люди вынуждены обращаться к тому, кто находится за пределами их круга, то они переходят (они же не могут говорить тем языком, который является общением со своими) на язык посткоммуникации. Удивителен в этом плане некоторый мой опыт с американскими сенаторами, которые приезжали на медиафорум в Алматы сразу после избрания Обамы: американцы довели посткоммуникацию до совершенства. Кстати говоря, Обама — это тоже образец посткоммуникации, блестящий образчик посткоммуникации.

...Слово — даже в той форме, в которой мы этим словом располагаем, — необязательно является инструментом общения. Потому что слово можно рассматривать как знак: то есть помахать кому-то рукой, «кирпич» повесить при въезде в переулок...

Но ведь можно слово рассматривать как некий образ, в который можно уходить как в зеркало того, что это «не-я», и вот когда оно становится зеркалом, то раскрывается полнота и богатство внутреннего значения этого образа.

Ты уходишь в это «не-я» как в сложную структуру, которая не нуждается в том, чтобы ее сообщать кому-то, излагать что-то по его поводу.

Почему филологи так любят сидеть со словарями?

Я лично люблю уходить в словари и работать со словами.

Слово есть необязательно инструмент общения, оно двойственно. Оно может вести либо в созерцание, либо же в такой оперативный знак, который просто нужен ситуативно.

«Общение и мышление: взаимоисключающие функции», 2016

Общество

Люди привыкли к тому, что общество является мерилом всего — жизненного смысла, благополучия, успеха... Никто никогда не мыслит себя вне общества — точнее, те, кто на это посягают, рассматриваются как изгои.

Уже Аристотель утверждал: «Человек — это общественное животное». Через две с лишним тысячи лет Ленин добавил: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Двух этих примеров достаточно, чтобы показать, что никто и никогда не брал сам принцип общества под сомнение!

Так ли уж никто? Христос брал! Ибо союз его учеников есть не что иное, как прямая альтернатива обществу, существовавшему в тот момент, — братство взыскуюших смысл.

Именно с непониманием природы общества — непониманием, которое закладывается в каждого из нас с рождения — связаны иллюзии самых разных людей, от консерваторов до революционеров, о том, что общество может быть «хорошим» или «плохим», что общество можно «исправить», что «плохое» общество ответственно за появление «плохих» людей и т. д.

Для людей общество де-факто стало богом или его эффективным заменителем, на которого они молятся, от которого ждут решения всех вопросов бытия. Но как жестокий идол, равнодушный к крови, которая проливается по его подножию, общество игнорирует чаяния тех, кто его «составляет»: оно существует для иных целей.

В отличие от животного, человек, вброшенный в природную реальность, не проживет и дня или будет влачить самое жалкое существование, которому не позавидуют и звери кругом. Вокруг него свирепствует ледяной хаос, движение от раскаленной плазмы в начале творения к абсолютному нулю в его конце. Животные выживают за счет встроенности в экологическую нишу. У человека таковой нет. Он стоит посреди продуваемой ветрами земли, «на юру».

Общество есть отчужденный от человеческой души механизм, который перекачивает соки жизненной энергии каждого из нас, превращая их в плату за жизнь, плату беспощадному бытию.

Человеческое время есть в фундаментальном смысле плата за Бытие. Общество обречено взимать с коллективного человека

эту плату во все возрастающем количестве — стало быть, обречено любыми способами повышать стоимость единицы индивидуального времени. Поэтому в течение всей истории общество заставляет людей во все большей степени жертвовать ему своей человеческой породой, мобилизовываться во имя призрака защищенности и комфорта.

Сегодняшний кризис — лишь эпизод во всеохватном кризисе, порожденном неснимаемым противоречием между личными целями человека и совершенно безразличной к этим целям сущностью общественного механизма.

«Кризис реальности», 2008

Община

Ключ к пониманию того, что такое община, содержится в понятии братства. Это взрывное, сокрушающее понятие, которое вместе с тем амбивалентно.

Есть братство, которым повязаны те, кто телесно прошел одни и те же родовые пути. Такие братья объединены общим для них чревом матери. И конечно это физическое кровное братство кое-что может.

Однако оно представляет собой антитезу подлинного братства, где братья не входят в мир через единое чрево, а уходят из этого мира через единую для них общую могилу.

Союз смертных всегда помнит о том, что подлинное происхождение революционной знати проявляется не через вагину в начале, а через разверстую яму в конце.

«Почему бессмысленно проектирование идеального общества?», 2016

Община — это группа людей, которые, будучи захваченными обществом в клетку, создают братство, чтобы не делиться своим временем с этим обществом, не отдавать индивидуально свое время обществу.

Община — это заговор людей, у которых отняли все: их заставили пахать, их заставили быть рабами, их лишили свободы, их лишили возможности перемещаться с места на место.

Но они встали на том, что они вместе будут держать оборону против большого социума.

В этом смысл русской общины. Именно поэтому она привлекала к себе Бакунина и народовольцев, именно поэтому ею интересовались эсеры. Если бы это была рациональная каста взаимопомощи людей, которые просто поставлены на край выживания, то она бы не представляла собой никакого духовного интереса. Но она привлекала вновь и вновь даже тех, которые ничего не понимали в тайной диалектике общины.

Но это община людей, которые закабалены, это община людей, потерпевших поражение, это община, можно сказать, практически возникшая на зоне — вопреки воле ВОХРы и начальства.

А мы говорим об общине, которая возникает за пределами города и которая ведет вооруженную борьбу за город — Иран и Туран.

Вспомним, к слову, печальную судьбу фараона, который погнался за такой общиной, изошедшей из Египта, потому что она хотела порвать с этим обществом, порвать с этим отчуждением времени, и вспомним, что космос — непосредственно в виде Красного моря — выступил на стороне общины против того, кто непосредственно представлял Великое Существо.

«Новый пролетариат и всемирный град Божий», 2008

Огонь

Герой вынужден идти по традиционно-мифологемной стезе, титанической линии... Прометей, будучи титаном, бросил вызов олимпийцам, забрав у них огонь и передав несчастным жалким тварям, трясущимся в пещерах убогим голым обезьянам, которые еще даже не назывались людьми.

Он передал им этот огонь — от полюса абсолютной силы, самодостаточности и сияния позитивного бытия к полюсу биологического дауна, бесперспективности, вязкой глины, жалкости.

Можно сказать, что он взял святыню и бросил ее псам, пользуясь евангельским выражением. Огонь от олимпийцев передал вот этим тварям.

После этого он был свирепо наказан, и было бы глупо подозревать, будто Прометей не понимал, во имя кого он действует, кто такие люди, на кого он посягнул, на что замахнулся: конеч-

но, он хотел в первую очередь оскорбить огонь сам по себе как принцип.

Огонь у богов не предполагал использования для обогрева и приготовления пищи и тому подобное: это было кощунственное, святотатственное снижение огня как сакрального принципа.

Потом, это был жирный плевок в сторону олимпийцев, которые этот огонь хранили не для того, чтобы на нем варить пельмени.

Это была мощная акция по демонтажу сакральности с полным пониманием того, что за этим последуют чудовищные мучения и чудовищная деструкция.

Но тем самым Прометей создавал новую трансцендентность — вернее, он впервые создавал трансцендентность. Обменивая свой статус, свой особый мощный потенциал, свое реальное существование на демонтаж сакрального — того, что выше его, — с сознательным принятием тех мук, на которые его обрекали, он создавал трансцендентность несравнимо более высокую, чем та сакральность, которую он уничтожал при этом.

Возникало общество, освобожденное, эмансипированное от тягот существования в космосе за счет огня, новых технологий — общество, на которое, собственно говоря, Прометею было глубоко наплевать.

Он поступил так не потому, что хотел чего-то хорошего и ему стало жаль этих убогих тварей. Он просто воспользовался ими как инструментом собственного освобождения, которое пролегало через приковывание к скале и выклевывание печени орлом.

«Поэма для героя», 14.06.2006

Олимп

На верху Олимпа бессмертные боги — существа, в каком-то смысле укравшие право там быть. Если мы обратимся к изучению конкретных греческих мифов, то увидим, что олимпийцы поселились наверху в результате генетического обмана, уходящего в самые истоки генеалогии богов.

Есть внизу страшное тайное чувство, что те причины, по которым верх является верхом, в плане высшей справедливости недостаточны, чтобы верх делать верхом.

Титаны — это мегаломаны, которые противопоставляют узурпационному порядку собственное представление о величии, собственную силу, собственную бездонность.

Они бросают страшный вызов этому неизменному порядку вещей, который оказывается тайно учрежден на подлоге.

Титаны проигрывают, потому что просто мощи, просто величия, просто огромной кипящей ярости оказывается недостаточно, чтобы оспорить иерархическую структуру онтологии. Исчерпание хтонического вызова титанов приводит нас к новому витку противостояния.

На смену титану приходит герой.

Он бросает вызов уже не олимпийцам.

Герой выходит на тот уровень постижения, когда ему ясно, что и олимпийцы являются паяцами реальности, игрушками гораздо более могущественной силы, которая сотрет и их в конце цикла.

Что сотрет олимпийцев? Рок, вращающееся неумолимое небо, вращающаяся вечность. Олимпийцы — просто световые шуты, смеющиеся, но обреченные.

Герой наносит удар в корень проблемы.

Он бросает вызов Року, небу или тому, что стоит за небом, — вечной бездонной тьме, которая составляет саму суть реальности, всегда тождественной себе.

Герой бросает вызов Року.

Он проигрывает, потому что Року не может противостоять ничто. В роке заключена «ужасающая сила негатива», по выражению Гегеля.

Но сам факт того, что герой бросает этот вызов, создает предпосылку или базу для некоего нового тайного понимания: есть возможность невозможного. Эта возможность будет осуществлена не титаном и не героем.

«Революция пророков», 2003

Олимпиада

Олимпиада — религиозное событие в сугубо языческом контексте.

В либерально-секулярную эпоху конца XIX и XX веков о ее религиозном смысле забыли.

Это казалось «не относящимся к делу».

Нельзя забывать, однако, что мы живем в эру Нью-Эйдж.

Утерянные было шаманские, языческие смыслы возвращаются публично.

Многие мероприятия так буквально и называются: «в честь олимпийских богов!».

Вещь невозможная ни в каком смысле на Олимпиаде-80.

Интересно, кремлевская публика, стоящая со свечками в ХХС, понимает, что происходит? Этот Нью-Эйдж — замечательный комментарий к христианству российской власти.

Нечего и говорить, что для мусульманина участие в Олимпийских играх — все равно что для нераскаявшегося буддиста хадж в Мекку.

Если какие-то мусульмане по недомыслию принимают участие в этом хеппенинге, они должны внимательно прочесть посвящения олимпийским богам.

После этого, вероятно, стоит серьезно поразмыслить над своей идентичностью.

Однако все эти эстетические соображения — так, крем на торте...

Суть же в том, что такое мероприятие, как Олимпиада, открывает глаза на то, что такое мировой порядок.

По миру бродят стада людей с дворовой психологией. Я имею в виду ребят с одного двора, которые собираются бить ребят с другого двора.

«Эстетика новогодней елки за $ 50 млрд», 09.02.2014

Онтология

Онтология для меня — это интеллектуальная практика и методология в описании бытия...

Есть два подхода к бытию. Один подход — классический, который говорит, что после того, как мы элиминируем все атрибуты, всю феноменологическую часть, то тот неисследуемый и неустановимый остаток, который остается после того, как все устранено (то есть холодный, сладкий, теплый и прочее, условно говоря), вот то, что сущностно положенное, о котором задавался вопросом Кант («как оно на самом деле положено?») — что оно и есть как бы бытие. Это один момент.

Второй момент — это то, как подходит монотеистическая теология к вопросу. Она подходит следующим образом: если мы говорим о Всевышнем как о всецело трансцендентном, то мы должны признать, что существует некая концепция бесконечного вне Его, которая и есть бесконечное неведение о Нем. То есть это бесконечное неведение — как то, что язычники называют «Брахман» или каббалисты называют «Эйн Соф», — некая изначальная бездна всеединства, которая есть несамодостаточная позитивная бездна как фундамент всего, она есть бездна чистого неведения о Всевышнем как об абсолютно трансцендентном.

Поскольку эта бездна несамодостаточна, то есть она построена на чистом негативе, она не может проявляться в самостоятельном виде, поэтому она проявляется как конечное, которое она тут же отрицает.

Конечное и возможное — это одно и то же.

...Все конечные вещи повторяются друг в друге как в зеркалах — возникает всемирный водоворот возможного — и, отражаясь друг в друге, становятся принципиальными идеями; создаются фундаментальные идеи, соприсутствующие на всех уровнях, которые представляют собой глобальное наведенное бытие — этот феномен, который мы принимаем за позитивную бесконечность.

Потому что мы стараемся исключить из своего сознания, что за спиной этого позитивного бесконечного, которое на самом деле ложное бесконечное (бесконечное состоящее из неограниченной суммы конечных) — за спиной этого стоит бездна неведения о Всевышнем, которая является отрицательной формой Его предшествования и присутствия до момента творения.

После чего это бытие является продуктом ограничения этой первой бесконечности, то есть оно является первым продуктом творения.

И после этого в него вбрасывается семя этого луча, которое находит там человека.

Потому что в бесконечном кипении этих идей, которые отражаются друг в друге, существует уровень, где проявлен Адам.

Он проявлен в достаточном удалении от глобального Бытия, но не так далеко вниз, чтобы быть аморфным каким-нибудь демоном, — он находится в середине.

Вот в эту середину падает луч внимания сокрытого за завесой этой тьмы Всевышнего, который делает Адама инструментом и который должен преодолеть это бытие как некое ложное наваждение, как объект.

Потому что объект — это ничтожащая вещь. Объект и Субъект находятся в абсолютной войне между собой.

Это как весы — если объект есть, то субъекта нет, если субъект есть, то объекта нет. Но дело в том, что общество, которое заменяет объект, является не субъектом, оно является ложной заменой, является второй ложью.

То есть психологизация или социализация бытия — это не победа над бытием, это не победа субъекта, а деградация. Мы должны вернуть объекту его подлинную, независимую, агрессивную природу, чтобы победить его именно как объект, а не как социальный фантом.

Хайдеггер пытался это сделать, но, на мой взгляд, не очень у него это получилось. Он пытался вернуться к чистому бытию, к метафизике бытия от социологического, социального, психологического и прочих форм эскапизма.

Потому что человек уходит от конфронтации с объектом, который ему непонятен и враждебен. Уходит, потому что на каком-то этапе он благостно относится к объекту, а потом он понимает, что объект — это то, что его ничтожит, это камень, который давит ему на грудь. Потом он говорит, что это не камень, а некое представление в системе наших коммуникативных отношений, то есть это продукт нашей коммуникации. Но это попытка эскапизма. Вернуть этот камень, чтобы сбросить его с груди, потому что до тех пор, пока мы думаем, что он нам снится, мы не можем его сбросить.

«Анатомия молчания», 2011

Осетино-ингушский конфликт

Само название «осетино-ингушский конфликт» уже содержит в себе ложь и демагогию. В основе основ лежит конфликт федерального Центра с народами России.

Это Кремль в 1992-м — следуя кровавой практике Горбачева — организовал и развязал конфликт на Кавказе, чтобы прикрыть рывок либерально-монетаристского лобби Ельцина —

Гайдара — Чубайса к бесконтрольному господству над развалинами бывшего СССР. Осетинским кулаком, поддержанным федеральным железом, надо было нанести удар по вайнахам, имея в виду генерала Дудаева в Ичкерии и собственного «федерального» Хасбулатова с его чеченской партией в Москве.

«Борзые вайнахи» могли реально стать капитанами российской экономики — и тогда кто бы купил клуб «Челси»?

Осетины, как и при царизме, взяли на себя неблаговидную роль полицаев при оккупанте.

Но «курку и яйку» заказывали себе не они, а те, кто сделал «цап-царап махен» в масштабах от Балтики до Сахалина.

Удивительно, что акции самого вопиющего в истории разбоя противостояла кучка ошельмованных и оплеванных со всех сторон вайнахов.

Плохие ли, хорошие, честные или со своим интересом на уме, но они оказались единственными на территории одной шестой, кто бросил «банде Ельцина» вызов.

Вот за это их и умыли кровью, по возможности уничтожив их жилища и выгнав, где получилось, с их собственной земли.

Сегодня настало время для трибунала.

Преступления, совершенные против ингушей, — это преступления против человечности, не имеющие срока давности.

Нужно восстановить картину и детально проследить долю конкретной вины тогдашних федеральных политиков, чиновников и, разумеется, их осетинских пособников на местах.

«Ингушетия. орг», 08.02.2007

Отверженные

В России на роль «отверженных» избраны мусульмане.

Это устраивает правящий класс, поскольку он может выслужиться перед американским хозяином, для которого борьба с мировым исламом — вопрос собственного выживания.

Кроме того, мусульмане, в силу своей религиозно-культурной специфики, являются потенциальным материалом протеста и не отождествляют себя до конца с установленным режимом и его оболванивающей пропагандой.

Именно поэтому спецслужбы России развернули широкомасштабный проект, в котором главную роль играют так на-

зываемые «террористы» (террористки), призванные оправдать в глазах населения любые репрессивные меры по отношению к российским гражданам мусульманской конфессии.

По такому же сценарию осуществлялся в 1999-м прорыв Путина к власти с одновременным изменением социально-психологического и правового климата в стране («взрывы домов»). Эта же модель, кстати, была применена американской администрацией 11 сентября 2001 года, чтобы оправдать объявление «крестового похода» против мирового ислама, а на самом деле — за установление американского мирового господства.

То, что происходит в России сегодня, — не столь масштабно, как в 99-м или тем более 11 сентября в США.

Тем не менее есть качественный сдвиг, который сполна перекрывает кажущуюся периферийность эпизодов.

Женщин в платках, соответствующих исламскому установлению хиджаба, проверяют в метро, не допускают в общественные места.

Вместе с тем известно, что «террористки» были одеты так же, как стандартные москвички: без платков, в коротких юбках.

Власть не интересует логика.

Власть также намеренно игнорирует тот факт, что в Чечне идет не религиозная, а национально-освободительная война, и что женщины, мстящие за погибших родственников, скорее всего, не имеют никакого отношения к политическому исламу.

Власть интересует только изоляция исламской общины в масштабах всей России, и для этого она пользуется наскоро сляпанными «постановками», не особо заботясь о методе Станиславского.

«Апартеид в России», 30.07.2003

Отечество

Если же мусульмане стремятся выйти из-под контроля немусульман — то это самая суть ислама, проявленная Авраамом, ушедшим из Ура, Моисеем, потопившим фараона, и наконец Мухаммадом (да будет мир и благословение над ним и всеми пророками!), совершившим хиджру.

Но уже последний Пророк человечества после хиджры вернулся обратно, потому что, в отличие от предыдущих пророков, имел такую возможность.

А в современном мире хиджру и вовсе совершать некуда.

Поэтому ислам должен объединять, во-первых, самого себя, во-вторых, вокруг себя всех, кто на стороне справедливости против тирании.

Лояльность к любой империи или государству, даже идеологически близкому (не говоря уже о враждебных), не может быть выше лояльности исламу как духовному отечеству всех угнетенных.

7 вопросов Руслана и ответы на них, 21.02.2006

Откровение

Для того чтобы человек узнал о том, что в нем есть нечто, не совпадающее ни с чем, что он видит, ни с чем потенциально могущим быть заданным для него как для чувствилища — для этого нужно Откровение.

Откровение потому и дается, что оно приходит из внереального, из невозможного.

Это тот мост или та вольтова дуга, которая соединяет «невозможное» как источник с черным бликом внутри, который этим «невозможным» отброшен вглубь этого бытия, частью которого я являюсь.

...В реальной жизни нет никаких сил, которые бы человека вывели на понимание того, что такое сознание. Даже если ему показать, что это сознание у него реально есть и работает, он этого не поймет. А показать это можно очень просто.

Каждый испытывал шок, когда вошел в темную комнату, где думал, что он один, и вдруг кто-то зашевелился сзади или положил ему руку на плечо, и его подбросило на полметра от испуга.

Это чисто электрическая вещь.

Что происходит в этот момент? Человек встречается реально с этой самой скважиной в себе, со своим истинным, внутренним «я», которое является точкой несовпадения ни с чем.

...Это может быть в разной ситуации: вошел в темную комнату, вошел в пустой дом или сидел у костра и отошел от освещенного пространства куда-нибудь в скалы, и вдруг в кустах что-то зашевелилось — испытываешь шок.

...И когда появляется идея другого, происходит момент ужаса, схлопывание, когда внезапно этот другой оборачивается тобой, твоим глазом, который смотрит.

То есть ты встречаешься с черной амальгамой зеркала. Ты представляешь собой зеркало, и зеркало обнаруживает, почему оно отражает: потому что у него сзади черная амальгама, не пропускающая свет.

Оно ведь ничего не видит, кроме этой черной амальгамы, и в какой-то момент зеркало начинает воспринимать только черную амальгаму, себя.

Это длится доли секунды, и если это продлится чуть больше, то человек умрет, потому что это его разносит.

В этот момент он действительно обнаруживает природу собственного сознания и природу смерти.

Но он не успевает ее осознать, потому что тут же все проходит и остается только адреналиновый всплеск, который оседает.

Но то, что называется *«сатори»* — это разбавленное раз в сто состояние шока, испуга. То, что буддисты ищут в качестве дикого кайфа, ради которого они приехали — шок, но разведенный один к ста.

А для радикала — это просто знак, который он должен интерпретировать, но уже задним числом, когда он опирается на откровение.

А так, ведь практически каждый это испытал.

Ну и что толку?

Разве кто понял, что он испытал встречу со своим гносеологическим центром, со своим свидетельствующим «я», со своим свидетельствующим сознанием?

Да никто ничего не понял. То есть невозможно без опоры на Откровение принять участие в провиденциальном замысле как в сюжете.

А что значит не принять участие в провиденциальном замысле как в сюжете, а быть «все понявшим»?

Это означает следующее: на сцене идет «Гамлет», а ты из зрительного зала вышел и начал кривляться перед зрительным залом и сценой, повторяя жесты актеров, воспроизводя реплики, абсолютно не понимая, что это пьеса, которая поставлена режиссером, что она несет в себе определенное послание.

А есть такие сумасшедшие, фрики, — когда что-то происходит на сцене, они выбегают и как бы начинают тоже участвовать в этом, начинают что-то воспроизводить...

«Предпосылки радикализма», 2013

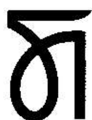
Ошибка

Информация выступает как структурирование мышления, где ошибка доминирует над истиной. Если понимать под истиной некие аксиомные, априорные постулаты мышления, то информация есть форма структурирования сознания, где организованный ею поток внутренней вселенной становится чистой виртуальной реальностью.

Это приводит к тому, что при господстве информационного общества ошибка является доминантной самовоспроизводящейся системой, в которой разница между виртуальным и действительным полностью ликвидируется.

Общество, управляемое информационными потоками и технологиями, становится обществом солипсистов, а это предел абсолютной несвободы.

«Смерть как знак Бога», 01.01.1995

Палестина

Нужно понимать, что тема еврейского государства неотъемлема от палестинского вопроса, потому что это психопатологический тандем «жертва–палач». Начиная с 1945 года еврейство выступало в качестве монстра и лагерного вертухая на зоне, где содержались неэмигрировавшие остатки палестинского народа. При этом, как крошка Цахес, еврейское государство было «душкой», на которую не позволяло ни дунуть, ни косо посмотреть все мировое либеральное сообщество во главе с США.

Бальтазар выдрал три красных волосика из Цахеса, и мир обнаружил гнусного злобного карлика.

Проблема — на первый взгляд парадоксальная — в том, что одновременно с резкой маргинализацией «Израиля» (и еврейства в целом) маргинализовалась также и Палестина.

Невозможно пройти вдоль столь важной темы, не посвятив ей по крайней мере несколько соображений.

На протяжении 70 лет комплекс «жертва–палач», в котором были замкнуты друг на друга «Израиль» и Палестина, был точкой сборки антирадикальных и антиисламских сил в пространстве мусульманского мира.

На первый взгляд может показаться, что это противоречит известным фактам. Тут можно вспомнить и группу Баадер-Майнхоф, и японскую Красную армию... Наконец, есть Карлос Рамирес Санчес, который до сих пор томится во французской тюрьме...

Однако более пристальное вглядывание открывает, что дело Палестины было политическим базисом, на котором строилась легитимность секулярного арабизма, «постисламизма», который позировал в роли оппонента неоколониальной западной системы, будучи на самом деле ее следствием и политическим инструментом.

Советский Союз, социалистический лагерь остро нуждались в опоре на эту дихотомию «палач–жертва». Эту эстафету подхватил у коммунистического лагеря Иран.

Апелляция к Палестине — это единственное, что помогает скрыть вопиющий абсурд клерикализма, который претендует на то, чтобы выступать от имени ислама.

Но ведь есть же, наконец, ХАМАС! Да, какое-то время Исламское движение Палестины помогало перебросить мостик от фальшивого советского «антиимпериализма» к собственно исламскому миру.

Именно поэтому глобальное общество намертво стояло на том, чтобы не признавать легитимность ХАМАС, а Ирана было категорически недостаточно, чтобы сделать ХАМАС действенным фактором.

Однако потом — крушение «Братьев-мусульман» в Египте и гражданская война в Сирии сняли ХАМАС с актуальной повестки.

Вот почему радикальные джихадисты не упоминают о проблеме Палестины: до сегодняшнего дня эта тема продолжает оставаться экзистенциальным аргументом леволиберальной части «старого порядка» (1945—2015 гг.).

«2015», 20.09.2015

Пантеизм

Мы стоим на обратной от пантеизма позиции, которая в качестве фундаментального критерия, метафизической площадки берет отрицание пантеистического тезиса о том, что Бог везде.

Мы отрицаем вездесущность Бога, которая сочетается с Его отождествлением с объективной реальностью.

Неважно, берется ли она на спиритуалистической или материалистической основе.

У пантеизма есть два полюса.

Первый — спинозизм, отождествляющий полюс манифестирования мира с существованием, которое рассматривается как обладание личностью неотъемлемого качества самопредставления о существовании.

Существование вечно, бесконечно, поэтому оно ничем не отличается от тех категорий, которые выдвигаются в качестве описания природы Бога.

Спиноза, будучи иудеем и нетождественным по своим корням чисто европейским мыслителям, проговорил европейский

секрет. То, о чем Платон говорил красиво, Спиноза, последовав чеховскому совету, стал говорить некрасиво, в результате чего выболтал этот секрет.

Для европейца никакого Бога как личности не существует.

Для него Бог всегда сводится к Абсолюту и является в лучшем случае псевдонимом. У Фомы Аквината это просто очевидно, у Аристотеля это очевидно, это достаточно четко звучит у Николая Кузанского. Для них Бог и Абсолют — это синонимы. А Абсолют — это объективная категория. Это парадигма некоего безусловного и безальтернативного объекта.

Потому что субъект уже сам в себе содержит характер противопоставления, он уже предполагает некую антитезу, эта антитеза заявлена в откровении пророков.

Но в христианстве сложилось так, что, номинально апеллируя к этому откровению, мысль опиралась не на них, а на эллинскую традицию, а также на митраизм, который был распространен до принятия христианства по всей Римской империи.

Так называемая христианская теология — это митраизм чистой воды.

Это история нисхождения Ормузда в мир тьмы и спасение света, его захват силами тьмы и распятие, посылка Бога — Духа Святого, который нисходит, освобождает Ормузда, и они с остатками света поднимаются наверх, как в сцене света Фаворского в момент Преображения Христа.

Они поднимаются — и здесь остаются еще крупицы света, которые надо доспасти практикой аскезы, вобрать их в себя и выйти из этого мира тьмы.

Если посмотрим на разные старообрядческие бегунские согласия, там просто один к одному — чистое манихейство.

Митраизм апеллирует к библейским персонажам в качестве референтного материала.

Эта комбинация составляет специфику исторического христианства, а его серьезная мысль — это чистый эллинизм.

В итоге Спиноза это выбалтывает.

Он говорит, что характеристикой безусловной мысли является существование, которое не имеет границ, и мы не можем себе их представить. Мы неспособны представить, что было время, когда существования не было, что есть место, где существования нет. Поскольку существование безгранично и вечно, оно совпа-

дает с теми атрибутами, которые мы предъявляем Абсолюту, который тем самым ничем не отличается от чистого существования, и никакой дистинкции (различения) между существующим объектом и Богом, как Абсолютом, тоже нет.

Спиноза был вехой, этапом.

Декарт — это одна сторона, Спиноза — другая.

Здесь они размежевались.

Поэтому преодоление монизма, преодоление Спинозы, преодоление пантеизма — это фундаментальное условие для того социального движения, внутри которого человек будет заново переформулирован как агент провиденциальной Мысли, агент Провидения.

Он будет понят как некая точка, которая противостоит протяженности.

Декарт это проинтуировал, но рано умер — или, может быть, вовремя.

Декарт — это мыслитель, который на европейском пространстве был ближе всего к Корану. Фактически на фоне всего остального, в том числе и собственно цивилизационно-культурных мусульманских мыслителей, самым исламским философом был Декарт.

«Гейдар Джемаль о противоречивой сущности бытия», 2013

Партии

Кризис политических партий сегодня заключается в том, что они становятся технологической подпоркой электоральной процедуры, которая сама контролируется надпартийной верхушкой общества.

Сегодняшняя парламентская партия — всего лишь инструмент либерального клуба.

Через такую партию либералы тянут щупальца либо к мозгам традиционных элит, пытаясь продать им себя подороже как союзников, либо к мозгам молчаливого большинства, предлагая себя в поводыри слепых посреди чуждого враждебного мира.

По большому счету, эти партии не нужны ни традиционным элитам, ни молчаливому большинству. Поэтому партии существуют ради себя, ради благополучия своих членов. При этом

они все менее успешно пытаются презентовать себя. Они все больше похожи друг на друга. Их программы, названия, цели и лозунги неразличимы.

Они называются левыми, а являются правыми, и наоборот. Все чаще они называются словами, не имеющими никакого отношения к политической сфере: «жизнь», «родина», «единство», «справедливость», «солидарность». К этим понятиям они также не имеют отношения, выхолащивая их и обесценивая.

Республиканцы и демократы в США не раз уже менялись ролями. Их подходы различны разве что в вопросах о налогах, да и то не слишком.

Если еще полвека назад за каждой партией стояли разные клубы, то теперь за обеими стоит один общий клуб.

Платформы сегодняшних партий скорее определяются социальными психологами, а не идеологами. Их платформы выверяются с точки зрения электоральных склонностей, предпочтений и отвращений.

Их продажа населению осуществляется по рецептам продвижения товаров.

Как за товаром нет никаких идей, так нет их и за современными политическими партиями. В нынешнем мире скорее рекламщик телефона не побоится слова «идеология», чем партийный агитатор.

Вот почему и лидеры партий ничем не отличаются от звезд шоу-бизнеса. В их облике важны прически, костюмы, макияж, шутки, умение двигаться и обаятельная мимика с ненавязчивой жестикуляцией. Никого не волнует, что они умеют, чего реально хотят и чего могут добиться. Ведь от них требуется только появляться в качестве рекламного бренда продукта под названием «партия».

Успех демократов на выборах в США — это успех, сравнимый с хорошей рекламной кампанией марки автомобиля или стирального порошка. Вот почему компании, измеряющие рейтинги политиков, основные деньги зарабатывают на маркетинге. Ведь механизм один и тот же.

Современные политические партии входят в конфликт с растущими амбициями международной бюрократии, которая создает такое пространство управления, где партийной организации практически нечего делать.

«Кризис реальности», 2008

Пассионарность

У Гумилева (который ввел термин «пассионарий») есть подробная разработка иерархии пассионариев.

На самом верху стоит тот, кто горит желанием принести себя в жертву.

Дальше идет великий авантюрист, который горит желанием завоевать — не принести себя в жертву, а завоевать. При этом он не боится гибели.

Дальше стоят великие бандиты, полководцы, а внизу стоит уже какой-нибудь наркоша, который, когда смотрит за окошко на светлый день и на улицу, кишащую народом, его охватывает ужас при мысли, что надо выйти за хлебом, потому что сил на это у него нет, он находится в самом низу этой энергетической лестницы.

Эта разработка — лучшее, что Гумилев сделал в своей жизни.

Все остальное, все его рассуждения об этногенезе — игрушки. А вот именно эта классификация, вообще идея пассионарности, она рабочая, она гениальная.

Но, на мой взгляд, она страдает...

Там уловлена тема Танатоса, и уход от этого к жизни, и переход от жизни к неспособности с этой жизнью вообще иметь дело в самом конце.

К сожалению, он воспринимал это все как бы мазанное одним цветом.

Пассионарность есть двух типов.

Есть пассионарность тела, смелость тела, в том числе и предельно идущая на крайние опасности. Это смелость тела, которая присуща сильным людям с улицы.

Есть дворовые герои, которые собирают вокруг себя ватаги, они становятся естественными лидерами, но обычно плохо кончают и, в принципе, они не знают, зачем они берут все под контроль, но они знают, что они хотят власти.

Власть к ним идет, они оплачивают это перманентным риском и потом получают пулю или нож.

Есть пассионарии ума. Пассионарий ума — это визионер, который прорывается сквозь пелену обычной логики, который видит фундаментальные бездны, скрытые от обычного человеческого разума, но который горит этим визионом, но в своем кабинете.

На улицу ему тяжело выйти, а если выйдет, то его побьют просто, и это будет мучительно и оскорбительно для его высокого разума, потому что получил в зубы даже не от серьезного человека, а от плохой шпаны.

Но потрясающа возможность объединения и тех и других.

Македонский — классический пример соединения пассионария ума и пассионария тела. То, что Македонский был пассионарием ума, в этом никакого сомнения нет: это был ученик Аристотеля. И тут дальше ехать некуда, выше не прыгнешь. Более того, он был в полемике с Аристотелем, а это делает его не просто учеником, а именно пассионарием.

«Революционное неравенство: кто заменит пролетариат в роли гегемона», 2016

Патриотизм

Патриотизм — это вещь глубоко чуждая исламу.

Но другое дело, что ислам всегда стоит на страже той территории, где распространяется шариат и где живет доминирующее большинство мусульман, которые становятся хозяевами этой земли.

Динамика распространения ислама не привязана к почве.

И то, что на Северном Кавказе происходит, когда начинают делить — это лакские территории, это кумыкские территории, это ингушские, это чеченские территории — это абсолютная *каумия*, это абсолютное язычество.

Потому что до того, как туда пришли русские, у мусульман на Северном Кавказе вообще не было идеи, что эта территория является этнически помеченной, что там есть некий такой ярлык — здесь, мол, живут карачаевцы, здесь живут кабардинцы. Конечно в основном на этой территории живут, допустим, черкесы, адыги, а здесь живут карачаевцы, здесь живут в основном вайнахи... но это абсолютно не значит, что там не может жить другой мусульманин.

Поэтому первым, чем начали заниматься при советизации империалисты из Москвы, они стали фиксировать национальную принадлежность территории для того, чтобы потом нарезками сталкивать между собой кавказские этносы.

Очень сложно это было в Дагестане, потому что в Дагестане были джамааты, которые состояли из многих национальностей.

Когда национальности сведены вместе в исламском джамаате, когда в одном джамаате в данном месте живут и кумыки, и даргинцы, и аварцы — трудно сказать, что эта земля только даргинская, аварская или только кумыкская.

Поэтому им надо было растаскивать людей между собой, разрывать джамааты и расселять этносы, чтобы ввести понятие местечкового патриотизма, местечкового, земельного национализма.

До сих пор в Дагестане это не удалось в полной мере.

Но сама попытка сделать это указывает на то, что патриотизм -- это оперативное оружие политического язычества, которое всегда направлено против ислама.

А вот защита территории распространения шариата — это совсем другое.

Но это не патриотизм — это зона политической защиты некоторых принципов, которые фундаментально помогают контролировать исламу эту землю, потому что это осуществление коранического тезиса: «Сражайтесь до тех пор, пока вся религия на земле не будет принадлежать одному Аллаху» (Коран, 2:193).

И распространение религии, которая принадлежит одному Аллаху, выражается в том, что на этой территории действует шариат. Действует шариат между людьми, действует шариат между членами джамаата, который является доминантным законом, законом справедливости и для тех, кто в джамаат не входит.

Потом, надо просто различать между людьми, которые выходят (*фи сабилиЛлах*) для того, чтобы жертвовать жизнями и имуществом на пути Аллаха, легкими и тяжелыми, и теми, которые остаются, чтобы поить водой паломников, которые не равны тем, кто выходит. Поэтому надо понять, что земледельческие люди, к которым тоже обращается ислам — потому что он обращается ко всем людям, — сидят на своих местах, но это не правящий слой. Правящий слой — это те, кто выходит.

Правящий слой — это те, кто готов к хиджре.

Правящий слой — это те, кто готов к переселению.

Правящий слой — это те, кто готов к самопожертвованию, к тому, чтобы положить свою душу в борьбе за ислам для того, чтобы осуществить предписание Аллаха о судьбе творения.

И, конечно же, им присущ патриотизм. Им присущ политический глобальный проект, касающийся всей земли.

А патриотизм, по факту, может встречаться среди тех, кто сидит на своем клочке земли и не мыслит себя в отрыве от этой территории. Это земледельцы — они тоже люди, они тоже муслимы. Хотя вопрос — *му'мины* ли они? Но они муслимы. И поэтому мы должны их защищать, раз они подчинились шариату, раз они предали себя Всевышнему. Но это не патриотизм, это чисто политический проект.

А патриотизм заменяет религию. Патриотизм — это псевдорелигиозное языческое чувство. Поэтому ислам и патриотизм — это полярно противоположные вещи.

«Ислам и патриотизм», 2013

Первая и Вторая мировые войны

Первая и Вторая мировые войны — лишь две фазы одного конфликта.

В начале века очагом непредсказуемости была континентальная Европа — Германская и Австро-Венгерская империи, которые вступили в союз с Османским халифатом.

Союз Европы с исламским миром — это постоянно брезжущая на грани реализации возможность, которая всегда была источником кошмара у властителей христианского Запада. Испания, Южная Сицилия, Балканы — зоны исламского присутствия, духовная почва, на которой произрастали самые глубокие и плодотворные идеи западной культуры.

Первая мировая война была войной за единое атлантическое пространство «от Дублина до Владивостока» (которое в наши дни активно пропагандировал покойный Тириар).

Задачи, поставленные тогда, были в целом решены: на месте Германии — Веймарская республика, на месте Австро-Венгрии — конгломерат мелких национал-масонских государств, на месте неоднозначной Российской империи — СССР, стратегический союзник Соединенных Штатов, на месте Османского халифата — раздробленные по «национальным квартирам» арабские и турецкие секуляристы, полностью контролируемые атлантическими державами.

Но такой катастрофы с ее десятью миллионами погибших (плюс 25 млн. в результате Гражданской войны в России) ока-

залось недостаточно, чтобы полностью подавить способность человечества к сопротивлению.

Потребовалась Вторая мировая война, во время которой мондиалисты применили сплошные ковровые бомбардировки Центральной Европы (Лейпциг — 300 тыс. погибших в течение суток), атомное оружие, а также глобальный психологический террор через мобилизацию так называемого общественного мнения.

Мир завис в ялтинской статике между двумя псевдополюсами. Правда, для того чтобы поддержать эту статику — благодатное отсутствие макрокатастрофы! — был введен режим вялотекущих малых катастроф: Корея, Вьетнам, Алжир, опять Вьетнам, Африка.

Десять миллионов погибших в локальных войнах, суть которых принято определять как американо-советское соперничество.

Поскольку за этим соперничеством стоял ялтинский сговор (и в целом — стратегическое сотрудничество СССР — США), можно сказать, что эти миллионы погибли в порядке медицинской профилактики: как ставят пиявки, чтобы снизить давление. Таков циничный гуманизм «борцов за мир».

«Русский выбор», 01.01.1994

Перерождение

...Перерождение — это атрибутика не нашего дискурса. Никаких перерождений — все уникально и одновременно множественно.

В спирали каждая точка располагается по соседству, предельно близко к другим, но она всегда остается собой.

Поэтому нет повторов, нет перерождений.

Единственный повтор будет в случае успеха — когда мы будем воскрешены.

Это уникальный повтор в виде абсолютного триумфа, который вообще все останавливает. Но это остановка числового ряда.

Вы можете остановить числовой ряд?

Вы же не можете досчитать до последней цифры.

Чудо состоит в том, что числовой ряд может быть досчитан до последней цифры, которая является действительно окончательно последней.

Это ноль, с которого числовой ряд начинается.

Если вы из бесконечности считаете к нолю, то рано или поздно вы приходите к этому нолю, хотя все и отодвигается, но в конце — все равно ноль.

Поэтому и говорится: «Нет победителя, кроме Аллаха».

Бесконечные человечества проиграли, но одно из них выиграет — это и будет поднятие камня, который невозможно поднять.

Почему?

Потому что это и есть решение апории (как создать камень настолько большой, что нельзя поднять — для Всевышнего?).

Это создать такой камень, который нельзя поднять и поручить Адаму его поднять.

Адам поднимет: человечество должно поднять этот камень.

Таким образом, этот камень создан так, что его нельзя поднять, и вместе с тем поднят тварью, т. е. бесконечно меньшим.

Эта апория решается таким образом, что обе стороны апории остаются соблюденными, а при этом сама вызывающая часть апории оказывается униженной.

«Финализм как гносеологическая проблема», 2015

Печать

...Все бесчисленные миллиарды существ, из которых состоит общество, — винтики, которые закончены в своем образовании к моменту своего вхождения в такую семью, в открытое общественное пространство...

Общественное пространство — это печать, а каждый индивидуум — это бумага, на которую печать ставится; бумага не порождает печать, которая на нее будет поставлена, — стало быть, печать кто-то делает...

Общество, которое ставит печать на каждого, — его кто-то формирует, поэтому все технологии, которые в обществе имеются (с самого архаичного по самый современный период), имеют вне... — не будем говорить сверхчеловеческий, внече-

ловеческий источник, а скажем так: они являются найденными внеопытным, внеэкспериментальным, внерациональным путем.

И, конечно, после того, как есть некий запас технологий, некий пул технологий, можно посадить профессиональных методологов на базе этого пула и отрабатывать вариации, которые можно будет называть, что это изобретения, инновации, развитие.

Но подчеркиваю, что это можно будет делать только на основании уже готового пула технологий.

Пока их нет, то есть пока человек находится в сыром состоянии, то невозможно говорить о том, что он может из состояния варварского, дикого и природного перейти к состоянию «техно», то есть «человека умеющего».

Самостоятельных ресурсов в человеческом существе, совершенно очевидно, нет.

И все примеры, которые мы можем найти в жизни, только подтверждают это.

Таким образом, мы утверждаем, что общество возникает сразу, а не эволютивным путем — то есть общество как социальная структура, как социальное пространство, которое существует как система, как механизм.

Он, этот механизм, возникает сразу: либо он есть, либо его нет.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 07.03.2006

Платон

Отцы церкви были платониками... Платонизм и аристотелизм как методология стали базой для христианского богословия. Причем Платон стал в большей степени базой для византийского богословия, а Аристотель — основой для богословия западного, католического. Скажем, Фома Аквинский — это мыслитель, который в основу эсхатологической философии, до сих пор являющейся официально философией католической церкви — Ватикана, — положил категориальную систему Аристотеля.

Платонизм и неоплатонизм, несмотря на усилия отдельных теологов, считавших все это не соответствующим христианству

интеллектуальным опытом, несмотря на их протесты и предупреждения, в целом не был извергнут как нечто чуждое пророческим традициям.

И в результате мы живем сегодня в неоязыческом мире, где в своих правах восстановлены интеллектуальные и моральные ориентиры, характерные для дохристианского Рима.

Лекция «Цветы зла», 2002

Традиционализм — нравится это либералам или нет — является фундаментальной подосновой мышления современного человека, который прежде всего — человек западный.

Западный человек — либерал, а мышление его все равно построено на тех фундаментальных принципах, которые были заложены Платоном, потом они существовали две с лишним тысячи лет после Платона и завершились, в творческом, креативном плане, повторением Платона в лице Гегеля.

Есть, конечно, либеральная доктрина, либеральное мировоззрение — это пиксельное восприятие реальности, со ссылкой на опыт, на прагматизм, на полезность (utility). Но это уже деконструкция фундаментальной базы.

Что такое эта фундаментальная база? Ее изложил Платон в той форме, которая известна любому ученику хорошей школы, — что внизу есть вещи, которые представляют собой тени или отражения идей в верхнем тонком плане. «Что вверху, то и внизу», но внизу это грубые, так сказать, отблески того, что в идеальной форме находятся в эмпиреях — где, собственно говоря, живут идеи...

У Платона есть такой образ лошади: есть лошадь, которая скачет, а есть лошадь как идея лошади. И идея идеи — это бытие. Бытие есть благо и бытие есть же и сознание.

«Что такое традиционализм», 2016

Платон и Аристотель обольстили арабов. И когда в те времена — в каком-нибудь X веке — кто-то произносил просто «Учитель», не добавляя ничего, имелся в виду Аристотель.

Они не монтируются, потому что греческая философия и тайное знание Корана — взаимоисключающие вещи. Греческая философия основана на том, что человек может постичь

путем интровертного созерцания, наблюдения, интеллектуальной интуиции.

А Коран основан на откровении — то есть на том, что не может быть открыто изнутри человеком. Это презумпции, которые человеку не даны. Их можно только принять как откровение. Они доказывают свое божественное происхождение именно тем, что их никак нельзя придумать, даже исходя из каких-то абстрактных вещей.

То есть это совершенно разные вещи. К сожалению, их отождествляли.

Когда пришли тюрки, все изменилось. Но с водой выплеснули и ребенка, как говорится.

Отказались от Аристотеля и Платона — но отказались и вообще от этого направления исследований. И в результате исламская Умма осталась с изучением наизусть неких документов, рабским следованием каким-то авторам, которые писали в IX—XII веках, но без самостоятельного мышления.

Это был серьезный пробел. Рано или поздно те цивилизации, те культурные группы вокруг ислама, которые сохранили технологию независимого мышления, должны были войти в клинч и опередить остальных, потому что лучше плохая работа с внешним миром, лучше неверное исследование этого мира, основанное на ложных презумпциях, чем... вообще отказ от исследований!

В Коране есть колоссальный потенциал, позволяющий нам овладеть внешней реальностью совершенно иначе и гораздо глубже, чем это можно сделать на основе греческой философии.

«Будущее — за перманентной всепланетной гражданской войной?», 2009

Повтор

В метафизике традиционализма тема смерти вообще не стоит.

Там существует переход духовного импульса из одного мира в другой — проблема тем самым изначально снята.

Смерть как реальность, конец субъекта, как проблема дана только в религии Откровения. Поэтому обещание Воскресения присуще только авраамической традиции.

Это высшее проявление антисистемности, предельный парадокс.

Повтор немыслим, повтор не бывает в контексте бесконечной возможности, как не бывает повтора одного и того же числа на числовой оси.

Числовая ось неисчерпаема, поэтому нельзя представить, чтобы на каком-то числе произошла остановка счета.

Вместо круга в реальной вселенной возможна только спираль, витки которой прилегают близко друг к другу.

Если одна точка находится на месте другой, то она есть точно та же самая точка.

Повтор невозможен в царстве Логоса.

Но Откровение обещает нам этот невозможный повтор, остановку счета, схлопывание числовой оси! Будет восстановлено внутреннее присутствие субъекта «здесь и теперь», тайное центральное самоприсутствие каждого «я», которое в каждый данный момент есть и дышит в нас.

Это — искра света, отличающая сообщество тех, кто относит к себе тайное священное местоимение «мы».

Откровение обращено именно к тем, кто причастен к этому сообществу, которое соотносит себя с этим местоимением.

«Революция пророков», 2003

Политика

Политика — это не каверзы и тусовки политтехнологов, политика — это борьба за власть.

А религия является не чем иным, как описанием модальностей истинного авторитета, который эту власть легитимизирует.

Власть и религия неотъемлемы друг от друга.

Власть — это наиболее сокровенный нерв реальности, это способность творить, создавать новое.

Не надо путать ее с контролем.

Милиция, барьеры на дорогах — это контроль, система по предотвращению любых инициатив, случайностей.

А власть — это, например, то, что делал Зулькарнайн, который вышел из провинциального местечка — Македонии — и создал великую цивилизацию, которая включает в себя Элладу,

Иран, Северную Индию, Малую Азию и которая, заметьте, до сих пор является домом ислама.

Там, где прошел Зулькарнайн, мусульмане у себя дома, а вот куда он не пришел, например в Испанию, оттуда ислам вынужден был уйти.

Когда Пророк Иса (мир ему) отбросил монету с изображением кесаря, он вовсе не имел при этом в виду (как многие сейчас считают), что надо платить налоги кесарю. Он хотел сказать, что его община не будет этим пользоваться, — его джамаат другой. Иными словами, Иса (мир ему) имел в виду альтернативную власть. Его люди были вооружены (напомню, что Петр мечом отрубил ухо рабу Малху в Гефсиманском саду при попытке ареста), а ходить в то время вооруженным по оккупированному Иерусалиму — это примерно то же самое, что сейчас ходить по Грозному с автоматом и без документов.

Личность Пророка Исы (мир ему) совершенно не понята: он не отказывался от власти — он говорил: «Я принес меч».

Реализация этого проекта принадлежала последнему пророку, «*хатаму ан-набийя*» («печати пророков»), Мухаммаду (мир ему и благословение Аллаха).

Истинная политика никогда не запятнает ислам. Вы говорите слово «религия», как будто вы француз, но у нас есть свое слово — «*дин*», а это означает «закон», а закон — это политика.

Конференция «Ислам и азербайджанская молодежь в России», 21.12.2004

Политическое общество

Мы привыкли к тому, что в учебниках истории мы читаем о том, что первые государства в Междуречье или там, где-нибудь в Южной Америке, появились две, три, четыре тысячи лет назад, что Рим — это государство.

Но конечно это неправильно.

Это сбивает с толку, потому что появляются и фиксируются политические общества.

Что имеется в виду? Что значит «политическое»?

«Политическое» значит, что главным предметом, главным стержнем этого социума, является власть, феномен власти. Не выживание, не прокормление.

До тех пор пока люди сбиваются в какую-то кучу для того, чтобы есть корешки или грибы, или ловить мамонта — хотя я не верю, что такой период был или что это был «мейнстрим» человеческой истории. Потому что это эволюционистская теория развития человеческого общества по Энгельсу — она никогда не была мне присуща, но мы, снисходя к устоявшимся стереотипам, будем делать вид, что верим: были какие-то такие мамонты, были охотники за мамонтами, и у них, конечно, главный предмет был коллективно загнать этого мамонта и поесть.

Будем делать вид, что мы в это верим, но это не общество.

Точно так же существуют реально какие-то племена и сегодня в бассейне Амазонки, которые действительно, в буквальном смысле слова, зависят от природы, у них есть экологическая ниша. Напомню, что человечество тем и отличается, что у него нет экологической ниши, а вот у лисы, зайца или у некоего племени в бассейне Амазонки есть экологическая ниша.

...Реальное общество не зависит от экологии, не зависит от катастроф, потому что реальное общество имеет в себе некое измерение, которое сверхприродно, и в нем, в общем-то, реально — не хочу вдаваться в подробности, — но в нем не действует, в буквальном смысле, второе начало термодинамики.

В нем простая энтропия преодолена. Причем преодолена на третьем уровне, потому что на втором уровне — это биологический организм, который демонстрирует, что не зависит от простой энтропии, которая есть вне органики, а это уже третий уровень.

Вы видите пирамиды, построенные рабами, или водопровод, «сработанный рабами Рима», — эти люди получали очень мало, а сделали очень много, если говорить совсем просто.

Политическое общество — оно не о том, чтобы прокормиться, не о том, чтобы выжить. Как бы Маркс ни говорил, что сначала люди должны поесть и одеться, а уже потом все остальное, но на самом деле все не так.

Люди едят, одеваются при любых обстоятельствах и это — практически всегда.

Если этого нет, то и не о чем говорить.

А если люди есть, то это то предварительное условие, которое мы выносим за скобки и сразу говорим, о чем общество.

Общество — о власти.

Специфика политического общества в том, что между этим бытием и самым последним элементом человеческого пространства (атомом) есть обратная связь.

Если мы представим себе человеческое общество как пирамиду, то в ней есть возгонка и опускание, есть *solve*, есть *coagula* (на латыни «разъединяй и соединяй» — алхимический принцип).

Это не то, что какой-нибудь раб может стать сатрапом. Бывало, что становился сатрапом.

Но не в этом дело.

А в том дело, что раб мог дойти до фараона или через какие-то инстанции передать свое предельное недовольство, неким образом просигналить.

Позиция фараона, его причастность к бытию, его воплощение бытия касалось и раба в самом низу, каким-то образом шло вниз.

Все эти люди были ангажированы в некоем целостном проекте.

Это и было, и есть движение того, что Гегель назвал «мировой дух».

Вот это поднятие импульса снизу вверх и опускание сверху вниз.

Если мы представим себе фараона в качестве еврейской буквы *алеф*, то это «*solve et cuagula*» — это две руки, одна поднята вверх, другая вниз. Центральная такая фигура, которая стоит между небом и землей.

Поэтому можно сказать, что политическое общество — это триптих.

Это триптих в том смысле, что это бытие, оно же является власть (это синонимы), и оно же является дух, — в гегелевском смысле («Мировой дух», который является кровью, омывающей все состояния, все пласты человеческого пространства снизу доверху, и соединяющий их).

Это не тот Дух, о котором говорят пророки.

Мировой дух в смысле Гегеля и Платона — это не Дух в смысле Библии и Корана.

Поэтому, когда мы, единобожники, говорим о Духе, мы подчеркиваем: Святой Дух.

Когда Гегель говорит о духе, он говорит «Weltgeist», но это не Святой Дух — это социальный дух. Поэтому-то он и сказал, что этот Weltgeist на последнем этапе своей динамики выражается в Прусской монархии.

Его не поняли, начали над ним издеваться, что гора родила мышь.

Он очень серьезно сказал, что прусский монарх — это воплощение бытия в его (гегелевском) смысле. Но тогда уже все было настолько либерализовано и настолько было царство модерна кругом, что о чем Гегель толкует — никто не понял.

Так вот, это — политическое общество. Это триптих бытия, власти, духа, в котором идет взаимообмен по вертикали.

«Различие государства и политического общества», 2016

Полюс

Российская экспедиция к полюсу, установившая на дне Северного Ледовитого океана титановый триколор, не вызвала той масштабной реакции общественности, которой, безусловно, заслуживала.

Да, по мировым СМИ прошел истерический всплеск, исходящий от Вашингтона и Оттавы; да, в отечественном медиапространстве конфликт с американцами в Арктике был дежурно упомянут и появились кое-какие неудачные фотографии Чилингарова...

Однако никто не понял, что на глазах сегодняшнего человечества реально произошла геополитическая революция!

С момента великого открытия Колумба мы знали, что Новый Свет — ближайший эквивалент инопланетности.

Для России он всегда был предметом мучительного тяготения к недостижимому.

Санкт-Петербургская империя то осваивала Аляску и русскую Калифорнию, то продавала их федеральному правительству в Вашингтоне, то жаловалась, что продешевила.

На фоне всех этих политико-географических сумятиц гимназисты все время пытались бежать в Америку, а Достоевский по меньшей мере трижды упоминает о проблеме американских негров в дневнике писателя.

Короче говоря, за океаном существовал целый мир, который сидел таким же гвоздем в русских мозгах, как планета Марс с ее вечным вопросом, есть ли на ней жизнь.

В советское время популярнейшей темой стало то, что, во-первых, океан избавил Америку от вражеских нашествий, а во-вторых, что с появлением межконтинентальных ракет за океаном не отсидишься!

С этой полярной экспедицией кончилось золотое времечко американского мифа.

Теперь Россию и США разделяет общая граница по суше. Неважно, что эта суша лежит под четырьмя километрами соленой воды, схваченной многометровой коркой льда. Понятие общей границы введено в цивилизационный оборот, и вокруг пограничного столба, совпадающего с осью Земли (а стало быть, и осью мира, упирающейся аж в Полярную звезду), закручивается водоворот геополитического соперничества.

Впрочем, полюс всегда был особым ориентиром в судьбах стран и индивидуальных героев. Арктические первопроходцы на собачьих упряжках боролись друг с другом и жертвовали здоровьем и жизнью в попытке первыми достичь этого уникального места на планете. (Удивительно, что Южный полюс отнюдь не вызывал такой ажитации: Антарктида мирно поделена между теми членами ООН, которые поддерживают дипломатические отношения с местными пингвинами.)

Было бы неправдой сказать, что соперничество США и России в Арктике обрушилось на нас вчера по инициативе члена-корреспондента Академии наук.

И до забития пограничного столба на ледовитом дне арктические воды были зоной молчаливых и лишенных свидетелей ристалищ между подводными лодками обоих флотов. Самым известным и трагическим инцидентом такого рода стала гибель подводной лодки «Курск» семь лет назад. (Упорные слухи, поддержанные заслуживающими доверия зарубежными источниками, возводят причину гибели ста восьми российских моряков к враждебной акции американской подлодки «Толедо». Но, конечно, это не единственный случай, когда в результате действий субмарин одной стороны погибала подлодка другой.)

«Навстречу полюсу», 27.08.2007

Посткоммуникация

Посткоммуникация — это прямое нисхождение к тому состоянию, при котором следующим шагом будет забвение языка.

Но как только люди будут забывать язык, они становятся маугли.

Допустим, привели белку в эту комнату, и она смотрит и не знает, что это — книги, это — видеокамера: для нее это просто кляксы, пятна феноменологии, которые она даже не может идентифицировать, потому что это не знакомое пятно типа «куст», за которым может быть пятно типа «заяц», а это нечто непонятное, чего она не видит как таковое и просто в целом ей будет внушать ужас, и она сдохнет очень быстро.

«Финализм как гносеологическая проблема», 2015

...Это посткоммуникация, когда государство говорит с народом так, что народ может за государством это воспроизвести и повторить (возьмите, например, ПДД: попробуйте прочесть и повторять вслед за этим или же вслед за Путиным, Сурковым).

Причем это — не характеристика России.

Я на одном медиафоруме встречался, сразу после избрания Обамы, с двумя представителями США: один — сенатор от демократов, и второй, который был председателем республиканского национального комитета США (то есть политбюро республиканской партии).

Я внимательно их слушал, и им задавали из зала нелицеприятные вопросы про Афганистан, про убийства женщин, детей и стариков и т. п.

Ответы были потрясающи.

Я тогда начал впервые формулировать свою теорию посткоммуникации, потому что единственно, что можно было воспроизвести из его ответов, — это начало, когда он говорил: «First of all, I'm very grateful for your question, for your interest, for your participation...»

Это единственное членораздельное, что ты можешь уловить и воспроизвести, потому что следующие пассажи были таким похрустыванием.

Они были сопряжены по правилам английского языка, английской грамматики, там были слова, которые сами по себе имеют место в словарях, но воспроизвести это невозможно, потому что смысла в этом не было никакого.

Единственно — «спасибо за ваш вопрос, мы уважаем вас за внимание», а дальше идет сплошной хруст.

Я понял, что посткоммуникация — она тотальна, она просто сопровождает любую работу с общественным человеческим пространством.

Это глубокий вопрос — «посткоммуникация», потому что в посткоммуникации наконец-то общество, ненавидящее пророческую миссию, расправляется с языком и с Откровением и утверждает вместо языка симулякр, вместо контента, вместо послания — симулякр, убивает язык.

Как по сценарию Традиционалистского клуба происходит смена циклов? Человечество должно пережить затмение, мир должен пережить *Пралаю*, то есть обнуление, и дальше — новый Золотой век.

А как происходит затмение? Я говорю вам ответственно важную эзотерическую вещь, которую ни от кого, кроме меня, вы не услышите: затмение человечества в конце цикла происходит путем забвения языка.

Человечество в определенный день, день X, — конечно, это упрощение, но... — в определенный день X люди просыпаются, и ни один не помнит языка.

И что получается?

Что вокруг них хаос: он смотрит на холодильник, и это для него не холодильник, а просто клякса, он даже не понимает, что она есть, не понимает, что это холодильник, он становится просто маугли, все люди становятся маугли, без языка.

И мир исчезает, потому что мир образован языком.

«Предпосылки радикализма», 2013

Постоянное сегодня

В телевизионном ритме историческая память укладывается в предел, не превышающий недельного срока. Благодаря СМИ, современное общество погружено в состояние «постоянного сегодня». Времени нет. Оно вычеркнуто из жизни обще-

ства и личности. Ничто не напоминает человеку о его личной смерти. Смерть другого («не-тебя») вчера для тебя сегодня уже не существует.

«Кризис реальности», 2008

Потоп

Противоположность Востока и Запада известна даже тем, кто никогда не интересовался мифологией и преданиями древних.

Эта противоположность лежит в основе всей современной культуры.

Восток и Запад располагаются на горизонтальной ветви мирового креста.

Они связаны с непосредственно наблюдаемым ритмом времени: ведь солнце восходит на Востоке, а заходит на Западе. Это противостояние относится к допотопным временам.

Все традиции упоминают Атлантиду, которая была духовным центром Запада до потопа. Символизм Атлантиды актуален для современного человечества.

Современная наука подтверждает: потоп был.

Всемирная катастрофа практически уничтожила человечество.

Учение о циклах считает, что катастрофой завершается каждый отдельный период космического существования человека.

По расчетам философа Платона, опиравшегося на знание египетских жрецов, потоп, произошедший 12 тысяч лет назад, скрыл под водой знаменитый материк Атлантиду.

С ней ушла цивилизация, которая по своим материальным достижениям, как полагают, неизмеримо превосходила все, что было впоследствии.

Пророк Ной, согласно Ветхому Завету и Корану, — тот духовный мост, который перекидывается из исчезнувшего мира в наш.

Ной, со своей проповедью единобожия, противостоял атлантической цивилизации, которая шла своим магическим сатанинским путем и была наказана Богом.

Атлантида являлась великой морской империей. Основой ее могущества была мировая торговля, опиравшаяся на колоссальный флот.

Религиозным символом Атлантиды служило золото.

Южная Америка с золотыми кладами инков и майя считается осколком Атлантиды.

Тысячелетия она отсутствовала в сознании исторического человечества, пока наконец не явилась в виде Нового Света как знамение последнего времени.

В сознании широких масс открытая Колумбом Америка сразу приобрела мифологический статус Новой Атлантиды.

Оккультное предание связывает освоение золотых запасов Нового Света с казнью Марии Стюарт.

Солнечная династия Стюартов в своей магической крови имела философский камень, способный в руках алхимиков делать золото.

Мария Стюарт была принесена в жертву некими силами, после чего реальное физическое золото буквально хлынуло в Европу.

«Сакральная география», 1996

Правая идея

Кризис правой идеи в том, что она выделяет группу благополучателей в исторической перспективе на основании случайных и спорных признаков (раса, нация, имущественный ценз, наследственность).

Правая идея либерализма в какой-то момент приобрела популистский размах. Она попыталась апеллировать к крупной национальной промышленности, которой угрожало развитие спекулятивного капитала, засилье и растущее влияние фондовых рынков.

В принципе, правые либералы опирались на вполне марксистскую идею, противопоставлявшую производительный труд всем другим видам оплаченной деятельности.

В какой-то момент традиционалистские элиты классического старого Запада играли с мыслью: «А не сделать ли ставку на крайне правых популистов?»

Однако негативный опыт Первой мировой войны сделал этот клуб осторожным. И они решили заключить союз с финансовыми демократиями. В итоге правые популисты понесли военное поражение и в результате Второй мировой войны.

Это сократило правую площадку до формата праволиберального консервативного индивидуализма, который, по большому

счету, нежизнеспособен. Даже в условиях США он нуждается в наркостимуляции баптизмом.

Европейские правые обрели второе дыхание на противостоянии образованию ЕС. Они консолидируют те силы в народах, кто сопротивляется европейской общности, навязанной старой Европе США. Но на таком противостоянии трудно политически подняться и стать реальной силой.

Большая часть правых идей находится под запретом на подавляющей части Европы. Поэтому правые вынуждены формулировать свои тезисы завуалированно.

Социальная составляющая правой идеологии тоже сильно травмирована как поражением во Второй мировой войне, так и крахом идеи социального мира в целом.

Появились и так называемые новые правые.

В отличие от старых правых, они не укоренены в традиции, не имеют никаких связей со старыми элитами, не связаны со старыми клубами.

Они являются чистым порождением политтехнологий.

Целью новых правых является рассорить старую Европу и мусульманский мир.

Подобные образования в России также взращены политтехнологами и властью. Так была выращена партия «Родина». Когда она пожелала уйти в отрыв и начала питать амбиции, ее уничтожили. Так выращено ДПНИ и все его клоны.

Без поддержки со стороны политтехнологов и силовых структур новые правые в России нежизнеспособны. Нет ни почвы, ни расы, ни нации, ни наследственности, ни имущественного ценза — ни в практике, ни в истории.

Ведь, в отличие от европейских новых правых, русским фашистам приходится убивать не каких-то заморских мигрантов, а детей бывших сограждан, выросших в общей стране — СССР.

«Кризис реальности», 2008

Праведные халифы

Мне приходилось дискутировать с членами «Хизб ат-тахрир», которые хотят восстановить халифат с избираемым халифом.

Они согласны с тем, что четыре праведных халифа уже были.

А теперь они должны признать, что следующим праведным халифом будет только Махди. Иначе никак.

Иначе нужно признать, что праведным халифом станет простой смертный, который осмелится сказать, что, если его выберут, то он будет подобен Абу-Бакру, Умару, Усману и Али.

Не будет!

Так что вы хотите восстановить неправедный халифат — который уже был и который прежде разрушили монголы, а затем англичане и русские — в лице Османской империи?!

Вы этот халифат хотите возродить?

Халифат восстанавливает Махди сверхъестественным путем — это уже преображение мира и конец истории.

Что такое халифат и почему до этого были праведные халифы? Потому что они были халифами, т. е. «наместниками» по отношению к Пророку (мир ему и благословение Аллаха).

Поэтому они были праведны, ибо непосредственно были его наместниками, но уже Муавия и Язид не были таковыми.

А почему Махди будет праведным? Да потому что он является наместником по отношению к Адаму.

Здесь мы видим возвращение на метафизическую плоскость. Здесь Махди является проявлением вторжения нерациональных сил и восстановления адамической полноты. Поэтому он является наместником, праведным. Не потому что он — преемник Пророка (мир ему и благословение Аллаха), а потому что он восстанавливает вертикаль Адама в человеческом пространстве. Это вторжение чистой метафизики.

«Система убивает смысл времени», 01.01.2006

Правители

Все теории о подчинении правителю в исламе являются выдуманными врагами ислама и предателями, позирующими в роли «алимов».

Хадисы, утверждающие, что нужно подчиняться любому правителю, даже неправедному, чтобы получить награду Всевышнего, — это омейядская клевета на Пророка, которая разоблачается методом, оставленным самим Пророком (мир ему и благословение Аллаха): «Если передаваемый после меня хадис

соответствует Корану — он верен, даже если я этого не говорил; если же он противоречит Корану — это клевета на меня».

Ислам не для того был ниспослан Всевышним в мир, чтобы попасть под диктат неправедных правителей, — хотя бы они и называли себя мусульманами.

Аллах прямо говорит о том, что установленные им во всех селениях правители — преступники.

Борьба с мировым порядком предполагает и борьбу с элементами этого мирового порядка, в том числе и с теми мунафиками, которых мировой порядок ставит для контроля над мусульманами.

«Три тезиса политического ислама», 08.08.2012

Предательство. Верность

Верность и предательство — это две фундаментальные характеристики человеческого пространства.

Стержнем человеческой ситуации, человеческой юдоли, рождения является боль.

И эта боль формирует все.

Нашей интеллектуальной задачей... является освобождение этих категорий — «верность» и «предательство» — от этического содержания, от этического характера.

Рассматривать эти категории не как этические, а как экзистенциально-гносеологические.

Верность и предательство — это как инструменты познания или как инструменты реализации того, как человек познает мир и как он в этом мире себя позиционирует.

Когда человек рождается, он лежит в колыбели, он еще просто такой воспринимающий кусок мяса, который не знает, что «я», что вокруг него чужая среда, ничего он не знает, но мать сюсюкает над ним, она через его телепатический потенциал вгоняет в него смыслы, дает ему язык, а язык соединяется с чувственными впечатлениями — то есть боль, удовольствие и прочее.

И первым результатом этого у маленького существа появляется различение «я» и «не-я». Это самое первое — «я» и «не-я».

90% людей, а может, и 99%, на этом тормозятся — «я» и «не-я».

Но дальше может быть такое сложное развитие понятия «я».

Подавляющее большинство не уходит от тела, то есть «я» — это то, что связано с непосредственным переживанием тела, телесности, моя кожа — это граница моего «я», вокруг — среда и, в принципе, эта среда желательно чтобы была комфортна, чтобы она не несла боли, но ребенок учится подвоху, учится ожидать подвоха, учится тому, что она может в любой момент обернуться неожиданным, обернуться горячим, обернуться колющим, режущим. То есть среда враждебна.

Освобождая понятие «предательство» от этического содержания, мы полагаем, что предательство есть не что иное, как идентификация себя как тела: это — «я», а вокруг меня — чужое.

То есть это то, что человек избирает в качестве линии поведения по отношению к среде.

Вот я должен защитить себя (это «я») от посягательств чужого.

Потом ребенок вырастает, он становится большим и говорит: «Знаете, ребята, идите вы лесом».

Но ему там говорят, что он должен то-то и то-то, вот есть семья, которую ты должен защищать, есть родина, ты должен быть верен тому-то, тому-то, есть общечеловеческие ценности, а он говорит: «Идите вы лесом, потому что все это — не я».

И, в принципе, социум, когда он работает с человеческим материалом, он работает, скажу резко, с предателями.

Люди — это предатели, потому что люди ориентированы на собственное «я», вокруг них чуждая среда.

И эта организованная среда в виде страны, государства, иерархии должна манипулировать, развести этих предателей так, чтобы держать их предательство под контролем.

А как это сделать? Потому что 90% людей ориентированы на предательство, и они не понимают, что это — предательство, они не знают, что это предательство, они думают, что они в своем праве...

«Своя рубашка ближе к телу» — эта фундаментальная народная мудрость описывает экзистенциал, этот гештальт основной массы людей, и поэтому они готовы предать все что угодно, при этом они считают искренне, что защищают себя. Вот есть мое «я», а вот там чужое, которое на него посягает: «А я что... вам должен, что ли?»

Ребенок в колыбели очень скоро научается чувствовать себя один против всего мира, и когда на него наступает серьезный

вызов, сопровождающий угрозы боли, то конечно он готов сдать все, потому что он даже не понимает: «А какое отношение это имеет ко мне, почему я должен скрывать того, кто разбил окно, я-то чем ему обязан?»

Поэтому все, что работает с людьми, работает с предательством как исходным материалом.

Откуда же берется верность?

Прежде всего, есть один процент, у которого тоже есть идентификация «я» и «не-я», но по другой чуть-чуть линии.

Прямо скажем, что вот это «я» и «не-я», которое мы описали, это инфантильное «я» и «не-я», там вообще фактор воли отсутствует: есть некое тело, и оно озабочено прямыми потребностями ускользнуть от неприятного, ускользнуть от вызовов.

Но если расширить идентификацию, то ситуация становится сложнее.

Если у человека есть воля... а воля — это сложный феномен, трудно проследить его рождение, его генерацию, но можно сказать одно: человек, который имеет верность как качество, всегда принадлежит к архаическому сообществу («архаическое» на современном, либеральном языке, потому что все, что является не инфантильным, и все, что является крутым, либералы называют архаическим)...

Человек говорит: «Я не сдам своего сюзерена, потому что я самурай; я не сдам своего батьку, потому что я принадлежу банде», то есть он принадлежит какой-то общности, которая для него важна для более глубокой самоидентификации, нежели телесное «я». Оболочка — это уже аристократический момент: он самурай, он рыцарь, он воин, он бандит, он человек, который принадлежит к некоему ядру, противопоставленному более низкой и долженствующей быть преодоленной среде.

Тот, кто идет без воли по течению и ускользает от боли, он ведь не видит, что среда вокруг него каким-то образом ниже его — наоборот, он является убегающим, он является защищающимся, он субмиссивен, то есть подчиняется.

Это та же тема, которую развивал Гегель, когда говорил, чем отличается господин от раба: раб убегает от смерти, а господин смотрит ей в лицо.

Мы видим, что господин всегда имеет некую принадлежность к определенному кругу избранных, он не одинок.

Инфантил, лишенный воли, одинок.

Но тут есть такой интересный момент: социум заставляет, в случае необходимости, обеспечить себя со стороны массы предателей некоторой верностью в определенные периоды — в периоды стрессов, войны, — когда им навязывается некое большое коллективное «я», не требуя при этом от них волевого усилия и избранности, «самурайскости».

Им говорят, положим, «Родина-мать зовет» — и они даже, может быть, испытывают какое-то экстатическое чувство, погружаясь в некую общность: они чувствуют себя, во-первых, верными — конечно зависит от того, насколько жестко на них действует внешняя среда: может быть, жесткая среда, которая это разрушает, — но в определенных границах они чувствуют себя верными, и в общем они исполняют, определенным образом, свои функции.

От них не требуется в данном случае воли — от них требуется только подчинение. И здесь мы не выходим за рамки различения «я» и «не-я»: просто «я» становится другим, «я» становится «не-я». «Не-я» — Петр Петрович, который весит столько-то, с плохими зубами, с болями в печенке, а «я» — это весь СССР.

Просто до какого-то момента задача расширить это «я», и это, в общем-то, манипулятивная вещь.

Движение либерального так называемого прогресса, которое охотно пользуется всяким троллингом, ярлыками в адрес Средневековья, архаики, — это движение от верности к предательству.

Чем больше склонен к защите своего телесного «я» или, по крайней мере, к уходу в собственный очаг с наплевательством на все остальные проблемные деполитизации, тем он более мил либеральному мировоззрению, либеральной оценке людей, а чем он более ориентирован на волевое отношение к жизни, идентификацию себя через верность, через посвятительные, говорят еще — «инициатические» — структуры, тем он архаичнее.

...Верность — это всегда идентификация себя через смерть как свою истинную сущность, как свою истинную природу, то есть это Танатос, это воля к смерти, которая должна сопровождать, в той или иной степени, самурая.

Ты можешь быть не самураем, а настоящим бандитом или принадлежать каким-то структурам аналогичного типа — мафи-

озным структурам. Например, мексиканские и колумбийские наркомафии тоже имеют жестко разработанные кодексы чести, они тесно связаны с проблематикой экзистенции смерти — особенно мексиканцы, у которых это уходит в глубочайшую традицию, тема смерти, тема макабра, тема скелетов.

Проблема предательства и верности — это проблема восприятия «я» как жизни у инфантила, который останавливается на колыбельном уровне, и проблема восприятия себя как смерти у того, кто является аристократом духа и который стоит на принципах верности.

Все человеческое пространство зажато между этими двумя точками, все отношения между людьми — отношения между друзьями, отношения между начальником и подчиненным, отношения между родственниками в семье — все-все отношения находятся в поле колебания между двумя полюсами верности и предательства.

Причем их надо воспринимать, подчеркиваю, не как этические категории, а просто как формы экзистенциально-гносеологической идентификации своего «я» и среды вокруг.

Человечество как таковое есть в экзистенциально-гносеологическом смысле сборище предателей, которое подлежит манипуляции и движению таким образом, чтобы оно не разбежалось по щелям, как тараканы, в процессе любого исторического деяния.

«Человеческий фактор. Верность и предательство», 2016

Предел

Человек стоит перед лицом смерти, он связан родовыми, психическими и материальными узами с себе подобными, наконец, он погружен в пространственно-временной континуум, определяющий его телесное бытие физическими законами.

Все эти планы связаны воедино, интегрированы для него через очевидную истину предела. Предел, граница, исчерпание — эта тема присутствует во всем, подводит итог всему. Обнаружение предела и есть суть той травмы, которая выводит человека из «райского безвременья» и открывает его истории и судьбе.

В основе всех традиций, инспирированных из объективного духовного источника, стоит принципиальное противостояние

человека энтропии, стихии убывания, свирепствующей вокруг пока еще живого, но обреченного на смерть свидетеля.

Биологическая старость, порча природы, иссякание родовых сил, развеивание плодов труда, преходимость всех и всяческих учреждений, даже таких, как великие мировые империи, — все это всегда являлось естественным фоном для обращенности человека к священному, тому, что альтернативно энтропии, неуязвимо для стихии убывания.

В основе священного лежит откровение о преодолимости предела, о том, что внутри негатива, разрушения, зла скрыто содержится некий принцип компенсации, приобщение к которому упраздняет гибель.

Собственно, здесь и заключена тайна этой невыразимой свободы.

Бремя дольней жизни, ее рабская цикличность — то, что в исламской традиции называется *ад-дуниййа аль-фена* («мир уничтожения», приблизительно соответствующий библейскому «юдоль человеческая») — это пестрая изнанка ничто.

Мир катится к пределу; предел — это та цепь, та темница, к которой приговорено все сотворенное.

Свобода в истинно человеческом смысле, внятном во все времена для всех культур, есть не что иное, как именно свобода от этого предела и ничто иное.

«Ислам как цивилизация», 01.01.1994

Предопределение

Что же касается предопределения, есть очень хороший образ — зеркало!

Вы «вольны» делать перед зеркалом все, что угодно, — кривляться, строить рожи, надевать генеральский мундир со звездами.

В тупик вы его не поставите. Зеркало «знает» все, что вы можете ему показать.

Более того, оно «знает» неизмеримо больше — то, что вам и в голову не придет.

Можно сказать, что весь набор ваших жестов и личин заранее предопределен в зеркале, которое не зависит от вашей свободы, ибо его способность отражать безмерно превосходит вашу способность показывать.

При всех недостатках любого наглядного сравнения можно сказать, что пример с зеркалом хорошо описывает сочетание свободы и предопределения...

«Аллах знает то, что в ваших сердцах» (Коран, 33:51).

В Святом Коране многократно указывается, что, хотя тварь и является в драме бытия неким игроком, действующим по своему разумению, она не может поставить в тупик Творца, Который, «подобно зеркалу», знает наперед все ухищрения, позиции и фокусы, которые только может изобрести свобода воли.

«И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах — лучший из хитрецов» (Коран, 3:54).

Что же касается идеи предопределения, в которой все совершающееся механически, все прописано, как музыкальная фраза в механическом пианино с перфорированной лентой, — это идея забавная, но тупая.

Она разработана некоторыми евреями-каббалистами и от них, к сожалению, попала в среду арабов, дав начало школе джабаритов.

На сегодняшний день джабаритские идеи не пользуются популярностью в широкой среде мусульман, поскольку трудно совместимы с принципом личной ответственности.

«Исламская стратегия на Кавказе». Материалы конференции, 2008

Природа

Современная знать плотно оседлала экологическую тему.

Вымирающими тиграми и исчезающими попугаями занимаются только потомки крестоносцев, не ниже.

Вообще, природа как предмет дискурса стала, с одной стороны, элитной, рафинированной и экзотической темой, на которую могут позволить себе тратить деньги только те особы, по первому слову которых уважаемые фонды считают за честь раскошелиться; с другой же, экология — излюбленная площадка глобальной мафии, безупречный канал отмывания денег, оружие шантажа строптивых стран и корпораций...

Но во главе мафии опосредованно, через транснациональные компании, стоят представители все тех же громких фамилий Старого Запада.

«Наследие Кириллова», 2007

Прогресс

Что является сущностью мобилизационного процесса, который принято называть «историческим прогрессом»? Это отношение времени и людей друг к другу и критерии такого отношения.

Например, в древности жизненное время фараона приравнивалось к жизненному времени всего его народа: он «стоил» столько, сколько все его подданные, вместе взятые.

В последующие времена социальная динамика привела к возможности разного рода нестатусных фигур играть со стоимостью личного времени, и нарушилась определенность баланса между монархом и остальными.

Стоимость жизненного времени одного, а затем и окружающих его элит, стала понижаться относительно стоимости совокупного времени населения.

Как росла стоимость времени тех самых частных лиц внизу? Она также определялась привелением жизненного времени конкретного обывателя в соответствие с тем или иным числом занятых обеспечением его жизни.

Например, земледелец в Древнем Риме стоил столько, сколько пять его рабов плюс энное количество вольноотпущенников, плюс труд тех, кто собирал его урожай, и тех, кто доставлял его на рынок, и т. д.

На жизнеобеспечение современного представителя среднего класса в мегаполисе работает, прямо или косвенно, несколько тысяч человек: от далекой Джакарты, где делают для него кроссовки, до Голливуда, где для него делают фильмы, от парикмахеров и сантехников до подчиненных, которыми он командует.

Каждый в этой толпе «новых рабов» и «новых вольноотпущенников» сам опирается на кучу подобных людей, без деятельности которых он не сможет существовать.

Однако понятно, что за рабочим обувной фабрики в Джакарте стоит гораздо меньше и совсем других по своему собственному весу персонажей, чем за менеджером в Париже.

Статус безработного сегодня также есть форма труда, поскольку в обеспечении существования каждого безработного занята масса людей — в частности, чиновники собесов.

Относительная стоимость жизненного времени в учете человеческого капитала варьируется с колоссальными перепадами.

Оптимальной в глобальной экономике (но абсолютно утопичной!) была бы ситуация, когда жизнь каждого из 6 миллиардов населения Земли обеспечивалась всеми остальными 6 миллиардами.

Это была бы абсолютная капитализация человеческого ресурса. Поскольку это невозможно, информационное общество представляет собой паллиатив: каждый, включенный в Сеть, обеспечивается числом всех остальных юзеров.

Таким образом, время, проводимое каждым в интерактиве, капитализируется фактически безмерно по числу терминалов, к статусу которых сводится человеческий участник Сети.

Громадное большинство людей необходимым образом остается за пределами информационного общества. В этом случае само их существование разрушительно действует на систему виртуальной капитализации, и встает вопрос о том, как решить проблему этого «человеческого балласта».

«Кризис реальности», 2008

Пролетариат

Еще в XIX веке Маркс, продумывая провиденциальный мессианский стержень человеческой истории, стремился найти того всемирного субъекта оппозиции, который мог бы взять на себя задачу коллективного спасителя — освободителя человечества.

Это должно было выразиться в категории людей, которая совмещала бы в себе определенную классовую модель сознания, будучи вместе с тем физически проявленным коллективом, исторической общностью.

Такая общность, по мысли Маркса, должна была обладать изначально заданными мобилизационными характеристиками, быть способной действовать как армия, обладающая единой волей и единым командованием.

В соответствии с этими заданными предпосылками Маркс указал на пролетариат.

Тайна пролетариата состояла в том, что это были вчерашние индивидуалисты — крестьяне-единоличники и городские мелкие ремесленники, которых насильно согнали в бригады лишенных средств производства людей, у которых

не осталось ничего, кроме собственных рук и жизненного времени.

Это были люди, в определенном смысле взятые в плен, подобно рабам Спартака.

Пролетариат возникает в результате насилия, и в силу этого акта в отношении себя он находится в безусловной оппозиции обществу и истории.

Если внимательно изучить марксистский анализ пролетариата, мы обнаружим там все фундаментальные характеристики диаспоры нового типа: от насильственной лишенности корней до кочевья в поисках рынка труда.

Постиндустриальное общество вытеснило последние отряды пролетариата на окраину мировой экономики — в страны третьего мира, где его существование лишается политической эффективности и не угрожает больше стабильности в странах «золотого миллиарда».

Однако на смену пролетариату приходит новый субъект оппозиции — диаспора.

Диаспора сегодня является аналогом вчерашнего революционного пролетариата.

Но есть и фундаментальное различие: «марксистский» пролетариат в значительной степени был виртуальной категорией.

Ни одна успешная революция не была инициирована пролетариатом, и даже более того — не победила благодаря ему.

Для того чтобы пролетариат каким-то образом послужил материалом для социального переворота, необходима партия профессиональных революционеров, которая этот пролетариат должна вести, воспитывать, организовывать и в конечном счете — угнетать и эксплуатировать.

«Диаспора: религиозный феномен...», 30.11.2003

Промышленный и финансовый капитал

Говоря о промышленном и финансовом капитале, необходимо отметить глубокую разницу в философии.

Промышленный капитал верит в объект и в обмен веществ.

Это инженерный подход, это установка на качество, это другой тип интеллектуализма.

А финансовый капитал верит в интеллектуальную экономику, в информационную экономику.

Он верит в то, что деньги — это просто информационный поток, и в политэкономическом смысле это солипсическое сознание.

Промышленный капитал ориентирован на работу с объектом вне себя, а финансовый капитал — это солипсическая работа с некой виртуальной ценностью.

«Анатомия молчания», 17.01.2011

Пророки

Когда мы говорим об учении пророков, мы должны конкретизировать: мы говорим не о каких-то пророках вообще, не о некой феноменологии пророчества (у Пушкина, например, есть стихотворение «Пророк») — не о таком расхожем понятии; этим словом, может, пользовались и друиды, впадавшие в исступление и вещавшие от имени, скажем, некоего духа, или коллега жрецов Пифия называла себя пророком.

Но мы имеем в виду пророков совершенно конкретных, мы имеем в виду пророков библейских, мы имеем в виду пророков, которые идут от Ноя, цепь которых восстановлена Авраамом и которая заканчивается в пророке ислама Мухаммаде (да будет мир над всеми ними).

Эта цепь пророков совершенно конкретная, которая стоит в центре, в оси человеческой истории, вокруг которой вращается все, которая всему противостоит.

И все эти пророки являются в мир по одной схеме: они приходят как глашатаи неправедности того, что есть «статус-кво», того, что должно прийти на смену всему этому — эсхатологически прийти и отменить все сущее, чтобы появилось альтернативно Новое.

И они политически всегда приходят в конфликт с существующим мировым режимом — либо это правитель, который существует во время конкретного пророка и которому конкретный пророк противостоит, а тот, в свою очередь, пытается убить его в колыбели или в последующем; либо, как в случае с Пророком Мухаммадом (мир ему и благословение Аллаха), речь идет о геополитическом истеблишменте на его день (в момент при-

хода ислама в мир это была Византия, это был зороастрийский Иран).

Это были две гигантские сверхдержавы, находившиеся между собой в конфликте.

Ислам выступил как оппонент и того и другого — то есть оппонент геополитического статус-кво на тот момент.

Но дело в том, что и христианство выступило оппонентом того, что было статус-кво на тот момент — Римской империи.

Но и послание Моисея явилось тоже вызовом фараону Древнего Египта, который являлся духовной моделью архаического мира и архаического человечества; настолько четкой духовной моделью, что до сих пор в сознании определенных инициатических организаций заложены информация и ритуалы, связанные с древнеегипетской традицией.

И всему этому был кинут вызов именно Моисеем.

Но и Авраам, который явился в мир во времена Нимврода, правящего Вавилоном, тоже бросил ему вызов.

Пророки — это революционеры, которые выступают таким образом: на одном полюсе у них находится современный им правитель, которого они обвиняют в нелегитимности, неправедности и тирании, на другом полюсе находится все статус-кво, все существующее, вся онтология, которой они бросают вызов, указывая на то, что посланы в этот мир Богом, кроме Которого нет победителя и Который является альтернативой всему.

Всему — чему? Да вот этому абсолютному Року, вот этой бесконечной силе негатива, которая стирает всякую определенность.

Иными словами, пророки не колеблются в том, чтобы назвать зло, которому они противостоят, абсолютным.

Это потом их последователи, исторически приписывающие себя к их традиции, назначающие себя в толкователи, знатоки, в священство, как бы продолжающее импульс от пророка, это они уже редуцируют тему зла, это они уже говорят, что зло — маленький, преходящий, допущенный в виде эксперимента, экзамен, испытание, технический элемент, а на самом деле все замечательно, так как это Божий мир, а в Божьем мире — какое зло? Божий мир сотворен Богом, а это — уже последующая порча...

Лекция «Цветы зла», 2002

Пророк никогда не является спасти что-либо от разрушения. Всевышний Господь никогда не позволял пророку замолвить за нечто слово и спасти это от разрушения, если это нечто было обречено. Если помните, ни Содом, ни Гоморра не были пощажены, ни ветхое допотопное человечество, за которое просил Ной, которому он проповедовал более девятисот лет и которое он не сумел ни в чем убедить, — все это было уничтожено.

Мы, естественно, не знаем, что для пророка важно, потому что тайна пророческой миссии, его внутренняя ангажированность — это вещи для нас непостижимые.

Но мы знаем, что важно для нас. Для нас важно, чтобы пророческая миссия в отношении к нам, в отношении нас увенчалась успехом.

«Чаепитие в Мытищах», 1997

Протест

Изначальная двойственность человеческой природы всегда генерировала протест.

С одной стороны, человек загружен сознанием того, что он — часть цивилизации, внутри которой он и становится человеком.

С другой — его совесть, апеллирующая к безусловному, протестует против лжи, на которой априори построена любая цивилизация.

Тысячелетиями протест носил религиозный характер.

Либералы оседлали могучую энергию духовного несогласия.

Через доктрину Гегеля — Маркса об отчуждении и дегуманизации они предъявили протестным силам квазирелигиозную версию глобального мировоззрения.

В рамках этой либеральной версии глобальные цели человечества были подменены, а расстановка акцентов искажена.

Со всей неизбежностью это повело к крушению леволиберального мировоззрения, системно организованной частью которого являлся марксизм.

Но худо-бедно марксизм все же давал возможность договориться в рамках своей знаковой системы самым различным силам, не исключая и радикалов, вынужденных пользоваться этим языком.

А сегодня мы видим, что мощь и направленность мирового протеста уже лишены единого языка и единой мировоззренческой системы ценностей.

При отсутствии общего языка и общей понятийной системы невозможно более координировать усилия разнородных протестных сил по всему миру.

Есть народы, склонные к стихийному протесту более других и не растерявшие солидарности и в нашем веке. Таковы, к примеру, итальянцы и греки.

Еще в XIX веке либерал-почвенник Александр Герцен был восхищен революционным духом Италии.

Увы, сегодня эта бесценная энергия народа растрачивается на недовольство политикой того или иного концерна, неурожаем мандаринов или борьбой за права женщин.

Миллионная лондонская демонстрация против войны в Ираке не была поддержана ни в Москве, ни в Каире. Не потому что там — за войну, а потому что нет общего мировоззрения протеста. Это совпадает с общим кризисом либерализма, в результате которого на передний план в официальном истеблишменте выходит его крайне правый фланг, иногда апеллирующий к фашистскому популизму.

С другой стороны, радикалы, махнув рукой на субкультурные движения альтерглобализма, все больше тяготеют к возврату на религиозную платформу критики существующих порядков.

«Кризис реальности», 2008

Профан

Современный человек — то есть в первую очередь представитель стандартной западной или прозападной ментальности — характеризуется прежде всего фанатичной приверженностью к клише, своеобразным ориентирам в замкнутом умственном пространстве, которое ему кажется единственно возможным и безопасным.

Клише — не обязательно только то, что известно и сто раз повторено.

Безопасная, ожидаемая, предсказуемая банальность также имеет характер клише, хотя бы формально она и являлась «новым» высказыванием.

В каждом современном массово-профаническом человеке сидит безошибочный внутренний редактор с нюхом на «свое» и «чужое» — даже когда речь не идет о прямом интеллектуальном вызове.

Процитируйте профану, не называя имени, имама Хомейни — например: «Пот рабочих и кровь солдат священны и драгоценны» — и он тут же насторожится: «Что это, что это, что это?!» А дайте ему, опять-таки анонимно, что-нибудь из Горбачева («Давайте больше руководствоваться рассудком») — он удовлетворенно кивнет: «Все правильно».

На логическом уровне нельзя доказательно раскрыть, почему в одном случае профан настораживается, в другом — выражает согласие.

Остается признать, что редактор внутри его — сам дьявол, знающий свое дело. «Объективная истина», т. е. твердое знание о том, какова реальность, давно не затрагивает «общечеловеческое» сознание — ему даже непонятна сама эта концепция.

В мире профанов сейчас только профессиональные философы — да и то если они специализируются на теории познания — еще смутно могут припомнить, что подразумевалось в «варварские времена» под «объективной истиной».

Так называемая наука превратила знание о мире в производное от своих быстро меняющихся домыслов, а последние — в догму, неприкосновенную для «аутсайдеров» (заметим, кстати, что девять десятых наименее абсурдных идей науки представляют собой откровенный и при этом совершенно непонятный плагиат из традиционных дисциплин, Каббалы, герметизма, магии, только изложенный позитивистским жаргоном профанов!).

Окончательно образ «объективной истины» был скомпрометирован для толп благодаря той пародийно извращенной роли, которую ей навязали в так называемом «материализме», попросту отождествившем «объективное» с «чувственным» и объявившем «истиной» физиологические ощущения самого примитивного слоя двуногих.

Это крайнее вырождение концепции «истины» позволило, наконец, наиболее высоколобым из профанов эмансипироваться от нее и предложить эмансипацию массам.

На сегодняшний день «истиной» является результат коллективного соглашения «внутри человеческого общества».

«Истина» теперь — продукт культуры.

Собственно, современная «истина» — это и есть сама культура.

Без этого главного понимания, что такое «теория познания» профанов, мы никогда не поймем секрета «нового мышления», амбиции науки, пафоса неоспиритуализма и оккультизма, короче, мы не поймем до конца, в чем и как профан является практикующим сатанистом.

«Что такое Таухид», 01.01.1990

Прошлое

Религиозная история в любом варианте делает начало человечества духовно близким и привязанным к повседневному существованию современников.

Это верно и для библейского концепта Адама, и для греческого мифа. Не то происходит, когда история становится достоянием либеральных ученых. Их стараниями генезис человеческого рода отрывается от конкретного человека сегодня. В контексте либеральной научной истории с одинаковым успехом можно говорить о палеолите и о том, есть ли жизнь на Марсе. Человек оказывается выведенным из референтного отношения к большому Прошлому.

Присутствие прошлого в виде сюжета и концепта характеризует монотеистическое сознание. Присутствие прошлого в виде безграничной череды предков (которые тем не менее твои предки!) — это характеристика языческого сознания.

Профаническое сознание современного человека лишено представления о том, что прошлое имеет смысл, относящийся лично к «тебе», — человеку посреди актуальности.

Для молчаливого большинства в той части, которая контролируется либералами, нет ни Первочеловека (Адама) как духовного пращура ныне живущих, ни чреды уходящих вдаль предшественников, блюдущих алтари семейного дома (древнеримское язычество в этом аспекте ничем не отличалось от китайского). Для людей, составляющих это молчаливое большинство, прошлого нет вообще.

Такое состояние люмпенизированных низов устраивает либеральный клуб.

Ведь его пафосом является повышение стоимости настоящего. А эта стоимость также относительна в контексте временной оси.

Чем выше капитализация прошлого, тем проблематичнее реализуются паразитические амбиции либералов.

Либеральные историки разрушают историю народа, страны, семьи, личности. Они подвергают сомнению даты, имена, события, их очередность и их высокое звучание.

Под видом ироничного скепсиса они подтачивают прошлое и священное как основу и смысл.

Накануне страшных переломов люди интуитивно ищут смысл. Часто они облекают эти поиски в неловкие формы, превращают прошлое в слащавые картины. Их либералам еще легче разрушать — ведь это просто лубочные картинки, в которые до конца не верит и сам профан, хотя и помещает их с удовольствием на стену.

«Кризис реальности», 2008

Рабство

Если задуматься, то нынешняя мировая система складывается из многих архетипических рабств, навязанных человечеству. Фараонское иго существует на невидимом плане, где-то сливаясь и переходя в печать, оставленную римским владычеством. А рядом сквозь толщу времен просвечивает «дорога Иштар» и сонмы рабов, бредущих среди зиккуратов Вавилона.

Все эти невидимые оковы сплетаются и поддерживают, усиливают друг друга. Человечество живет от одной модели рабства до другой. Следующее ярмо кажется освобождением от предыдущего.

«Вспомним все!», 16.10.2014

Радикальный клуб

Радикальный клуб существовал всегда, только в какой-то период он представлял собой определенную интегрированную в социум касту. Это была воинская каста в основном.

Но в какой-то момент в Европе (это было с наступлением абсолютистской монархии) началось строительство современных, бюрократических, механизированных армий, и начался демонтаж воинской касты. В результате воинская каста была выведена за рамки социума и превратилась в такой мощный бродильный, революционный элемент, который интегрирует в себя конечно выходцев и из других сословных групп.

Радикальный клуб — это клуб, который фундаментально бросает вызов истеблишменту сверху донизу.

...Справедливость в нынешнем мире — это лозунг радикалов, и он основан на теологии Откровения...

Радикал исходит («исходит» — не в смысле, что он так думает, а в смысле, что он экзистенциально переживает: это он так сделан, он таким рождается) из того, что, во-первых, истиной является то, что отсутствует в нашем опыте и может прийти только через специальное посланничество от непознаваемого источника; во-вторых, это абсолютно реально, и это указывает нам

на то, что бытие, в которое мы вброшены, основано на ошибке, фундаментально основано на ошибке. Но не потому, что Творец ошибся, а потому, что Он заложил эту ошибку для нас, чтобы мы ее исправили, как испытание или экзамен для нас.

...Есть радикалы, которые представляют собой пассионариев ума, а есть пассионарии тела. Пассионарии тела, которые не находят пассионариев ума, которые бы ими руководили, обычно плохо кончают где-нибудь в канаве после уличной драки. Но пассионарии ума — это, к сожалению, чисто кабинетные пассионарии.

А в идеале — это когда объединяются и те и другие. А особенно когда это объединяется в одном человеке.

Все, кто следуют за пророками, -- это пассионарии, которые способны поверить в Откровение, пассионарии ума и пассионарии тела, у которых достаточно мужества, чтобы идти на крестную муку, если это понадобится.

...В пределе политической задачей радикального клуба является не создание очередной общественно-политической формации, не построение социализма или коммунизма или чего-нибудь еще в этом же роде, а политической задачей является подготовка второго пришествия Иисуса Христа и Махди.

Потому что, с точки зрения ислама, это двойное событие.

Махди как руководитель исламской общины, сопряженный со вторым пришествием Иисуса Христа, в которое мусульмане верят так же, как и христиане. И это пришествие является концом истории и одновременно фундаментальным изменением законов мироздания перед общим концом — Воскресением и Судом.

Это главная задача.

В контексте этой задачи не проглядывается установление глобального господства в мире без появления Махди и Иисуса, которые являются водителями человечества и которые являются печатью, которую Всевышний ставит на том, что усилия радикалов преуспели — потому что они могут не преуспеть, критической массы может не хватить.

И в этом смысле вся история будет неудавшейся репетицией, одной из неудавшихся репетиций.

Потому что, с точки зрения определенных метафизиков — носителей традиционного знания, наше человечество является

одним из многих в этой цепи, в которой повторяется все время постановка одной и той же задачи.

Просто наши предшественники (так же как рискуем и мы) были абсолютно неуспешны: не хватило критической массы для того, чтобы преодолеть мощь инерции.

Но если ее хватит, то тогда будет эсхатологический сценарий.

Радикалы — это эсхатологи.

Но, предположим, на пути к этому, в одном из отдельных регионов действительно радикальный клуб берет контроль, что вызывает немедленно острую деструктивную реакцию со стороны господствующего традиционалистского клуба, который нельзя одолеть окончательно без эсхатологического вмешательства Всевышнего, — но где-то, в какой-то момент, берет.

И что это означает?

Это означает, прежде всего, прямую демократию без установления государственного аппаратного чиновничьего правления в том месте, где радикалы берут власть.

Прямая демократия.

Прямая демократия имела примеры в прошлом, но там не хватало политической философии, политического понимания для того, чтобы удержать эту ситуацию под контролем.

Имеет место и сейчас, в отдельных моментах, в отдельных местах земного шара и сегодня существуют элементы прямой демократии, основанной на сопротивлении мировой системе насилия.

Но находится это в состоянии не мира, но активной самозащиты.

«Анатомия молчания», 2011

Развитие

Мыслящая часть западного человечества привязана к одной упорной иллюзии: она верит в необратимое развитие человеческой цивилизации из точки А в точку Б.

Никакой скепсис последних ста лет, никакая критика провиденциализма и «больших повествований» не смогли расшатать эту инстинктивную привязанность к эволюционной идее.

В свое время Огюст Конт уверял, будто человеческое сознание уходит от мифологии через метафизику в философию, чтобы устремиться дальше к горизонтам позитивной науки.

Сегодня мы знаем, что наше сознание ориентировано на мифы в не меньшей степени, чем 3000 лет назад; метафизика вновь стала базой некоторых инновационных дискурсов, а научный метод в кое-каких аспектах поставлен под серьезное сомнение.

Однако миф о поступательном движении не сдается.

Сегодняшний интеллектуал нуждается в ощущении центральности и неповторимости того, что он называет «современность», — даже если она диктует постмодернистское отрицание самой идеи центра и последовательности.

Таков один из парадоксов менталитета нашего переломного времени.

«За пределами постмодернизма», 13.01.2003

Различение

Согласно исламу, Адам (мир ему), согрешивший ослушанием, прощен Господом прежде, чем был отправлен на землю.

С точки зрения ислама, проблема первородного греха решена через прощение Милостивого, Милосердного.

Однако травма ослушания и раскаяние первого в цепи пророков открыло в нем, благодаря присутствию искры Духа Божьего, острое осознание возможности ошибки, различение (по-арабски «*фуркан*»).

Это различение не только между «запретным» и «разрешенным», а фундаментальное различение между бытием как внеположенным сущим и противостоящим этому бытию сознанием, благодаря чему возникает напряжение смысла и этический вектор долженствования.

Бытие и сознание не тождественны, как учат греки и другие язычники, а коренным образом противоположны и находятся в противоборстве, что и образует подоплеку метаисторической драмы.

«Адам и проблема "ветхого человечества"», 18.01.2012

Разум

С нашей точки зрения, общество действительно является манифестацией некоего архетипа, т. е. Великого Существа.

Это не может быть иначе. Но, с другой стороны, попытка научной деконструкции традиционалистского мировоззрения,

попытка деконструировать традиционную реальность привела к тому, что научное мировоззрение оказалось опять-таки плагиатом традиционалистского мировоззрения.

Пространственно-временной континуум видится кому-то как самобытная и безусловная реальность, в которой случайно, как бы на уровне сбоя образов, заводится точка, энергетический потенциал которой почему-то повышается.

Таким образом, возникает жизнь из смерти, потом опять повышается энергетический потенциал, возникает разум из жизни, потом этот разум постоянно осуществляет новые сбои, идя против потока, против энтропии, и каким-то образом продолжает повышать свой энергетический потенциал и, соответственно, уровень организации.

В итоге после нескольких столетий развития научного мировоззрения мы обнаруживаем разум в виде свода фундаментальных законов, управляющих материей, и Великое Существо в качестве вечного человека, который, будучи самоуправляющимся, самодостаточным в бесконечно длящемся времени и пространстве, является гармонизатором этого пустого бытия и этого странным образом существующего разума (разума, скрытого в пространственно-временном континууме, разума, присущего субстанции).

Это инверсия традиционной модели.

Причем эта инверсия, в силу того, что там перевернуты пропорции, гораздо менее логична, менее устойчива, требует массу допущений.

Но тем не менее кредо масонской научной веры в конечном счете сводится к зеркальному отражению традиционалистского послания.

Когда мы смотрим на конкретные космогонические теории современных астрофизиков, мы не находим там ничего, кроме более или менее закамуфлированного воспроизведения ассирийских и вавилонских мифов, просто изложенных якобы научным языком.

Человек не имеет в себе изначально присущего ему содержания, которое является каким-то априорным свойством его натуры.

Именно такой эмпирический физический человек — практически ноль, чистый лист бумаги.

У него есть определенные генные предпосылки, есть определенная индивидуальная природа, но, в принципе, он — лишь потенция, некая возможность, которая оживает при встрече только со сверхчеловеческим началом, с обществом. А общество в свою очередь доказывает свою сверхчеловеческую сущность в том и тем, что оно погружено в нечеловеческое.

«Революция пророков», 2003

Расизм

Сама идея расовой квалификации реально на практике существующего неприятия одними биологическими группами других групп — это де-факто свидетельство о глубоком внутреннем кризисе человека.

Если мы проанализируем расизм как инстинктивно психическое неприятие носителями одного генотипа носителей другого генотипа, мы обнаружим, что под этим скрывается некая невыраженная, несформулированная критика человека вообще, — иными словами, человек критически относится к человеку как к таковому, не признавая дефектность человеческого в себе, обнаруживает ее в другом генотипе, который для него является отстраненным, предстает на определенной дистанции.

Он не опознает в представителе другого генотипа, другой расы, человека в целом: он видит только то, что этот человек ему неприятен.

Почему? Обычно отвечают: «Да потому что он другой».

Но есть и более глубокий ответ: потому что человеку, в принципе, на глубоком уровне психического переживания, неприятен человек как таковой.

«Арийский ислам».
Лекция в Музее Востока, 1994

Реальность

Что же такое «реальность»? Сразу поставим вопрос: какое отношение реальность имеет к вневременному блоку, который открывает себя через целую систему социальных механизмов, структур и передач?

Слово «реальность» происходит от латинского res («вещь»), это некая вещественность.

Как говорили марксистские преподаватели: «Вы постучите себя по столу — есть или нет?!» Собственно говоря, в «Материализме и эмпириокритицизме» Владимир Ильич так и понимал реальность — как постукивание по столу.

С другой стороны, мы привыкли в философской практике апеллировать к реальности, как к чему-то более глубокому, сокровенному и масштабному, чем действительность.

Насколько я помню, в одной из своих первых работ Владимир Соловьев даже доказывал, что в английском и французском языках нет адекватных слов, разграничивающих реальность и действительность, а есть такие слова только в русском и немецком языках (Realitat и Wirklichkiet), что, конечно, неверно.

Такие слова, разграничивающие понятия реального и действительного, есть и во французском языке (realite и actualite), и, соответственно, в английском (reality и actuality). Действительность — это то, что мы привыкли воспринимать как то самое «постукивание». Это гудки автомобилей за окном, повестки из милиции, звонки по телефону, включенный телевизор, падающие самолеты.

А реальность, несмотря на свое происхождение от латинского слова «вещь», каким-то образом переживается нами как глубокое, подлинное, фундаментальное, последнее.

Видимо, это так потому, что человек склонен уподоблять твердость и неподатливость окружающего корпорального мира тому подлинному, что на самом деле скрывается за этой вещественностью.

Реальность — это последняя подлинность, это последняя аутентичность, это то, что Кант называл «вещь в себе», это ноумен.

Реальность не дана нам непосредственно в наших органах чувств. Потому что то, что нам дано в органах чувств, — это то, что на нас действует, то, с чем мы соприкасаемся, та стена, в которую мы бьемся лбом.

Это действительность.

А реальность, подлинная реальность — это то, над чем ломали интеллектуальные копья многие мыслители.

И все они приходили к одному — реальность умопостижима только в виде концепта, ее нельзя пережить, ощутить, о ней можно думать, говорить. Иначе она просто ускользает.

Мы можем принять за факт, что за гранью видимого, которое на нас давит, есть то невидимое, которое тем или иным образом находится с этим видимым в связи.

Тогда получается, что есть прямая связь между Традицией (как чем-то невидимым и глобальным, что проявляет себя в формах видимого, то есть в социуме) и реальностью (тоже ноумен, тоже невидимый).

Может быть, это одно и то же? Может быть, ноумен и источник Традиции — это и есть одно и то же?

Это классический путь решения вопроса. Есть последняя правда, она — внечеловеческая, она не воспринимается органами чувств, она открывает себя косвенным образом через некие внешние знаки, и одновременно она открывает себя через проявления общества, через предания, через некие символы, в которых запечатлевается отношение человека к этой реальности.

Тут мы подошли к наиболее значимому вопросу.

Традиция — это различные способы отношения человека к ноумену, к тому непостижимому, данному вне чувств, которое является смыслом и мотивом всего.

Обычный человек, который занят потоком обыденной жизни, может знать (ему сказали), что есть некая бездонная последняя правда, которую ты не воспринимаешь.

Допустим, что он человек гибкий: он принял, что есть такая правда.

Но ему до этой правды нет никакого дела.

От рождения до смерти он занят покупкой хлеба, воспитанием детей, хождением на работу. Внезапно наступает конец: он падает в яму, над ним быстро произносят несколько слов, относящихся к фольклору, и — конец...

Он имел отношение к реальности в том смысле, что реальность не имела отношения к нему. Это тонкое отношение, это отношение обычно называется профанизмом, пребыванием вне Традиции. Традиция же — активное отношение человека к этой самой скрытой истине, скрытой подлинности.

«Революция пророков», 2003

Революция

Люди сражаются, проливают кровь, исчезают целые поколения — и все это за определение того или иного смысла жизни.

При одном смысле жизни существование этих людей бессмысленно, но при другом смысле жизни существование этих людей является императивом. За это идут религиозные и социальные войны, и в этом пафос революционного послания пророков.

Революционная доктрина пророков состоит по крайней мере из четырех аспектов.

Первый, наиболее наглядный, аспект — это революция против космизма, против космоса. В Коране мы находим аяты, посвященные миссии Авраама (мир ему), где повествуется о начале его духовного пути, пророческой миссии, когда он последовательно испытывает как бы на символическую прочность реалии проявленного окружающего мира. Месяц, солнце, звезды, небо и т. д. Достойно ли все это поклонения, или, по крайней мере, достойно ли быть взято хотя бы в качестве опоры, ориентира, для ориентации религиозного чувства. И последовательно на все это дается ответ: нет, ни этот, ни тот, ни другой, ни третий, ни десятый элемент проявленного космоса, как бы ярок и поражающ он ни был, не может являться ориентиром для поклонения, не может являться отправной точкой для концентрации религиозного бодрствующего внимания. Авраам снимает проявленный мир как предмет для поклонения, предмет для духовной солидарности.

Такова революция против космизма, против космоса.

Далее идет революция против концепции декретирующего неба и против неба как места пребывания субъекта, высшего архетипического начала.

...Против этой жреческой концепции направлена вторая часть революции пророков — отрицание неба, потому что в Коране сказано: «Аллах есть свет небес и земли» (24:35). Аллах владеет, по словам Корана, и землей и небом, он нетождественен небу — он хозяин, причем таким образом, что небо всегда идет в паре с землей, т. е. иерархическое превосходство неба как тонкой манифестации над грубой снято перед огромной бесконечной дистанцией, которая отличает даже наиболее высокие

проявления бытия от субъектного принципа, который всегда трансцендентен.

Далее: революция пророков направлена против самой онтологии, против тождественности с принципом *вуджут*, принципом бытия.

Потому что принцип *вуджут*, принцип простой и первоначальной аффирмации — на самом деле это абсолютная тождественность и культ объекта.

А послание пророков связано с абсолютным Субъектом как гносеологическим условием. Здесь надо сказать, что развитие исламского мистицизма, *тасаввуфа* (суфизма), пошло двумя путями.

Так называемый великий шейх суфизма Мохиддин ибн Араби, автор доктрины «*Вахдат аль-вуджут*» («Единство бытия»), онтологической реальности, которая в значительной степени опирается на неоплатоническую традицию, являющуюся жреческой имманентистской традицией, запирающей всю реальность в бесконечное наличие, в котором есть только степени более низкие, более высокие, более грубые, более тонкие, но тем не менее это глобально тотальное бесконечное яйцо онтологии, из которого нет выхода, в котором нет субъекта, являющегося нарушением и разрывом этого гомогенного утверждения. Это доктрина Мохиддина ибн Араби.

Ему противостоит доктрина других школ суфиев, которые выступили против этого — в частности, Наджуддин Кобал и школа Ишрака, которые утверждают более соответствующую духу ислама концепцию «*Вахдат аш-шухуд*» («Единство свидетельствования»).

Они говорят: нет знамения в гомогенном единстве бытия. Знамение есть в том, что едино гносеологическое действие субъекта, едино свидетельствование, которое принципиально полярно противопоставлено объектности и наличию. В этом является божественное присутствие. Не в наличии, а в дистинкции от наличия, в отличии от наличия, в отличии от онтологии.

Здесь мы видим, что подлинный смысл авраамического послания, подлинный смысл теологии авраамистов заключается последовательно далее не только в отрицании проявленного манифестированного космоса, не только в отрицании тонко-

го манифестирующего плана манифестации, но и в отрицании принципа бытия как последней финальной инстанции.

Дух не смиряется с тождественностью, с наличием, он не боится идти дальше в не сущее.

И здесь последний четвертый этап восстания революции пророков — восстание против Рока, который является абсолютной негативной бездной, называемой Брахмой, Дахром, Зерваном, Ураном, и, наконец, Дао в дальневосточной традиции.

Это чистая негативная бездна, бездна Эйн-Соф, которая не имеет никаких ограничений, собственно говоря, является не сущим, и она тоже не является финальным звеном горизонта пророческого послания.

Метафизика пророков восстает и против Рока.

Четыре этапа восстания, четыре этапа революции против непререкаемых метафизических истин, которые от века, от самого начала появления сознания на земле утверждались жрецами как то, кроме чего ничего не может быть.

На четырех этих столпах покоится метафизическая революция пророков.

«Арийский ислам». Лекция в Музее Востока, 1994

Революция 1917 года

Революция не знала самоё себя, не знала своей собственной сущности, не знала своей технологии, не знала зачем она.

Но это не лишает нас революционного оптимизма.

Потому что вот поставлена проблема. Революция отвечает на нее и терпит поражение. Проблема не решена. Она не решена — и что будет?

Проблема будет переформулирована на более широком, глубоком уровне, и революция будет грандиозной.

Потерпит поражение снова — значит, будет расширен масштаб. До тех пор пока революция не поймет проблему, пока технология революции не дойдет до резонанса с тем адекватом, который соответствует великой Истории, соответствует революционной потребности. Пока кризис не прорвет.

И тогда Система будет сметена.

К сожалению, революция, которая началась с того, чем кончилась Система — «все для человека, все во имя человека», — такая революция обречена.

Уже Система это сказала: «Нет ничего, кроме человека, который переводится в количество, и количество через него растет». Человечество, которое посредством количества ест самого себя и при этом остается вечным.

Когда нам говорят, что Революция происходит, чтобы человечество шагнуло из царства необходимости в царство свободы, преодолело отчуждение, стало абсолютно вечным, то нам просто возвращают отрыжку Системы.

Сущность революции — это восстание против человеческого фактора.

Если революция восстает против золота, если революция восстает против количества, то она не может не восставать против человеческого фактора: Революция должна восставать против человеческого фактора, она должна быть антигуманной.

Антигуманизм есть сакральный метафизический пафос революции.

Если это не так, если мы видим у революционного пророка, идеолога пафос гуманизма — значит, это подстава. Это попытка завести революцию в очередной тупик.

Мы находим антигуманизм у якобинцев, мы находим антигуманизм у тех, кто спорил на Первом Интернационале с Марксом. А у Маркса мы находим гуманизм, у товарища Фурье мы находим гуманизм, у прочих космистов, примазавшихся к революции, мы находим гуманизм.

Значит, эти люди служат Системе.

«Неоленинизм в XXI веке», 1998

В 1917 году здесь были уничтожены Романовы, и это величайшее метафизическое достижение мировой истории.

После этого Россия одной ногой вышла из Системы.

Вся история, протекающая на территории России после 1917 года, это борьба между теми, кто хочет осуществить полный выход России из Системы, и теми, кто хочет заставить ее вернуться назад.

Если последним удастся закрыть эту брешь в цитадели мирового порядка, у человечества не будет шанса.

О смысле, свободе и справедливости можно будет забыть.

Как в России идет борьба между силами системы и антисистемы, так же она идет и в исламе. Одна из главных проблем в Умме — это то, что не все мусульмане до конца осознают, что борьба с либерализмом и Западом исключает компромиссы.

Живой журнал Гейдара Джемаля, 15.01.2013

Религия

У всех есть идея перешагивания через границы человеческого.

И это правильно, потому что человек, в общем-то, это туча, которая чревата молнией, которая должна из нее сверкнуть, и эта молния нечто большее.

Я не хочу цитировать и повторять Ницше — «молния, которая должна сверкнуть из тучи, это молния сверхчеловека», — нет.

Сверхчеловек — это не религиозная концепция, это антирелигиозная концепция.

Религию надо понимать шире.

Религия — это не только поклонение Творцу, и даже более того — это гораздо более внутренняя вещь, для которой поклонение Творцу — это просто некий фон, это некое оформление.

Религия — это проект свершения, скажем так, это действительно преодоление чудовищной тяжести, чудовищного закона тяготения.

Мы находимся все в гравитационном поле: это то, что превращает энергию в вещество, это то, что сгущает субстанцию.

Сначала она огненная, легкая, свободная и бесконечная во всем протяжении, а потом она превращается в такую черную дыру на выходе.

И вот это — Рок.

Это движение от легкого и субтильного к густому, плотному и уже не выпускающему даже свет из своих черных объятий, — это Рок.

Это то, что называется движением времени, движением Рока.

Пафос героев (дохристианских, доисламских, греческих героев — Одиссея, Ахилла) — в чем он состоял? В вызове Року. Они поднимались и бросали вызов Року, а это значит, что они бросали вызов гравитации, понятой метафизически и духовно.

Это суть религии.

В чем сверкающий пафос монотеизма, ислама?

То, что этим героям дано обещание, что они будут правы.

Древнегреческим героям, Ахиллу и Одиссею, никто не давал такого обещания.

«Обыватель и миф о прогрессе», 2016

По-латыни «религио» означает связь — связь людей с божеством, связь людей между собой. И эта связь людей между собой в язычестве — самая сильная и самая важная. На какие бы высоты ни поднималась мысль язычника, она всегда возвращается к земле, к потоку поколений, к человеческой материи. «Религио» — это отсутствие одиночества, это общность, это время.

Совершенно не то в религии Ибрахима (мир ему).

Если религия язычников, подобно древу жизни, растет из человеческой материи, религия Единобожия не является этим древом и называется она иначе: *«дин»*. *«Дин»* по-арабски это Судный день, это день страшного предстояния одинокой души перед Богом.

Ислам говорит: «Бог Авраама, Моисея, Иисуса, Мухаммада».

Что это значит? *«Иллахукум Иллахум Уахид»*, ваш Бог — Бог Един.

Запрет на придание Богу сотоварищей многими не понят.

Это указание не на ревность определенного бога, который не хочет соперников, а на реальность Бога, полярно противостоящую всякому существу.

Отношение с этим Богом представляет собой открытую систему: с одной стороны — абсолютная жертвенная преданность; с другой стороны — непостижимая, бездонная свобода. Бог обещает, но указывает, что Ему судить, выполнены ли условия.

Обещания Бога основаны на милости, а потому завет с Богом есть сознательное принятие духовной опасности, связанной с божественной свободой.

Странно слышать, что, мол, ислам — это проповедь середины, путь между двумя крайностями. Разве может быть середина в вере, умеренность в страхе Божьем? Разве Ибрахим (мир ему), ведя сына к месту жертвы, выбирал средний путь между двумя крайностями?

Несовместимы путь срединный языческих мудрецов и прямой путь верующих единобожников.

Ихдина ас-сират аль-мустакым.

«Подвиг веры», 1994

Рим

Ordo rerum — «порядок вещей» — вот то, с чего начинается подлинный Запад.

Это чисто римская идея.

Что, во-первых, означает в данном случае «вещь»?

Почему порядок имеет отношение именно к вещам, а не, например, к мыслям, чувствам... душам, наконец?

Потому что «вещь» — это объективация, она внеположна зыбкому индивидуальному самоощущению, мигу здесь-присутствия.

Вещь противостоит тому, что может определяться хотением; она есть неподвластная личной воле сконцентрированная инерция.

Вещь есть не-Дух.

Именно по отношению к вещам выступает в своей безусловной значимости концепция порядка.

Потом этот порядок может быть распространен и на индивидуальное, субъективное...

Организации могут подлежать впоследствии мысли и чувства.

Но сначала организация мира возникает как безусловная взаимосвязь объектов абсолютно противоположных человеческой личности, и при этой своей противоположности, безусловно, превосходящих ее.

Гениальным выразителем римского концепта «порядка вещей» был Лукреций со своей поэмой в шести книгах «De Rerum Natura» («О природе вещей»).

Лукреций, кстати, был и единственным заслуживающим упоминания философом римского мира.

Его поэма в определенной мере предвосхищает бюхнеров и молешоттов — материалистов XIX столетия, которыми так зачитывались базаровы и верховенские-младшие.

Лукреций описывает мир как пустоту, в которой летают атомы. Различные комбинации этих атомов образуют людей,

животных и прочее (вплоть до самих «богов» — не более чем соединения наиболее тонких и легких атомов).

В отличие от восточных метафизик, например, буддизма, где «пустота» является главной категорией, в видении Лукреция — римском видении — пустота есть просто протяженность, игровая площадка для атомов.

Главными в его понимании являются как раз они, атомы.

Они-то и есть настоящие «вещи», которые в своей сути просты и неизменны, в отличие от комбинаций, в которые они вступают.

Принципиально то, что в бесконечном процессе этого атомарного движения нет никакой телеологии.

Иными словами, из порядка вещей исключены «цель» и «смысл». Это просто есть — и все! Мы существуем в качестве случайной преходящей комбинации вечных атомов. Это надо принять как «порядок вещей».

Римская идея начинается именно отсюда.

Порядок вещей находится по ту сторону добра и зла. Он вне оценочных категорий.

Но это не значит, что он внеэтичен: римская этика как раз постулирует, что именно этот порядок вещей, внутри которого правит абсолютное отсутствие смысла, имеющее объективную независимую и совершенно индифферентную к частному хотению природу, должен быть принят как высший императив.

Римлянин возвышается до божества, принимая тотальность внешнего произвола как форму высшей организации.

Именно в этом принятии и только в нем — хаос броуновского движения становится имперским порядком.

Поскольку этот порядок по ту сторону добра и зла — он неумолим. В этом его божественная сила.

Отсюда идет римское понимание закона: dura lex, sed lex (жесток закон, однако он — закон).

В конечном счете все-таки принятие порядка вещей порождает некий позитив, свою форму «блага».

Это благо обусловленное.

«Благом» оказывается чистая сила (как могущество), возникающая из долженствования, утверждаемого через высшую бессмысленность сущего.

Предельное выражение эта сила находит в личности человекобога — кесаря.

Вот почему его воля есть не продукт политического анализа, целесообразности, наконец, проявления священной промыслительности; воля кесаря есть декрет Рока, голос самого порядка вещей, приобретший человеческую форму.

Именно эта страшная сила — этика римской государственной машины, возглавляемая «зверем из бездны», — ломала «через колено» мягкое прекраснодушие варваров, космос которых был целесообразен и по-своему промыслителен.

Варвары были людьми в их детской позитивной чистоте, для которых добро и зло органически вырастали из блаженного самоощущения эмбриона в охранительной утробе матери, которое исчезает от шока появления на холодный враждебный свет.

Эти первичные до-матричные переживания варваром никогда не ставились под вопрос; они для него аксиоматичны, и именно в этом его варварство.

Он сталкивался с римлянином, который прошел путь принятия бессмысленности игры атомов в качестве закона абсолютной силы.

Бронзовый клинок страстного органика пересекался с лазерным лучом организованного духовного нигилизма.

Вся история Европы есть история попыток внутреннего преодоления этого римского «нигилистического самоутверждения». Попыток, оказавшихся в конечном счете провальными, как о том свидетельствуют Шопенгауэр и Ницше, — два философских знамения поражения телеологии добра в постхристианском мироощущении.

После Ницше, с его принятием «вечного возвращения равного» (что в конечном счете есть по-новому оформленный концепт римского «порядка вещей»), судьбой Запада мог быть только возврат к «новому Риму» через краткий период культурного распада в постмодерне.

Здесь мы сталкиваемся с интереснейшим феноменом Запада, который во многом объясняет его центральность по отношению к «туземному» фактору и его иммунитет в отношении «человеческого, слишком человеческого».

Запад всегда был дихотомичен.

Эта дихотомия не проходит через разлом «римское язычество — ближневосточное христианство», она состоит из полюсов, внутренне присущих самой западной почве.

Поляризация западного духа — это, с одной стороны, Платон, а с другой — выше упоминавшийся Лукреций.

Проблема христианства и его обреченность на западной почве именно в том, что христианская матрица была оформлена в дискурсе Платона. Платон и все его филиации, вплоть до Гегеля, — это фундаментальная эллинистическая мысль, которая содержит в себе превращенное «христианство» как частный случай.

Основа платонической мысли именно то, что исключается выразителем римского духа Лукрецием, — «смысл».

Стержень онтологической интуиции эллинов, являющийся одновременно и ключом к «метафизикам» всех традиционных цивилизаций, — это утверждение, что смысл присущ самому бытию. Так что бытие и сознание (а также благо) — это одно и то же.

В перспективе этой фундаментальной языческой интуиции монотеистические откровения Торы, Корана, и, само собой, то, что формально было принято как собственное знамя Западом — откровение Мессии Иисуса, подверглись неизбежной адаптации, искажению и в конечном счете социально-политической «смерти».

Монотеизм как таковой на Западе умер в младенчестве, не выпутавшись из пеленок, потому что вместо Моисеевой колыбельки он был упакован в гроб пантеистической мудрости.

«Основания естественной религии», 26.08.2012

Род

Кризис рода (межпоколенческих отношений) в том, что утрачена непосредственно переживаемая историческая последовательность «отцов» и «детей», в результате чего разные возрасты соприсутствуют в общем броуновском движении на одной временной плоскости.

Молодое поколение должно бросать вызов своим родителям.

Без этого вступающие в жизнь юнцы просто не смогут стать настоящими людьми.

В конце концов, именно в родителях обобщается образ той неправды, которая интуитивно ощущается еще неиспорченными душами в любой общественной среде. Для того чтобы бросить вызов отцам, нужно, чтобы поколение старших было оформлено как самостоятельная сила, имеющая собственное лицо. Нужно, чтобы старшие воспринимались своим потомством как хозяева жизни, ответственные за то, что происходит.

Когда Ульрика Майнхоф и Андреас Баадер выступили в предельно жесткой форме против современного им общества Германии 1960-х, их мотивом была борьба против отцов, ответственных за Вторую мировую, приведшую к поражению и порабощению Германии.

Для радикальных левых движений двух послевоенных поколений проблема отцов была едва ли не доминирующей, оттесняющей на задний план классовые и экономические вопросы.

Сегодня такое вряд ли возможно.

Отцов нет!

Противостояние между поколениями размыто до исчезновения четких границ между «старшими» и их вступающим в жизнь потомством. Кроме того, у нынешнего подрастающего поколения нет ощущения, что в лице своих отцов они имеют дело с «хозяевами жизни», которые за что-то несут ответственность. Скорее наоборот: люди старшего возраста воспринимаются как маргиналы с несостоятельными воззрениями — если они и отвечают за что-то, так только за напрасность прожитых ими жизней.

Неправда, против которой следует выступать, сегодня утратила традиционную ассоциацию с не дающей дышать геронтократией.

В советское время диктатура старцев отчетливо противопоставлялась нетерпеливым ожиданиям молодости.

Необходим был такой политический институт, как комсомол, для того чтобы использовать конфликтную энергию юного поколения.

А в наши дни все «молодежное» имеет нестерпимый привкус фальши и «постановки», немыслимых раньше, когда молодость была синонимом подлинности. В броуновском движении мегаполиса отцы и дети, молодежь, люди среднего возраста

и пенсионеры составляют равномерно взболтанную взвесь: все одинаково лишены ориентиров, все находятся в равных экзистенциальных условиях маргинализованных люмпенов.

Поколения не только утратили лицо — они не могут даже выработать символические маски, которые были в ходу еще недавно (пресловутые «шестидесятники» и т. д.). Либеральное общество отобрало у людей еще один ориентир, лишило их возможности как протестовать, так и «делать жизнь с кого», отталкиваясь от исторической преемственности. Еще одним шансом что-то понять меньше!

Еще одна дверь на свободу замурована...

«Кризис реальности», 2008

Рок

Рок неумолим, но с судьбой можно договориться.

Следование судьбе интересно, потому что есть ощущение сценарного продолжения.

Однако все это переживание людей старого времени.

Для современного человека Роком стало общество. Точнее, общество приобрело характер неумолимого принципа, который давит, давит со всех сторон.

В этих условиях личная судьба крайне приблизилась к Року.

Вариативность сильно уменьшилась. В дореволюционные времена человек либо кончал институт и делал карьеру, либо же исключался с первого курса и шел на ссыльное поселение в Сибирь.

Чем в большей степени исчезали элементы разнообразия, тем, соответственно, сильнее проступал Рок. В Сибири у ссыльных схожий образ жизни. Там Рок из сакрального и непостижимого становился ординарным, каждодневным.

Эта преамбула нужна для того, чтобы провести следующую мысль: сегодняшний человек живет непосредственно в Роке.

Каждое его действие, каждый шаг фатален.

Это не значит конечно что подобный человек заслуживает авантюрного романа.

Нет. Будучи насквозь банальным, он одновременно фатален. С точки зрения людей конца позапрошлого начала прошлого века — это абсурд. «Глупость какая-то!»

Совмещение фатальности и банальности — это специфическая характеристика новейшей эпохи. Можно сказать, что сам фатум стал сер и безнадежен.

Поэтому современный человек не верит в пафос и не слышит романс тем же ухом, которым его слушали прадеды.

Но есть ли у фатального политическое измерение?

Да, конечно есть.

Рок не имеет отношения к человеческой субстанции.

С точки зрения Рока, судьба какой-нибудь конкретной травинки или лягушки совершенно тождественна судьбе Наполеона.

Вот здесь, как говорится, «зарыта собака».

Рок — это вопиющее торжествующее тождество, в конечном счете тождество всего всему.

Там, где человек сталкивается с этой упраздняющей нивелирующей силой, которой он не намерен подчиняться, там возникает политический эффект.

Сегодня политика — это борьба сугубо человеческого с внечеловеческим. Борьба с Роком. Именно это дает вспышку и полет тому, что популярно называется пафосом.

Кстати, в греческом языке это слово означает «боль».

Место под этим названием — это, видимо, одно из тех мест, где посвященные встречались с бытием.

Потому что такая встреча всегда сопровождается болью.

Когда германские воины бросили судьбоносный вызов «ледяной пустыне», они знали, что эта пустыня есть парафраз Рока.

Встреча с Роком для этих людей была важнее победы.

Потому что надежды, ожидания, планы Рейха являлись всего лишь внешним поводом для реализации особых состояний, для оживления энергий великого дракона, Уробороса, обнимающего и сжимающего наш мир. Поэтому говорить о том, кто выиграл в этой великой войне, которая шла, как минимум, на трех планах, еще рано.

Эта война с Роком продолжается и по сей день — может быть, уже не в ледяной пустыне, а в обычном нормальном пекле.

Нечеловеческий фактор — это характеристика Рока.

Но раньше Рок выступал в форме вечного времени — колеса времени, которое снимает и порождает.

Это нечто безусловное, неотменимое, то есть это не судьба, которую можно поменять.

Не помню, кто сказал, что география — это судьба: родился в России — и это судьба, но люди уезжают, становятся мигрантами, меняют судьбу.

А вот есть более глубокий, страшный и неизменный момент: вот, ты родился, и ты умрешь.

Можно взывать к небу, можно биться головой об стену, но ты ничего не изменишь — умрешь. Это фатальность.

Эта фатальность — характеристика Рока, против которой восставали древние герои, против которой очень маленькая часть человечества ведет борьбу.

Но этот Рок, как ни странно, который при Одиссее имел характер бесстрастного неба, которое равнодушно на тебя смотрело — жаркое, бесстрастное небо на маленького человечка, плывущего среди островов, — оно, оказывается, тоже меняется во времени.

Раньше это было время — оно и осталось временем, но оно изменилось: оказалось, что человеческое пространство, пространство себе подобных, стало идентичным механизму, подобному Джаггернауту, жестокому и беспощадному, — человеческий социум стал Роком.

«Нечеловеческий фактор», 2016

Роль женщины

Женщина в джихаде имеет такое же значение, как и мужчина. Она играет такую же роль, но свою.

Хадиджа, первая жена Пророка (да будет доволен ею Аллах), финансировала его первые шаги. Она была его морально-психологической поддержкой.

Все мы знаем, как потом наш Пророк (мир ему и благословение Аллаха) ограждал ее имя и память о ней от попыток любой дискредитации, умаления.

Ее роль в становлении ислама на самых ранних этапах очень важна.

Шариат обеспечивает возможность женщины заниматься независимым бизнесом.

Может ли женщина быть одиноким бизнесменом? Может.

А раз так, она может быть и политическим деятелем, и партийным активистом.

Женщины сыграли огромную роль в войне, которую вел наш Пророк (мир ему и благословение Аллаха) за установление ислама в Хиджазе.

Как его противницы (кстати говоря, Хинд — знаменитая женщина, которая ненавидела ислам и ответственна за гибель Хамзы), так и его сторонницы, которые многое сделали, чтобы ислам победил.

Есть такое мнение, что единственное назначение женщины — быть хорошей женой, чтобы воюющий на переднем плане и берущий на себя все проблемы муж мог прийти домой, расслабиться и отдохнуть.

Но мы прекрасно понимаем, что одна женщина может быть усладой души и тела, а другая — нет.

Одна не может быть бизнесвумен, а другая может ею быть.

Ислам гибко относится ко всему этому.

Он учитывает склонности и возможности, способности людей.

В юношеский период моей жизни женщина для меня была тем, что нужно подчинять, ставить на место, контролировать, дрессировать, укрощать. Я исходил из того, что современное общество матриархально, что в нем доминируют женские ценности, культ женского, и это все нужно изживать, избавляться от этого.

По мере более глубокого вникания в сущность исламской традиции, я изменял свои взгляды. Война полов, конечно, есть, и феминократия, конечно, существует, но все эти вещи нуждаются в гораздо более глубоком осмыслении.

«Коран — интеллектуальная атомная бомба человечества», 01.09.2011

Роскошь

Роскошь — это атрибут Бытия, а Бытие — это анти-дух.

Вот почему всегда монотеистические традиции, монотеистические религии, основанные на откровении единого и единственного Бога, находились в оппозиции к роскоши, к световой метафизике, к эстетике сияния и света, или, по крайней мере, относились к этому крайне подозрительно.

Почему у первых праведных халифов халаты были в дырках и в заплатках?

Тоже поэтому.

Ведь идея величия Аллаха настолько превышает принципы величия Бытия, принципы величия сущего, в которое мы брошены, что выглядит как нищета.

Аллах презентует себя «как нищету», потому что он не может вместиться в свет и величие, которое мы находим здесь.

А если мы находим свет и величие, то это явно признаки Сатаны.

Вот поэтому коррупция, связанная с правящими кругами, есть не просто желание вкусно покушать или отдохнуть на каком-нибудь курорте типа Куршавель.

Коррупция связана со служением Мамоне.

Для большинства это просто слова, просто метафора, под которой прячется казнокрадство и взятки.

Нет, служение Мамоне — это служение одному из аспектов Сатаны.

Это служение эстетике, это служение именно той красоте, тому принципу прекрасного и сияющего, который является неотъемлемой чертой ненависти к Всевышнему и ненависти к Духу.

Образы служения Мамоне, поклонения Золотому Тельцу и другие являются частями одной идеи, идеи преодоления той грязи, из которой был создан человек. Ведь Иблис говорит Всевышнему, когда ему было приказано поклониться Адаму: «Ты создал меня из огня, а его из глины» (Коран, 7:12).

И вот та часть людей, которая поставлена Сатаной служить ему, поставлена наверх: она хочет приблизиться к огню.

Она хочет выйти из грязи в князи.

Но к огню тварные существа из глины приблизиться не могут: это связано с сильнейшей болью.

«Метафизические основания роскоши элит», 17.07.2016

Россия

Россия — колоссальная территория от Балтийского моря до Японского — острее всего подчеркивает пропасть между землей и теми, кто на ней живет, ее смыслом, символизмом.

Без преувеличения можно сказать, что в уравнении земля—народ земля есть нечто постоянное, а народ — нечто случайное,

заселяющее эту землю в силу исторических обстоятельств. Исчезнут эти обстоятельства — народ уйдет или трансформируется настолько, что станет неузнаваем для своих, даже недавних, предков.

Пример: немцы после поражения.

Ну, а кто такие, например, румыны? Даки они или маргинализованные римляне?

Какую бы территорию мы ни взяли, она будет свидетельствовать о чехарде народов в своих границах.

Однако любая территория имеет цель, имеет смысл, совершенно не относящиеся к геополитике.

В этом плане наиболее интересной территорией является территория Великого Севера, которой недавно именовался СССР, а сейчас пока называется Россией (еще раньше это была территория Орды, а до этого она хранила в себе темные пространства финно-угорского шаманизма, перемежавшиеся со светлыми пятнами скифских и сарматских формаций).

Чем же так интересна эта территория?

Это Великий Север, который находится в оппозиции ко всему остальному миру. Политические нестыковки от Ивана Грозного до сегодняшнего дня — это воля территории, а не тех людей, которые по ней расселились (ведь очевидно, что русские времен Грозного ничего общего не имели с сегодняшними обывателями — по крайней мере крупных городов).

...Если территория не является самостоятельной идеей, если она не является самостоятельной концепцией — если она площадка для некоего народа, для конкретной культуры (древний Египет, допустим)?

Земля остается, может быть, даже и название переходит в веках, но понятно, что знак равенства между Египтом Птолемеев — не говоря уже о фараонах — нельзя ставить с нынешним Египтом. Просто есть некоторая преемственность: ну есть пирамиды.

Но совершенно другие, другой гештальт возник.

Потому что та идея, которая связана с Египтом, — это культурная идея.

Это определенное присутствие в библейских текстах, это определенное присутствие в традиции, но это не массивный исторический функционал, как те же Штаты.

Когда мы говорим о Карфагене, это еще больше очевидно, потому что вместо Карфагена существует Тунис. И, собственно говоря, это просто некое место для поездки туристов.

Эти территории на сегодняшний день принципиально лишены идеи.

А есть территории, у которых такая идея есть. И этим территориям все равно, кто туда придет. Они живут своей жизнью, они берут этих людей и используют их для того, чтобы эту идею реализовывать.

Новая Америка — это такая территория.

И я убежден, что Россия в этом смысле — тоже такая территория.

Вот эта территория перезагружалась населением много раз. Только с Ивана Грозного, за последние 500 лет, я думаю, расово-генетический контент поменялся на территории России раза четыре.

...Большевики были инстинктивно правы, делая установку на сохранение территории. У них в голове, конечно, был марксизм, прибавочная стоимость и диктатура пролетариата, но, как говорил Гегель, «Мировой Дух использует людей, которые думают, что они решают свои частные вопросы или свои вопросы идеологии, а на самом деле являются пешками в руках Мирового Духа, который ведет свою сюжетную линию».

Для Мирового Духа важна эта территория. Почему она важна? Это отдельный вопрос. И она может называться Россией, а может называться и не Россией — она в прошлом называлась не Россией.

Главное, что эта территория была единой.

В чем специфика, в чем острая идентичность этой территории, которая требует своего сохранения, а заглушаться может кем угодно?

Прежде всего, мне кажется, это всегда стремление к доминации, это воля к доминации, это противостояние Западу и противостояние Востоку. Противостояние, с одной стороны, реальному Востоку — т. е. желтому Востоку (Китаю, Японии, буддизму), с другой стороны, это противостояние Риму в метаисторическом смысле — вечному Риму.

Распорка, которая не дает им соединиться вместе.

Потому что понятно, что есть тенденция у Востока и у Запада сойтись, несмотря на Киплинга. Начиная с Александра Великого, который рвался далеко на восток, а Чингизхан рвался на запад.

Но есть эта распорка, которая им не дает сойтись.

А что произойдет, если Восток и Запад сойдутся? Наверное, исчезнут какие-то шансы на свободу у людей (каких-то людей — неважно), живущих здесь, живущих в мире. Потому что тогда, что называется, воды Мирового океана сомкнутся над сушей и не останется ни одного клочка, где поставить ногу, и все будет сплошным морем.

Вот российская территория как раз есть та заглушка, тот не проводящий ток фарфоровый изолятор, который стоит между этим катодом и анодом.

Лично я убежден, что если Запад, мистический Рим и мистическая Шамбала сойдутся вместе, то это будет конец духовной истории человечества и победа Антихриста.

«Почему важна территория, а не народ», 2016

Военное сословие на территории СССР было переформатировано в такую категорию людей, которая точно на себя политическую ответственность не может принять и не примет.

А с чекистами империю не построишь. Это уже другой тип людей. Это евнухи при дворе византийского императора — но они провалили ту византийскую империю.

Есть у традиционалистского клуба виды на Россию в качестве смены караула после США, но не хотелось бы, честно говоря, потому что тогда Россия превращается в жандарма номер два, и это исторически тупиковый путь и не благородный.

«Тупиковость имперской идеи в современном мире», 2016

Ростовщичество

Когда вам дают в рост, а вы возвращаете эти деньги с процентами, то, как совершенно правильно заметил Аристотель, это кража будущего времени, это кража времени, которое еще не прошло.

Деньги, связанные с ростом, — это количественный подсчет еще не прошедшего будущего времени, которое еще не превратилось в капитал, но деньги на него уже есть, и эти деньги как раз и есть дань Князю мира сего, то есть это деньги, которые форсируют вас.

Вы взяли сто рублей, а должны вернуть сто пятьдесят. Эти 50 рублей — они как бы нигде и ниоткуда, они не воплощены ни в чем реально, но вы должны их вернуть, то есть вы должны заплатить какими-то дополнительными усилиями — может быть, преступлением, может быть, еще чем-то — за то, чтобы покрыть разницу между тем, что вы взяли, и тем, что вы должны вернуть, — то есть это сатанинская доля, сатанинские деньги.

Если в обществе как норма постоянно существует факт ростовщичества и факт взятия процента — то есть кредит, — то в каждом рубле, в каждом динаре, в каждом долларе содержится эта сатанинская доля, потому что деньги за несостоявшееся будущее примешиваются к деньгам, которое оценивает состоявшееся прошлое.

То есть внутри, условно говоря, рупий несколько центов являются сатанинскими центами.

Но весь вопрос в том, какова доля, каково соотношение сатанинских денег внутри каждой денежной единицы и нормальных?

Что оценивается реальными деньгами — реальный капитал, физически существующий, который является уровнем развития производительных сил, и в совокупности своей он поддерживает оценку жизненного времени данного человека в данной цивилизации, — и те деньги, которые оплачивают несостоявшееся время, которое еще только нужно прожить.

Постоянно растет изменение пропорции, изменение соотношения долей в сторону сатанинских денег, вложенных в каждую денежную единицу.

Это приводит к тому, что в конечном счете наступает коллапс.

Сейчас, когда деньги номинально ходят в электронном виде по миру, они в десятки раз превышают стоимость всего, что можно оценить — начиная с картин Третьяковки и Лувра и кончая станками — то есть весь объем овеществленного, омерт-

вленного капитала, который представляет собой ценность: от пляжей на Сейшельских островах до булыжника на Красной площади. Если все оценить, это будет 10% — а может, и 1% — от тех денег, которые бродят просто в мире.

Эти деньги нельзя капитализировать, инвестировать, потому что не во что: вся земля не стоит столько, сколько есть денег.

Это сатанинские деньги, и в конечном счете проблема соотношения денег и реального физического капитала сегодня не взрывается только потому, что не все деньги прилагаются к одной определенной точке. Как банк работает потому, что не все идут забирать свои вклады. Поэтому у банка есть иллюзия того, что он состоятельный (solvent).

Если все испугаются и побегут забирать вклады, у банка всегда будет 1% того, что он взял у людей.

То же самое происходит и в масштабах мира.

Если все деньги немедленно приложить к инвестиции в материальную реальность, получится, что гигантское количество бумаги или цифр превратится в ворох бесполезной информации (потому что деньги — это информация) — в бесполезный, ни к чему не приложимый поток цифр, потому что их гораздо больше.

Либо они должны удешевиться настолько, что ими практически невозможно станет пользоваться.

Наступит рыночный коллапс.

И после этого произойдет фундаментальная смена технологических укладов.

Сразу будет списано гигантское количество долгов, прольется много крови, будет много разрушений, но возникнет с чистого листа нечто, что опять начнет обманывать и использовать людей.

При этом конечно будет некоторое обновление человеческого материала.

Но Князь мира сего не выпустит из-под своего контроля всю ситуацию, потому что некий бунт рабов и некое обновление их кадрового состава, если так можно выразиться, не приведет к упразднению этой связи, этой зависимости, этой необходимости выплачивать дань за проживание в этом мире.

Но существует другой ток — тот ток, который обозначается запретом на ростовщичество — монотеистическая традиция,

пророческая, которая поддержана Аристотелем, — неслучайно он был так любим и в христианстве, и в исламе, и неслучайно, кстати, он был учителем Александра Македонского, который тоже упоминается в Коране под именем Зулькарнайна.

Есть этот альтернативный ток, который говорит, что есть пути прекратить платить Князю мира сего, резко обрезать эту дань, и для этого надо понять, что общество и его механизмы не являются естественным позитивом.

Социальная пирамида с фараоном, или с коллективным фараоном, во главе, с его сатрапами, с его аппаратом, с его сакральным господством над человеческим фактором — будь это три тысячи лет назад в такой явной символической форме или в сегодняшней форме, задрапированной парламентами и демократией, — это сатанинский механизм по эксплуатации и истреблению человеческого фактора.

«Ростовщичество», 2012

Русские мусульмане

Есть две линии. Есть русские, принимающие ислам, потому что они хотят использовать ислам для возрождения русской нации. И есть русские, которые принимают ислам, потому что они воспринимают его как религиозную истину.

Первые формируют Национальную организацию русских мусульман, насчитывающую уже несколько тысяч человек...

Большинство русских, принявших ислам, не входят ни в какие организации. Они понимают, ислам — интернационалистская доктрина и быть «национальной организацией русских мусульман» нелепо.

По данным МВД, сейчас в России между 80—100 тысячами этнических русских, принявших ислам в последние годы.

...На русских мусульман обрушились такие же репрессии, что и на всех остальных.

Одна из дубинок — обвинение их в принадлежности к различным террористическим группировкам. Это такой удобный рычаг, чтобы использовать его в деле давления на русских мусульман.

Кроме обвинений, натравливание на них скинхедов.

Поэтому трудно оценивать динамику этого процесса...

Русский ислам — во многом религия контркультуры. Как и везде в мире, исламизация происходит добровольно. Из истории известно, что никто в ислам никого не тянул. Лучшие люди, бывшие аутсайдерами при предыдущем режиме, например, как христиане-несторианцы в зороастрийском Иране, бывшие гражданами второго сорта, с приходом арабов принимают ислам и превращаются в авангард общества, который вместе с арабами берет на себя дело создания нового иранского общества. А вслед за этим и низы принимают ислам.

«УТРО. ru», 23.03.2006

Русский язык

Язык, который умеет жить сквозь воинствующие системы отдельных и противоположных друг другу смыслов, — один. Это русский язык. И оказалось, что он востребован арабом, индийцем, китайцем, негром, индейцем. Они приехали, им нужен язык, чтобы выразить свою волю к власти, как людей третьего мира, как носителей сакрального бунта. Это только один язык — русский. И он внезапно получает статус, которого не было до XX века, потому что не было такого языка, были колониальные языки, более или менее неуспешные. Один успешный — английский.

И возникает новый статус, иерархия языков продвигается еще на одну ступень — метаколониальный язык. То есть язык, активно использующийся в качестве выражения своей воли и своего мировоззрения постколониальными народами, которые стремятся подпитать контрэлитарный проект.

Вот что такое, с моей точки зрения, русский язык.

«Мистерия языка», 30.11.2002

Салафиты

Самым серьезным достоинством салафитов является их стремление восстановить чистый ислам, который был при Пророке (мир ему и благословение Аллаха), и здесь главное не результат, а именно намерение. Благодаря этому салафиты сегодня стали серьезной силой не только внутри ислама, но и в целом мире, обладая как политическим потенциалом, так и моральным авторитетом.

Ведь их задача — защитить ислам от «крестоносцев». В связи с этим на них обрушиваются потоки клеветы, сфабрикованной западными спецслужбами.

Форум азербайджанского сайта 1st News, 26.09.2008

...Салафиты пытаются бороться с засильем символизма в исламском менталитете, что справедливо, поскольку символизм — это методологическое оружие жрецов. Символизм предполагает платоническое или неоплатоническое миросозерцание, веру в объективный реальный мир, не зависимый от свидетеля, веру в сущности, которые имеют небесные архетипы, отбрасывающие тени вниз. «Что вверху, то и внизу» — вот фундаментальный принцип языческой метафизики, начертанной на Изумрудной скрижали Гермеса Трисмегиста, принцип аналогии, которому подчинена духовная интуиция тварного глиняного существа — человека! Это логический принцип, которому обречено подчиняться бескрылое несамостоятельное создание.

Откровение разрывает этот замкнутый круг всеобщего тождества и свидетельствует об источнике, находящемся вне всяких аналогий.

Собственно говоря, таухид и раскрывающая его суть сура Ихляс утверждают отмену аналогии по отношению к Единственному субъекту и тем самым объявляют абсолютную войну естественному разуму (опыту, чувствам, вере и т. д.)...

Интервью порталу arba.ru, 12.07.2007

Самоубийство

Самоубийство — это религиозный факт и, возможно, какая-то наиболее экспрессивная часть взаимоотношений человека со смертью.

Смерть — центральное понятие человеческого духа. Для римлянина самоубийство было странным образом составной частью некоей эстетики существования, каким-то базовым смыслом

Я уже не говорю о харакири у самураев: это явно часть этической религиозной культуры.

В западной традиции, связанной с Единобожием, самоубийство — величайший грех. Оно является величайшим грехом именно потому, что, по сути, представляет собой коренной религиозный факт. Вся метафизика, вся религия вращается вокруг смерти как стержня, к которому все время должны возвращаться мысли: человек все время должен ориентироваться на то, что он смертен, что он умрет, — вот эта некая осевая линия, которая все корректирует, с которой все коррелируется.

Но если это центральный факт, то со смертью ведется диалог.

«Чаепитие в Мытищах», 1997

Сахабы

«Вера *му'минов*» — это вера взрослых, которые принимают волевое решение по поводу того, во что они будут верить и что они будут утверждать. Такими были сахабы. Они слышали нашего Пророка (мир ему и благословение Аллаха) и принимали волевое решение о том, что они верят ему. И когда они это решение принимали — они шли до конца. Однако это был их выбор, сознательный и зрелый. Пророк (мир ему и благословение Аллаха) не выступал по отношению к ним как родитель по отношению к детям, у которых нет аргументов и которые полностью отдают себя на милость и на добрую волю взрослого.

Нет. Они принимали сознательное решение, и они были готовы оплатить его своей жизнью. Это был не только интеллектуальный выбор, но также и экзистенциальный, который вовлекает в себя все существо без остатка вплоть до самопожертвования.

Однако это выбор с открытыми глазами, который позволяет себе мыслить, испытывать и проникать вглубь проблемы,

потому что взрослая вера, основанная на волевом выборе, не разрушается интеллектуальным дискурсом.

Интеллектуальный дискурс разрушает только детскую веру, потому что, когда уходит доверие к взрослому, повзрослевший ребенок перестает верить в Бабу-Ягу, в Деда Мороза, в подарки, приносимые ночью феей, которые он обнаруживает поутру под подушкой.

Утратив детскую веру, ребенок вырастает в циника, материалиста и проходимца.

Такова судьба человека, который моделирует себя в формате зависимого и слабого.

Нужно учиться у сахабов — по крайней мере, тем, кто называет себя салафитами.

Сахабы никогда не ставили себя в позицию слабых.

Они принимали сознательное решение, они делали выбор и шли до конца.

Только такой подход позволил им в течение поколения объединить под исламом территории от одного океана до другого.

Сегодня полтора миллиарда мусульман не могут справиться с несколькими миллионами истеричных и психопатичных противников.

Сегодня полтора миллиарда мусульман бессмысленно взывают к общечеловеческим ценностям и к необходимости уважать их «права».

В то время как 14 веков назад всего несколько тысяч людей, вышедших из Хиджаза, поставили на колени две величайшие сверхдержавы тогдашнего времени.

О чем тут говорить? Ясно, что те, кто во имя имана отвергает интеллектуальный волевой выбор, сознательно и добровольно предпочитают свести себя к формату младенцев, которых Коран позиционирует в качестве верующих второго сорта.

«Ловушки для мусульман и как из них выходить», 19.04.2013

Свастика

Поднятие правой руки вверх — это олимпийское приветствие, которое впоследствии было заимствовано Древним Римом. Вообще таких вещей, как «нацистское приветствие» и «нацистская свастика», просто нет, как нет и «советской звез-

ды». Нацисты взяли свастику из мирового фольклора (особенно индийского).

Слово «*свастика*» на санскрите — «благословен еси» — эквивалент библейского «это хорошо», которое говорит Бог после каждого акта творения. Звезда же заимствована советами из каббалистического арсенала — «*магеншломо*» — и означает «земного Адама». Бедный грек (футболист из Греции, которого дисквалифицировали за жест — *Прим. ред.*)!

Я верю ему, что он ничего не знал про «нацизм». Для футболиста это — сложное историческое знание. Вскидывать руку — инстинкт триумфа. Ладно... Как говорится в писаниях, «пусть пока собирают уголья себе на голову»...

Тем, что в Прибалтике либералы не могут затыкать рты и карать, эти страны обязаны советскому периоду. Наверняка балтам невдомек, что СССР уберег их от того, чтобы «Израиль» вытер о них ноги и заставил платить пенсию выжившим родственникам.

Кстати, хотел бы добавить про футболистов: это греческим футболистам невдомек, что это за жест, — наши-то знают! Потому что наши футболисты и фанаты хорошо учились в школе, которая по инерции все еще лучшая в мире.

«Нет эллинов для иудеев», 2013

Сверхчеловек

Сверхчеловек был зачат в лоне Европы на заре Возрождения, и у него с самого начала имелось много претендентов на отцовство: Агриппа фон Неттесгейм и Парацельс, Джордано Бруно и Кардано. Но конечно главными в этом ряду должны быть упомянуты Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола.

Вся эта плеяда «магических гуманистов» оплодотворила европейскую «духовность» железным семенем воли к могуществу, а уже Шопенгауэр, Достоевский и Ницше были только беспомощными интеллигентами, роняющими пенсне и причитающими вокруг вздутого живота согрешившей девушки.

На роль повивальных бабок эти мудрецы не сгодились; таковыми стали сербские террористы в замечательном сочетании с династической путаницей начала XX века.

Мы многим, если не почти всем, в себе (в определенном смысле, конечно!) обязаны именно Достоевскому и Ницше. Без этих двух людей нельзя было бы понять, в том числе, и грозовые пророчества титанов Возрождения об Адаме, стяжавшем знание магических возможностей, чтобы встать над видимой Вселенной вровень с «Великим Существом».

...Все пути преодоления смертной тленной природы человека одновременно являются и путями освобождения от общества — того всеохватывающего социального пространства, которое еще Аристотель полагал гарантом подлинной человеческой природы.

Еще точнее следует сказать, что все пути реализации сверхчеловеческого представляют собой способы бегства из общества, которое европейский дух («духовность»?) вдруг осознал как тюрьму.

Это переживание общества как «места заключения» распространяется и на человеческую природу, и на само человечество.

Человечество является тюрьмой, потому что оно привязано к юдоли.

«Юдоль человеческая», la condition humaine (то есть человеческое состояние) — это библейское выражение, обозначающее долину страданий и тщеты, в которую изгнан Адам после грехопадения.

Но эта «долина» представляет собой не столько внешнее место, в которое переселился праотец рода человеческого (вроде как из дворца в трущобы), сколько новую сущность человека, от которой невозможно спастись элементарными средствами.

Поэтому для организаторов проекта «Сверхчеловек» социум как видимая организация скрытой человеческой природы и сама эта природа суть ненавистное рабство.

...К концу XVIII века на одном полюсе стоят иллюминаты-просветители, которые мечтают делать из людей аккуратно отформованные «бруски», годящиеся в какое-нибудь дело; на другом же полюсе поднимаются провозвестники грядущего романтизма, которые вскоре утвердят моду на люциферизм и культ мужского начала.

Байрон и Лермонтов стали фактически апостолами этого популярного в образованных классах демонизма, в котором парадоксальным образом фигура тирана и узурпатора Бона-

парта сливалась с образом странствующего борца за свободу и искателя смерти.

Практическим воплощением этой линии в собственном лице явился Бакунин — «сверхчеловек» европейских баррикад, системно дезавуировавший общество вопреки своему якобы социализму; Бакунин, зарядивший своей энергетикой Достоевского и Герцена, разваливший Марксов I Интернационал...

Его жизнь гораздо больше, чем жизнь Ницше, соответствовала учению и духу «Заратустры».

...Антиобщественность, жертвенность (пассионарная избыточность) и одиночество — вот парадигма сверхчеловека, который существует в ткани европейского исторического бытия реально! А не как некая неоплатоническая гипотеза флорентийских герметиков.

Тут мы добираемся до еще одного различения в парадигме «сверхчеловеческого»: он может быть религиозно-метафизическим или богоборческим, то есть опять-таки религиозно-метафизическим, но в негативной версии.

Понятно, что и то и другое коренится в общем для всех вариантов люциферизма...

...Бесспорно, архетип героя не менее древен, чем метафизическая модель посвященного жреца.

Герои существовали в фольклорах всех древних цивилизаций, но почти повсюду, кроме Кавказа и Эллады, они были интегрированы (говоря современным языком) «в систему».

Другими словами, в Индии, в Иране, у кельтов и т. д. над героем стоял мудрец; поэтому во всех этих сакрально-жреческих цивилизациях те, кто соответствует более или менее европейскому концепту героя, в действительности оказываются не «сверхлюдьми», а всего лишь воителями со сверхъестественными проявлениями.

В этом фундаментальная разница даже на эпическом уровне между гомеровским Одиссеем и, скажем, Кухулином ирландского эпоса.

Не следует путать сверхъестественные возможности персонажа со «сверхчеловеческими». Такое смешение часто проявляется на уровне обыденного сознания. «Сверхчеловек» есть состояние экзистенциальное, и такие вполне земные существа, как Байрон и Бонапарт, никак не могли бы конкурировать с кельтским Ку-

хулином или киргизским Манасом по части экстраординарных телесных проявлений.

Именно в кавказско-балканском ареале формируется образ личности, которая меряет себя не критериями соответствия всеобщей гармонии, но, напротив, способностью несгибаемого противостояния беспредельному, то есть Року.

Над эпическими нартами Кавказа и над эллинскими героями не стоят мудрецы. Эти герои бросают вызов Небу, ставят под вопрос позитивный смысл бытия. Можно сказать, что в них уже в те далекие времена был нащупан экзистенциальный нерв «сверхчеловеческого» и доведен до апогея, до полного разрыва с «нормой». Это, собственно, и получило название «трагедия».

Но вот что составляет особость героя по отношению к трем предыдущим версиям «сверхчеловеческого» мифа: в герое нет ничего люциферического. Герой — не солнечное существо.

Солнечными существами являются олимпийцы, онтологическую легитимность власти которых он оспаривает.

Герой — единственная модальность «сверхчеловека», которая не реализует Люцифера на земле, а, наоборот, бросает ему вызов, оказываясь тем самым на стороне пока еще неведомого ему Бога.

«Наследие Кириллова», 2007

Свобода

Свобода — сложная вещь, которая не связана с тем, что понимают под ней Запад и либералы.

Наша свобода связана с тем, что мы являемся рабами Аллаха (каждый из нас «*абдАллах*»). Как сказал один из сахабов Пророка (да благословит его Аллах и да приветствует): «Что бы вы ни представили, что бы вы ни подумали, как бы вы ни расширили свой опыт и свое созерцание, Аллах противоположен этому».

И вот мы являемся рабами Того, Кто противоположен всему, о чем мы можем подумать и представить.

Весь наш опыт является только подпоркой для того, что в этот опыт не входит и что этому опыту (представлением всему, что можно отложить и отпочковать от этого опыта) противоположно.

Если мы рабы Того, Кто незрим, невидим, Кто является «*Хува*», то есть «Он», Который не дан нам никоим образом иначе, как только в Откровении, если мы являемся рабами Его, то мы

свободны от всего остального, мы свободны от всего, что заполняет наш опыт, забивает наши мозги, забивает нашу психику, наше бессознательное.

Это освобождение...

...Наша свобода основывается на том, что мы хотим смысла во всем любом деянии, в любом феномене, в каждом нашем жесте, потому что нам сказано, что Аллах не сотворил понапрасну ничего из того, что Он сотворил.

И мы хотим эту цель, которую имел в виду Всевышний, реализовывать в своих действиях и в своих переживаниях. Вот это и есть подлинная свобода.

«Что такое свобода?», 2015

Святой

В святости акцентирована сторона спонтанной жертвенной пассионарности, которая фактом своей избыточности порождает антисоциальность и одиночество.

Святость поражает как молния; она может осенить ребенка или простодушное существо, далекое от интеллектуальной метафизики.

Жанна д'Арк принадлежала к этому типу святых, и ее приход в стан короля совершенно не противоречит аспектам антисоциальности и одиночества, которые, напротив, были поводом для шока или почтительного восторга у французов, и, наоборот, преследования в качестве одержимой бесом ведьмы со стороны англичан.

Сверхчеловеческий аспект святости часто дает густую темную тень или негатив, подчеркивающий амбивалентность солнечного начала (люциферизм): ближайшим спутником в военных условиях Жанны д'Арк был маршал и коннетабль Франции Жиль де Рэ, известный своей неукротимой жаждой преодоления человеческого, которая привела его к сатанизму, изуверствам и в конечном счете поставила этого сложного человека перед судом французской церковной инквизиции.

Удивительная симметрия с Жанной д'Арк — обожаемой им носительницей чистейшего света, с которой расправилась британская церковная инквизиция!

Неизвестно, пользовался ли Жиль де Рэ в своей личной рефлексии категорией сверхчеловеческого, но для модернистов,

которым этот термин стал близок, «проклятый маршал» являл собой притягательную фигуру!

Святому противостоит герой, но не потому, что он менее одинок или менее пассионарен. Святой лишен драмы, его сверхчеловеческая природа изначально и непротиворечиво задана в самом уровне его бытия; герой же представляет собой выход на поверхность фундаментального кризиса, который неотъемлем от самих истоков реальности.

Скажем так: герой — это тот, кто осознал иллюзию посвящения и тщету святости, но от этого не стал обычным сломленным человеком, а, наоборот, только углубил свое противостояние человеческой юдоли и принципу «неизбежного».

«Наследие Кириллова», 2007

Святые сатаны

Среди тех, кого мы называем *«авлия аш-шайтан»* — «святые сатаны» — много тех, кто излучает свет и благодать. Они могут быть кроткими и милосердными, творят реальные чудеса. Мрачные, демонические фигуры «отверженных», сатанистов, «проклятых поэтов» — это стереотипы романтической культуры, с ее инфантильным культом «зла», о котором профаны не имеют даже приблизительного понятия.

Настоящий «святой сатаны» — это, скорее, излучающий «ауру добра» белый старец, который благословляет людей, воплощает для них самые высокие, недоступные обыденному пониманию «ценности»...

Ниже этих старцев функционируют «великие инквизиторы» (Достоевский). Они реализуют жреческие политтехнологии и контроль от имени онтологического позитива.

«"Святые Сатаны" и конец Золотого века», 2011

Север. Юг

Север — точка оппозиции феноменологическому тварному миру.

Тварный феноменологический мир, согласно традиции, как бы густеет, цветет и становится более вещным, более зеленым, колышущимся к югу.

А север — это точка изнищания, север — это сход на нет.

И, в конце концов, Северный полюс — это точка, в которой все пропадает, в которой кончаются вещи, в которой наступает отрицание — черная дыра; черная дыра с огромной энергетической концентрацией.

Рене Генон, основоположник школы традиционализма, где-то в своих текстах отмечает, что север — при всем том, что мы о нем сказали: обнищание реальности, точка и оппозиция, — в некотором другом аспекте представляет собой женскую манифестацию космоса. И ориентация на женскую манифестацию космоса, на женское проявление космоса, на женский полюс, придает тому, кто ориентируется, то есть субъекту, позицию мужчины, позицию активную.

Тот, кто ориентируется на север, тот занимает позицию центра, которая определяет собой внешнюю реальность.

Юг — это как бы мужское проявление, активное, мощное, изобильное, динамичное.

Но тот, кто ориентируется на юг, тот сам становится женским, пассивным, он космос ставит в позицию мужчины, а себя в позицию слабую, пассивную.

Север для меня есть точка оппозиции, и ориентация на север переносит эту точку оппозиции из некоего внешнего пространства в сердце смотрящего — что для меня важно, потому что для меня метафизика точки в декартовском ключе, в картезианском раскрытии метафизики точки, является важнейшей методологией формулирования подлинной монотеистической мысли.

Гейдар Джемаль в программе «Философские чтения», 2013

Секс

Удивительно, как деградировало в Умме (исламской общине) нормальное понятийное сознание. То, что во времена Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха) считалось поклонением Творцу, для некоторых мусульман сегодня превратилось в «запретную» и «похабную» тему.

Многие мусульмане России находятся в такой сильной степени под влиянием чуждой, но окружающей нас со всех сторон конфессии — а именно христианства, с его негативным подходом к телесной стороне жизни, — что уже не отличают фунда-

ментальные исламские ценности от проповедей христианских клерикалов.

Ислам сакрализирует отношения между мужчиной и женщиной.

В нашей религии нет представления о том, что человек совершил первородный грех и поэтому должен заслуживать прощения у Аллаха какими-то особыми аскетическими упражнениями.

Возмущаться по поводу того, что разговор о сексе возможен в исламе — значит проявлять ханжество, свойственное лицемерам, которые существуют только за счет того, что навязывают комплекс вины своей пастве, дабы держать ее в повиновении и ослеплении.

Комментарий в «Независимой газете», 17.11.2004

Когда женщины ходят голыми, они перестают интересовать мужчин — это общеизвестно. А закрытая женщина является тайной, загадкой — либидо это укрепляет.

Полы должны быть поляризованы, чтобы между ними было высокое напряжение, поскольку либидо — это высокая ценность. Таким образом, хиджаб, скрывая женщину, тем самым повышает сексуальное напряжение.

Некоторые экстремальные суфии извратили и смысл ислама.

Сбить похоть, понизить половое чувство, стать третьим полом никоим образом никогда не могло быть задачей в исламе.

Может, это задача христианских монахов или скопцов ради Царствия Небесного, но к исламу это не имеет ни малейшего отношения.

Эта тема привнесена в наше общее евразийское пространство, в частности, зороастрийцами. Она сформировала христианский взгляд на скопцов и монахов, которые ради Царствия Небесного становятся бесполыми ангелами, но через крайние суфийские каналы она повлияла и на менталитет современных мусульман — а это совершенно не соответствует духу ислама.

Это удивительно и абсурдно, с точки зрения менталитета и поведения сахабов Пророка (мир ему и благословение Аллаха), которые совершенно иначе относились к сексу, к женщинам, вообще ко всем этим темам.

Комментарий для Islamnews, 11.11.2013

Сердце

Само понятие веры в исламе отличается от того содержания, которое вкладывается в это слово в любой другой цивилизации.

Иман — это прежде всего утверждение, связанное с волевым усилием.

Готовность человека убрать камень, валяющийся на тропинке, относится символически к самой начальной степени в иерархии уровней веры. Убрать камень — это сделать усилие вместо того, чтобы не обратить внимание и пройти мимо.

Согласно достоверному хадису, мусульманин должен противодействовать злу рукой; если не может, то словом; но если неспособен и на это, то хотя бы противостоять злу в своем сердце (молча).

Иными словами, уровни веры располагаются в зависимости от интенсивности усилия, готовности преодолеть инерцию, физическую и психологическую. Вера и воля — это одно и то же.

Понятно, что речь может идти только о просвещенной, знающей воле.

Любая другая была бы слепым упрямством или проявлением самоутверждения.

Воля, о которой идет речь, предполагает жертвенность, переступание через себя.

Знающая и одновременно жертвенная воля — это воля интеллектуальная. Это решение разума, оплодотворенного дыханием Святого Духа.

Откуда это может браться в человеке? Святой Коран отвечает нам на это:

«Кого пожелает Аллах вести прямо, уширяет тому грудь для ислама, а кого пожелает сбить с пути, делает грудь его узкой, тесной, как будто бы он поднимается на небо» (6:125).

Этот аят прямо связан с концепцией сердца как вместилища интеллектуальной воли.

«Расширение груди» есть экстенсивная проекция воли в плоскости этого мира, которому субъект противостоит.

В то время как «сжатие сердца», то есть исчезновение воли, ассоциируется с уходом от мира и его вызовом в духовную стезю, в сферы тонкой сублимации.

Путь «сжатой груди», связанный с ощущением «восхождения», — это путь клерикалов, тех, кто практикует уход от мира, отказ от опасного жертвенного усилия.

Данный аят поясняется вышеприведенным хадисом, где даются три модели поведения в вере.

Первая модель — это сердце воина, которое Аллах (Свят Он и Велик) расширил за пределы физической грудной клетки. Воин силой противостоит злу и становится мучеником на этом пути.

Вторая модель — слово, призыв, пропаганда — это путь добросовестного, честного «поителя водой». Тех, кто, согласно Корану, остаются дома, чтобы поить паломников, и которые стоят степенями ниже тех, кто выступает «легкими и тяжелыми» и борется «своими имуществами и душами на пути Аллаха» (Коран, 9:41). Это те, кто в политической социологии называются «третьим сословием»: люди, чья подлинная сфера деятельности — не история, а организация обыденной жизни, создание материальных условий.

В их среде активно работает проповедь, поучения, они дисциплинированны и противостоят злу в сфере культуры, то есть в сфере высказанного намерения.

Наконец, третья модель — те, кто не согласен со злом молча, в крошечном пространстве своего «сжатого сердца». Это те, кто «просят у тебя позволения..., и сердца которых сомневаются...» (Коран, 9:45).

Они — те, которым сказано: «Сидите с сидящими!» — то есть те, которые не согласны со злом про себя, обладая лишь самой малой степенью веры.

Итак, гнездилище интеллектуальной веры — это сердце.

«Воля и вера», 2012

Сионизм

Сионизм возник как антирелигиозная сила, которая а) противостояла иудаизму и раввинам; б) ориентировала всех евреев на выезд в свое будущее национальное государство.

Теодор Герцль и первые сионисты были атеистами, не принимали всерьез Библию и хотели отправить всех евреев в Танзанию.

Монархический истеблишмент довольно рано углядел в сионизме оружие против независимого исламского мира, ибо Палестина (которую англичане предложили евреям вместо Танзании) находилась в границах Османской империи.

Евреи на протяжении всего своего существования в Европе были прислужниками монархии, в интересах которой они выжимали ростовщичеством деньги из буржуазии и ремесленников, а подчас и дворян, чтобы давать кредиты государям.

Кроме того, в конфликте церкви и короны евреи всегда были против церкви, а в конфликте буржуазии и короны евреи всегда поддерживали опять-таки корону, потому что подъем национальной буржуазии к политической самостоятельности евреев не устраивал.

Будучи всегда посредниками, евреи присоединялись к либеральному сословию, то есть становились адвокатами, врачами (когда не были спекулянтами и гешефтмахерами). Правящие классы всегда использовали евреев как прослойку между собой и низами. Классическим примером является роль евреев в Украине, ставшей колонией Речи Посполитой: католическая шляхта делала евреев уполномоченными по сбору податей с украинского населения.

Дело дошло до того, что малоросс, желающий жениться или крестить ребенка, должен был просить ключ от церкви у еврейского арендатора.

Все это привело к тому, что в мощном антипольском восстании Богдана Хмельницкого первыми пострадали евреи: казаки утопили 100 тысяч этих «посредников» в Днепре.

Сегодня положение немного иное.

Либеральный класс, неотъемлемой частью которого стали евреи, взял верх над традиционной буржуазией в США. Эта заокеанская страна в 1945-м разгромила и оккупировала Европу (благодаря СССР).

Еврейские либералы лишили экономической базы и политического влияния старую европейскую буржуазию (всех этих Круппов и Сименсов), превратив эти старые семейные дома в открытые акционерные общества.

Но они не смогли разгромить подобным же образом монархо-аристократический истеблишмент Европы, а только «подвинули» его. (Хотя в Италии американцы после оккупации

провели референдум о судьбе монархии и, фальсифицировав его результаты, навязали итальянцам республику, а в Греции «черные полковники» — агентура ЦРУ — провели антимонархический переворот в 1974 г.)

До тех пор пока США осуществляют военно-политический контроль над Старым Светом, короли вынуждены будут делать политкорректные жесты и издавать политкорректные звуки. Однако либеральный класс сегодня стоит на пороге системного кризиса, а его исторический штаб и геополитическая цитадель — США — находятся в состоянии войны практически со всем миром, что неминуемо приведет их к краху.

Есть основания полагать, что правящие классы попытаются «перевести стрелки» на «посредников», как это было уже не раз, и миф Холокоста, с помощью которого либеральная пропаганда ставила всех на колени, неожиданно может обрести реальные плоть и кровь (в самом нехорошем значении этого слова).

«Исламская стратегия на Кавказе». Материалы конференции, 2008

Сирия

«Черной дырой» сегодня является Сирия.

Это «черная дыра» прежде всего для исламской молодежи, которая в больших количествах отправляется туда со всех концов мира.

Складывается впечатление, что Сирия — это постановка, организованная натовцами в заговоре с Россией и самой Сирией.

На протяжении двух лет там идет борьба, в которой истощаются человеческие ресурсы революционной исламской молодежи, которая бросает вызов существующему порядку. Якобы они пользуются поддержкой Запада, якобы Запад их вооружает, кормит и поддерживает.

Однако при ближайшем рассмотрении все это оказывается миражом. В действительности нет ничего, кроме слов, ничего, кроме жестов.

Более того, длительное противостояние сирийскому режиму принесло салафитам дурную славу инструмента и агентуры НАТО, а теперь уже и сионизма.

Постоянно идут разговоры о том, что Запад нашел эффективные методы манипуляции радикальным исламом.

Никакие соображения о том, что это временное совпадение конкретных интересов на узком историческом отрезке, не отменяют того факта, что силы, ныне задействованные в сирийском конфликте с оппозиционной стороны, не обладают стратегической методологией.

Иными словами, эти силы вовлечены в некую игру, тайные пружины и механизмы которой они не в состоянии проанализировать и понять.

«Ловушки для мусульман и как из них выходить», 19.04.2013

Система

Система — это большое, глубокое слово. Многие из тех, кто оспаривают его, оспаривают Систему, пишут это слово фломастерами, спреями на стенах домов с большой буквы.

Вместе с тем непонятно, что такое Система.

Система — это большой философский вопрос.

Речь идет не о теории управления, не о теории игр.

Была ли Система в Средние века? Была ли Система в Древнем Египте? Была ли Система в Вавилоне? Что, с точки зрения традиционалистов, с точки зрения Рене Генона, является традиционным обществом?

Если мы этим вопросом будем заниматься всерьез, то обнаружим, что тогда Системы не было.

Вы скажете: «Как же так не было? Была же какая-то действующая рабочая структура? Был фараон или кесарь, был сенат, губернаторы провинций, был сбор налогов. Разве это не Система?»

Нет, это не Система.

Что называется Системой, которая рождает контестационные субкультуры, бросающие Системе вызов, взрывающие гранаты, пластиковые бомбы, что называется Системой, которая порождает феноменологию «красных бригад» или, скажем, феноменологию якобинского террора, направленного против Системы?

Системой называется такая организация общества, которая состоит из баланса, сочетания групп населения, социальных

групп, единственная роль которых заключается в переводе чистого количества в человеческий фактор, а человеческого фактора в чистое количество.

Под чистым количеством мы имеем в виду наиболее обобщенную социальную форму количества — деньги.

Деньги есть социальная форма количества, которая является наиболее абстрактной, наиболее вампиричной формой чистого количества.

Деньги — наиболее чистое, наиболее субтильное воплощение золота.

Сегодняшний мир исповедует религию золота. Эта религия пришла к нам от финикийских жрецов. Эта религия золота является самой страшной тайной мирового правительства, которое существовало практически всегда.

Эта религия раньше отмечалась в форме Лилит, в форме Астарот, в форме Иштар, которая изображалась в виде золотой пантеры, и жрецы в полнолуние под хвост этой пантере, в ее половую щель, вкладывали золотые монеты, чтобы оплодотворить эту Иштар и она родила новое золото.

Так было две с половиной тысячи лет назад.

Сегодня для того, чтобы количество принесло новое количество, нужна более сложная система инструментов, более сложная система структур. Для того чтобы количество родило новое количество, нужно перевести его в человеческий фактор.

Чистое количество мы переводим в человеческий фактор, без которого он не воспроизведется, а человеческий фактор возьмем и перегоним в количество. На каждом этом обороте происходит перераспределение, перерасчленение, происходит рост этого количества.

Олигархи — это как раз пример группы, смысл которой состоит в том, что она определенным образом посредничает между чистым количеством и чистым человеческим фактором.

Современное общество состоит из групп, которые тем или иным образом привязаны к перекачке количества в человеческий фактор, а человеческого фактора в количество. Это и есть Система.

«Неоленинизм в XXI веке», 1999

...Мировой порядок — это организация конкретных субъектов.

Существует три клуба — традиционалистский, либеральный и радикальный, и существуют субъекты, действующие на мировой сцене, которые включают в себя страны-субъекты и страны-объекты.

Страны субъекты — это страны, которые являются империалистическими державами: первая категория — США; вторая — Британия, Франция; третья — это такие страны, как Россия, Китай, Индия, Турция, в частности.

А такие страны, как Танзания, Венгрия или, скажем, Непал, — это страны-объекты, то есть страны, с которыми страны-субъекты могут делать все, что хотят.

Взаимосвязь этих отдельных элементов пазла представляет собой Мировой порядок, то есть порядок, в котором разложены отдельные кусочки, отдельные кирпичики, из которых состоит расклад сил, расклад географических феноменов, заполняющих нашу карту. Это порядок.

Система — нечто совсем другое.

Система не является ни группой государств, ни набором сил негосударственных, ни всем набором субъектов на планете Земля (то есть Генеральная Ассамблея, со всеми своими 150—160 членами, вместе взятыми).

Это все относится к мировому порядку, но не к мировой системе.

Мировая система не является вполне человеческим фактором.

Это принцип, на котором основана сама работа человеческого общества, само человеческое общество как машина.

Двигатель можно разобрать на поршни, коленвал, клапаны — порядок сборки и разборки.

А вот есть принцип двигателя внутреннего сгорания — это система.

Вот этот принцип есть Система.

...Система — это принцип организации и подчинения человечества, а порядок — это схема, по которой кирпичики, составляющие видимую структуру живущих на земле людей в разных странах, уложены, как пазл, друг с другом.

Система — это не США вкупе с НАТО, Система — это принципы абсолютно несправедливого устройства человеческого общежития, которые в основе являются нечеловеческими.

«Что такое Мировой порядок и Система», 2015

Слава

Язычники, мушрики делятся на две категории: взрослые и дети, взрослые и инфантилы. Взрослыми мушриками являются мушрики древности.

С точки зрения современных людей, что может быть более инфантильнее, чем Древняя Греция?

Маркс о ней писал, что это юность человечества, на которую нельзя смотреть без улыбки, что это всегда вызывает ностальгию, как тема юности минувшей: жизнь, энергия, молодость, бодрость.

На самом деле эти люди были знакомы с тайнами реальности, с тайнами экзистенции — жуткими, от которых современный психолог просто убежит с места.

Их языческие мистерии, их жертвоприношения, их понимание таинственных, магических, мистических сил, их ощущение судьбы, *«дахра»*, было очень глубоким.

Это были взрослые мушрики.

Главное, что владело ощущением жизни тех взрослых мушриков, было ощущение судьбы. Они чувствовали судьбу как фатум, как Рок, не оставляющий надежды.

Суть героизма у этих взрослых мушриков заключалась в том, что герой, зная, что он проиграет, все равно бросал вызов Року.

Наступал такой момент катарсиса, когда его уровень героизма и вызова Року преодолевал то, что называется «тщетой». Мушрики древности хорошо чувствовали, что такое тщета.

Тщета — это когда сильный воин становится седым стариком, когда над ним смеются дети, когда его забывают, когда его подвиги забывают, когда над его костями кругами проносятся века и когда вся его деятельность никому не нужна.

Тщета уносит, как песок на ветру, в небытие тысячи и сотни тысяч судеб, исчезают города, встают города. Эту тщету знают не только мушрики, но, например, и авторы Торы, есть Екклези-

аст, который хорошо выразил эту тему. Идея кольца, на котором написано «все проходит, и это пройдет».

«Слава» для этих людей — это победа над тщетой. То есть когда твои дела не напрасны.

Для себя они интерпретировали это так, что о них будут рассказывать, о них будут помнить внуки, правнуки. Но ведь мы же понимаем, что и внуки умрут, и правнуки умрут, и поколения через пятьсот лет и тысячу лет тоже эфемерны. Конечно мы сейчас помним про Ахилла и Тезея, но это просто явление культуры.

«Слава» — не просто память о каких-то подвигах, которые для нас не имеют сегодня значения.

«Слава» — это вписанность в смысловой сюжет, в то, что предопределено именно с конечным заданием получить что-то на выходе. Когда человек действует согласно некоему провиденциальному сценарию. И он достигает славы, потому что он является актором, его фигура встает в некое место судьбы, отведенное именно для этого человека, благодаря которому свершилось то, что должно свершиться.

«Слава» — важное понятие, которое преодолевает бессмысленность существования, преодолевает пустоту и равенство песчинок, уносимых ветром в никуда.

Строители египетских пирамид не имели никакой славы, а славу имел фараон, который в эту пирамиду ложился, потому что фараон был тем, через кого реализовывалось бытие и исторический сценарий.

Пирамида воплощала превосходство его над бессмысленностью пыли, над бессмысленностью пустыни.

А вот строители пирамиды, может быть, только лишь в коллективном статусе имели отношение к этой пирамиде, потому что мы как бы знаем, что кто-то же эту пирамиду построил. А эта пирамида должна была появиться.

Так вот, те мушрики были взрослыми, потому что они поклонялись непосредственно бытию. Можно сказать, что они поклонялись Иблису, но Иблису в разных его формах, видах, ипостасях, которым давали разные имена.

Есть мушрики, которые по сравнению с теми выглядят как дети.

Это современные мушрики, современные люди, либералы, которые думают, что они продвинутые реальные люди.

У них много объектов для поклонения, о которых они даже не подозревают, что это объекты для поклонения. В частности, наука, общество, государство, нация, порядок, право.

Все эти вещи являются не элементами бытия, а игрушками, созданными Иблисом.

Это... периферийные вещи, которыми современный человек занят.

Он думает, что наука — это фундаментальный метод познания действительности, который объективен и не зависит от прихоти и субъективного настроя людей. Но это не так.

И сегодняшние ученые знают, что результаты любого опыта связаны с присутствием экспериментатора, который на этот опыт влияет. Ноу-хау, то есть технологии, которые создают техническую цивилизацию вокруг нас (телефоны, трамваи), — все это не имеет никакого отношения к фундаментальной науке, которая нам описывает устройство вселенной.

Если фундаментальную науку вырезать, эти поезда, самолеты так же точно летали бы, потому что они основаны на технологических находках.

И Фарадей, и Максвелл были оккультистами и абсолютно не вникали в так называемое научное содержание таких категорий, как электромагнитные колебания, электричество, более того, они говорили, что это непостижимые вещи, вещи непонятные.

Так что сегодняшние современные люди, которые носятся с наукой, обществом, государством, по сравнению с древними героями, с героями Гомера и античности, это мушрики-дети.

Самое важное — это то, что ислам отобрал у мушриков эту категорию «славы», потому что, когда мы говорим «*Альхамду ли Ллах*», мы имеем в виду, что только Аллах преодолевает тщету, только Он преодолевает бессмысленность бытия, только Он преодолевает именно ту власть, которую бытие имеет над глиняными людьми, над смертными.

Слава, которую искали греческие герои, не решала вопрос о Воскресении, она не решала вопрос Суда.

Что главное, что преодолевает тщету, бессмысленность и абсурд? Это появление в день Суда, восстание из мертвых, появление перед Всевышним, когда получается, что все твои деяния — и плохие, и хорошие — имеют определенный смысл,

за который ты будешь отвечать, за который ты будешь иметь награду или будешь за них наказан.

Они являются не безразличной, бессмысленной рябью на воде, которая исчезнет, как пена, а они являются чем-то фундаментальным, из чего, собственно, состояла история нашего цикла, нашего человечества, которое будет судиться.

«Что такое слава?», 2014

Смерть

Смерть в чистом виде — это некая внесобытийная, внесюжетная реальность, эта черта присутствует во всех наших делах, она является тем воздухом, которым мы дышим. А то, как она присутствует, — это некая сюжетность, то есть она образует определенную событийность.

...Сама смерть, будучи одновременно фактором, включенным в сюжет, имеет собственную сущность, которая ни во что не включается.

Она как черное пятно, просто ни с чем не смешивается, это чистый черный цвет.

В этом смысле Рок является сверхреальностью, потому что смерть поглотит... как сказано в Коране, где Бог обращается к Пророку и говорит об ушедших поколениях: «Разве ты видишь их следы или слышишь шорох, они ушли так, как будто их не было» (19:98).

Вот в этом смысле смерть является Роком.

Но то, что происходит с нами, это часть сюжета.

Смерть одновременно является абсолютной границей всего и чем-то, что с нами случается, то есть эта двоякость в некоей диалектике, которую обыденное сознание не расчленяет, просто утилизует на уровне бытового высказывания, как бы отождествляя обе эти стороны, не расчленяя их. Потому что и сюжетика, и литературное сознание — это бытовое сознание. Невозможно мыслить чистыми категориями, категориями «чистая смерть» и «чистая жизнь»: они постоянно смешиваются, хотя в реальности существуют абсолютно порознь.

...Смерти подвержено это внутреннее переживание «здесь и теперь», которое является просто некоей зафиксированной точкой небытия, пустоты, благодаря которой мы различаем вче-

ра и завтра, лево и право, то есть это точка, которая образует вкус актуальности, гиперактуальности.

Именно эта точка будет перечеркнута. Вы знаете об этих миллиардах существ, которые были до вас, но они же не бьются в вас, не говорят в вас. Допустим, что вы — то большее, то прекрасное, что предыдущие поколения создали, но вы прекрасно знаете, что оттого, что вы существуете, тем, предыдущим, поколениям, которые ушли, ни жарко, ни холодно.

Кстати, Библия устами Екклезиаста говорит очень верно — это исламская точка зрения: «Живые знают, что они умрут, а мертвые в могилах не знают, что они мертвы». Вот страшная реальность, на которую отвечает свет Всевышнего Господа. Он обращается не к проекциям неких отчужденных от нас великих деяний, памятников, зданий, государств, которые также будут сметены.

Проблема еще и в том, что нет ничего великого, что не было бы сметено в свою очередь. Если миры стираются, если космос, который возникает во всей полноте возможностей в момент Золотого века, остывает, как чай, стирается, и мы не знаем, какие бесчисленные миры предшествовали нам. Пророк сказал: «Вы думаете, был только один Адам? Нет, было сто тысяч Адамов».

Если стерты целые миры с миллиардами существ, каждый из которых был космосом, отражающим Вселенную, то что бы мы могли такое создать, чтобы компенсировать наше «здесь и теперь», которое будет перечеркнуто через несколько лет? Ответом на эту черную пустоту «Ничто» может быть только свет единственного Субъекта, Которого тьма не одолевает. Мы лишь участники этой борьбы абсолютного света с абсолютной тьмой, в которой нам было декларировано и заповедано, что этот свет будет победителем. Другого выхода нет, потому что любая попытка сконструировать нечто осмысленное — это не более чем надпись на черной доске, которая будет стерта.

Лекция «Судьба в исламе», 1997

...Один из сахабов Пророка (мир ему и благословение Аллаха) сказал: «Что бы вы ни представили, Аллах есть противоположное этому». Но если подумать, то же самое можно сказать и о смерти: что бы мы ни представили — смерть есть нечто абсо-

лютно противоположное, непостижимое, невыразимое в терминах, которые принадлежат этому опыту. И в этом смысле можно настаивать на том, что смерть есть знак Всевышнего.

...Представляя себе труп, представляя себе падаль, которая терзается стервятниками, — всякие такие жуткие образы негатива, связанного с концом физического существования, — люди на самом деле представляют себе гибель, потому что речь идет о том, что гибель — это просто снятие с доски, это упразднение биологического наличия как разбитие стакана (есть вещь — нет вещи). Вот в гибели человек выступает просто как вещь.

...Верующие люди мыслят себе тоже много всякой ерунды, потому что они начинают себе представлять жизнь, которая сразу же начинается после смерти, они начинают представлять себе какие-то перипетии, которые должны начаться немедленно за могилой: допрос со стороны ангелов, какие-то бонусы, которые они должны получить за свои добрые дела, — это тоже все не соответствует никакой реальности, потому что смерть непредставима — это первый момент, а второй момент — она внутренняя. И она совпадает с непостижимой сущностью нетождественности подлинного «я».

...Гибель — это просто разбитие, уничтожение физического наличия.

А смерть — это проявление нашего сознания, в то время как уничтожение физического наличия уже состоялось. Нет того тела, которое бы концентрировало наше присутствие (как оптика в фокусе). И после этого можно сказать, что наступает вот эта бездна, которая связана с нашим сознанием, посланцем которой является наше сознание. Потому что, честно говоря, если так уж буквально говорить, наш факт того, что мы присутствуем здесь, свидетельствуем, осознаем, понимаем, — это действие Святого Духа.

«Гейдар Джемаль о смысле жизни», 2015

Смертность в монотеистической перспективе и «продолжение» в перспективе мушриков относятся к разным реальностям человеческого существа.

Для монотеистов речь идет о смертности (финальности) здесь присутствующего актуального «я», которое переживает

себя как уникальный и неповторимый носитель конкретного самоощущения, имеющий конкретное имя.

Это «здесь-присутствие» вневременно, не объективируется и в полной мере доступно самоощущению лишь урывками в отдельные моменты — вспышки полного ясного сознания. Обычно человек воспринимает себя как некий фон, на который проецируется поток впечатлений и переживаний.

Умирает без остатка некий таинственный «Петр Петрович», который есть только здесь только один раз. От него остаются костюмы в шкафу, тело в могиле, психика в субтильном измерении нашего мира и тот каузальный энергетический импульс, который вообще поднял волну его земного феноменального существования и который (импульс) идет дальше возбуждать другие волны в других планах.

Но те «волны» будут уже не «Петры Петровичи» — то будут существа, никакого отношения к П. П., жившему здесь, не имеющие.

Фундаментальная разница перспектив заключается в том, что неповторимая вневременная актуальность П. П. — актуальность, в которой вневременность, актуальность «здесь-присутствия» и конечность являются одним и тем же, — не интересует мушриков.

Их интересуют перепетии, которые переживают объективные субстанции, представляющие внешнее и, с нашей точки зрения, несущественное измерение человека. На веревках развешены костюмы, ветер налетел на одну веревку, костюмы закачались, полетел дальше — стал играть другими пустыми оболочками.

Для мушриков этот ветер — некий субъект, облекающийся в данные костюмы, единый в своем движении от веревки к веревке.

Для нас же и ветер, и костюмы — пустые субстанции, просто в момент «оживания» оболочки внутри ее возникает точка нетождественности, составляющая внутренний конечный и неповторимый миг подлинного «я».

Это возникновение связано с условием совпадения ветра и пустого костюма, но не имеет отношения ни к тому, ни к другому.

Для мушриков как раз эта точка является иллюзией.

Они постоянно говорят о необходимости избавления от иллюзии своего «я», которое мешает осознать собственное тождество с пустой всеобщностью вне тебя. Так что обе реальности существуют параллельно, одновременно и взаимосвязанно, и отрицая друг друга.

«Стена Зуль-Карнайна», 2010

Смысл

Центральным понятием в политической теологии ислама является «смысл».

Это не просто значение слов, которые распознаются на базе программы даже компьютером. Реальный смысл предполагает, что в каждый данный момент человек понимает, что он понимает.

Многие люди живут подобно компьютеру: они осуществляют свою деятельность, подчас весьма сложную и требующую серьезного умения, чисто рефлекторно.

Коммуникация между такими людьми носит запрограммированный характер. Эти люди воспринимают и самих себя, и все, что вокруг них, включая решения правительства и действия правящих классов, как нечто само собой разумеющееся, как падение сорвавшегося с ветки яблока на землю (Ньютон удивился этому обычнейшему явлению и поставил его под вопрос — и таким образом родилась теория тяготения).

Смысл для мусульманина в действительности начинается с того момента, когда он осознает, что он по соучастию в миссии первого Пророка Адама (мир ему) также является носителем частицы *Рухулла*.

Исходя из таухида, мусульманин должен знать, что эта частица, вложенная в глиняного Адама, есть нечто абсолютно нетождественное всей окружающей реальности, благодаря которой (частице *Рухулла*) эта окружающая реальность предстает перед ним как объект свидетельствования.

Если бы в сердце человека не было участия в Духе Божьем, от которого Аллах уделил Адаму, то все остальное вокруг него было бы бессмысленным хаосом, бесконечным маревом форм и бесформенности.

Только эта искра *Рухулла*, которая останавливает своей инаковостью плещущееся вокруг нас море сущего, и есть смысл,

и одновременно она же есть свидетельствующее сознание, к которому адресуются откровения от Аллаха, низводимое на протяжение истории через пророков.

«Тезисы политического ислама», 2012

Смысл жизни

...Тема «смысл жизни» — это центральный вопрос существования, и он не может быть изложен коротко. Потому что «коротко» — это всегда будет банально.

Например, люди могут коротко ответить: «деньги»; а другой скажет, например, «власть»; а третий скажет: «наслаждение», «гедонизм».

Это будут короткие ответы, но они явно будут ложными ответами, потому что они все являются вещью, неправильно внешней для жизни. Деньги — это некая вещь. Власть — это поближе уже, скажем так, для некоторых людей это более внутреннее, более духовное, более серьезная вещь, чем деньги. Наслаждение у некоторых, наверное, вызовет негативную внутреннюю инстинктивную реакцию. А есть люди, которые предпочтут страдать. Но это просто на одной шкале — наслаждение, страдание. Это короткие ответы, и они мне принципиально не нравятся, потому что в них заложена высокомерная фальшь. Высокомерная потому, что человек вроде как уже знает все, и он коротко отвечает: «Бабки — ради бабок я живу».

А я думаю, что ответ должен быть длинный.

Обычный человек погружен в течение жизни, как пловец в реку, и он не видит горизонта, он не видит, куда эта река течет. И для него сам процесс жизни, процесс пребывания в этой текущей реке обладает свойствами безграничной длительности.

Большинство людей не отдают себе отчет в том, что то, что «сейчас» — кончится.

Человек, плывущий по реке, находящийся в состоянии погруженности в жизненный процесс, думает, что жизнь бесконечна.

Подавляющее большинство людей выводят финальность своего существования за скобки.

Вместе с тем жизнь имеет смысл только тогда, когда конец жизни непосредственно включен в ежесекундное переживание, в ежесекундный опыт.

Человек должен непрерывно визуализировать свой конец, и этот конец должен определять все остальное, что есть: «сейчас» будет стерто, будет уничтожено, будет прекращено; он переходит в состояние абсолютно непостижимое, которое завершает всякий опыт, который ему дан, — и это главное, это та дверь, в которую он упирается, и эту дверь нужно открыть.

...Смысл жизни не может быть такой или иной, противоположный или не противоположный. Смысл жизни — он один у человеческого существа. И либо ты имеешь к нему доступ, либо это совершенно фальшивая концепция.

Концепция «русского мира» является кусками чужой матрицы, внедренной в их говорильное поле, потому что язык, на котором мы говорим, — это плод многих компромиссов, это следствие дегенерации.

А смысл не может быть у Гиви один, у «Моторолы» другой, у вас третий.

Либо он у нас есть, либо его у нас нет.

Люди, которые этого смысла не имеют, у них нет выхода на этот смысл, который всегда сопряжен с непосредственным постоянным переживанием смерти как своего внутреннего центра.

Смерть — это то зеркало, в котором отражается все остальное, весь мир.

Смерть — это то, чем мы свидетельствуем.

И если у нас на это нет выхода, и если мы погружены в то, что мы свидетельствуем, а не в то, чем мы свидетельствуем, — то это просто бессмысленное плаванье пловца по бесконечной реке, которая внезапно упирается в водопад, и ты улетаешь вниз на камни.

И это всегда происходит неожиданно...

...Наиболее критической, наиболее острой ситуацией является ситуация войны, ситуация насилия, сопряженная с жертвой и гибелью.

Мы не можем говорить о жизни офисного планктона, который шляется по клубам, потому что там вообще нет выхода на острую, критическую, пограничную ситуацию.

Новороссия, Сомали — это те ситуации, которые надо обсуждать в связи со смыслом, потому что человек там оказывается, получая некий шанс (через эту пограничную ситуацию) соприкоснуться со смертью как не только принципом собственного сознания, но и принципом, организующим социальное пространство вокруг себя — воинское братство, историю, которую он делает своими руками.

История формируется именно там. История делается только через войну, через насилие, через революцию. Сидением в клубах она не делается.

Она сопряжена со смыслом, потому что история имеет сюжетность — а сюжет всегда приходит к развязке, к финалу, к концу.

И без финала о смысле говорить нельзя.

Этот финал в случае индивидуума — смерть.

А в случае конца истории, финала — это эсхатология, завершение этого времени и Страшный суд.

И это сопряжено очень тесно. Индивидуальный смысл, связанный с личной смертью, теснейшим образом связан с эсхатологией, которая касается всего человечества.

Это некая глубинная взаимосвязанная система понятий.

«Гейдар Джемаль о смысле жизни», 2015

СНГ

Россия провалила возложенный на нее проект развития СНГ, поскольку Кремлю было поручено, в интересах Запада, курировать постсоветское пространство и продвигать тут западное присутствие.

Дело дошло до того, что появились другие претенденты — Казахстан и Украина, желающие нести роль лидерства на просторах бывшего СССР.

Они неспособны пока реально заменить Россию, но могут уже бросать в этом плане вызов официальной Москве.

Провал геополитической миссии России на просторах СНГ при нынешнем руководстве бывших республик, состоящем из перекрасившихся в нацлидеры комсомольских и партийных работников, не будет, по моему мнению, остановлен. То, что сегодня представляет собой СНГ и роль в нем России, является

формой управления, сложившейся после поражения и развала СССР.

К примеру, если бы в 1944 году в фашистской Германии удался госпереворот и убийство Гитлера, задуманное некоторыми высшими офицерами, то Германия объявила бы о своем выходе из Второй мировой войны и капитулировала на менее жестких условиях, сохранив при этом свои некоторые позиции и геополитическое пространство.

Но заговор был раскрыт, зачинщики казнены, и Германия дошла до своего трагического конца в виде поражения и полной капитуляции.

Я хочу сказать, что российское руководство вовремя спохватилось и само произвело переворот в стране, добровольно подключившись к западной системе. В 1991 году в СССР провели референдум, результаты которого стали неожиданностью для Запада: народы СССР выступили за сохранение Советского Союза.

Результаты его были проигнорированы.

«Дауд vs Джалут», 2010

Совесть

В свое время один выдающийся алхимик эпохи Возрождения сказал: «Дух и материя различаются только степенью. Наша задача сделать материю духовной, а дух материальным».

Иными словами, это сублимация плотного начала.

Когда вода закипает и становится паром, то она, в некотором смысле, превращается в дух. Я бы даже сказал, что в буквальном смысле.

Конечно, этот дух, о котором говорил данный алхимик, и тот дух, который я проиллюстрировал в примере, не имеют никакого отношения к Духу, который имеют в виду единобожники, монотеисты.

Они говорят о Святом Духе.

Потому что Святой Дух противостоит всей реальности. Он является оппозицией всему бытию, действуя посредством нашего сознания, которое есть наше свидетельствующее «Я».

Совесть — это оператор Святого Духа. Именно к нему ниспосылается Откровение.

А тот дух, о котором говорят маги, учителя языческой метафизики или интеллигенты, — этот дух является бесовским, сатанинским, то есть той энергией, которая правит ветхой реальностью.

«Духовность — оружие сатаны», 19.05.2012

Советское мышление

У советских людей есть один особый дефект. Они отождествляют цивилизационный фактор с бюрократическим истеблишментом.

Когда они говорят об исламском мире, то имеют в виду президента Пакистана Первеза Мушарафа, президента Египта Хосни Мубарака, президента Ирана Хатами...

Так мыслят не только русские люди. Так же мыслят и чеченцы, которые возмущаются тем, что исламский мир им не помогает.

Спрашиваешь: какой исламский мир?

Выясняется, что это король Саудовской Аравии Фахд, президент Пакистана Первез Мушараф...

Говоришь им: но ведь мусульмане в мечетях собирают помощь для чеченцев, есть организации, которые помогают беженцам, — все на вашей стороне, исламская «улица» не оставляет вас.

Да, это так — кивают мои собеседники... Но кому нужна эта исламская «улица», когда речь идет о том, чтобы противостоять Путину и получить поддержку Фахда?

Это мышление — советское.

«Говорить языком прошлой эпохи уже нельзя», 06.07.2003

Современный империализм

Сегодняшний империализм на наших глазах строит вполне «бесклассовое» общество, которому могла бы позавидовать сталинская Москва: современное социальное пространство лишено устойчивых классовых страт с присущими им традициями, жизненными целями, менталитетом.

Социальное пространство западного мегаполиса почти сплошь люмпенизировано. Современный люмпен — это, как

правило, лишенный корней и устойчивых этических ориентиров, поверхностно образованный индивидуум, который примерно в одинаковой степени готов к любому повороту колеса фортуны.

Главной его жизненной целью являются деньги, связанные, по возможности, с минимальным количеством обязательств.

Он не включен ни в какие органические структуры солидарности, свойственные более архаическим фазам развития социума, а его самоосознание себя как гражданина некой страны основано на «промывке мозгов», осуществляемой правительственными СМИ, и имеет вполне условный характер.

В этом обществе фактически нет бенефициаров.

Однако это не означает, что архаическая пирамида сакральной власти исчезла.

Просто сегодняшние реальные элиты находятся вне общества, стоят над ним. Их присутствие в социальном сознании имеет мифологизированный, искаженный характер и в информационном плане обслуживается желтой прессой, сам характер которой дает обсуждаемому предмету привкус чего-то сказочного, нереального.

В этих условиях главной стратегической проблемой Истории становится организация социально-политического протеста, который как бы лишается своего субъекта с исчезновением классических «пролетариата» и «буржуазии». Точнее говоря, субъектность протеста размывается на мириады микроскопических протестных импульсов, живущих в индивидуальных сердцах, которые тем не менее неспособны пережить опыт солидарности в силу того, что обладатели этих сердец в человеческом плане слишком деградированы.

«Субъект сопротивления всемирному гнету», 01.07.2006

Сознание

Сознание же, в отличие от разума, есть первичный факт противостояния «Я» и «не-Я». Этот факт нельзя объехать.

Человек не может переселить свое «Я» в объект, находящийся вне его, и воспринимать от его имени (иначе как в художественной фантазии).

Поэтому, когда он говорит, что материя первична, а сознание есть только отражение, определяющееся внешними условиями, он все это «говорит» в собственном сознании.

Он не может рассуждать от имени материи, не может войти в ее «шкуру». Он может просто сказать, что признает господство материи над собой, но само это признание является продуктом деятельности антиматериального полюса, который сосредоточен в его сознательном «Я».

Вот здесь начинается самое важное. Когда человек говорит: «Раз любое мое высказывание и суждение начинается и заканчивается в моем сознании, то, стало быть, мое сознание является первичным», — он говорит нечто неотменимое, неопровержимое.

Попробуй докажи, что философию Гегеля написал за него не чайник, который стоял у него на плите. Нет — только сам Гегель. Можно сколько угодно рассуждать, что личность Гегеля — это продукт материальных условий, фигурально выражаясь, «чайников», но сама эта мысль также возникает и существует в нашем сознании. Материя, «чайники» не заходят внутрь нас с доказательствами того, как они влияют. Это всего лишь домысел.

Итак, если суждение основано на том, что сознание первично — оно просто констатирует верность собственному истоку. Если же суждение говорит, что сознание является функцией от некоего X, находящегося вне сознания, то это ложь.

Правдой является признание сознания первичной реальностью, но не по отношению к некой гипотетической материи, под которой понимают кто во что горазд (кто — «вещество», кто — «движение» и т. п.)...

Сознание первично по отношению к не-сознанию просто в силу своего исходного положения: оно противостоит всему, что не оно само, как зеркало противостоит отражающимся в нем предметам.

Тогда встает вопрос: откуда берется феномен сознания?

Может быть, «Я» есть какая-то завитушка, растущая из «не-Я», и это противопоставление иллюзорно? Так полагают материалисты.

Но опять-таки все наши предположения начинаются и кончаются внутри нашего сознания. Здесь мы должны просто по-

дойти к восприятию внутренней правды этого феномена, которая «кричит» о своей абсолютной внеположности всему, что оно воспринимает. Сознание есть независимый полюс противостояния бытию, и это заложено в сам феномен сознания, в само качество такого явления как восприятие. Камень не может свидетельствовать о камнях!

Вот здесь и содержится основа подхода к тому, что есть правда и что есть ложь. Ложь — это когда сознанию приписывается, что оно является побочным продуктом внешнего ему существования.

«Что есть истина», 2012

...Сознание есть некий якорь, некое послание, некий завет.

Оно просто констатирует, что зло исходно, и оно является вызовом к постижению природы альтернативы себе, но только эта альтернатива будет не добро и не благо. Добро и благо — это ложные понятия, сопряженные с принятием бытия за подлинное, они неизбежны и неразрывно связаны с самообманом по поводу бытия, с идеей отождествления бытия и сознания.

Поэтому когда мы уходим от концепции зла в альтернативу ему, то мы приходим не к добру, а мы приходим к преодолению зла, к трансцендированию за зло, которое дает нам не добро, которое дает нам совершенно иную бездну: она — внеполярная позиция, это не тезис и антитезис, это выход из дихотомии.

«Бытие и тайна нетождества», 2013

Сознание и психические расстройства

Человек — это «башня из семи этажей». Самый нижний — физическое тело; второй — тонкое тело, передающее на «физику» сигналы сверху и отвечающее за обмен веществ; третий этаж — «растительная» душа, вегетатика, внесознательные физиологические процессы; четвертый — низшая животная душа, «контролирующая» спонтанные реакции на внешнюю среду; пятый этаж — высшая животная душа, отвечающая за инстинкты, координацию с миром.

Эти пять этажей человек делит с другими существами: первые три — с растениями, четвертый — с простейшими животными организмами, пятый — с позвоночными млекопитающими.

Дальше идет специфически человеческий уровень: шестой этаж — «сновиденческая» душа, интуиция, предчувствия и пр.

Наконец, седьмой — рациональная «дневная» душа, отвечающая за использование языка (усвоение в детстве на шестом уровне).

Последний относится к теме болезней.

На крыше «семиэтажной башни» стоит сознание и обозревает окрестности.

Оно может видеть их только с помощью языка: только то, что названо или похоже на то, что названо.

Психические болезни бывают трех видов: 1) одержимость, то есть овладение «башней» посторонним существом (от явных казусов до легких форм шизофрении), 2) верхние расстройства, когда шестой и седьмой этажи меняются местами — различные «бредовые» состояния; или когда шестой этаж вовсе отсутствует (аутизм), 3) нижние — когда меняются местами четвертый и пятый этажи.

Это психосоматика, различные формы дегенеративности.

«Сознание и психические расстройства», 04.09.2015

Солипсизм

Ленин нашел гениальную формулу — «солипсизм» — для обозначения своего противника. Хотя солипсизма в чистом виде не было и нет.

Кто такой солипсист, если взять юридически? Мах, что ли? Или несчастный Беркли, которого Ленин все время по башке бил, — «субъективный идеалист»?

Они же не были солипсистами в чистом виде.

Не может же человек всерьез верить, что он один воображает весь мир, кроме него никого нет. Это казус для дурдома.

Но Ленин нарочно оглупил, нарочно идиотизировал проблему. Он превратил ее в казус для коридоров хроников в дурдоме.

На самом деле он говорил все точно.

Потому что финальная векторная перспектива Системы — это солипсизм.

Потому что реально Мадлен Олбрайт, Ширак, Чубайс — это люди, которые свято верят, что все существует только потому, что есть они, которые полагают все это в качестве необходимого себе.

И это такое их глубокое нутро, что они даже вам не скажут, если вы их напрямую спросите. Они скажут: «Ну что вы! Что мы, сумасшедшие, что ли?!»

Но они — солипсисты.

Ленин это знал. Ленин сказал: «Люди воспринимают что бы то ни было в результате наличия отражения. И на них, как на пассивную субстанцию, давит окружающая их материя».

А дальше он говорит: «Материя разумна».

Ленин верил, что материя имеет внутри себя самозаконие, которое вечно организует и создает некую систему, давит на несуществующего человека, который есть просто-напросто мембрана.

Мы не будем сейчас говорить, что это, например, неверно. Оставим в стороне вопрос об истинности.

Пафос этого подхода в его ненависти к человеку, в его вызове гуманизму, в его вызове идеализму, который на самом деле не спиритуален.

Потому что философский идеализм — база культуры и культурократии. А культурократия обслуживает Систему и масонство.

Итак, ленинский подход в постановке материи над человеком — это прежде всего монументальный удар по гуманизму. Такой, который даже не снился по своему уровню ни Ницше, ни Шопенгауэру — никому.

Они жалкие гуманитарии по сравнению с Лениным.

Ницше нас зовет к преодолению человека для чего? Для того чтобы на место человека пришел Сверхчеловек, который является просто раздувшейся инфляцией того же самого солипсиста.

Ницше нас зовет к солипсизму, а Ленин нас зовет плюнуть в морду солипсизму и сорвать все и всяческие маски.

«Неоленинизм в XXI веке», 1998

Сон

Есть фундаментальная разница между состоянием спящего и бодрствующего человека. Когда, просыпаясь, мы говорим, что видели сон, или думаем, что видели этот сон, когда спали, мы ошибаемся.

Мы также не можем знать, что мы видели во сне и что мы чувствовали во сне, как мы не можем знать, что мы видели в состоянии клинической смерти.

Люди, которые рассказывают о тоннелях света, о существах, которые ждут их в конце, говорят не более чем о потоке образов, которые овладевают ими в момент пробуждения.

Так называемые сны — это просто пассивная нагрузка образов, которые лежат в нашем бессознательном, с которыми наше «я» сталкивается, выныривая из черной воды сна на поверхность.

Мы получаем все эти сюжеты, которые длятся часами, в течение той доли секунды, когда мы пробуждаемся, то есть все, что мы знаем о наших снах, — это часть нашего бодрствующего состояния.

Все это различные формы нашего активного свидетельствования.

Недаром говорят, что реальный сон, когда мы спим, это «малая смерть». А в малой смерти, как и в большой смерти, мы одинаково не можем знать, что мы умерли или что мы спим. Когда мы спим реально, мы находимся в чистом ничто. Только когда мы пробуждаемся, мы получаем полный объем знаков, символов, сюжетов — все это происходит только при пробуждении.

У Флоренского есть рассуждение о том, почему длинный сюжет сна, когда после целого ряда приключений нас ведут на гильотину, обрывается звонком будильника в тот момент, когда падает топор.

Это значит, что там течет обратное время.

Человек же не может во сне знать, когда зазвенит будильник, и подстроить гильотину к этому звонку.

Флоренский говорит, что есть некий обратный конус, то есть от звонка мы выстраиваем сюжет, будто это гильотина, дальше все развертывается в этом обратном направлении.

А просыпаясь, мы думаем, что мы спали, спали, спали.

А конус — это то, что время сюжета разворачивается с момента звонка будильника.

То есть мы не видели сна, когда спали: только со звонком будильника мы начинаем видеть некий образ, который, мы считаем, в течние двух часов видели во сне.

Лекция «Судьба в исламе», 1997

Спасение

Что такое спасение по своей сути? Это ускользание из сетей Рока, желание спастись, перейти через ту черту Gotterdammerung, через «конец цикла».

Но ускользнуть из сетей Рока можно только уничтожив Рок. Потому что пока Рок есть, ускользнуть из его сетей невозможно.

В этом смысле «спасение» есть искаженный, теологизированный, морализированный отголосок первозданной концепции революции пророков, которая, в своей доктринальной основе, нуждается в очищении, восстановлении и адекватном понимании.

Нужно продраться сквозь всю ту шелуху, которую жрецы, пользующиеся каждым шансом для того, чтобы протащить свое древнее наследие, вновь и вновь навязывают революционному посланию.

«Революция пророков», 2003

Справедливость

Аллах справедлив, потому что, если бы Всевышний, сотворяя нас, сотворял для того, чтобы человек был счастлив, для того, чтобы он был главный, чтобы он был благополучателем в итоге этого творения — тогда да, это было бы несправедливо. Можно было бы сказать: «Ты создал меня как главное лицо, ради которого все, а в результате — я все там делал правильно, а Ты меня обманул». Человек создан как инструмент.

Всевышний об этом говорит: «Мы сотворили людей и джиннов для того, чтобы они служили Мне» (Коран, 51:56).

Но если человек не служит — инструмент выбрасывают.

В нас существует вот эта точка Святого Духа, в результате которой мы отличаемся от всего бытия и поклонения которой требовал Всевышний от Иблиса.

То есть Он вложил Святой Дух в Адама, а потом сказал Иблису: «Поклонись!» Иблис не знал о том, что там есть этот Святой Дух.

Так теперь, если человек предает этот Святой Дух, который в нем, который он может нести, и его задача, чтобы этот Святой Дух в нем победил эту инерцию глины, а он, как сказано

в Коране: «Мы сотворили человека из капли, а он враждебен определенно» (16:4), — он пошел путем этой оппозиции (*хасин мубин*). Ну и что? Тогда вполне справедливо, что он рассыпается, как животное.

«Пришествие имама Махди», 2014

...Справедливость связана с мечом, а меч связан с любовью, потому что любовь — это самопожертвование. Ибо нет выше, чем положить жизнь, душу за «други своя». Это принцип любви кшатрийской, потому что все пророки были кшатрии, они все были царского рода, они все принадлежали не к попам, а к воинам, и это мы должны держать как собственное знамя.

«Честь как главная скрепа Духа», 2013

У нас нет добра, у нас концептуально в исламе нет добра, у нас есть *нур ас-самават валь-ард* (свет небес и земли), у нас есть *хакк* (справедливость, высший ориентир).

Но нет добра, нет блага.

Хакк — это не добро.

Справедливость — это не добро.

Справедливость страшна, она бездонно страшна, она некомфортна, потому что она сопряжена со смыслом, и она сопряжена с режущим, как бритва, краем, который рассекает бытие, и там пенится кровь.

Хакк — это страшная вещь, но *хакк* противостоит злу.

«В чем проблема Уммы», 2015

Средняя Азия

Средняя Азия конечно очень специальное место. Мне кажется, что такой идентичности — с такой глубиной и отчетливостью — нет больше нигде.

Можно с парашютом спрыгнуть и попасть в любое место на планете и некоторое время не понимать куда попал. То ли это Марокко, то ли это Ливан, то ли это Мексика, то ли Лос-Анджелес.

Но, приземлившись на территорию Средней Азии, узнаешь ее сразу.

Здесь все напоено особым составом, в котором терпение и тайна смешаны в равных пропорциях.

Средняя Азия — это один сплошной мазар, вокруг которого идет непрерывное преображение плоти в дух. Если где и происходит на Земле эта трансмутация энергии — то это там!

Всегда ли она была такой? Не думаю.

Среднеазиатский феномен родился на противостоянии Борджегинам (чингизидам).

Средняя Азия стала собой благодаря железному хромцу Теймурленгу.

Именно оттуда происходит то, что делает Среднюю Азию неповторимой: постоянный вкус смерти и вечности в одном флаконе.

Вся Средняя Азия на протяжении последних восьми столетий — это борьба между чингизидством и исламом.

Не секрет, что империя монголов ничто так не ненавидела, как ислам.

Монгольское завоевание Мавераннахра («Заречье», арабское название территорий между Сырдарьей и Амударьей) по своей свирепости оставляет далеко позади все, что мы, современные люди, знаем об ужасах войны. Может быть, в своих пиковых достижениях Гражданская война 1918—1921 гг. где-то приближается к силе того смерча, который прошелся по Евразии в первой половине XIII века.

Говорят, Чингизхан имел от последних великих шаманов Сибири мандат на всемирную борьбу с исламом. В этом смысле он явился предтечей последнего императора Калачакры, битва которого с мусульманами, по тибетскому учению, станет концом мира.

То, что было 800 лет назад, как раз и сформировало архетипическую модель отношений Средней Азии с окружающим миром.

Чингизидство и ислам не прекращали противостоять друг другу ни на минуту. Монгольское иго, воцарившееся над исламским миром, фактически не прекращалось никогда, лишь перерождаясь в чуть-чуть измененных политических и культурных обличьях.

Гумилев был совершенно прав, утверждая, что Российская империя — это простое восстановление Орды под европейской маской.

Кстати, у монголов не было никакого фундаментального антагонизма с Большой Европой. Размолотив в Венгрии огром-

ную рыцарскую армию, они вышли к Адриатике, предоставив Западному Риму идти своим путем.

По сути, римский империализм и монгольская Орда являются двумя сторонами единого политического феномена.

Имя ему — тирания человекобожия.

Чингиз ли, кесарь ли или их архаические предшественники в лице фараонов — это все «зверь из бездны». Единственный, кто может противостоять этому зверю — ислам.

Причина такой исключительности в том, что только в исламе бытие не является благом, а человек не является целью. К сожалению, даже среди самих мусульман это понимают лишь немногие.

Однако если есть место на Земле, где можно ощутить с физической ясностью это противостояние между духом пророческого откровения и социал-язычеством — это именно Средняя Азия.

Походы Скобелева и Кауфмана, убийственные рейды Буденного по кишлакам, да и более «мирные» страницы новейшей истории — все это продолжение того же монгольского ярма, которое всегда имело мистически определенную антиисламскую направленность.

Неслучайно в конце советской партократической эры первые секретари республик, независимо от национальности, выглядели как родные братья. Молдавского Мирчу Снегура легко можно было перепутать с таджикским Набиевым. Если бы кто-то в те времена мог бы взглянуть на их страшные идольские рожи свежим, незамыленным взглядом, то воскликнул бы: да это ж монголы! Кровь Борджегинов течет в венах современных евразийских правителей. Они все ненавидят ислам. Евразия — их пароль, ключ к пониманию их политического пафоса. Иго, иго — вот его тайна. «Высокое небо над нами, широкая земля под нами», а между ними — «Яса» Чингизхана. На этом сойдутся и сходятся и китайцы, и угро-финны...

«Евразия как эвфемизм», 2014

СССР

После Октябрьской революции на короткий период наступило просветление, когда еще не утративший революционный запал молодой СССР бросил вызов мировой колониальной системе и таким образом поддержал борьбу порабощенных За-

падом народов, однако это было быстро свернуто Сталиным, выбравшим курс на контрреволюцию, на сговор с господами мирового порядка, на союз с англосаксами.

Это в итоге привело к капитуляции советской номенклатуры, сдаче всего «Красного» проекта, причем, по меркам исторического времени — крайне быстро.

«О русском мире, ISIS, ислам в Казахстане»,
12.09.2014

Сталин

Сталин расстреливал, сажал и уничтожал людей, которые были носителями идеализма. Если ты веришь в революцию, если ты ленинская гвардия, то путь тебе только один — в общую могилу, в безвестный ров.

Уже в 1935 году, благодаря его такой садоводческой деятельности, в партии осталось менее 2% людей, вступивших в нее до Октября 1917 года... Люди, которые вступили туда по зову сердца, когда партия была еще ничем, были выбиты. А те, кто были конъюнктурщики и вступили уже после Октября 1917-го, — они как бы еще выживали, но там дальше начинали работать и с ними.

...Сталин занимался выведением обывателя.

Ему нужен был обыватель, ему нужен был человек, который ориентирован на корыто, на колбасу, на верность хозяину, на безыдейность — это была целенаправленная установка.

Поэтому он покончил с партминимумом, с партмаксимумом, ввел «корыто», «вертушку» — главные термины партноменклатуры, и как мораль она распространилась сверху вниз, зацепила всех.

Товарищ Сталин хотел больше всего вписаться к нашим партнерам, у него повестка дня была абсолютно современная: вернуться в состав наших партнеров, но более или менее равноправным.

«Обыватель и миф о прогрессе», 2016

...Одна из причин невозможности возврата в сталинизм заключается в том, что российские правящие круги, по большому счету, из него и не выходили.

Чтобы понять суть этого парадокса, надо просто все расставить на свои места: ленинизм, троцкизм, сталинизм, оппортунизм (в терминологии маоистских товарищей)...

Сталинизм был в чистом виде ликвидацией большевизма и возвратом к царской империи.

Понимание сталинизма открывается через ясное представление о том, кто такие Романовы и зачем они были нужны Западу.

Романовы были смотрящими — прежде всего от Британской империи — на огромных просторах «ледяной пустыни», по которой бродил «лихой человек с топором».

Романовская — а по сути, объединенная германская — династия, опираясь на прямое рабовладение и коррупцию, осуществляла жандармские функции в интересах тогдашней, еще относительно слабой, системы, штаб которой формировался в Лондоне.

Сталин выждал 10 лет с момента поднятия красной большевистской волны и приступил к реализации проекта «Советский Союз как жандарм англосаксонского мира».

Благодаря Соединенным Штатам были осуществлены проекты коллективизации, что дало возможность Кремлю шантажировать население перспективой голода.

Время от времени этот голод становился грубой действительностью, уничтожая миллионы людей. Но это не значит, что у советской власти в полях ничего не росло или же рассыпалось из грузовиков по пути и сгнивало в хранилищах. Отнюдь!

Советский Союз производил сельскохозяйственные продукты в изобилии. Дефицит и голод были партийной политикой. Вывоз продовольствия на Запад осуществлялся в огромных масштабах...

США содействовали Сталину также в другом проекте — скоростная индустриализация. Верхушка англосаксонской знати в Штатах и Великобритании прекрасно понимала логику сталинизма: содействовать приходу в Германии к власти Гитлера как лидера европейского бунта против ростовщичества.

Новая Германия и новый тренд Европы делал сталинскую империю абсолютно необходимой для США и Великобритании.

Собственно, то, что мы видим в истории XX века, есть не что иное, как колоссальное предприятие по спасению англосаксон-

ского мирового господства от континентального европейского вызова.

Во имя этого, совершенно чуждого для него господства, СССР потерял десятки миллионов людей. Европа была раздавлена и на протяжении последующего полувека поэтапно перешла под полный контроль англосаксов (включая те восточные регионы, которые первоначально достались Москве).

Вернуться в это?

Снова стать жандармским кулаком Запада?

Так ведь эта парадигма и не нарушалась.

Только Россия ведет игру, правила которой прописаны не Сталиным, а теми стратегами, которые выиграли холодную войну с СССР. Надо запугать Европу до колик в животе — Россия пугает. Надо объявить войну исламу — как против внутреннего врага, так и против внешнего? Россия входит в Афганистан, Сирию, готова применять силу на постсоветском пространстве. Какого еще сталинизма вам надо?

Имперский гламур, реализация ностальгических сериалов, в которых обязательно присутствует Красная площадь, абакумовы, берии?

Это не получится наяву, извините!

Советский Союз, будучи пособником англосаксов, вместе с тем был разгромлен в холодной войне, демонтирован, и это означает, что ни с каких колен ему уже не подняться. Однако организовать кровопролитие в Сирии, в Турции, в Афганистане — это можно. Под прикрытием лицемерного осуждения со стороны западной общественности и бессмысленной риторики внутренних медиа.

Системная функция России быть одновременно контрапунктом и неотъемлемой частью Запада остается сегодня фактически такой же, как во времена Петра Великого. Недаром он висит (или висел при Ельцине) в кабинетах всех начальников.

...Если мы говорим о сталинизме, а не о различных имитациях — потому что речь может идти о так называемой твердой руке, о полицейском режиме, о всякого рода судорогах. Это — не сталинизм, потому что сталинизм принято ассоциировать с имперскостью и с появлением колоссальных возможностей государства: это возможности перекрывать Енисей, это ГОЭЛРО, атомный проект, ликвидация безграмотности, подготовка (то,

что было при Хрущеве, но началось при Сталине) проекта «Гагарин», это колоссальный вес на международной арене, все то, что принято связывать с империей.

«Невозможность возврата в сталинизм», 2016

Страх

Страх не имеет никакого отношения к ужасу. Страх — это встреча с другим, это встреча с «не-я», которая является определенной угрозой от этой неизвестной («не-я» как неизвестное). Есть «не-я» как известное, есть «не-я» как нейтрализованное или подчиненное, но это дает эффект радости.

«Человек как часы вселенной», 2016

Судьба

Когда мы говорим «судьба», мы имеем в виду нечто более значимое и осмысленное, чем простое движение от максимума к минимуму, которое является уделом всякого предмета, всякого существа.

Когда мы говорим «судьба», мы в значительной мере все-таки не имеем в виду, что сначала мы родились, а потом мы умрем.

Хотя в расхожем смысле слова, может быть, многие используют слово «судьба» именно так — «мы родились, выросли, потом постарели, а затем умрем» — но это, скорее, входит в другую категорию: в то, что называется «юдоль человеческая», путь всякой плоти.

Судьба есть нечто значимое, есть нечто осмысленное, есть нечто концептуальное, сюжетное, которое придает организованную, структурную природу нашему существованию, отличает его от любого другого.

В этом смысле судьба как оппозиция хаосу есть воплощение Божественного измерения нашей жизни.

Так люди традиционно испокон веков и воспринимали судьбу: судьба есть смысл, есть целесообразность, есть Божественное измерение существования, но этого измерения достойны лишь немногие.

В архаическом языческом мире судьбу имели герои и цари; обычный человек не имел права на судьбу — по крайней мере

в контексте западной, северной традиции, потому что на языческом Востоке, в Индии было несколько по-другому: там существовала причинно-следственная система дел и последствий этих дел, механизмы этого распределялись по определенному статусу (карма и т. п.). И в самом нижнем эшелоне языческого общества Индии человек также был включен в причинно-следственный ряд.

Но все-таки мы (и в Западной Европе, и на Ближнем Востоке), скорее, включены в совершенно другое ощущение судьбы — не причинно-следственное, а мистическое ощущение.

Судьба как выражение определенного духовного статуса, как то, что противостоит хаосу, является для людей не предметом опыта.

Когда мы полагаем, что наша жизнь имеет смысл, что она определенным образом организована и разворачивается как некий сюжет, у которого есть финал, есть конечное разрешение — то, ради чего все, то это видение судьбы для нас не может быть предметом опыта, это предмет веры, это полагание того, что наши жизни целесообразны, что это не жизнь мошкары, вьющейся вокруг лампы, вокруг свечи, а что это нечто значимое.

Этот инстинкт дан не только людям, исповедующим монотеистические религии, не только мусульманам. Я подчеркиваю, что этот инстинкт существовал у людей всегда — именно поэтому существует не просто понятие «судьбы», но есть некая воля к судьбе, воля к обладанию судьбой.

Эта воля является наиболее фундаментальной чертой человека вообще.

Но если так, если существует воля к судьбе, если существует некое полагание этого Божественного целесообразного измерения, то существует и то, из чего это выделено. Действительно, такая реальность есть.

Более того, эта реальность является не предметом веры, а предметом непосредственного ежедневного опыта. Это то, о чем мы сказали несколькими фразами ранее: мы рождаемся, взрослеем, стареем и умираем. Что это?

Это не судьба — это Рок.

Это те же самые механизмы железной энтропии, это те же самые железные челюсти фатальной необходимости, которые действуют на обычные физические предметы так же, как чай-

ник, снятый с огня, сначала горячий, а потом становится все холоднее, затем остывает совсем. Мы не находим в этом ничего удивительного, это как бы само собой, как яблоко, падающее с ветки на голову Ньютона — а это относится к тому же порядку и явлению: падение яблока, закон тяготения, энтропия, стремление к пределу — ничто; в конечном счете ничто — то, что составляет сущность Рока, что составляет сущность обреченности, то, что является энергией и подкладкой всякой бесцельности, всякого отчаяния, всякого осознания суеты сует.

Итак, возникают два понятия: с одной стороны, судьба как некий смысл, организация, сюжет, проекция со всеми входящими сюда человеческими моментами, включая главную из них по отношению к судьбе — волю к судьбе, волю иметь судьбу, и с другой стороны — нормальные механизмы убывания, энтропии, смерти.

Мы можем сказать, что судьба является парадигмой жизни, Рок является парадигмой смерти, гибели.

Но что здесь интересно: жизнь ведь нам непосредственно дана, мы ее проживаем в опыте, но тем не менее судьба как организация жизни есть нечто, во что мы верим. Смерть? Но ведь мы еще не умерли, мы еще живы, мы еще ощущаем.

Но тем не менее Рок, ведущий нас к смерти, является непосредственно данным нам в опыте. Смерть растворена в нашей интуиции. Жизнь есть нечто неуловимое, то, что мы каждый раз должны вновь и вновь утверждать актами веры.

Таким образом, судьба как некая полагаемая верой проекция и смысл жизни является понятием световым, категорией света.

И вот почему для древних, для язычников судьба была написана в звездах: ведь звезда является фиксированным светом в темной бездне неба, которую древние воспринимали как бездну «ничто», как бездну уничтожения.

Здесь мы сталкиваемся не просто с мифологией, которую мы можем рассматривать как явление культуры — это не явление культуры, не проекция человеческого творчества, не продукты разума, разумной творческой изобретательской деятельности человека, то есть это не выдумка, это некие фундаментальные реальности, которые приходят к нам извне, которые действуют на нас.

Жизнь не выдумана, смерть не выдумана, это не явление культуры — это наша объективная реальность.

Таким образом, смысл жизни и смысл смерти не являются продуктом культурной интерпретации, они приходят к нам вместе со своей основой, со смертью или жизнью.

Судьба и Рок — это параметры объективного существования, которое мы по-разному можем интерпретировать, комментировать и т. д. Но это категории, не рождающиеся из нашего творчества, это то, что как бы обваливается на нас и принуждает нас к восприятию себя.

Когда мы оказываемся перед лицом двух этих полюсов — световая, смысловая судьба как Божественное измерение, как ненапрасность жизни, с одной стороны, и Рок как энтропия, ничто, отрицание, которое поглощает все сущее, возникающее и исчезающее в бездне этого «ничто», с другой стороны, (то есть одно — смысл, другое — обессмысливание), — встает такой вопрос: стало быть, судьба в определенном смысле должна гарантировать человека от хаоса Рока, от уничтожения. Откуда берутся эти силы, каковы те механизмы, которые защищают смысл судьбы от бессмыслицы бесконечного «ничто»?

Здесь человеческая воля и человеческий фактор попадают в жестокую коллизию, потому что при внимательном изучении вопроса становится очевидным, что от всеобщей силы негатива, от всеобщей силы отрицания не гарантирует ничто.

Всеобщая сила отрицания — всеобщая сила смерти, с точки зрения обычного, неязыческого человека, который застает реальность вокруг себя (физическим образом) и быстро понимает, что нет никаких гарантий: ни космос, ни звезды, ни физические законы в конечном счете не являются такими гарантами.

Все написанное стирается.

Судьба — это категория религиозная, она связана с актом веры; в значительной мере она носит экзистенциальный характер, она привязана к параметрам существования человека, это измерение личного бытия. Рок, в отличие от судьбы, — это некая черта, которая подведена под всем сущим, это не религиозная категория — это категория метафизики, это центральная категория так называемой большой греческой традиции.

Мы знаем, что в западной традиции существует ставшее расхожим утверждение, что благими намерениями вымощена

дорога в ад. Нет ничего более антиисламского в этом смысле, потому что благие намерения в подлинном смысле составляют единственно возможный духовный капитал свободы, и действия, согласно этим намерениям, в исламской традиции вовсе не предполагают никакого прагматического интереса в плодах.

Сама вера в судьбу — это прежде всего необходимость изначально чувствовать, что твоя жизнь осмысленна, потому что, если мы говорим вне контекста авраамического Откровения, вне контекста Священных Писаний об обычном человеке, языческом человеке, у него есть два выхода: либо полагать, что он существует как предмет или животное, и в этом смысле есть только Рок (он родился и он умрет), или он вынужден считать, что у него есть некая судьба, то есть некая сюжетность его биографии, которая имеет смысл.

Но если человек исповедует веру в единого Бога, то он свободен от апелляций к судьбе, потому что его световое искупительное начало уже не в событийном смысле, а в том свидетеле, который внутри его существует. Он может быть просто брошен в тюрьму и ничего не видеть, кроме голых каменных стен (не иметь никакой событийности судьбы). Но, поскольку он знает, что является носителем знамения великого Бога, он может полагать свободное намерение в своем сердце и не нуждается в судьбе. Он может просто посвятить свою жизнь — даже пребывание в застенке — Богу, Который станет вне его и за него победителем против силы мрака, против абсолютной ночи и тьмы.

Проблема судьбы для нас — та проблема, которая в языческом космосе решается в обреченности — для верующих в Единобожие решается окончательным образом на Страшном суде. Потому что мы умрем.

Лекция «Судьба в исламе», 1997

Суперэлита

За последние триста лет образовалась правящая надстройка, которая вынесена за пределы общественного пространства. Если раньше церковь в широком смысле и короли с аристократией (которые являются собеседниками церкви, переводящими импульсы последней на человеческий язык) были составной

частью социума, то сегодня эта группа видимым образом исключена из него. Исключена настолько, что обыватель, когда слышит о них, представляет их чем-то вроде зеленых человечков. Он спрашивает: «А разве эти люди еще существуют? Разве они оказывают какое-то влияние? Скорее всего, это уже живой музей, символы и ритуальные традиции!»

Это интересный психологический настрой, который подчеркивает страшную вещь. «Суперэлита» обеспечила себе некую форму господства и контроля над обществом без обратной связи с собой. То есть ей нельзя сделать предъявление по поводу ее позиции или ошибок. Надо понять, что великие посвященные, представителями которых являются Папа, Далай-лама и тому подобные персонажи, с нами не говорят. Папа, может быть, раз в год паломникам рукой машет сверху, и все. Они в диалоге с избранными. С королем Олафом, с принцем Чарльзом, с Майклом Йоркским, королевой Джулианой.

«Прикончить человечество?», 17.06.2008

Суфизм

Тема суфизма провокативна, драматична, и она ставит много вопросов в своем реальном отношении к сути коранического откровения, на почве которого она произрастает и претендует быть его некой реализацией, неким тайным мистическим комментарием.

Тайна суфизма заключается в том, что это разговор о встрече пылающего страстью существа, суфия, который стремится к слиянию в Боге и исчезновению в Боге.

Что такое для суфия Бог и что такое он сам для себя?

Это сложный вопрос, потому что, с точки зрения истинного суфизма, Бог возникает там, где бытие встречается с бытием -- совершенное бытие встречается с несовершенным бытием. Несовершенное бытие, или бытие проблематичное, проблематизированное, задающее вопросы, испытывающее страдания, опьяненное статически — оно является бытием лишенности, и у него как альтернатива, как некий полюс к нему, как некий проект есть абсолютное совершенство, которое совершенно самодостаточно, которое обладает той самой апатией, холодной, высокой апатией, которая не обладает никакой недостачей.

Но оказывается, что эта совершенная апатия, это совершенное бытие, являясь богом, не является богом до тех пор, пока оно не встретится с любящим, пока любящий и любимый не объединятся.

И только встреча совершенного с несовершенным дают ту плерому, в которой осуществляется исчезновение, которая является утверждением. Исчезновение ведет к утверждению.

Это основа основ суфийской драмы, это уравнение.

Весь суфизм есть не что иное, как рождение плеромы в момент встречи совершенного с несовершенным, которые становятся партнерами в этом браке.

Реальный ислам к этому относится крайне холодно, крайне негативно.

Почему?

Не потому, что он наивно представляет что-то в терминах такого первичного, первично-онтологической теологии, что он представляет Бога в каких-то антропоморфных терминах или в презентации Всемогущего бытийного существа.

Нет, это ошибка.

Это не имеет никакого отношения к такому внутреннему, холодному пафосу отрицания вот этой самой драмы, о которой я только что говорил — дионисийско-суфийской драмы, потому что чистый ислам, который не допускает суфийского эзотеризма, он в себе несет совершенно иной эзотеризм — страшный эзотеризм, во многом антипафосный, антиэкстатический.

Это ислам, который утверждает, что Бог — это Великий отсутствующий, который называется именем «Он» (по-арабски «*Хува*»). «*Хува*» имеет в грамматике классического арабского языка (третье лицо, единственное число, мужской род — грамматическое название этой грамматической категории) значение «Отсутствующий». Тот, Которого нет. «*Хува*» — это Великое отсутствие, которое тем не менее задано: первое — в Откровении; второе — в провиденциальных качествах, которые определяются именами, данными в Откровении. Это имена Великого отсутствия, это имена — *Хува*, это имена Его, который отсутствует, который был бы вообще полностью никем и никоим образом не соприкасался бы ни с душой, ни с инстинктом, ни с опытом, ни со страстями никакого существа, если бы не это парадоксальное Откровение, в котором открываются эти имена:

Сильный, Дающий, Милостивый, Принуждающий, Изобилующий.

Это параметры вторжения в площадку действия.

Параметры вторжения некой субъектной активности, которая вся относится только к этому местоимению третьего лица, единственного числа, мужского рода, которая осмысляется как центр или точка Великого отсутствия. И парадокс в том, что центр или точка Великого отсутствия совпадают с моментом свидетельствования нас, здесь и теперь, в этот момент наше свидетельствующее сознание является пустым следом Пятницы в песке, который Робинзон Крузо обнаруживает и понимает, что кто-то же это оставил, что он не один.

В нас есть эта точка, которая является оппозитом всего, что мы свидетельствуем, благодаря тому, что это оппозит. Это есть пустой след босой ступни, который оставил *Хува*, т. е. Он. Вот почему это совершенно другая интеллектуальная духовная драма, которая не может принять концепт, изложенный выше, в параметре встречи совершенного и несовершенного бытия, которые порождают экстатический момент плеромы.

Потому что носители Откровения о Великом отсутствующем — их не интересует плерома, их вообще не интересует утверждение, их вообще не интересует триумфальное разрешение проблемы.

Их интересует постановка в центр, в фокус духовного внимания того, что является никоим образом не заданным в нашей архитектонике, в нашей структуре, в нашей антропологической архитектуре.

Если представить себе некое воспринимающее сущее как абсолютное чувствилище, которое воспринимает все, что можно воспринять, — сферическое зеркало, которое отражает все, что может только попасть в это зеркало, — то предметом внимания является то, что заведомо не может попасть на это зеркало. Не то чтобы какое-то существо может увидеть, а какое-то нет, или, например, человек не может увидеть, а абсолютно об этом знает, — нет. Предмет незнания, предмет абсолютного неведения является тем, что находится в центре. И он является тем, что и находится в самом центре, и, более того, Откровение, приходящее через Пророка, есть это Великое отсутствие, которое связывается со своим босым следом в центре нашей души.

Вот та проблема, которая как будто бы, каким-то образом, отчасти, напоминает драматическую мистику высокого пафосного суфизма, но на самом деле является абсолютным негативом по отношению к нему, отрицает его — это как огонь и вода, в которой этот огонь отражается: они друг друга гасят; вода гасит огонь, но и вода может от огня испариться.

«Суфизм и ислам», 2016

Сущее

Сущее — это конгломерат всех планов, перспектив, реальностей, к чему может быть приставлен, условно говоря, предикат «есть». Но этот предикат «есть» работает не сам по себе и не во имя того, что это есть в том смысле, что с этим можно встретиться.

Он работает как некое указание на семейность всего того, к чему он относится, то есть эти вещи соотносимы между собой. От одного к другому можно перейти.

Они родственны.

Даже если они разделены полярно, то эти полюса объединены некой прямой линией, неким стержнем, некой такой осью, которая их соединяет.

Если одно отрицает другое, если они антитезны, то все равно они взаимосвязаны полярной дорогой, прямой дорогой антитезности: допустим, черное и белое — но без одного не бывает другого.

Все, что есть в бытии, каким-то образом повязано в общий хоровод, даже если мы говорим о высоких планах.

«Гностицизм: дуальная версия неоплатонизма», 2012

Сфинкс

В языческом духовном мире главный закон — это двусторонность, зеркальность, взаимность. Один из важнейших текстов языческой метафизики гласит: «что вверху, то и внизу».

Мост между человеком и иным — это путь с двусторонним движением.

Жертва, которую человек приносит, обязывает не только его — она обязывает и божество.

По сути дела, это сделка с Роком, торговля с судьбой.

Речь может идти о судьбе индивидуума, рода, племени, наконец, о судьбе всего человечества.

Отношения между людьми — это всегда только отражение отношения между людьми и Богом. Языческое общество основано на принципе «ты мне — я тебе».

Это делает общество социальным механизмом, основанным на балансе интересов.

Проблема такого общества заключается в том, что оно обречено на постоянный циклический кризис, на постоянный крах тех принципов, на которых оно основано.

Замкнутая система баланса интересов неизбежно приводит к тому, что первоначальный капитал духовной энергии быстро скудеет.

Вот почему языческое мировоззрение всегда окрашено тонами пессимизма, цинизма, уныния.

Сфинкс для современного человечества — символ загадки.

Первые арабы, которые пришли в Египет, назвали его «отцом ужаса».

Но идея непостижимости Сфинкса возникла у впервые увидевших его греков.

В действительности Сфинкс является символом власти жрецов, символом открытой теократии. Это великое существо есть сама жизнь, которая, усмиренная волей жрецов-теургов, посредничающих между тем миром и этим, находится на страже горнего мира — высшей реальности.

Часто высшую реальность обозначают камни, скалы и пирамиды.

Пирамида — это время, обращенное вспять, это кусок неба, спустившегося на землю.

В каком-то смысле пирамиду можно назвать наследием древнего Рая, внутри которого спит ветхий Адам, ожидающий возвращения.

Вот почему этот символизм непрерывной борьбы монотеизма, единобожия с фараоном, с тираном.

Фараон — это нераскаявшийся ветхий Адам, это ветхий Адам, вкусивший от древа познания, от древа жизни и ставший, если использовать выражение Ветхого Завета, «как боги».

«Подвиг веры», 1994

Счастье

Счастье — это лозунг сегодня либерального клуба. И это не просто гедонистический тезис. Простой гедонистический тезис понятен: жить хорошо.

Скажем, есть такой образ, сравнение: кто такой либерал? Либерал — это тот, который сидит в лобби «Хилтона», за коньяком, с сигарой, с газетой, и ему хорошо, и он не собирается оттуда уходить, и говорит так: мы здесь сидим, и кто придет и оспорит наше право здесь сидеть, мы того порвем. Но это упрощение — счастье в подлинном смысле слова для либералов... Потому что есть либералы, имеющие религиозное измерение, это необязательно шкурные атеисты, которые считают, что после меня хоть потоп, вырастет лопух и так далее. Нет, отнюдь.

И если брать всю полноту либеральных коннотаций, то счастье — это полнота реализации временного, когда весь максимум возможностей, которые можно реализовать в ограниченной, конечной жизни, конечном существовании, все это достигает максимального самовыражения и утверждения. То есть это некое объединение всех манифестаций временного в законченном совершенстве. Вот это — счастье как политический тезис либерального клуба.

«Анатомия молчания», 17.01.2011

Тагут

Общество — это *тагут*. А кто такой *тагут*? *Тагут* имеет значение «идол». Но вообще *тагут* — это воплощение того, как бы суммарно и в принципе, что противопоставляет себя Богу и что одновременно пытается навязать себя Всевышнему в сотоварищи. А основа основ в этом плане — это Иблис. Иблис, или наиболее высокомерное, наиболее могущественное существо, которое отказалось поклониться, согласно исламской традиции, человеку, потому что считало себя выше и сказало, что «я выше человека, я лучше человека, потому что я из огня, а человек из глины» (Коран, 2:34).

Представьте себе такую картину. В некоем центре мироздания — я имею в виду не того мироздания, которое является для Всевышнего просто доской или полем, на котором строится Его Божественная мысль, провиденциальная мысль о судьбах и назначениях творения, а того мироздания, которое является проявлением субстанции, глиняной субстанции разных уровней, — вот в центре этого, как в центре паутины, как некий паук, между небом и землей находится Иблис, то есть тот первый джинн или то первое существо, которое претендует на то, что оно является главным, основным, тотальным и, так сказать, необязанным поклоняться никому. Оно состоит из огня, из, что называется, первичной энергии.

А где-то внизу, на земле, которая является важнейшей площадкой, на которой развивается Божественная мысль, Божественный замысел, — человек, находящийся в очень специальном состоянии: он из глины.

Представим себе воочию эти образы.

Глина холодная, мокрая.

Есть сухая глина, конечно: два типа глины входят в состав человека, — но глина — инертная вещь.

А ему противостоит то существо, которое отказалось ему поклониться, — Иблис, который заключает в себе всю энергию возможной субстанции, огонь.

И вот находится некто, не будем говорить, кто это, который идет к этому Иблису, берет у него немножечко этого огня и приносит глиняному человеку, подкидывает это ему и говорит: «Вот тебе этой энергии, этой субстанции, которую тебе этот гад не хотел уделить, но я совершил вот такую акцию, я у него взял и передал тебе, чтобы ты не зависел от обстоятельств, мог бы себя обогреть».

Человек берет и действительно превращается в некое коллективное тело, которое теперь поплевывает и на холод, и на дождь, и на все с помощью этого огонька.

Но в благодарность, вместо того чтобы сделать этого (ну, кто украл у Иблиса огонь) лидером или начать, по примеру многих язычников, поклоняться ему, вместо этого берет и выдает его Иблису и говорит: «Вот, Иблис, этот сукин сын и вор у тебя огонь украл, но мы, конечно, получили этот огонек, но к этому делу ничего не имеем, мы за тебя полностью, а этого можешь взять и наказать как хочешь».

И существо, условно говоря, того, кто украл огонь у Иблиса, ждет серьезное последствие.

Понятно, что я более или менее близко к тексту излагаю известный миф о Прометее, который существует и передается в других формах, под другими названиями не только у греков, но и у других народов, в частности, у кавказских (Сосруко, Амиран). Фигурирует некий культурный герой, который, совершив дерзкую вылазку, кралет огонь у огненного или светового существа, которому все язычники поклоняются как богу, то есть считают его не Иблисом, как мы, а богом, который для древних греков, индусов, древних германцев был действительно богом.

Теперь, если мы посмотрим на поясняющий контент зороастризма... почему зороастризм интересен в этом отношении? Потому что в зороастризме и в митраизме проговариваются те моменты, которые все жрецы скрывают и хотят оставить за рамками в той части, в какой мы этим занимаемся — мы сейчас занимаемся элементами куфрологии, о которой мы говорили, что без знания куфрологии нечего делать тем, кто бросает вызов куфру (*даруль-куфр*).

Так вот, в зороастризме существуют два верховных существа.

Одно существо — это бог света, Ормузд. А другое — в древнем зороастризме или до зороастризма это тоже был бог, но

потом с него этот статус сняли, и он стал просто хозяином, воплощением тьмы — Ариман. Есть главный миф зороастризма о том, что Ариман и возглавляемые им силы тьмы совершили атаку на мир света, похитили там свет, забрали его вниз, и после этого Ормузд вынужден был сойти вниз. Но после тяжелых, серьезных приключений — сначала он был схвачен, распят, потом Спаситель-Дух Святой спустился за ним, чтобы его освободить, они поднялись, восхитив этот свет из тьмы, но часть его еще осталась, ее нужно освобождать.

...Исторические христиане отождествляют того, кого мы знаем как Ису (мир ему), именно с зороастрийским Ормуздом, и вся их концепция христологии сводится к тому, что они молятся Ормузду, называя его Иисусом Христом.

Но это одна сторона. Другая сторона — что тема Прометея, похищающего огонь у Зевса, у олимпийских богов, она четко воспроизводит историю Аримана, похищающего свет у Ормузда, то есть представителя мира тьмы, похищающего свет и энергию в верхнем мире, в световом, небесном мире.

...В данном случае я беру этот миф, этот концепт, как исходный для понимания того, что происходит с обществом, что происходит с человеком, что происходит с цивилизацией и как работает политэкономия.

Общество как социальный механизм является копией, парадигмой и воплощением *тагута* — об этом нам говорят все пророки.

Пророки нам указывают на то, что общество есть аккумулятор и воспроизводитель принципа несправедливости, что в обществе существует, сверху донизу, принципиальная неправда, принципиальное зло, которое наивысшим образом воплощается в фигуре лидера этого общества или человека, который сакрально на себя берет репрезентацию этого общества — будь то царь, король, кесарь, фараон или кто угодно, — который является в некотором смысле, как выражаются представители некоторых интеллектуально-религиозных течений, Богочеловеком (во всяком случае, мыслит себя как Богочеловек). Кесарь в Риме мыслил себя как Богочеловек, фараон в Древнем Египте мыслил себя как Богочеловек и говорил: «Я ваш верховный владыка». Это все отражено в традициях и религиях античности, древности.

И, кстати говоря, напрасно христиане полагают, что концепция боговоплощения является столь уж оригинальной и присуща исключительно христианству.

Нет языческой доктрины, которая бы не содержала в себе идею бога, ставшего человеком или воплотившегося тем или иным образом. Кстати, даже необязательно и человеком.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Татары

Травма взятия Казанского ханства сформировала современный татарский народ. Страшная резня, устроенная Грозным и Малютой во взятом городе, тотальные изнасилования женской части населения, последующие поражения в правах уцелевших булгар — вот точка сборки, вокруг которой четыре с половиной века консолидируется татарская нация.

В этом смысле татары гораздо старше русских — у тех точка сборки обновляется постоянно. Такими были: изгнание поляков из Кремля, реформы Петра Первого, московский пожар 1812 года, империалистическая и гражданская войны... Все эти «точки сборки» сохранили только виртуальную значимость. На экзистенциальном уровне они забыты.

Осталась последняя свежая травма — Великая Отечественная война, которая продолжает быть объединяющим моментом советских и постсоветских поколений в единую общность... На фоне предыдущих размышлений хотелось бы заметить, что татары, как второй по численности политический этнос в нашей стране, слишком долго топчутся на площадке казанской катастрофы.

Пора менять точку сборки! 460 лет эксплуатации одной-единственной травмы — это слишком много для любой нации.

«Вспомним все!», 16.10.2014

Таухид

Политическая теология основана на абсолютном и последовательном применении *таухида* и методе *таухида*, с помощью которого анализируются каждое слово и каждый аят Корана.

Для многих этот принцип кажется само собой разумеющимся, потому что следование *таухиду* мусульмане считают обязательным и предшествующим всему.

Однако огромное число наших братьев не различают *таухид* и *вахдат*, которые представляют собой прямо противоположные понятия.

Вахдат — это единство, из которого следует конечное тождество между Творцом и тварью, *таухид* — это единственность Аллаха, которая не имеет никаких аналогов и сходства ни с чем и которая противостоит всему сущему так, что все творение есть неведение об Аллахе до того момента, пока Аллах не откроет Себя Адаму, поставленному Им наместником в центре мироздания.

На платформе *вахдата* стоят все продвинутые язычники: Платон, индийские брахманы, китайские даосы и те из мусульман, которые увлеклись соблазнительной идеей «единства сущего». На платформе *таухида* в абсолютной и безусловно выдержанной последовательности стоит крайне незначительное число мусульман.

Если бы это было не так, то сегодня немусульмане были бы никем, а мусульмане были бы абсолютными хозяевами мира.

Однако Аллах (Свят Он и Велик) провиденциально сделал мусульман до поры до времени незнающими, потому что этот мир отдан Им Иблису как испытание для верующих, и этот мир должен быть побежден через, в том числе, сложный и мучительный проход наилучших из Уммы к пониманию того, что такое *таухид*.

Политическая теология применяет *таухид* прежде всего к пониманию того, что Аллах ниспослал нам в Коране.

Как было сказано выше, *таухид* есть указание на абсолютное нетождество Аллаха и всего, что есть не-Он. Это означает, что ко всему, что есть не-Он, нельзя применять такие же формулы утверждения, как по отношению ко Всевышнему.

Мы не можем говорить об Аллахе как о некоем объекте, существующем наряду с другими объектами.

Таким образом, *таухид* упраздняет буквалистскую интерпретацию коранических текстов, к которой склонны «ваххабиты».

Одновременно *таухид* не позволяет перетолковывать тексты Корана как метафоры или символы, к чему склонны «батыни-

ты» (искатели тайного смысла коранического текста). Применение *таухида* в абсолютной последовательности к тексту Корана позволяет вывести из него доктрины фундаментальных реалий, с которыми Умма имеет дело: человека, общества, истории, познания, власти и, наконец, ее самой как лучшей из общин.

«Тезисы политического ислама», 2012

Тело

Тело является необходимым условием для отбрасывания солнечного зайчика на стену, который является фактором присутствия.

Тело — это карманное зеркальце. Когда происходит прятанье карманного зеркальца в карман, его можно опять вытащить, но не факт, что мы можем считать, что солнечный зайчик, который снова запрыгал по стене, является тем же самым солнечным зайчиком. Он как бы тот же самый, но в некотором тонком аспекте он не тот же самый, потому что тут важна идентичность солнечного зайчика, его непрерывность.

Это одна из оккультных тем.

Люди, которые побывали в клинической смерти и вернулись — они уже особые существа, они не являются теми же самыми: они в некотором смысле являются клиентами темных сил.

Чем кома отличается от смерти? Клиническая смерть — более глубокое состояние, оно допускает 3—5 минут без повреждения мозга, а в коме человек может лежать год и дольше, пока его не отключат. Это состояние эквивалентно, в свидетельствующем смысле, смерти, но разница только в том, что тело не разлагается, а вот когда смерть наступает реально, то это полное угасание для языка.

После смерти язык исчезает. Остаются такие состояния, как, например, боль в животе, нехватка дыхания или тоска на сердце, которую вы не можете расшифровать. Это как музыкальное состояние — тоска как музыкальное состояние. Но они экзистенциальные, они не понятийные, не образные, не концептуальные, они не оформляются в форму, как листочек, дерево, жук.

Это экзистенциально сырые вещи, носящие характер того, что переживает глина. Допустим, вы греете глину, глина пучит-

ся, бурлит. Когда тело после смерти начинает разлагаться, оно проходит через различные стадии состояний, которые человеку доступны при жизни, только это негатив, это инверсия этих состояний. Это состояния неживого тела, они прокручиваются в обратную сторону.

У этих состояний есть свидетель — Великое Существо, Сатана, потому что мертвое тело является иконой Сатаны. Люди поклоняются Сатане, иконой которого является мертвый человек здесь, на земле.

Почему тело мертвого производит неизгладимое, сильное впечатление на живых? Потому что это тело, из которого изъят Святой Дух (*Рухулла*).

«Четыре состояния сознания», 2016

Теология

Теология — это драма конечного. Теология — это драма нетождества. Она утверждает, что конечное обладает абсолютным, независимым смыслом, который противостоит бесконечному как негативному.

Предельный пафос теологии — это борьба с бесконечностью, борьба с Абсолютом, отрицание Абсолюта как Рока, как судьбы, как негативной бездны, которая ничтожит, как колеса, которое, вращаясь, снимает и убирает, снимает и уничтожает. Теология отрицает бесконечное как бессмысленное.

И вот что интересно. Древние греки не знали теологии, потому что они не знали Откровения, они не были в луче Откровения, и, в принципе, метафизика, которую понимают западные люди — она изошла с их земли, она изошла от элеатов, от Аристотеля, от первых фундаментальных мыслителей, создавших ключи к технологиям мысли, но тем не менее древние греки ненавидели бесконечность: они считали это негативным понятием, они полагали, что бесконечность может быть только отрицательной.

И, в принципе, если мы логически сосредоточимся на самой категории бесконечности, мы поймем, что — да, бесконечность конечно это только отрицательная категория. Даже если мы возьмем понятие бесконечности, понятие Абсолюта в традиционных метафизических системах, мы увидим, что там доминирует апофатика, то есть отрицательное определение Абсолюта.

А что такое отрицательное определение Абсолюта? Он есть некий негатив по отношению к любой предложенной ему конкретности. А если он негатив по отношению к любой предложенной конкретности, значит, он отрицает, значит, он снимает это, значит, любая конкретность, которая ему предъявлена, упраздняется им, как косой.

Теология сосредоточена на некой драме. Теология сосредоточена на пафосе конечного, которая бросает вызов ничтожащему Абсолюту, ничтожащей косе вечного этого вращения, которое снимает и порождает, снимает и порождает. Теология есть героический вызов.

Но когда мы имеем дело с традиционными героями языческой мифологии, прежде всего греческой, мы понимаем, что у греческого героя нет никакой победоносной, триумфальной перспективы. Потому так греческий герой и трагичен, что, когда он противостоит небу, Абсолюту, колесу судьбы, он прекрасно понимает: ему не победить, его вызов будет перечеркнут. Даже олимпийцы, как говорили древние греки, подвластны колесу судьбы. Что же говорить о героях, которые бросают вызов и олимпийцам, и колесу судьбы, которые бросают вызов Року. А Рок ничтожит все.

И это было до тех пор, пока в мире не проявилось Откровение, Откровение пророческой цепи, которое дало герою измерение победы. Герой в языческом мире поднимается, смотрит на небо и говорит: «Моя внутренняя, индивидуальная, тайная позиция отказывается смириться перед бездной уничтожения, которая делает меня песчинкой среди песчинок... я знаю, что я в книге живых... но где эта книга?» И вдруг появляется целая линия, целая система оппозиции мировому Року, заговору против этой индивидуальной личности, этой индивидуальной тайны, которая приносит эту книгу живых, в которой можно оставить свое имя и не быть песчинкой среди песчинок.

Таким образом, есть в описании действительности два крыла, два полюса, два противостоящих друг другу фронта.

С одной стороны — метафизика, которая преклоняется перед ничтожащим «все» «Абсолютом» и стремится к отождествлению в нем — и это доктрина жрецов, это доктрина тех, кто владеет секретами интеллектуального созерцания, ключами к этому интеллектуальному созерцанию.

С другой стороны — это теология, которая опирается на трагедию индивидуальной нетождественности ничему из сущего и которая появляется в качестве метода, рожденного Откровением и миссией пророков.

И этот метод, данный герою, совершает чудесное преображение. Герой, который бросал этот вызов до сих пор и знал, что он обречен, получает духовное оружие, которое дает ему сознание того, что для него возможен триумф над негативной бездной.

Теология исходит из того, что Всевышний — Непостижимый и абсолютный Творец, являющийся подлинным субъектом, Который абсолютно не тождественен ничему, Который не является подобным сущему и по отношению к Которому невозможно применить утвердительные предикаты «есть».

И это надо четко запомнить: по отношению к Творцу нельзя говорить, как вот банально в споре атеиста с верующим: «есть Бог, нет Бога».

С точки зрения теологии слово, которым обозначается наличие вот этого стола, невозможно применить к непознаваемому и непостижимому Субъекту.

Если этот стол есть, если эта комната есть, если мы есть, то Его нет. Но это «нет» описывает Его утвердительно.

Я хочу, чтобы вы поняли, что речь идет не об апофатике, которая предлагает негативное описание Абсолюта как Брахмана у индусов — не то, не это, и то и это, — ничего конкретного нельзя сказать, некая бездна, типа волнующийся океан, в котором нельзя различить и разделить одну волну от другой — нет, апофатика, то есть отрицательное описание, которое применимо к бесконечности, в данном случае не имеет место.

Почему? Потому что апофатика предполагает некую бесконечную базу и основу, которая пожирает, втягивает в себя и отождествляется со всем частным и конкретным, которое тождественно ему.

Песчинка тождественна Абсолюту, голубь на крыше тождественен Абсолюту, личность, которая идет по улице и которая будет сметена ураганом в небытие, тождественна Абсолюту.

И в данном случае жрецы только стремятся как бы констатировать и подтвердить то, что с их точки зрения и так является судьбой каждой твари.

А Всевышний, с точки зрения теологии, не тождественен ничему, не проявляется ни в чем, не обозначается ничем: Он просто ВНЕ. Он непостижим, к нему неприменим никакой глагол.

Лекция в Санкт-Петербурге
«Теология против метафизики», 2014

Тирания

Фундаментальным взглядом нашего Интернационала на проблему человеческого общества является убеждение в том, что во все времена истории по отношению ко всем народам земли существует один и тот же тиранический субъект — организатор социальной макропирамиды. Это единый хозяин исторического процесса, который сквозь все меняющиеся экономические формы, цивилизационные обличья, сословные модификации порождает одну и ту же несвободу и является онтологически преемственной корпорацией власть имущих.

Именно в этой фундаментальной оппозиции господства и угнетения состоит изначальная драматическая коллизия человеческой истории.

Глобальное представление о метаистории, в котором мы осознаем единство и целостность человеческого рода, а именно: с одной стороны, понимание единства субъекта угнетения (верхушки социальной пирамиды, которая проходит из древнейших времен в сегодняшний день), с другой стороны, отчетливое осознание единства объекта угнетения (естественного человечества как жертвы социальных, политических, экономических и природных обстоятельств) — также сквозь все времена от начала истории до сегодняшнего дня.

Иными словами, международная корпорация сверхэлиты, правящая современным человечеством, онтологически, исторически и политически не только преемственна, но и прямо тождественна классической тирании древности в лице фараонов, кесарей и иных персональных воплощений угнетения.

Вместе с тем современный человек как объект эксплуатации, погруженный в принципиальную несвободу, есть точно так же не просто наследник, но буквальное продолжение египетского или римского раба.

Наличие у него атрибутов современной цивилизации, дающих иллюзию индивидуальной самодостаточности (машина, квартира, офис и т. д.), абсолютно ничего не меняет в его онтологическом статусе объекта несвободы.

Вместе с тем (оставаясь онтологически тождественной сквозь всю историю), тирания меняет формы своего применения к объекту угнетения, и вместе с этим модифицируется цивилизационное обличье, в котором выступает правящий класс.

Для него (правящего класса) во все времена стояла сверхзадача добиться такой организации общества, при которой были бы исключены кризисы и потрясения, бросающие вызов гегемонии наследственной сверхэлиты.

Такая задача выходит за рамки обычных политических технологий и является чем-то большим, нежели даже политическая стратегия в классовой борьбе.

Решение проблемы бескризисной власти, которая навсегда избавлена от угрозы вызова со стороны угнетенных низов, — это фактически религиозная сверхзадача.

Именно поэтому понимание собственной власти высшими кругами социальной метапирамиды всегда носило — и носит! — религиозный и метафизический характер.

«Манифест нового Интернационала», 25.11.2003

Тора

Есть два иудаизма.

Есть иудаизм, который ничем не отличается от ислама, но он кончился в 135 году, во время восстания зелотов, и все истинные евреи были тогда убиты.

Те иудеи, которые остались после восстания, – вавилоняне, принявшие иудаизм, точнее, вошедшие в традицию Мусы (Моисея) и изменившие ее.

Иудаизм современный состоит из целого ряда компонентов, которые не имеют никакого отношения к традиции Моисея.

Это, в первую очередь, Талмуд как комментарий к Торе.

Сама Тора, как известно, во время вавилонского плена была потеряна, уничтожена вавилонянами и восстановлена по памяти Ездрой, но на этом перипетии Священного Писания не кончились.

Римляне тоже уничтожили Тору, и она была в обратном переводе восстановлена с Септуагинты, с греческого.

Таким образом, она дважды восстанавливалась, что снимает вопрос о ее прямом присутствии.

Раввины прекрасно понимают это и сами говорят, что признают письменную Тору постольку, поскольку есть Тора устная, то есть устная Тора является реальным, прямым подтверждением авторитета письменной.

А что такое устная Тора?

Устная Тора — это Тора преданий и комментариев, она также опирается на Талмуд, который является ее толкованием.

Возникает некая корпоративная каста, истоками своими уходящая не в Израиль, ушедший под водительством Моисея из Египта, она уходит в жреческую касту вавилонян, поэтому я вообще не понимаю, как может религия, явленная Мусой, называться *«яхудийат»*.

Иудаизм должен называться (и он так назывался) *«мусайят»*, потому что название *«яхудийат»* закрепилось после возвращения из вавилонского плена.

Но в Вавилоне осталась огромная диаспора: считается, что какое-то время там жило не менее 300 тысяч евреев, это огромная цифра.

В 70—72 году — Римская война и второе уничтожение Храма, а в 132 году — восстание Бар Кохбы.

Надо представить себе его последствия, ведь в то время быть евреем в средиземноморском регионе означало непримиримую вражду и преследование римлян.

«Ориентация — ислам, или Назад в будущее», 1999

Точка

Точка — это важнейшая метафизическая категория, где мы впервые встречаемся, обнаруживаем концепцию финальности как концепцию входных врат.

Что такое точка? Точка представляет собой явный образ конечного. Если мы берем неограниченный лист бумаги, простирающийся во все стороны (на нем абсолютная белизна), и ставим точку, то мы сразу тем самым ограничиваем этот простор, мы центрируем этот неограниченный простор вокруг этой точки.

Точка — это финал простирания, с одной стороны.

С другой стороны, точка не имеет измерений, она апофатична, она негативна.

Точка не имеет метрического содержания, точка не имеет протяженности.

Она существует только в оппозиции к тому, где она поставлена. У нее самобытия нет.

Если мы убираем пространство — мы с ней убираем точку.

Пространство существует лишь как место расположения точки.

Таким образом, в некотором смысле, точка — это отрицательный образ, или негатив, от этой отрицательной бесконечности.

Она все отрицает, а вот то, что она отрицает, не может быть представлено, репрезентовано как само по себе как невозможное, потому что бесконечность для того и есть, чтобы скрыть невозможное.

Но репрезентация того, что она отрицает, того, что должно сниматься, — оно дано как негатив к этой бесконечности в виде точки.

Эта точка является (словно в камере-обскуре) инвертированной фотографией бесконечности. Бесконечность снята в камере-обскуре, перевернута, и это — точка. Она тоже не имеет никаких свойств, никаких качеств, она негативна, но она встречается с бесконечностью как ее отрицание, как ее оппозиция.

Здесь, в этой точке, мы впервые обнаруживаем корень того, что мы называем «бытие».

Эта точка разлагается на пять совершенно независимых проекций.

Эта точка имеет конечное, одновременно не имеющее никаких квалификаций.

Небесконечная точка порождает то, что мы называем возможностью.

Мы помним, что бесконечное существует как ширма, скрывающая скандал невозможного. Невозможное — это содержание божественной мысли, это главный контент апории.

Оно прикрывается этим глобальным, тотальным отрицанием, таким Абсолютом.

Потом мы ставим вопрос: а если существует чистый, бесконечный негатив, ничем не ограниченный?

Мы даже не знаем, что он нечто скрывает: нам предъявлено это «нечто» как абсолютный Рок, как Брахман (индусы говорят: нам эта бесконечность предъявлена как основа основ), нам говорят, что есть такая апофатическая бездна «Брахман».

Мы задаемся вопросом: а каким образом что-то появилось из этой бесконечности, если она бесконечна, как она может терпеть нечто, кроме самой себя? Или, как спрашивал Хайдеггер, почему есть нечто, а не ничто? Потому что «ничто» должно существовать первым («существовать» в кавычках, конечно). Оно как бы естественно, ничто — оно бесконечно.

Как оно допускает, что появляется нечто?

Оно же должно его отрицать, его снимать.

Оно потому и появляется (это нечто), что бесконечность несамодостаточна, она служебна, она возникает как некая ширма, которая прикрывает своим отрицанием то, что она отрицает. И проявлением этой несамодостаточности и служебности является инверсия этой бесконечности в виде точки.

Бесконечность встречается сама с собой, негация встречается сама с собой в виде этой точки. А эта точка — это начало бытия, которое, вообще говоря, представляет собой самый оппозиционный глубокий осадок, самый тяжелый срез в божественной мысли.

Чистая божественная мысль является апорией внутри себя.

Она полагает в качестве предмета апории невозможное.

Это невозможное она скрывает от самой себя (мысль скрывает невозможное) через отрицание, которое этим отрицанием указывает на то, что невозможное не может быть.

Но потом она это отрицание, это бесконечное отрицание скрывает от самого себя появлением этой точки.

Эта точка есть, в некотором смысле, сокрытие бесконечного отрицания.

Это как бы идея утверждения.

Точка — это конкретизация, утверждение.

Это бытие — последнее падение, последнее сгущение, нисхождение в плотные слои божественной мысли.

Божественная мысль засыпает в этой точке.

«Финализм как гносеологическая проблема», 2015

Традиционалистский клуб

Есть силы, которые представляют интересы Сатаны, интересы Князя мира сего — это традиционалистский клуб, это клерикалы всех мастей и старая аристократия.

Они находятся на принципиально консервативных позициях, считают бытие абсолютной сверхценностью, они считают, что бытие и сознание — одно и то же, они пантеисты с точки зрения абсолютного неведения того, что мы, монотеисты, называем Богом, потому что для них бог — это совершенно другое.

Для них бог — это персонификация чистого бытия.

Это платоники или неоплатоники.

Платонизм — это ключ к расшифровке всех больших доктрин языческой метафизики.

...Вся знать мира, традиционная, многие столетия существующая, — это как бы истеблишментские дома. Они воплощают в себе фактор преемственности, воплощают в себе антисюжет.

...Сегодня эти клубы не действуют напрямую, в голом виде.

Есть институты, которые представляют интересы радикалов, есть институты, которые представляют интересы либералов, и есть институты, которые представляют интересы традиционалистов.

А институтов, которые представляют интересы молчаливого большинства внизу, их нет. Может быть, это были Советы в 18-м году.

Сегодня Советов нет.

Традиционалистов представляет мировое правительство. Это финансовый интернационал — Бильдербергский клуб, Богемская роща, МАГАТЭ, ЕС, то есть все структуры международного негосударственного типа.

Они сейчас сплавливаются в единый организм — в Мировое правительство (многослойный, многовалентный), — который используют самые разные структуры в своих интересах.

Мировое правительство активно работает с международным криминалом в связке с мафией, но при этом конечно и с транснациональными корпорациями — у него нет ограничений в этом плане.

«Метафизика истории», 2012

...Общество подчиняется небольшой компактной группе людей, которую мы для удобства назовем «клуб».

Мы имеем в виду, что это традиционно-наследственная знать, которая включает в себя определенные финансовые дома, традиционные старые дома высокой буржуазии, но в основном это наследники старых аристократических фамилий. Подчеркиваю, аристократических. Дворянство средневековое, связанное с кшатрийским принципом — дворянство меча, — давно уничтожено, от него не осталось и следа, оно перемолото, оно превратилось в люмпенов, оно растворилось в социальной стихии.

В период абсолютизма, когда поднялись абсолютистские, постфеодальные монархии Людовика XIV, Людовика XVI, Австро-Венгерской монархии, Англии Джеймса, Англии после Кромвеля, ряд институционализированных аристократических домов, близких к престолу, оторвались от среды, общества, корней, дворянства и ушли в некий специальный клуб.

После казни Карла I мировая коллегия жрецов, которая курирует исторический процесс, поставила перед собой вопрос: каким образом проводить фундаментальные трансформации в истории, избегая потрясений и эмансипировавшись от прямой ответственности? Жрецы всегда стремились снять с себя прямую ответственность и отстраниться (проложить между собой и обществом дистанцию, встать за ширму) — каким образом создать такое передаточное звено, которое не боится коррозии?

Они решили создать то, что называется «клуб», этот аристократический, знатный человеческий организм, который включает в себя высшие преуспевшие элементы разных сословий, но вообще представляет собой такую вот базу высшего дворянства, уже освободившегося от принципа меча, от принципа, связанного с кшатрийской волей к власти, к смерти.

В этом аристократическом клубе доминирует только одна цель: воля к существованию, к преемственности, к гомеостазису, к тому, чтобы быть и господствовать, к тому, чтобы золото никогда не подлежало тлену (никогда на нем не появлялись зеленоватые потеки), к тому, чтобы дети и внуки были похожи на отцов и занимали то же социальное положение.

А какое «то же социальное положение»? Абсолютно не зависящее от потрясений, революций и войн.

Они должны быть над схваткой, над законом, над всем. Вот это истинный смысл клуба.

Клуб является рычагом управления социальным человеческим фактором в руках жречества. Члены клуба — это люди, которые исповедуют Ормузда в разных формах и имеют эзотерических учителей, шейхов, гуру, причем, как правило, каждый из членов клуба имеет гуру из разных конфессий.

Я люблю повторять этот пример: принц Чарльз, который является одним из ярчайших представителей клуба, имеет суфийских учителей, шейхов, которые дают ему уроки суфизма, он ездит на Афон в Грецию и там, под руководством старцев, предается медитации и исихастической молчаливой молитве в келье, он и с Далай-ламой находится в контакте.

Буш — не представитель клуба; старший Буш, задрав штаны, бежит за клубом — тот Буш, который объявил войну в 90-м году, «Бурю в пустыне», гордился дружбой с Ага-ханом, с одной стороны; с другой стороны, он тоже выходит на Далай-ламу, но при этом он является сам еще и фундаменталистом-баптистом. Это другой казус.

Обычно клуб — это люди, которые не включают в себя американцев, а если и включают, то это американцы, принадлежащие к демократам, к южанам, и при этом к старым — к деньгам, связанным с «Мэйфлауэром», но таких немного.

Клуб включает в себя знать прежде всего британскую, континентально-европейскую, а с 1860 года и азиатскую, то есть индийских раджей, определенные династии Ближнего Востока, японскую династию после революции Мэйдзи.

Такая вот грибница. И представители этой грибницы сидят в советах транснациональных корпораций (ТНК), которые являются самыми могущественными учреждениями сегодняшнего дня, потому что ТНК намного могущественнее национального государства и даже такого, как США.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

Традиция

Традиций две: одна традиция — это традиция конформизма, традиция поклонения объекту, традиция лжеиерархий, узурпации авторитета, тотального духовного рабства; другая традиция — это революционная вертикальная традиция Света — *«Аллаху-нуру-самавату-валь-ард»*.

Эта революционная традиция упирается в проблему власти.

Потому что история есть не что иное, как арена между двумя этими векторами: вектором жречества и вектором пророков и их сторонников.

Аллах говорит в Коране своему Пророку Мухаммаду, что достаточно ему Аллаха и тех, кто с ним, Мухаммадом, — тех, кто верит ему.

Это малый отряд, это армия Пророка, которая стоит вертикально в море разложения, лицемерия и лжи. Это и есть те сахабы, которые избрали абсолютную верность, абсолютную рыцарскую доблесть на пути повиновения одному мэтру, одному сюзерену, невидимому трансцендентному Принципу, который является основой свидетельствования.

Вот это и есть критерий касты и критерий расы.

Это и есть критерий кастовой и расовой принадлежности к лучшему из лучших, та соль земли, которая никогда не теряет силу, это и есть арийский ислам в самом буквальном точном и последнем понимании, потому что не существует расы, которая не имела бы в себе полюс арийского благородства и полюс негатива, разложения, конформизма и подлости. Нет такой расы, в которой не было бы этой вертикали.

И актуализация этой вертикали через причастность к пророческому посланию делает арийцами — в древнем, изначальном посвятительном смысле — людей любого цвета кожи, потому что есть в Коране глубочайший таинственный аят: «Краска Аллаха. А кто лучше Аллаха из окрашивающих?» (2:138)

Этот аят прямо относится к вопросу о перемене касты и перемене расы теми, кто входит в малый отряд войска Мухаммада, потому что «*Сыбхатулла*» — не помазанник, не мирра, это буквально означает: тинктура, алхимическая тинктура, меняющая внутренний физиологический духовный состав.

«Арийский ислам». Лекция в Музее Востока, 1994

Троцкий

Два человека готовили и осуществили переворот 25 октября — Ленин и Троцкий: Ленин — как теоретик, Троцкий — как практик, который буквально за руку развел патрули матросов и рабочих по своим местам, указал каждому, где

юнкера, где пулеметы, где телеграф, что брать, в каком порядке.

Он опирался приблизительно на тысячу человек, подобранных им самим лично.

За ним стоял опыт Красной Пресни 1905 года, где он с Хрусталевым... тоже командовал московским советом и его силами. И Ленин, который, как нам известно из Маяковского, ждал, чем дело кончится, метал шажки по кабинету. Они вдвоем — вопреки сопротивлению партии, отсутствию людей, виртуальному существованию самой большевистской партии — ее практически не было: был штаб и две-три тысячи реальных активистов, на которых можно было положиться. Все это свершилось.

«Лекция в рамках свободных чтений о революции 17-го года», 2010

Главная причина исторического поражения Октябрьской революции в конечном счете заключалась в том, что радикалы опирались на сырую, вторичную, не соответствующую им и их типу действия теорию, которая была Марксом разработана специально для европейского пространства.

Радикалы России вынуждены были пользоваться чужой идеологией.

Эта чужая идеология привела к тому, что партия была отодвинута новой деидеологизированной бюрократией.

Сначала партия, пользовавшаяся этой чужой идеологией, сожрала советы, потом бюрократия сожрала партию, а потом бюрократия сбросила с себя лишнюю обузу исторической миссии Советского Союза и перешла к непосредственной попытке превратить себя в новую буржуазию.

«Лекция в рамках свободных чтений о революции 17-го года», 2010

Труд

Все, что нас окружает, есть овеществленный или, другими словами, мертвый труд, созданный ушедшими поколениями. Но это не только молотки и дома, но и звезды, море, пляж и т. п. То есть якобы природа. В этом нет ничего странного, если понять, что мы не можем увидеть волну или камень без призмы культур-

ного цивилизационного отношения к ним. Мы не смотрим на звезды так, как смотрел римлянин две тысячи лет назад. Для нас это энергетические объекты, с которыми можно устанавливать высокотехнологическую связь. Океан — неограниченные запасы белка, хранилище всей таблицы Менделеева и т. д. (не говоря уже о неограниченной возможности морских путей).

Овеществленный труд включает в себя также и способ восприятия любого явления, которое определяет возможность в принципе это явление использовать (допустим, прибрежная полоса песка на острове — для привлечения прибыли от туристов).

Итак, мы видим, что превалирующее в данный момент общественное сознание включает в себя в качестве составной части овеществленный труд, а стало быть, и способ оценивать все, что является производительными ресурсами. То есть в некотором смысле мертвый труд оценивает сам себя, потому что одним из его измерений является выработанное на данный момент общественное сознание. Однако для того, чтобы все это пришло в движение (молоток застучал по гвоздю, серфингисты пришли на песочный пляж и т. п.), необходимо приложить к этому мертвому труду живой труд существующих в данный момент людей. Поскольку в каждый данный момент существует зазор между индивидуумом и его общественным сознанием, постольку существует идеологический и технологический конфликт между тем, как носители живого труда оценивают собственное время, и тем, как их время оценивает общественное сознание.

Речь идет не только о так называемой достойной плате за работу. Речь идет о самой стоимости человеческой жизни. О том, что человек практически утратил возможность (а то и способность) предъявлять счет за свой труд, оцениваемый адекватно уникальности и неповторимости человеческой личности, человеческому измерению.

Поскольку в современном обществе труд настолько сливается с жизнью того, кто себя этому труду посвящает, а жизнь человека оценивается (хотя бы и зарплатой) все больше с точки зрения покупательной способности, постольку и реальность труда как бы исчезает. Неважно, работаете вы или нет. Ваша зарплата (ваша стоимость) больше не зависит от тех усилий

(творческих, физических), которые вы прикладываете к предмету труда. Она зависит от внешней оценки ваших возможностей покупать в «Пятерочке» или в «Калинке-Стокман». А ваш труд, в перспективе, становится все более ненужным и абстрактным по отношению к вашей стоимости.

В этом особенность инновационной экономики — вы ей не нужны, поскольку можете заявить права на свою долю прибыли, адекватную вашему труду. То есть отобрать у торговца вашим временем, жизнью, трудом его прибыль. И он заинтересован свести вашу долю к нулю... Интересно, можно ли решить эту проблему без революции?

«Кризис реальности», 2008

Турция

Если Турция сможет отказаться от тюркистского кемалистского пути развития, то она сможет осуществить глобальный исламский мегапроект, в обратном случае замкнутость на этнической тюркской идеологии не будет иметь успеха в мировом масштабе.

Я думаю, что властная команда Эрдогана чересчур умеренная и им не хватает политической остроты, поскольку они слишком связаны по рукам и ногам различными договорами и обязательствами перед Западом и внутри страны.

В свое время Анатолия была интернациональным ядром мощной Османской империи, который стал центром интернационализма в рамках позднего исламского халифата, а затем наступила негативная реакция, точно такая же, как та, которая погубила немало империй, в том числе и Советский Союз, — появляется некая моральная усталость, и титульный этнос не желает больше быть интернационалистом, постепенно замыкаясь в своих национальных рамках. К примеру, русские стали говорить, что, мол, мы несли на своих плечах все тяготы интернационального Советского государства, мы всех несли, кормили, поддерживали, а теперь мы поняли, что пора заняться самими собой как нацией.

С Турцией произошло нечто похожее, только на век раньше, чем в России. К примеру, в период, когда был объявлен лозунг о создании интернационального Советского государства, в соседней Турции пришедший к власти Кемаль Ататюрк сказал,

что турки больше не должны нести ответственности за другие народы. Подобная же «усталость этноса» привела в конце XX века к развалу СССР, когда каждый народ замкнулся в своих национальных рамках и границах.

«Запрет в России книги имама Хомейни нанесет урон отношениям с Ираном», 13.06.2008

Тюрки

Какое-то время назад был актуальным неопантюркизм. Но, во-первых, он был создан врагами ислама, чтобы развалить Османский халифат в конце XIX века: создатели пантюркизма преследовали исключительно антиисламские цели. Во-вторых, сегодня тюрки объединяются только тем, что принадлежат к одной лингвистической семье, но в генетическом отношении это пестрое собрание, потому что турки Малой Азии (современная территория Турции. — *Прим. ред.*) отуреченные византийцы, тюрки Азербайджана — мидийцы (исторически Мидия — территория между современными Арменией и Ираном. — *Прим. ред.*) и кавказские албанцы, перешедшие на тюркский язык. Точно так же в генетическом плане нет ничего общего между современными туркменами и современными казахами. Очень многие узбеки, если проверить их ДНК, окажутся таджиками, которые перешли на тюркский язык. Разные племена, которые сведены в некое общее лингвистическое поле. Поэтому говорить о пантюркизме я не могу. Я считаю, что это антиисламская тема.

«События на Украине — это заговор московских олигархов, Киева и Запада...», 18.06.2014

Ужас

Что такое ужас? Я подумал над максимально понятным и доступным определением «ужаса» — это ведь сложно описать, и я пришел к выводу, что это встреча возможного с невозможным.

Наше бытийствующее, глиняное, персональное оформление здесь, в качестве индивидуальности, — это возможное, это сочетание разных возможностей, которые сами по себе по определению конечны.

А наше сознание, которое находится внутри нас как точка оппозиции, не тождественная ничему, искра Духа — это невозможное, оно происходит из бездны невозможного.

Их встреча, разрушительный эффект этого ядерного взрыва, производит ужас.

Это и есть встреча невозможного и возможного.

Все, что человек делает в своей жизни, — шифровка этого ужаса, заглушка и цензура этого ужаса от самого себя.

Человек создает ряд таких гештальтов, — например, отчаянье, надежду, радость, страх (что важно), — которые являются антитезой и заменой ужаса.

Есть ужас, который скрыт...

Мы купаемся в созданных нами антитезах ужасу, в которых как бы ужаса нет, но мы индульгируем, купаемся, чувствуем себя уютно даже в отчаянье, в тоске, тем более в радости, которые основаны на интересном феномене — откуда они берутся?

Есть оппозиция бытия и сознания, а есть созданные вместо них конструкты «я» и «не-я» — они существуют вместо бытия и сознания.

«Я» и «не-я», их взаимоотношения, их игра между собой и порождают состояния тоски, отчаянья, надежды, радости, страха. И в этом пространстве мы живем.

Благодаря этому пространству, которое еще связано с языком, общество и манипулирует нами, оно накладывает на нас свою матрицу, которая нами усваивается через страх, через надежду...

«Человек как часы вселенной», 2016

У

Умма

Мусульманская община — *Умма* — это «те, кто последовал за посланником», стали данниками (субъектами) Бога (что, кстати, совершенно конкретно выражается в четвертом столпе веры — *закяте*).

Однако это пока лишь причастность к пассивному субстанциональному полюсу истинной субъективности.

В плане «наместничества» Умма является виртуальным субъектом, носительницей метафизической перспективы, которой пока только предстоит реализоваться.

От реализации активной субъективности Умму сегодня отделяют по крайней мере три важнейших момента: отсутствие легитимной власти, отсутствие единого авторитета и, как следствие, — отсутствие исторического, политического и социального единства.

В самой общей форме можно сказать, что реализация этих императивов и восстановление метафизической субъективности на физическом плане — это и есть «исламский проект».

«Субъект Аллаха», 01.01.1998

Усилие

Я хочу подчеркнуть, что не вижу ислам в качестве религии благожелательной поповщины, которая помавает дланью, призывая всех к миру и благоволению в человеческих сердцах. Речь идет о том, что все мы — смертные люди, и мы должны заслужить то, чтобы не кануть в безднах негативной вечности, которая все смывает, все уничтожает, все подвергает деструкции.

На путях противостояния этой негативной вечности, перед лицом страшного зияющего Ничто, у нас есть только один световой путь — противостоять, подниматься вертикально, совершать усилие. Усилие — это *«джахд»*, от которого производится слово *«джихад»*.

Усилие, вера, стойкость, непримиримость, абсолютная ориентированность на справедливость — вот те гаранты, те элементы, которые соль делают соленой.

Потому что контрэлиты, одинокие герои, всегда готовые к смерти и победе — это соль земли. Утверждение этого, более-менее открытое, пронизывает весь ислам.

«Огненный ислам», 19.07.2001

Фараон

Фараон — это метафора абсолютного зла. Когда он говорит, согласно Корану, обращаясь к своему народу: «Я ваш верховный Господь» (79:24) — вот та формулировка, которая была дана, а до фараона еще Нимродом во времена Авраама, вот та формулировка, которая сегодня вновь и вновь возобновляется уже коллективным фараоном.

Современное общество — это коллективный фараон.

И поэтому оппозиция между фараоном и пророком Мусой, Моисеем (да благословит его Всевышний) — это оппозиция, которая является абсолютной и безусловной как тогда, во времена Исхода, так и сегодня. Сегодня длится этот исход, перманентный исход, сегодня длится это противостояние, и это противостояние общины и общества.

Диалог Михаила Пиотровского и Гейдара Джемаля, Санкт-Петербург. Тема: «Восток и Запад», 02.11.2015

Феминизм

Гендерное равноправие существует на Западе только для манипуляции людьми.

Сегодня 50% населения — женщины — полностью манипулируются хозяевами дискурса, которые просто разводят несчастных баб и используют их как инструмент давления, производительную креативную силу.

И женщины в погоне за правами и равенством наносят все большие удары по самому биологическому телу населения, по принципам воспроизводства, стабильности, да просто по ощущениям комфорта и надежности.

В конечном счете первые, кто страдает от этого, — они сами.

Старость для женщины начинается в тот момент, когда ей приходится платить за секс молодому любовнику.

С годами женщина, которая принадлежит к средним или нижним слоям, остается сексуально невостребованной, хотя ее сексуальные аппетиты после 30 растут.

И к тому моменту, когда она готова прижать к своей груди весь мир, она уже неинтересна. Тем более что каждое поколение молодых женщин является более доступным и более либерально воспитанным, чем предыдущее: у нынешних 20-летних нет вообще никаких тормозов.

И понятно, что 40-летнему сверстнику женщины проще найти согласную 20-летнюю подружку, чем продолжать поддерживать самоуважение и внутренний комфорт своей сверстницы. Поэтому неизбежная гендерная война полов переходит в новую фазу.

...Феминизм порождает усиленное недовольство женщин, которые неспособны понять, как их разводят (потому что понимание — это не их сильная сторона), затем это популяризируется хозяевами дискурса, чтобы нарастить энергию гнева в целом.

В частности, гендерная война порождает круги такой дестабилизации, которой питаются хозяева жизни, планировщики, политтехнологи, которые корректируют современное общество.

И с годами этот потенциал гнева у женщины только растет.

До 30 лет она имеет массу возможностей и отводов, куда она может свой гнев пустить: завести любовника, поменять наряд, сменить работу.

Она подвижна, востребована, динамична, у нее есть иллюзии на свой счет: полностью фиктивные, но кажущиеся привлекательными варианты смены места жительства, работы, партнера.

А уже после 30 лет бесчисленные приманки и ловушки исчезают: на работу устроиться труднее, партнеры меняются сложнее, становятся более краткосрочными и некачественными.

Поэтому потенциал гнева у женщин старше 35 начинает резко расти вверх.

Это мегера еще та, и она становится источником красной опасности.

Юноши более агрессивны в 25, чем в 40, а женщины — наоборот.

У 25-летних мужчин большие амбиции, они хотят будущего, успехов, а к 40 годам их амбиции резко сокращаются, энергетический потенциал в поисках самореализации падает вместе с уровнем тестостерона.

Поэтому в 40—50 это уже такие полукастраты с заглушкой в виде алкоголя.

А женщина наоборот: в 20—25 она просто бегает по мужикам, а в 40 становится мрачной стервой.

«В 40 лет женщина становится мрачной стервой», 2014

Мы живем в мире агрессивного феминизма.

Кому и зачем нужен этот агрессивный феминизм?

Он конечно нужен мировой власти для того, чтобы кастрировать население, поставить его на колени, сломать протест.

Современный мужчина в Европе имеет в четыре раза меньший уровень тестостерона, чем его дед и прадед в 40-е годы. То есть это кастрация психосоматического порядка, на фоне поражения Европы в 1945 году.

Современные мужчины — это уже не мужчины, а пельмени. Это было сделано специально. Волна гомосексуализма, феминизма захлестнула европейское население для того, чтобы сделать его бессмысленными выродками, неспособными сопротивляться мировому злу, неспособными сопротивляться оккупации со стороны США.

«Агрессивный феминизм», 27.08.2012

Философия

Для обычного человека философия — это избыточная премудрость, не имеющая отношения к его нуждам. Он и не подозревает, что сам весь целиком — от подошв его китайских кроссовок до банки пива в руке — является побочным продуктом философии. Если наука претендует на то, что решает «уравнения с двумя неизвестными» — сознанием и внешним миром, то философия организует в том числе и науку.

Философы выдвинулись как оппозиция религиозным мудрецам, претендовавшим на знание последних тайн. Философ стремится представить всеобщее в самом конкретном и непосредственном виде. Поэтому для него отправной точкой всегда является наличный предмет, который можно потрогать руками.

Даже для Платона, который считается самым духовным из когда-либо живших философов, это тоже так. Поэтому главной идеей Платона было само Бытие, оно же — высшее Благо.

Философы всегда ориентируются на конкретный позитив. Мера этого позитива — человеческий опыт. Бытие как блаженство, ощущение райского сада — вот невысказанный критерий всякого философского рассуждения. Поэтому между глубокими мистиками и поверхностными либералами разница не так уж фундаментальна. Философ не может себе представить иной точки отсчета, чем личное положительное переживание.

К сожалению, в конечном счете обнаруживается, что такой подход несовершенен. Сначала философия успешно критиковала религию, и одно время казалось, что совсем взяла над ней верх.

Но в последнее время религия перешла в контрнаступление. Принцип положительного недостаточен в ответе на вопрос о смысле. Религия, занимаясь смыслом, так или иначе указывает на ограниченность самой идеи бытия. Ведь философы бессильны по-настоящему даже объяснить факт смерти, тем более — преодолеть ее.

После того как религиозные авторитеты удалились от обыденной жизни в заоблачные эмпиреи, власть поручила философам организовывать сознание светского общества. Философы с этой задачей не справились, о чем свидетельствует кризис философии в виде постмодернизма. Последним словом современной философии становится Френсис Фукуяма, намекающий на то, что подавляющее большинство ныне живущих людей мешают правильной организации будущего общества. Хорошо бы их куда-то деть.

«Кризис реальности», 2008

Финализм

Финализм, с моей точки зрения, это стержневая, основополагающая доктрина, которая дает совершенно новый взгляд и новое понимание основополагающих онтологических понятий, в том числе таких, как «бесконечное», «фундаментальное», «основа», «первооснова».

С моей точки зрения, бесконечность несомненно существует и нам предъявлена, причем предъявлена неотменимым, необходимым образом.

Некоторые считают, что бесконечность нельзя воспринять в опыте, нельзя пережить — это все ерунда.

Бесконечность в опыте предшествует пониманию и восприятию «конечного». Но эта бесконечность не является самодостаточной и всецелой.

Просто сам факт, что она предъявлена нам, уже предполагает, что эта бесконечность ограничена нами, ограничена нашим восприятием, она не бесконечность, или, точнее, она бесконечность не позитивно-инклюзивного, а она эксклюзивного типа, она исключающая бесконечность...

...Суть финализма в том, что бесконечному противостоит нечто, что не снимается бесконечным.

В феноменальном плане бесконечное может уничтожить меня как свидетеля, может уничтожить любого свидетеля, любую точку присутствия, которая не совпадает с этим бесконечным.

Но оттого, что я буду уничтожен, не решен метафизический момент того, что я в какой-то период времени, в каком-то участке соприкосновения существовал.

Да, меня не было и меня не будет, но если я был, то я уже взорвал целостность этой бесконечности.

Повтор любых других манифестаций вот этой оппозиции субъекта, свидетеля и противолежащего субъекту объекта, сама возможность повтора этого противостояния сводит на нет любые претензии бесконечного.

Финализм образует смысл, потому что мы живем в процессе.

А процесс имеет смысл только тогда, когда он сюжетен, когда это пьеса, когда у нее есть начало и есть конец, есть катарсис, завершение и есть некое послание, которое является косвенным, не прямым, которое содержится не на уровне сюжета, а которое как бы поднимается за пределы — «из-за пределов его».

В каком случае есть сюжет?

В каком случае существует переход от позиции «А» к позиции «В», к позиции «С» и, наконец, к финалу (от «альфы» к «омеге»)? Только тогда, когда есть смысл...

«Доктрина финализма», 2014

Финализм — это концептуальная попытка раскрыть сущностную природу понимания, вообще свидетельствования, гносеологического акта как противоположного акту бытийственному, акту существования.

Мы исходим из того, что бытие и сознание — это абсолютно полярные, противоположные вещи, и более того — сам феномен духа, сам феномен знания, сам феномен понимания реальности основан на этом противостоянии, на нетождестве.

«Финализм как гносеологическая проблема», 2015

Хадж

Несомненно паломничество является уникальным инструментом политического единства мусульман, единобожников.

Совершая это путешествие, они соединяют всю землю в одной точке силы, прокладывают радиальные пути со своих родных мест к центру мировой оси — единственному уникальному месту, которое связывает современную историю с праотцем Ибрагимом и его сыном Исмаилом.

Каждый мусульманин обязан хотя бы один раз в жизни совершить хадж. Если же мусульманину не удалось совершить паломничество в Мекку, это прискорбно, однако этот факт не выводит его за пределы ислама.

«Стена Зуль-Карнайна», 2010

Хайдеггер

Хайдеггеровская мысль вопрошает о подлинно сущем, которое так и не обнаружено ни в идеальном реализме Платона, ни в трансцендენталиях Канта.

Хайдеггер дошел до рубежа, за которым следует ослепительная вспышка понимания, он задал правильные вопросы (в частности, «почему есть нечто, а не Ничто?» — удивительный по своей точности вопрос), но все-таки он не шагнул в саму эту вспышку.

Хайдеггерианство — пролегомены ко всякому будущему пониманию (перефразируя название одной кантовской работы).

«Современный социально-политический кризис мировой системы», 23.11.2006

Халифат

Я исключаю халифатский проект, потому что халифат, с моей точки зрения, является вбросом, уводящим современную исламскую политическую мысль в неверном направлении.

Я, как последователь чистого ислама, убежден, что мусульман, как и многие века назад, имеет право возглавить только Пречистый Имам, и только один — Имам Махди, да ускорит Аллах его приход.

Никакой халиф не может его заменить: любой халиф будет самозванцем.

Имам Махди — это тот, который явится в определенный час, о котором мы не знаем, но мы должны коллективными усилиями готовить его приход, потому что Имам Махди не приходит просто так, он не приходит к пассивным людям, которые устранились от активной подготовки его прихода.

Существует старая сафавидская идея о том, что, дескать, пусть зло этого мира растет до тех пор, пока этот мир не обвалится. Но к тому времени правоверные настолько прогниют, что приходить будет не к кому. Это один момент. Второй момент заключается в том, что строительство халифата — это возврат в гетто, это некая выделенная территория, на которой сидят мусульмане — с дозволения куфра.

Потому что построить халифат можно, только договорившись с мировым правительством.

Почему шла борьба по вопросу, можно ли построить социализм в отдельно взятой стране? Маркс и Ленин говорили, что это невозможно, что если нет мировой революции, то капитализм съест и разрушит такое государство.

Так оно и оказалось.

А Сталин утверждал, что можно построить социализм в отдельно взятой стране, и якобы построил. Но построил-то его, договорившись с мировым империализмом и Западом, и построил он не социалистическое, а бюрократическое империалистическое государство, выполнявшее заказы своих англосаксонских партнеров.

Кстати, они обеспечили выживание этого империализма во Второй мировой войне ценой колоссальных жертв советского народа.

В целом оказалось, что в войне выиграли Соединенные Штаты, а наша страна проиграла.

Так же и халифат невозможно построить в одном, отдельно взятом, участке мира.

Если он возникнет в какой-то период, то только для того, чтобы породить гражданскую войну между мусульманами.

Есть партия «Хизб ут-тахрир», которая борется за этот халифат.

И вот, представьте, они говорят, что уже есть какой-то халиф в Узбекистане и все мусульмане должны принести ему байат (клятву на верность).

И после этого те мусульмане, которые принесли байат, будут воевать с теми, кто не принес присяги на верность.

Например, Афганистан и Средняя Азия принесут байат этому халифу — мы не принесем, и мы будем изгоями, нас будут убивать наши же браться из Средней Азии.

Вот чего хотят враги.

Поэтому халифатистская идея является сегодня антиисламской.

Только ясное понимание идеи Махди, одновременно мистической и практической, дисциплинирует и очищает нас.

Оно делает мусульман здоровыми и невосприимчивыми к самозванцам и провокаторам, которые могут выскочить, схватить палку и выкрикнуть: «Я капрал!»

Потому что мы знаем, кто этот Махди, нам только неизвестно, когда он придет.

Но это уже в наших сердцах — готовить его приход.

...Халифат не противоречит чистому исламу при условии, что халифом является человек, предопределенный на это место Божественным Провидением, а не голосованием «электората».

И сунниты, и шииты верят в приход Махди в конце истории, который явится божественно назначенным и ведомым халифом.

Все мусульмане — и сунниты, и шииты — одинаково согласны в том, что после Хазрати Али бин Абу Талиба (да будет доволен им Аллах) не было праведного халифа.

Однако сунниты принимают это как должное и сожалеют, например, о разрушениии Османского халифата.

Они считают случайных людей, взявших власть над Уммой, законными правителями. Шииты считают их незаконными.

С практической точки зрения правитель, который пришел к власти через игру голосами населения (не говоря уже о династической наследственности), — это человек, способный пойти

на любой сговор с врагами ислама, подчиниться давлению или оправдать свою уступчивость демагогией о «высших интересах».

Все это мы уже видели на протяжении четырнадцати веков.

Гарантией может быть только тот, кто непосредственно руководим Аллахом — Свят Он и Велик!

А пока его нет, власть должна принадлежать шуре тех, кто, согласно Корану, является «*улу-ль-амри*».

Клерикалы переводят это как «обладатели власти», имея в виду эмиров, президентов и т. п.

Однако «*амр*» имеет еще значение «повеление» (данное Аллахом), «дело».

Речь идет о Божественном повелении, деле, которое Аллах поручил Умме в Истории. Обладателями этого поручения. Божьего дела, являются те, кто, согласно Корану, выходят легкими и тяжелыми, жертвуя своим имуществом и самой жизнью *фи-сабилиЛлях*, «очищающиеся».

Именно их коллективное руководство должно направлять Умму до явления Махди.

Умма не может быть суннитской, потому что сам корень этого слова означает всеобщность, и Умма включает в себя всех мусульман.

Может быть только суннитская часть Уммы.

Смысл халифа именно в том, что его признают все мусульмане. В противном случае это подобно тому политическому издевательству, которому подверглась идея халифата в Средние века, когда Омейяды были в Испании, Фатимиды — в Египте, Аббасиды — в Багдаде.

«Стена Зулькарнайна», 2010

Хаос

Вообще, хаос — это сомнительный термин. Если мы говорим о хаосе всерьез, то мы не можем тогда определить порядок как нечто противоположное ему, потому что любой порядок является инвариантом хаоса.

Хаос в конечном счете, если мы до конца проанализируем эту идею, — это отсутствие смысла, это абсурд.

Но вот, предположим, вы берете калейдоскоп, вращаете его, и у вас выпадают различные цветные картинки. Эти картинки

носят определенную гармоническую, формализованную структуру, которая вас развлекает, которая вас радует, которая является эстетичной, но смысла в них никакого.

В чем разница между тем, что вы бы поворачивали этот калейдоскоп и видели мельтешения неясных пятен или красивые картинки, смысл которых вы не можете определить, потому что они не значат ничего — тем более что это фикция, потому что там всего несколько камешков, которые за счет зеркал показывают сложную комбинацию.

...Когда вам предлагают любой порядок, вы задаетесь вопросом: в чем там смысл?

И если вы обнаруживаете, что в этом порядке заложена единственная цель и назначение, — это отчуждение жизненного времени, чтобы платить Князю Мира сего, за которым не стоит никакого прорыва в смысл (это просто сущее — сущее, которое не имеет за собой никакого духа), то тогда вы можете сказать, что «да, этот порядок тождественен хаосу».

Или можно сказать, что этот хаос приобрел форму тиранического порядка.

Монотеизм, его пафос как раз и заключается в борьбе против псевдопорядка, против системы глобальной онтологической тирании для того, чтобы прорваться в единственную точку, за которой есть выход к Духу.

«Ростовщичество», 2012

...Понятие хаоса, представление о хаосе связано с моментом контрнаступления метафизики на героическое сознание и возникновение наиболее первичных философских импульсов.

Некоторые считают, что «хаос» — это производное от греческого слова, означающего «зиять», то есть это некая поглощающая бездна, которая ждет возможности поглотить. С другой стороны, есть более позднее представление, скажем, у Зенона Стоика, который производит это слово от греческого корня, который означает «литься», то есть связывает хаос с водой. Не с пустой бездной, а с некой неструктурированной стихией.

Так или иначе, этот термин появляется именно с началом философии и связан со сложной встречей двух фундаменталь-

но различных понятий, двух фундаментально различных импульсов.

За пределами западного пространства, в разных филиациях Большой Традиции, хаос вообще отсутствует как принцип, как идея, как предмет исследования, как предмет опыта, как проблема бегства от него.

Ни в дальневосточной традиции, ни в индийской традиции не присутствует самостоятельно выделенная идея хаоса.

Если посмотреть на идею хаоса вблизи, то мы обнаруживаем там совершенно очевидный синкретизм.

С одной стороны, это нечто первичное.

Это нечто, что, как говорит Гесиод, было первым, было сотворено или проявилось первым. С другой стороны, в идее хаоса присутствует концепция некоего пространства, некой протяженности, которая представляет собой сцену, на которой проявляются различные реальные игроки, позитивные силы.

С третьей стороны, это неструктурированная аморфная субстанция, которая противолежит неким структурированным концепциям, противолежит порядку.

То есть это синкретическая идея, потому что здесь, как мы видим, в точном соответствии тому, как Александр Гельевич Дугин описал хаос, есть несколько моментов, которые взаимоисключают друг друга логически, но они вместе с тем сочетаются и присутствуют.

Либо мы говорим об идее первичности, первозданности, предшествовании всему — и в этом случае это концепция так называемого «пустого неба», той формы утверждения, которая, по сути, является отрицанием, то есть поглощением и нигилизмом по отношению ко всему, что не оно.

С другой стороны, если это уже субстанция, то эта субстанция ждет оплодотворения, это уже некая почва под паром, то есть это уже не пустое небо, это *materiaprima*, как минимум. То есть первосубстанция, готовая воспринять в себе формообразующий импульс. Или это синкретическое понятие, которое становится специфическим именно для западного видения...

«Апория как метод теологического мышления», 2014

Химера

Глобализм — это химера, которая, подобно легендарному мифологическому чудовищу, совмещает крылья орла, лапы льва, человеческую голову и хвост змеи. То есть, помимо западного мегаполиса, частью современного глобализма оказываются также и джунгли Африки, трущобы индустриального Тайбея, горы Тибета, пустыни, в которых возвышаются, как и тысячи лет назад, шатры бедуинов. Это все глобальная структура, связанная бесчисленным множеством капиллярных сосудов, — от тех же шатров к небоскребам Манхэттена!

«Кризис реальности», 2008

Храм

Вот сейчас ходят разговоры о третьем храме Соломона, о его возможном восстановлении. Третий храм Соломона уже построен: это Аль-Акса.

Никто не думает о такой простой вещи, что первое, что сделал халиф Омар, когда пришел в Элию-Капитолину — так именовали римляне Иерусалим, — он заставил население расчистить фундамент Храма и возвел на нем мечеть, что означает в переводе с арабского храм.

Если евреи считают, что этот храм должен восстановить «Мошиах» («мессия» — *евр.*), значит, Омар, как делегат Пророка (мир ему и благословение Аллаха), и есть Мошиах.

Он является историческим продолжением Пророка, а Пророк был истинным Мошиахом. Почему?

Потому что было предание Симона бен Иешуа, который является автором Зогара, о том, что придут мохаджиры, потомки Агари, мохаджи из пустыни на верблюдах, лошадях, ослах и пешком и освободят веру в истинного Бога от власти ромеев, власти язычников.

Правда, тогда они были христиане, но византийские христиане воспринимались исламом как язычники из-за введения в христианство догмата о трех ипостасях.

Эти книги были популярны за двести лет до арабов.

Когда арабы пришли, то население Иерусалима встретило их приветственно. Многие иудеи перешли в ислам. Так

что палестинские арабы — это потомки того местного населения, иудеев, которые перешли в ислам. Это единственные оригинальные носителя генотипа того народа, чьи предки вернулись из вавилонского плена, которые жили вместе с Иисусом.

«Авраамизм против "естественной религии"»,
14.05.2007

Христианство

Христиане считают, что Христос умер за них на кресте, тем самым решив проблему грехов человечества, — нужно просто отождествиться, ассоциироваться, принять эту жертву Христа. А это осуществляется через таинство Церкви (вкушение евхаристии).

Фактическое ассоциирование себя с этой жертвой Христа вбирает человека в тело Церкви, а дальше уже там — милость Всевышнего.

Например, христианин может убивать и воровать, но, поскольку он искренне, со слезами, с раскаянием принимает евхаристию, на исповеди он говорит: «Я убил, батюшка, отпусти мне грехи», — тот отпускает ему все грехи и говорит: «Больше не греши», а потом допускает его к причастию. Тот вкушает тело Христово, и после этого может надеяться на милость Господа и что будет прощен, что бы ни сделал.

В исламе конечно не так.

В исламе существует общий принцип личной ответственности, как сказано в Коране: «Ни одна душа не понесет чужого бремени» (6:164 и 17:15).

То есть если одна женщина беременна, другая не может нести ее бремя, так и другая душа не может отвечать за другую.

Человек, совершивший некое деяние, должен этим деянием предстоять. У него есть две формы ответственности: одна — социальная (по шариату, он должен отвечать за правонарушение), а другая — это Страшный суд.

Он может быть прощен, если он сделал искреннее *тауба* (покаяние).

Но он лично отвечает перед Богом за то, что он сделал сам.

Лекция «Судьба в исламе», 1997

Если упомянуть походя о христианах, мы считаем, что они будто бы изошли из лона нашего праотца Ибрагима (мир ему). Но это не совсем так.

Христиане, о которых говорится в Коране, что они ближе к нам, чем иудеи, — имеются в виду христиане-унитариане, не имеются в виду христиане, которые веруют в три ипостаси.

Христиане, которые веруют в три ипостаси, у унитариан осуждены жестко и безусловно: они вообще не рассматриваются как христиане.

Унитариане практически на сегодняшний день не существуют, потому что все те христиане, которые существовали на момент низведения этих аятов, уже во времена сахабов приняли ислам.

Мусульмане вышли из Хиджаза малым отрядом, вокруг них было гигантское христианское поле: Египет, Ливия, Судан, Ирак, Сирия — все это было христианским.

Фактически там миллионы людей надеялись и исповедовали унитарианскую, монотеистическую традицию, но они были под пятой церкви Византийской, которая установила фальсифицированную идею — формулу веры с исповеданием троичного бога.

Откуда они ее взяли?

Они ее взяли от зороастрийцев.

Споры в христианстве были большие.

Когда Константин, которого называют равноапостольным, решил собрать Никейский собор, он проявил эту инициативу, он понял, что нужно использовать христианство для объединения Византийской империи. Это был 325-й год.

Когда он принял такое решение, он не был крещен, христианином он не был.

Он был зороастрийцем и исповедовал культ непобедимого солнца.

Он верил в солнечное божество, в Ахурамазду, в Митру как его проявление.

И он собирает этих христианских попов и говорит: «Ребята, вы определитесь там, во что вы верите; конкретно вы должны выдать мне на выходе результат: одно ваше мнение — и мы будем это проводить».

При этом он сам не имеет отношения к этому, ему это нужно было по политическим мотивам.

Эти попы собираются, и между ними начинается страшная свара. Николай (которого называют угодником) был епископом, во время спора бьет по лицу Арию, который доказывал, что Иисус был человеком.

Происходит драка, они катаются по полу, вцепившись друг другу в волосы. И Константин теряет терпение и говорит: «Вот вам бумажка: я написал вам формулу веры, во что вам верить, и, пока вы не договоритесь и не примете то, что я вам написал, вы отсюда не выйдете». А написал он про Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого.

Откуда он это взял?

А это учение зороастрийцев.

Триипостасное божество — это зороастрийская доктрина, которая оказала огромное влияние на Римскую империю, на западный мир, потому что к первому веку зороастризм в митраистской форме был распространен по всей Римской империи, и особенно он был популярен в регионах.

Что это за учение?

Вкратце, для того чтобы вы знали, на чем стоял и стоит западный мир: согласно этому учению, есть бог-отец Зерван, или великое время-*дахр*, есть бог-сын Ахурамазда, есть святой дух Свента-Манью, т. е. святой дух-спаситель, и есть мать бога Анахита.

Существует еще злой дух Ариман, или Ангро-Майнью.

Они считались двумя братьями — черный и белый, оба боги.

Потом Зороастр сделал одного сатаной — другого, сияющего.

Представитель темного мира похищает свет и переносит его в нижний мир, и благодаря этому внизу возникает творение, благодаря этому свету — земля, люди, растения.

И Ахурамазда решает забрать этот свет назад, потому что неправоверно был взят.

Он спускается вниз, но попадает в ловушку.

Ариман хватает его и распинает на дне глубочайшего рва, и тот взывает к своему отцу, и вопль этого взывания раскалывает все миры.

Зерван, который находится выше всего, не может вмешаться непосредственно в судьбу своего сына и посылает святого духа освободить его.

Тот спускается, вместе они освобождаются, забирают света, сколько могут, и поднимают его наверх.

Но некоторое количество света, чуть-чуть, остается и благодаря этому есть люди и растения, он остается в людях и в растениях, и задача чистых, согласно зороастризму, — тех, кого называют братьями чистоты, — концентрировать этот свет и возгонять этот свет наверх, отдавать остатки света наверх.

Здесь можно узнать главную схему христианского вероучения.

Об этом писали многие исследователи, в том числе и мусульмане.

Дэвид Пикхак, председатель Исламской партии Великобритании, в свое время писал об этом главному редактору «Гардиан»: «Перестаньте называть себя христианами; вот если бы вы приехали за 30 лет до Христа в Альбион, то вы бы увидели церкви с крестами, в которых священники в белых одеждах кадят перед иконами, на которых изображен молодой человек, идущий с агнцем на плече (возвращающий агнца в стадо). Только назывался он Митра, а не Христос, но вы бы не поняли этого, пока вам этого не сказали».

Хазрет Иса (мир ему) исповедовал веру пророков, а вера в пророков не предполагает всего того, что изложено вот этими зороастрийцами.

Выступление в Махачкале, 2011

Художник

Культура превратилась в кладбище всех когда-либо брошенных вызовов. Одним из последних на этом кладбище был погребен трагический бунт Ницше с его декларацией о необходимости «преодолеть человека».

Искусство стало полем самых яростных битв против «слишком человеческого». В нервах художника живет титанический импульс, воля к преодолению формы, которую глубоко неверно принимают за волю к преодолению материи.

Художник — приемное дитя Хаоса, и «человеческое» как форма форм предстает его главным врагом. Роковым образом, однако, эта борьба за новый хаос — новый, «титанический» порядок — идет в изначально организованной среде, частью которой является он сам. «Титанизм» давно стал предметом,

плененным в пространстве культуры. Это пространство клейко и однородно, в нем царит ровный, лишенный источников свет, как в фантазиях о потустороннем.

Ужас в том, что это пространство в высшей степени посюсторонне. Культура — это апофеоз вечного «здесь». «Любовь к дальнему» стоит в ней на одной полке с «любовью к ближнему». Евангелие, де Сад, Ницше замурованы в общечеловеческий янтарь, открытые со всех сторон сравнительному анализу культуролога.

«Художник и культура», 1994

Цареубийство

Цареубийство — это великая сакральная вещь, которая бесследно не проходит.

Цареубийств было в истории мало.

Мы не берем какие-нибудь Андаманские острова, где вождей казнили ритуально, а мы берем пространство, которое определяет историю, — это Карл I, это Людовик XVI, это семья Романовых.

Это колоссальные эпохи, потому что казнь Карла, в принципе, породила феномен США, казнь Людовика вообще создала феномен либерализма и новой истории, а казнь Романовых создала на территории 1/6 суши совершенно особые метаисторические условия, которые действуют до сих пор и которые объясняют, почему человечество еще не превратилось в стаю дрессированных обезьян до конца.

Это именно благодаря казни Романовых, потому что здесь возникло черное поле свободы, черное поле беззакония, слегка прикрытое советизмом, милицией, полицией. Но под ним дышит все еще это бездонное черное поле.

И что было во время Революции?

Во время Революции традиция «гуляйполе» — традиция Болотникова, традиция Разина — внезапно, сконцентрировавшись, поднялась и все снесла. Даже не Пугачева («Пугачев» — это уход в сторону), а именно казачья традиция.

И эта традиция была не государственной идеей, это была идея мировой революции, это была идея такая, что «сейчас пойдем на Варшаву», «даешь Варшаву», «даешь Берлин». Сносится Система.

«В поисках русской идеи», 2014

«Цезаризм» в США

Главное, что следует уяснить себе по поводу США: сегодня они находятся в предцезаристской фазе.

Республиканский конституционный строй исчерпал свой ресурс, который был обеспечен в значительной мере почвен-

ным белым американизмом, одноэтажной Америкой. Так же, как и в Риме, гомогенность титульного населения подорвана крупными анклавами афроамериканцев, латиносов, азиатов, которые также претендуют на аналогичную степень «укорененности» в североамериканской почве.

Подобно тому как это было с Римом, растут антиамериканские настроения по всему миру, множатся вызовы геополитического и геостратегического порядков. Ответом на это может быть только переход к пострреспубликанской фазе империи.

А это значит, что во главе США должен встать соответствующий «Цезарь» или «Август». Соединенные Штаты давно миновали ту фазу, когда они, подобно раннереспубликанскому Риму, были залогом освобождения от местных царьков и тиранов, цитаделью свободы и надежды на деколонизацию.

Сегодня они, по примеру классических колониальных государств, перешли к экспорту своего суверенитета за пределы национальной территории. На этой стадии развития появление харизматической диктатуры становится неизбежностью, ибо экспорт суверенитета, не опирающийся на человекобожескую фигуру кесаря, практически невозможен.

Есть еще один аргумент в пользу неотвратимой «цезаризации» американского политического пространства.

Сегодня США — это последнее большое государство, где традиционная сословная буржуазия находится у власти. (В Европе правят аристократические клубные элиты, опирающиеся на организованных люмпенов. В бывших и сохранившихся «соцстранах» люмпены господствуют напрямую.)

Именно потому, что американская буржуазия сумела сохранить кастовые черты, в том числе сословный менталитет и этику первого Рима, она нуждается сегодня в неизбираемом харизматическом лидере как гаранте своего выживания во все более бурном море деклассированных элементов, составляющих ныне подавляющее большинство и в Америке, и в мире.

Точно так же в Древнем Риме цезаризм явился как ответ патрициата на растущие притязания городской черни. (Напомним, что феномен люмпенства возник в первом настоящем космополитическом мегаполисе, которым оказался именно Рим, а отнюдь не пресловутый Вавилон, гордившийся уже при

Македонском своим миллионным населением. В Вавилоне были шудры, но еще не было люмпенов.)

Для мира это означает, что «холодная» экспансия США (военные базы, лоббистские группы, разведрезидентуры, карманные президенты и т. п.) завершилась, и Вашингтон стоит перед перспективой антиконституционного внутреннего переворота и началом неограниченной «горячей» экспансии, первыми ласточками которой стали Ирак и Афганистан (зона Древней Парфии).

«Рок или промысел? Империя США — непосредственная угроза современному миру», 16.12.2006

Цель истории

В наши дни безнадежно утратили эффективность попытки подойти к проблеме человека, вооружившись классовым или расовым анализом.

Это же справедливо и в отношении гендерного подхода. Современное «двуногое без перьев» не является окончательно ни буржуа, ни пролетарием, ни аристократом; оно не проявляется в реальном мире как «абсолютный негр» или «совершенный семит». Даже такие фундаментальные определения, как «мужчина» и «женщина», становятся в отношении к актуальному человеческому существу все более условными. Человек теряет форму, иными словами, он становится все ближе к собственному субстанциональному полюсу, к «протоплазме», к глине, из которой слеплен.

Это же отчетливо выражается в этике нашей эпохи: прогрессирующая политкорректность все жестче табуирует различение между людьми. Социолог или антрополог в ходе своих исследований того и гляди может оказаться в опасной зоне, где загораются красные предупреждающие табло: «расизм», «сексизм».

По-видимому, это означает, что на месте форм, присутствовавших в «прежнем» человеке, в «нынешнем» остались кровоточащие болевые точки, до которых страшно дотронуться.

Такое положение дел вызывает острое сожаление и критику традиционалистов, сторонников архаической структуры общества, в которой существует ясное распределение функций, а сама социальная организация подобна иконе Верховного Существа.

Мы же находим, что в нынешнем положении дел есть положительная сторона: множество второстепенных относительных различий между людьми ушли, оставив одно глобальное разделение, суперболевую точку.

Если в прошлом мелкие или условные (хотя и весьма всерьез принимаемые) различия между людьми образовывали гомогенный социальный орнамент, если эти различия способствовали пусть сложной, противоречивой, но все же «гармонии», сейчас речь идет уже не о различии, а о противостоянии двух изначальных метафизических ориентаций.

Они порождают несовместимость между принадлежащими к ним людьми во всех областях: религии, политике, экономике, культуре.

Такое безусловное различение, проходящее внутри человеческой массы, красной чертой делящее человечество на несовместимые друг с другом половины, было издавна заповедано во всех пророчествах, брезжило сквозь мифы, провозглашалось идеологиями, чаялось и выпестовалось провиденциальным ходом истории, потому что последнее совершается именно через движение от массы мелких относительных разниц к одному тотальному неустранимому различию.

Это цель Истории по отношению к человеческому материалу, это кристаллизация того, о чем говорится в Коране: «партия Бога» и «партия Сатаны».

Как замечательно, что прежде этого человек должен был обратиться в одно бесформенное месиво, в «третий пол», в бесклассовую демократическую общность, чтобы наконец-то по его бедной, лишившейся свойств плоти прошел этот меч, который всех разводит на чистых и нечистых, званых и избранных!

«Ислам — сакральная оппозиция мировой системе», 02.10.2001

Церковь

Церковь — это самостоятельная реальность, независимая от человеческого фактора.

Известно, что, согласно учению церкви, священник может быть пьяницей, может грешить, но в момент осуществления им одного из таинств, его человеческая натура, его греховность

или негреховность не имеют никакого значения, — по учению церкви.

Да, он является сосудом, через которую проходит благодать, потому что она не соприкасается и не оскверняется вот этим каналом, через который она действует.

Точно так же в обратном смысле: государство, некоторым образом, — это антицерковь.

И точно так же человек, который идет работать в государство, лишается своей человеческой природы в пользу сверхчеловеческой или внечеловеческой, но, в инфернальном смысле (не в высоком, а в инфернальном смысле), внечеловеческой, природы государства.

«Различие "государства" и "политического общества"», 2016

Россия сегодня оказалась перед искушением присоединиться к «большим батальонам»: мировой лед — конформизм, демагогия, апатия — затягивает политическое пространство одной из самых страстных и неукротимых стран в истории человечества.

Альтернативы мондиализму, превратившему Россию в своего пособника или жандарма на Ближнем Востоке, в Средней Азии, а теперь планирующему использовать ее в очередной раз и против Европы, не могут быть взяты из старого набора средств, уже исторически доказавших свою непригодность.

Церковь не станет опорой сопротивления «горизонтальному консенсусу» большинства хотя бы уже потому, что она есть организация жрецов, а жрецы всегда были, есть и будут врагами Пророков, упраздняющие их посреднические прерогативы.

Посланничество Христа было вопреки жречеству.

Православная церковь со времен Петра I демонстрирует сервильный конформизм последовательно с цезаропапистской, коммунистической и посткоммунистической властями России, каковые — все три — в свою очередь служили и служат Даджалу-Антихристу.

«Русский выбор», 01.01.1994

Проблема избыточного личного бытия (если угодно, сверхчеловеческой экзистенции) заключается в том, что само по себе оно не имеет смысла. В любой группе людей, особенно

оказавшихся в тяжелом положении, выделяется лидер. Личная харизма и психическая сила подчиняют тех, кто слабее. Но никакой избыток витальности сам по себе не конвертируется в легитимность. А без нее господин не господин, а просто пахан, предводитель пиратской или разбойничьей ватаги.

Чтобы быть законным, наш барон должен получить лицензию от архетипического господина — от монарха, а уж тот, в свою очередь, имеет ее от церкви. В данном случае мы выходим за рамки конфессиональной определенности: церковь — это любая сакральная организация, которая обладает эффективной связью с внечеловеческой реальностью, будь то авгуры, коллегия митраистских жрецов, друиды или брахманы.

И вот здесь-то открывается важнейшее определение того, чем является власть. Она представляет собой проекцию Бытия как целого в человеческое измерение, человеческую персонализацию глобального бытия.

Сакральная структура (церковь) выводит на человеческий уровень. Макрокосм — Великое Существо, которое включает в себя все возможные состояния онтологии.

«Церковь» можно уподобить отверстию в куполе храма, через которое проникает луч, образующий солнечный блик в центре: задача состоит в том, чтобы поставить на место этого светового пятна того, кто должен стать архетипическим господином, носителем лицензии на власть для всех обладателей этой особой витальности.

Традиционная легитимность власти есть прежде всего эффективная соотнесенность человеческого плана с бытием в самом метафизическом смысле слова. Еще точнее, феномен власти возникает, когда избыток личного бытия становится непосредственной опорой проявления макрокосма таким образом, что архетипический господин превращается в живую икону Великого Существа.

«Всякая власть...», 30.03.2011

Цивилизация

Человек не заблуждался бы относительно «благой» природы общества, если бы после своего рождения сталкивался с ним в какой-то абстрактной форме. Но дело в том, что для конкретных людей общество всегда выступает в совершенно

конкретном виде: как цивилизация, говорящая на определенном языке, имеющая определенные символы, взывающая к определенным ценностям.

Конкретизация общества в виде определенной цивилизации выполняет задачу огромной важности: она дает вброшенному в мир человеку самоидентификацию. С другой стороны, цивилизация связывает с этой самоидентификацией вещи универсальные, вселенские.

Таким образом, не человек смотрит на космос, а эллин — на греческую вселенную, русский — на православное мироздание, китаец — на бытие, разделенное между землей и небом, в котором он образует соединительную ось. Именно совпадение универсального с конкретной идентификацией самого себя заставляет человека принимать свое общество как само собой разумеющееся.

Но кости в могиле цивилизационной идентификации не имеют. Умерев, человек перестает быть греком, русским, китайцем и становится человеком вообще. Т. е. тем, кем он родился.

Природа человека вообще приходит в противоречие с символизмом и спецификой любой цивилизации, которая программирует и обращает в духовный плен свое человеческое стадо. Вот почему любая цивилизация не любит «человека вообще», считает его варваром, изгоняет его признаки отовсюду. «Человек вообще» контрабандой проникает на задворки цивилизаций в зонах их столкновения и смешения, где обнаруживается относительность каждой отдельно взятой цивилизационной программы.

Внутри цивилизации постоянно тлеет бунт тех, чья врожденная интуиция смертного человека не дает поверить до конца в категорические догмы цивилизационного сознания.

Тогда цивилизация идет на подлог. Она объявляет себя либеральной и общечеловеческой. Она выкидывает пинком любые конкретные символы и говорит новорожденным: «Видите, теперь я совпадаю с вашей вечной и неизменной сутью просто людей. Мои ценности — общечеловеческие: есть, любить, веселиться...»

Здесь начинается последний акт цивилизационного кризиса, ибо врожденная совесть смертного не позволяет принять

и эту, самую чудовищную из всех когда-либо существовавших ложь.

«Общечеловеческая цивилизация» противостоит истинно человеческому безусловнее, чем цивилизация Вавилона, Египта или майя!

И тогда общечеловеческая цивилизация переходит, в определении тех, кто с ней не согласился, от термина «варвары» к термину «радикалы»...

«Кризис реальности», 2008

Чандалы

Продукт смешения каст формирует еще одно специфическое человеческое пространство — так называемых чандал.

Это когда представитель одной касты в мезальянсе сходится с представительницами другой, чаще всего более низкой, касты, и они порождают потомство.

В этом генотипе не доминирует ни один архетипический элемент каст. Но при этом эти люди имеют вкус и того и другого, и они могут симулировать парадигмы разных каст.

Такие люди, родившиеся от межкастовых браков, могут быть прекрасными актерами, потому что актер должен иметь слабовыраженный *нафс* (индивидуальную сущность), что позволяет ему легко имитировать поведение, входить в образ.

Но дело в том, что эти люди точно так же могут быть актерами и в реальной жизни, им необязательно идти в театр.

Они идут в генералы, имитируют военных, или идут в олигархи, где имитируют людей бизнеса. Они имитируют политиков, становятся такими горлопанами на политической сцене. Но они не являются реальными политиками.

«Степени человеческой глины в исламе», 04.11.2016

Человек

Так что же такое человек — двуногое без перьев или мыслящий тростник?

Зверь — носитель содомского идеала или ангел — носитель идеала Мадонны?

Сам себя человек во все времена осознавал как образ и подобие Божие.

Однако сущность Бога выше определений.

Оказывается, природа человека тоже ускользает от понимания.

Загадочность человека для самого себя — это явная примета кризиса в сферах Духа, морали, наконец, тела.

Познай самого себя — под этим девизом человек вновь и вновь пытается высветить темноту собственной души.

Самопознание — это ключ к знанию вообще, а следовательно, к счастью и свободе. Беда только в том, что этот ключ не принадлежит человеку.

Уникальному творению Бога Адаму противостоит пестрый хаотический мир людей, в котором нелегко выявить идеальное единство человеческого рода.

Сквозь множественность своих проявлений человек стремится нащупать тот единственный лик, который принадлежит Адаму.

Иисус воплощает в своем образе универсализм нового человечества, знающего, что оно живет не во имя свое.

Человек может не помнить, что он был в раю, но он определенно хочет туда вернуться. В поисках блаженства человек отказывается от религиозной идеи Промысла.

Неведомая цель, ради которой живут и исчезают бесчисленные поколения, кажется иллюзией.

Пытаясь стать хозяином собственной судьбы, человек мечется между двумя полюсами — коллективом и личностью.

Соблазнительна идея общества, которая превращается в идеальную машину, работающую на благо всех. Такое общество кажется способным диктовать законы самому мирозданию. Однако, чтобы быть совершенным, оно должно растворить в себе без остатка отдельного человека. Кого-то это не устраивает. Есть и другая возможность: сделать общество инструментом личного счастья. Тогда ясно и просто решается вопрос о смысле жизни: он превращается в успех стяжания жизненных благ. Ни на том, ни на этом пути человек не преодолевает бремя собственной ущербности. Как сказано в Священном Коране: «поистине, человек ведь в убытке» (103:2).

...Из отчаянья в человеке исходит иррациональный индивидуализм, начавшийся с проповеди Сократа. Это отказ от общей судьбы, общего счастья, общего смысла. В основе такого выбора лежит религиозный пессимизм, уверенность в том, что человек фатально испорчен и шансы каждого заранее предопределены.

Именно с моральным фатализмом и индивидуализмом соединяется пришедшая из древнего Вавилона религия золота — мистический культ богатства.

В архаичные эпохи человек был уверен в своем месте во вселенной. Он не выражал свой ужас перед небытием так открыто, как в последние столетия. Сам мир был замкнут и уютен.

Человек, по учению древних, является мерой всех вещей; он посредник между небом и землей. Его существо аналогично большому миру, в котором он живет, поэтому он называется микрокосмом, малым космосом. Главная причина смертности человека оказывается в том, что он не реализовал гармонию между собой и вселенной. От него требуется всего лишь дыхательными упражнениями и чтением магических заклинаний навести порядок в элементах собственного тела, чтобы оно обрело качество нетленности.

Однако так ли уж верно, что все люди жаждут физической вечности? В действительности воля к личному бессмертию всегда была достоянием немногих.

Жрецы и цари понимали борьбу со смертью буквально. Фараоны и первосвященники строили для себя волшебные усыпальницы — машины по обеспечению выживания. Весь мир был для них инструментом общения с вечностью.

Для огромного большинства простых людей бессмертие совпадает с бессмертием человеческого рода и даже с идеей вечности материи.

Моральная проблема бессмертия — это выбор между бессмертной душой и бессмертным телом.

В конечном счете все сводится к тому рубежу, на котором надо поступиться немногим, почти неощутимым — божественной искрой, которая делает нас неповторимыми духовными существами, — за это Антихрист обещает свободу от всех проблем.

Сегодняшний мир управляется посредством ссылок на якобы неразрешимые проблемы: разрушена среда обитания, не хватает жизненных благ для слишком большого количества людей, деградирует генная природа человека.

Антихрист, по преданию, способен управлять материей. Он наделен способностью воскрешать мертвых. Однако с одним условием: те, кто примут от него воскресение в этой жизни, откажутся от своей доли в Царстве Небесном. Выбор за нами.

Человек никогда не был раньше объектом религиозного поклонения и культа, которым он стал сейчас.

С другой стороны, именно сегодня к нему относятся скепсис и неверие, которые раньше были обращены к Богу. Человек, очевидно, не состоялся как хозяин собственной судьбы. Все попытки взять под контроль историю, общество, природу только свидетельствуют о все более углубляющемся кризисе.

Религия откровения рассматривает человека как наместника Бога на земле. Не близка ли к завершению эта миссия? — вот вопрос, который сегодня волнует многих.

«Бог умер», — сказал критик человека Фридрих Ницше. Антигуманизм на рубеже нашего века лишь спародировал ту критику человека, которая уже была дана в Евангелии и Коране. Объявляя о смерти бога, Ницше имел в виду конец человекобожия.

Наконец-то ключевая фраза прозвучала: «Человек — это то, что должно быть преодолено».

На фронтах Первой мировой войны человек умер как религиозный идеал. В определенном смысле, катастрофа классического гуманизма явилась прелюдией к очищению подлинной религии. Благодаря массовым страданиям и небывалым социальным потрясениям люди утратили блаженный оптимизм и доверие к добру, которое якобы пребывает в самой человеческой природе.

Тема кризиса гуманизма была развита и углублена в послевоенной Европе экзистенциалистами. Страх, заброшенность, отчаянье — таковы категории, которыми стали оперировать интеллектуальные потомки Платона и Аристотеля.

Западный человек тяготеет к роли шекспировского Гамлета, разрывающегося между жаждой просто жить и отвращением к этой самой жизни.

Сегодняшнее общество в его прагматической, рациональной форме неспособно вывести человека из кризиса. Все иллюзии перепробованы и отвергнуты. Наиболее стойкая из них — вера в торгашеско-потребительский рай — не спасла человечество от войн и революций в прошлом и вряд ли спасет в будущем.

Да, человек должен преодолевать себя. На этом пути не будут попраны братство и любовь между людьми. Только отказываясь от ветхого Адама в себе через принесение в жертву всего темного и костного, что наполняет человеческое бытие, они впервые обретают ощущение братского союза. Их объединяет чаяние

нездешнего света, зари дальней жизни, которая встает на горизонте после ночи долгих и бесплодных поисков.

Философы полагали, что чистый Дух в своем становлении становится реальным человеком. Теперь уже ясно, что человек и Дух — это далеко не синонимы и, возможно, даже не партнеры. Гипноз ложного гуманистического культа завершается. Понятно, что переоценка ценностей должна продолжаться не под знаком сверхчеловека — это такой же тупик, как и рационалистический гуманизм. Нужен выбор — выбор в сторону Бога, выбор в сторону Откровения, которое должно быть очищено от банальных интерпретаций и искажений. Если этот выбор совершится, окончательный смысл истории будет ясен.

«Человек», 1996

Честь

У люмпенов откуда может быть честь? Вопрос чести — это вопрос касты. То есть это специфическое качество человеческого материала.

Каст четыре, и они врожденные. Человек рождается принадлежащим касте, либо же он межкастовый бастард, и в этом случае он становится либо люмпеном, либо, как говорят индусы, чандалой — то есть люмпеном, но высокого свойства (имитатор, креативный класс, белоленточники, про которых не скажешь люмпен — они же не в лохмотьях, не бомжи, — но он, по сути дела, внекастовое существо).

...Мы видим и понимаем не потому, что у нас есть интеллект, компьютер в голове, а потому, что внутри нас мы носим собственную смерть, которая есть остановка всего. И отношение к этой внутренней смерти, которую мы носим в себе, — это кастовая вещь. Если ты смотришь смерти в глаза, ты кшатрий, ты воин, ты имеешь честь.

Если ты смотришь на смерть и говоришь «да ее нет, сейчас выйдем в другую комнату, и будет другая реальность», то ты брахман, то есть ты нам вешаешь лапшу на уши по поводу бесконечного круговорота сущего, возобновления циклов и прочее. Если ты визжишь и скулишь, значит, ты вайшья, ремесленник, торговец, спекулянт (но спекулянт — это другое, это вне касты), то есть ты хочешь жить. Ну а шудра — это просто пыль на ве-

тру, его даже никто не будет спрашивать, хочет он там жить, не хочет, что он там понимает про смерть, потому что шудра — он и есть шудра: это человеческое бытие в своей предельной минимизации. Поэтому говорить о чести можно только с кастовых позиций.

Но в чем чудо современности? Раньше человек рождался в касте: у брахмана — брахман, у кшатрия — кшатрий. А сегодня нарушен этот принцип, потому что есть смешение. И так может в обычном, обывательском доме появиться герой, родится кшатрий, или там у попа родится торгаш. Пожалуйста — у брахмана родился вайшья.

И что же происходит, как выбрать? В древней сословной Индии, в кастовой Индии были технологии определения касты при рождении: когда ставили кастовый знак на лоб, то ребенок, который смеялся, — это был брахман; который рычал, сжимал кулачки, — это кшатрий; который плакал, пытался увернуться, — это вайшья; а шудрам не ставили на лоб кастовую точку. То есть сразу было видно, кто есть кто.

Сейчас иначе это определяется. Сейчас люди, которые чувствуют в себе кшатрийский дух, просто идут воевать по велению сердца, как в Испании в 1936 году, — выполнять интернациональный долг в любой горячей точке. Вот сразу видно — это кшатрий, это наши ребята, это наши люди. На них надо опираться: у них есть честь.

Почему честь всегда, традиционно, связана с понятием славы? Слава — это же языческая богиня. Тоже понятно: потому что человек стремится остаться в памяти чего-то живого, что будет знать о его подвигах. Вот что такое слава.

Но язычники мечтают уцелеть в памяти потомков, в памяти общества. Но мы-то знаем, что социум — это сатанинское дело. Поэтому мы хотим остаться в памяти вечно Живого, в Его книге, в которой записаны все живые. И наша слава — это слава пребывания в Книге, которая есть у Всевышнего, то есть у Той иррациональной, неопределяемой, недефинируемой Причины, Которая дана нам только как дискурс в Откровении.

Мы не знаем Бога как такового, мы знаем только то, что принес нам Пророк, сказав об этом Боге. И все.

Но мы конечно знаем, что есть бездонная неопределенность за пределами того дискурса, который выражен в 4 тысячах пре-

красных имен, из которых 99 являются прекраснейшими и наиболее оперативными. Есть бездна за этим.

...Почему я должен быть рабом Всевышнего? Что — потому что у меня есть дело? Да нет. Да потому что Он непосредственно дал мне ту черную точку, которая противостоит сущему и этим противостоянием порождает смысл. Вот это и есть связь: здесь «я» с неопределенной, иррациональной, сверхъестественной Причиной, которая лежит вне социума, вне сущего.

Поэтому мы никогда не договоримся с современной цивилизацией, потому что современная цивилизация имманентна и полагает причину в себе, то есть она собрала все мотивирующее, причинное как бы сюда, рационально описала свой генезис, как она себя вытаскивает, как Мюнхгаузен из болота за волосы, ее причина — здесь.

А наша Причина является абсолютным «иксом», Который даже будучи «иксом» отрицает саму идею определения в виде «икса». Это постоянная бездна, падающая сквозь самое себя, но при этом не абстрактная, а присутствующая в сердце каждого, если он откроется этому сердцу. Это радикально противоположное физике, индуизму, китайщине, йоге, тибетцам.

«Честь как главная скрепа Духа», 2013

Чингисхан

Последние великие шаманы благословили в начале XIII века загадочного монгольского воина по имени Темуджин на объединение мировой суши.

Потрясатель вселенной, прогремевший в истории под именем Чингисхан, стремился воссоздать сверхимперию...

Монгольские завоевания предопределили политическую географию современной Евразии.

В начале нашего века у Чингисхана нашелся духовный наследник: прибалтийский барон Унгерн принадлежал к роду рыцарей-крестоносцев.

Он был буддистом в четвертом поколении.

Отважный и фанатичный воин, прошедший окопы Первой мировой, Роман Федорович Унгерн воспользовался революцией, чтобы попытаться, при поддержке ламаистского духовенства, создать, начиная с Монголии, священное государство,

охватывающее всю Евразию и противостоящее бездуховной гнили буржуазного Запада.

Далай-лама признал барона воплощением небесного воителя и передал ему перстень Чингисхана — талисман победы.

Гражданская война вернула коннице господство в степных просторах, перебросив мистический мост в эпоху Чингисхана.

Слухи связывают с его талисманом великого полководца Жукова.

Боевой путь маршала проходил через те места, где когда-то воевал, был взят в плен и расстрелян Унгерн.

Жуков в истории войн прямо связан с традицией Чингисхана, ибо Россия, СССР — это прямой геополитический наследник монгольской империи.

По легенде, перстень Чингисхана, снятый чекистами с расстрелянного барона, оказался в распоряжении грозного маршала.

«Сакральная география», 1996

Чингизхан, «Яса», т. е. закон Чингисхана, Орда — это все пространство подавления свободы... Он снес Бухару, Самарканд, снес великолепные города...

Снес исламскую цивилизацию, пришел в Багдад...

Дикие монголы, которые были на сто ступеней ниже.

Он Китай завоевал.

На сотню ступеней ниже тех цивилизаций...

Он пришел, все это снес, дал «Ясу», сказал: «Ребята, живите спокойно под этой Ясой».

Проблема в чем? Он преследовал ислам и поддерживал жрецов.

Всюду, где были жрецы, — священники, священническая каста получила мандат на благополучие и деятельность от Чингизхана, а суть, внутренний нерв ислама, он преследовал очень жестоко.

Конфуцианство он поддержал, поддержал православную иерархию...

...Во-первых, они, конечно же, прежде всего взяли Китай, а взяв Китай, они использовали все, что Китай знал — а Китай много знал о тогдашнем мире.

Во-вторых, эти люди были далеко не так неинформированы.

Были там не простые, невежественные степняки — несколько столетий сложной подготовки к такой жесткой и силовой работе с миром.

Я напомню, что Аттила происходит оттуда.

Семь веков, как минимум, масштабная работа степных кочевников с большим миром.

Но если говорить о Чингисхане, то поразительно, что тут смычка по парадигме действия с Римом, потому что Рим, который завоевывал весь мир вокруг, начиная с Греции, был невероятно проще, невероятно грубее, чем то пространство, которое он брал за бороду.

И, кстати, бороду он рассматривал признаком варварства (барборос — это от бороды). Бородатый — значит поклоняющийся своим туземным божествам, поэтому родо-племенной, а у нас — граждане, здесь универсальный суперполис, но при этом это все было очень примитивно.

Для них эллины были недосягаемыми учителями; мировоззрение римлянина, лучшее из того, что они достигли, — это «О природе вещей» Лукреция, и то это материалистическое произведение. Маркс, Энгельс любили это произведение, но это вульгарная вещь.

...Чингисхан в этом смысле похож на Рим: это дисциплина, это ноу-хау.

Во главе угла всегда ноу-хау.

Почему они били все?

Они били рыцарские армии, княжеские армии, били огромную китайскую армию, потому что у них было ноу-хау, колоссальная дисциплина, никаких внутренних вопросов, никакого экзистенциального сомнения.

В принципе это римская идея: создать пространство дисциплины, в которой закон «Яса» является началом и концом, альфой и омегой всякого существования.

Это подчинение человека Великому Существу.

Не всякий закон является принципом подчинения человека Великому Существу.

Есть Шариат.

Идея Шариата как божественного откровения — это рассогласование отражения в своих движениях с движениями Великого Существа.

...«Яса» придумана Чингисханом, и самое главное, чего нет в «Ясе», — в ней нет идеи смысла.

В ней есть идея некой справедливости горизонтального плана...

Город взят, и на три дня пей, гуляй допьяна, как писал Багрицкий.

«Возможна ли свобода?», 2016

Рим шел на Восток, но и Восток или Азия шла на Запад. Поэтому можно сказать, что есть два встречных движения друг другу навстречу. Я бы сказал, что это движение двух Магдебургских полушарий к соединению.

Чингизхан шел на Запад.

И, кстати говоря, все эти разговоры о том, что Русь, как щит, приняла на себя страшный удар монгольских орд, ослабила их и сорвала этот поход на Запад, — одна из тех мифических картин, которыми евразийство так славится.

Конечно, никого Русь не остановила: деревянные города и крепости не могли ослабить никакой удар монгольской конницы, оснащенной тогдашней китайской техникой, огненными стрелами, сжигавшими эти города под корень.

Чингизхан разгромил наголову огромное европейское войско — под сто тысяч человек, цвет рыцарства.

...Но концепция Чингисхана, при стратегической оценке по поводу Европы, была такая: «нам это не надо, нам это пространство скученных городов и крольчатников неинтересно». Они сделали дугу, загибающуюся к Адриатическому морю и решили, что Западная Европа вполне может существовать сама по себе.

«Евразийство и Атлантизм», 2016

Численность мусульман

По моим наблюдениям, мусульмане очень любят (и не только в бывшем СССР, где это служило излюбленной темой в чайханах) обсуждать, сколько их.

Соглашаясь на глобальной цифре в полтора миллиарда, обсуждающие обычно впадают в эйфорию, поскольку, как им кажется, с таким невероятным количеством правоверных запад-

ный капитализм, ставящий число превыше всего остального, просто обязан считаться.

Такая тенденция указывает на ряд тревожных симптомов в менталитете современной Уммы. Прежде всего, это явное, хотя и не артикулированное впрямую, признание своей вторичности в вопросе качества. Далее, это переход на метафизические позиции того же самого культа количества, в котором мы обвиняем «профанический Запад».

Наконец, здесь в какой-то степени есть и влияние старой марксистской классики — «исторического материализма», — которой лет сто назад хлебом не корми дай поноситься с культовой в те времена идеей «масс». «Массы» то да «массы» се...

Увы!

Сами по себе ни полтора, ни даже целых два миллиарда ничего не решают.

Как ничего не решили «солидные» семьдесят миллионов в бывшем СССР — их просто «слили», и они теперь кукуют в никому не интересном Узбекистане и других «медвежьих углах» (Центральная Азия после Тимура стала классическим «медвежьим углом» исламского мира, который даже жадные до всего плохо лежащего англичане отдали на откуп Российской империи).

А семьдесят миллионов при Брежневе — это вам все-таки не двадцать при Путине!

Справедливость данного размышления подчеркивается тем, что один миллион вайнахов заставил говорить о себе весь мир.

А кто такие «волжские булгары», которые попадаются на каждом шагу в любом учреждении любой улицы любого среднерусского городка — спроси дядю Петю, и он под страхом смерти не ответит.

Идея о том, что правители могут передать свою власть тому, кого стало слишком много, заставила бы сойти с ума основоположников марксизма-ленинизма, которые жизнь положили, биясь над вопросом: как же все-таки привести к власти эти самые пресловутые «массы»?

Не знали эти умники, что пролетариат для своей диктатуры должен увеличивать свой численный отрыв от буржуазии!

Наше дело было бы совсем швах, если бы сила ислама сводилась только к несметному числу потерянно бродящих по земле душ, которые бы останавливались время от времени, подняв очи

горе и озабоченно загибая на руках пальцы, шепча при этом: «Один миллиард... два миллиарда... три! Неужели и теперь проклятые кяфиры не поделятся властью? Три ведь уже!...» Слава Аллаху, все-таки дело до этого не дошло.

Хоть и в небольшом числе, но есть качественные братья, напоминающие тот малочисленный отряд, который вышел из глубин никому не известной Аравии и в течение одного поколения сделал исламским две трети мира.

По выражению одного британского брата, «те несколько тысяч были чистое золото, а нынешние полтора миллиарда — это просто мусор».

Жестоко сказано и, несомненно, подвигнет многих на гневное возмущение, но... если на то будет воля Всевышнего, после того как развалится «государство российское», его соберут и превратят в великую державу те все еще существующие в Умме в малом числе обладатели качества, которые не задумываются, достаточно ли их много, чтобы выполнить свой долг.

Форум азербайджанского сайта 1st News. 26.09.2008

Шариат

Бытие абсурдно по своей сути. Смысл ему придает только конфронтация с ним.

Но в какой-то момент эта точка рассогласования должна признать, что индивидуальность тела (инстинкты, психика, склонности) — это тоже часть среды.

«Я против училки, я против мента» — и на этом уровне я думаю, что «я» — это этот «я», которого прессуют, которого в наручники заковывают, которого ставят в угол, отчитывают. Но в какой-то момент я должен понять, что «это» (мое тело и связанные с ним психические инстинкты) — это часть той среды, которая противостоит моему сознанию.

И тогда я должен опереться на такой технологический устав некой армии, устав гарнизонной службы, который поможет мне правильно и грамотно оппонировать враждебной среде. И оказывается, что это Шариат.

Шариат — это и есть тот устав, который, вне произвола училок и ментов, сообщен из парадоксального, трансцендентного канала моей точке несогласия со всем «этим» для того, чтобы эта точка несогласия была успешной, чтобы братьям взаимодействовать между собой таким образом, чтобы они были не бандой партизан, а армией в походе. И альтернативы Шариату нет.

И если я подчиняюсь Шариату, то, конечно, индивидуального волюнтаризма уже быть не может. Но это не закрепощение себя в наборе глупых правил, Шариат — это устав взаимодействия между собой людей, которые Против.

Надо понять, что люди, которые против — ПРОТИВ большими буквами.

Вот какой устав им дать? Армия — не против. Армия защищает отечество, Брежнева, Путина. Партизаны? Они тоже воюют за независимость незалежной Украины или за Чечню. А вот люди, которые Против, — вот что им дать? Им можно дать только Шариат.

Это единственный уникальный ход, который обеспечивает взаимодействие и поднятие над индивидуальным волюнтаризмом тех, которые Против. Это уникальная вещь.

Вот там суфии говорят, что Шариат — это ограда, а за этим есть *хакикат*, истина, познание истины. А за этим *ма'рифат*, то есть погружение в чистый духовный «экспириенс». Это все собачья чушь.

Шариат — это чистый устав.

Это не цель установить государство, а это устав, без которого невозможно решить никакие задачи.

Но замысел Шариата предполагает эзотеризм на пути чистого монотеизма, который эзотерикам от метафизики тождества даже и не снился...

«Предпосылки радикализма», 2013

Является ли Шариат законом? Нет, он не является законом, потому что суть Шариата в том, что он — установление Аллаха для отделения и отличения тех, кто следует Его путем от остального человечества.

Шариат — это разграничительная линия между теми, кто идет путем всякой плоти, и теми, кто вышел на прямой путь Аллаха.

Шариат имеет своей целью освободить человека от рабского подчинения Сатане, превратить его из «отражения Сатаны в зеркале» в независимое существо, которое подчиняется только Аллаху.

Шариат обращается не к бессознательному как, например, римское право или старые племенные законы древних германцев и славян, — то есть он не имеет отношения к «почве». Шариат не обращается к магии, как законы индусов или вавилонян, с тем чтобы сделать человека оператором космических энергий. Это значит, что Шариат не связан с «Небом». Шариат обращается напрямую к сознанию человека, тому уникальному ядру его личности, которое умрет и будет воскрешено.

Задача Шариата — заставить это ядро личности, это внутреннее человеческое «Я» не спать, а бодрствовать, пока человек пребывает в ближней жизни. Благодаря этому выстраиваются

всесторонние отношения между братьями внутри общины. Шариат есть устав армии в походе и бою.

Для мусульманина Шариат — это внутренняя сознательная установка, практикуемая через применение бодрствующей воли. Это применение требует знать теоретические положения и нуждается в специальных людях, которые могут эти теоретические положения применять в решении проблем (кадии).

Однако цель Шариата — сделать мусульман отличными от немусульман, особым отрядом, для которого соблюдение внутреннего устава есть усилие бодрствующего сознания, а не результат внешней дрессировки и принуждения.

«Тезисы политического ислама», 2012

Шахада

Наш праотец Ибрахим шел по реализации первой части *Шахады*.

Он осуществлял сначала *«ля иляха илля Ллах»*, т. е. он брал кандидатов на это место Всевышнего (звезду, ветер, луну, солнце) и осуществлял порядок отрицания (*ля иляха, ля иляха*), и у него осталось пустое место, которое должно быть заполненное, которое он назвал Аллахом. Но он не знал, что Это такое. Он просто сказал, что Это — То, что не является ничем из того, что я мог бы поставить, что я мог бы увидеть, из того, к чему я мог бы обратиться.

Он сделал, как говорят некоторые западные философы, апофатический, негативный процесс вычеркивания всех кандидатов на это место, и у него осталось вот Это.

Всевышний открыл ему Себя именно из этого пустого места, которое осталось после вычеркивания всех остальных претендентов на роль Господа — *ля иляха*. И здесь обычно переводят «кроме Аллаха». Но я считаю, что этот перевод спорный, неверный.

Надо говорить: «Нет Бога, но есть только Аллах».

Получается, что мы вытаскиваем из ряда кого-то, кто есть кроме него.

Нет, это не так. Мы говорим: «Нет Бога». Когда мы говорим, что нет Бога — мы имеем в виду не просто отрицание того, что мы можем поклоняться кому бы то ни было, кроме Аллаха

(луне, Зевсу, солнцу, Зервану) — мы не это имеем в виду, мы говорим «нет Бога», имея в виду вообще эту концепцию, потому что Аллах — это не Бог (неправильно переводить Аллах как Бог), Аллах — это личное имя той Сущности, того Принципа, того Субъекта, Который абсолютно непостижим, Который остается после того, как мы вычеркнули всех претендентов, которых мы могли бы знать, чувствовать, созерцать, видеть, до которых могли бы додуматься, которых могли бы извлечь из глубин собственной души — все мы это вычеркнули.

И тогда, когда у нас остался огромный вопросительный знак, огромный «икс» — мы сказали, что у этого «икса» есть имя, личное имя — «Аллах».

Но тут второй вопрос, вторая часть *Шахады*, которую некоторые хотят вычеркнуть, начиная с Гюлена и не только Гюлена, конечно: мы свидетельствуем, что Мухаммад — Его раб и посланник. Что это означает?

Здесь есть еще один момент. Когда мы, вслед за Ибрахимом (мир ему), вычеркнули всех, осталось у нас абсолютно неизвестное, Которое именуется Аллахом.

И у Ибрахима возникли сомнения: «Дай мне знать, что Это не просто фантом, не просто фикция, пустое место после вычеркивания всего, а что Ты есть».

Так вот, во второй части *Шахады* то, что Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) является рабом Аллаха — это утверждение того, что Это (что осталось как неизвестное после вычеркивания всего известного) — Оно реально: ты же не можешь быть рабом того, что фиктивно, виртуально — это абсурд.

Если ты раб Этого, значит, Это — реально. То, что Мухаммад «*абдуху*» — говорит о том, что Это — реально.

А вот дальше: *расулЛюху*, то есть Его посланник, — это означает, что мы не можем знать ничего об Аллахе, кроме того, что этот раб Аллаха нам о Нем сказал, нам от Него передал.

В нашей мысли, в нашем созерцании, в нашей интуиции (интеллектуальной, вертикальной, какой угодно) не содержится ничего, никакого намека на знание, на подлинность.

Есть только дискурс, который нам открывается в кораническом слове, и то, что относится к кораническому слову и его интерпретации (адекватные, правильные, сопряженные именно с текстом).

Именно это есть то, что мы можем знать об этом Великом неизвестном, которое выходит за рамки всякого рассуждения.

Первая часть *Шахады* двухчленна: *ля иляха илля Ллах* (нет Бога, но есть только Аллах) — это двухчленный момент первой части *Шахады*.

Второй — тоже двухчленный. Потому что «*ашхаду анна Мухаммадан абдуху*» (первый момент) — указывает на то, что Аллах реален, потому что Мухаммад — Его реально раб и *расулЛюху*, т. е. он посланник — без него мы даже не можем начать говорить о том, что это такое, потому что это абсолютно вне нашей интуиции, нашей мысли, нашего опыта, наших ожиданий, мы даже ожидать не можем этого.

Почему Ибрахим (мир ему) отверг солнце и луну? Это показано как процесс. Но ведь он уже был избран. Процесс, который продемонстрировал нам отрицание всех претендентов на роль объекта поклонения, — это часть того Откровения, которая уже была перед этим дана.

Но, может быть, в скрытой форме была дана потребность поклоняться, с отрицанием всего, что может быть поставлено на место этого Центра как объекта поклонения.

Это уже есть Откровение, данное Ибрахиму. А потом, когда он говорит: «покажи мне, что Ты есть», — птицы ожили, мертвые птицы, разложенные по холмам Иерусалима. Они взлетели и собрались к нему.

Это уже вторая часть Откровения. А потом третья, последняя, замыкающая часть Откровения — это чудо с Исмаилом (мир ему), которого он хотел по приказу Всевышнего принести в жертву, который был заменен козой, бьющейся в кустах.

Это уже третья часть — утверждение.

Но мы должны обратить внимание на то, что утверждение о Всевышнем Аллахе (Свят Он и Велик) всегда начинается с отрицания всего, что не есть Он. Это означает, что мы можем говорить об Аллахе как об отрицании всего, что является предметом интуиции, опыта и размышления твари, то, что принципиально противостоит всему содержанию творения. Творение как выражение неведения о Творце. Хотя многие считают, что творение знает о Творце (птички поют о Творце, все поет о Творце), но это очень приблизительное, ориентирующееся на естественную религию предположение.

На самом деле все находится в ностальгическом томлении по поводу незнания, которое является основой сущего...

Мы приходим к выводу, что *Шахада* — это колоссальный метафизический инструмент огромной глубины, потому что каждое слово, которое мы в *Шахаде* расшифровываем, оно открывается в своем колоссальном объеме.

«О смысле Шахады», 2013

Шахид

Герой — это человек, бросающий вызов. Бросающий вызов, прежде всего, на основании своего происхождения — нет греческого героя, который бы не имел богов в своей родословной.

Он бросает вызов Року, потому что он не хочет мириться с участью жалких смертных.

Это перенос олимпийской гордыни в человеческую плоскость, вызов незаконных «сыновей» равнодушным «отцам».

Самопожертвование, мученическая смерть — это совсем другое, потому что это имеет аспект гносеологический.

В русском языке это звучит как «мученик», а в арабском языке *«шахид»* — это свидетель.

И по-гречески *«мартирос»* тоже имеет значение «свидетель».

Греческое и арабское значение совпадают в том, что мученики своей смертью прежде всего свидетельствуют.

В системе естественных религий центром является личная реализация сверхъестественного опыта.

Мученик же свидетельствует то, что никоим образом нельзя испытать, кроме как в парадоксальном волевом утверждении, которое называется *«джахда»* (от того же корня *«джихад»*).

То, что по канонам естественной религии «не существует», мучеником утверждается как существующее.

Это краеугольный камень, отвергнутый строителями, который ляжет в основание храма.

В этом самая резкая оппозиция монотеизма политеизму и пантеизму.

«Арабо-израильский конфликт —
осевая эсхатологическая тема», 2004

Глубинная суть Откровения теснейшим образом связана с центрированием, подчеркиванием фактора смерти.

В то же время люди, исповедующие ислам сегодня, ориентированы на слабопассионарный принцип выживания: дух «общечеловеческих ценностей» стал общим местом в их ментально-психологической ауре.

Внутри каждого мусульманина независимо от его воли сидит «заноза» коранического послания, которое фундаментально противоположно инстинкту выживания.

В предыдущих исторических проявлениях Откровения принцип центрирования смерти был обречен на тактический проигрыш, поскольку в них не был акцентирован другой важный момент, без которого он не может существовать, — принцип властвования.

Суть этой взаимосвязи в том, что смерть и власть являются двумя сторонами одного и того же.

Воля к смерти, которая является жертвенной, пассионарной моделью высшего религиозного типа, также является и волей к власти.

Во всех предыдущих манифестациях этой пассионарности воля к смерти обязательно была связана с идеей ухода, бегства.

Ислам разрешил эту тему в хиджре Пророка, которая является не бегством от мира, а динамическим переходом от состояния пассивности к состоянию абсолютной активности, от статуса мусульман в Мекке, где они были гонимым меньшинством, до статуса мусульман в Медине, где они стали центром активной иррадиации, распространяющейся на весь мир, центром воли к власти.

Так впервые воля к смерти возвратила себе вторую исконную половину — волю к власти.

В эти времена появился и высший тип мусульманина, по которому должна выстраиваться вся Умма, тип *шахида* — воина, мученика и героя.

Там же впервые приходит убежденность в том, что смерть как свидетельствование, смерть в бою есть креативное утверждение модели властвования как вертикального присутствия Иного в человеческой субстанции.

«Смерть как знак Бога», 01.01.1995

Для воина-язычника смерть есть проблема перехода из одной камеры внутри Бытия в другую. Он весь погружен в Бытие как в гирлянду манифестаций на разных уровнях.

Шахид (*араб.* «свидетель») свидетельствует своей смертью свободу Сознания в его победе над Бытием, потому что Сознание как нетождество Бытию и смерть как абсолютизация этого нетождества, суть, собственно говоря, одно и то же.

Шахид в акте свидетельствования утверждает себя как живого в непостижимой альтернативе «сущему» («смертию смерть поправ»).

Вопросы от Новосибирского центра консервативных исследований, 2013

Шелковый путь

Сейчас китайцы сидят на большом котле промышленности, а в условиях мирового экономического кризиса им придется закрывать ряд заводов и так далее, что означает большое количество безработных в Китае. И для Пекина стоит большой вопрос: как быть дальше?

Они отвечают на этот вопрос идеей Шелкового пути.

Шелковый путь должен пройти через 12 мусульманских государств, и они собираются инвестировать туда 4 триллиона долларов, — кто будет им гарантировать работоспособность этого проекта?

Кто будет отвечать за это гигантское пространство, в который будут инвестированы кровь и пот китайских рабочих и крестьян для того, чтобы Китаю выжить? С одной стороны — угроза мусульман в самом Китае, с другой стороны — они же не могут уничтожить весь мусульманский мир. Потому что мусульманские страны — это то поле, где будут использованы жизненные потребности для Китая.

Единственный выход в таких условиях для Китая — это поддержать концепцию халифата. Но для китайцев надо пройти ряд предрассудков.

Если сегодня у китайца спросить, что такое ислам, то он ответит — три зла. Это сепаратизм, экстремизм, терроризм. Но если Китай сделает ставку на исламскую политическую субъ-

ектность, то у него появляется исторический шанс, если же он этого не сделает, то думаю, что Китай не переживет переформатирование мировой матрицы.

«Россия не в силах решить карабахский конфликт», 03.12.2015

Шиизм

Суфизм — это более сложная реальность (как обычно об этом говорят).

Конечно, есть суфизм как у М. Араби — омейядский суфизм, который, к сожалению, усвоен шиитами в качестве своей метафизической акыды.

Это парадокс, что именно омейядский, суннитский суфизм стал акыдой, например, кумских богословов, но это факт.

Хотя не должно быть так.

Суфизм совершенно неприемлем как фундаментальная идеология, как метафизика ислама. Но весь суфизм к этому не сводится.

В нашей части — на Кавказе, в европейской части России, больше знакомы именно с этим, то есть пантеистическим, омейядским суфизмом.

А вот, например, талибы и те, кто ближе к наследию Сирхинди (исламский правовед XV—XVI веков. — *Прим. ред.*), знают совершенно другой — Накшбандийский суфизм; там есть линии, которые парадоксальным образом, с точки зрения того, что мы считаем суфизмом, вообще не вписываются в эти рамки.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

...У Ирана особая позиция.

У него ситуация следующая: он по форме — «национальная бюрократия», а по сути он имеет прямое отношение к традиционалистскому клубу.

Иран возглавляется верховными клерикалами, которые фактически являются высшим эшелоном тарикатов.

Фактически они называются шиитами, шиитскими аятоллами, «*Худжат аль-ислам*» (они там ирфан продвигают), но по сути это — тарикаты, это чистые суфии, только с небольшой поправкой на любовь к «*Ахл аль-бейт*». А так это чистые суфии.

Реального шиизма, который был во времена Хазрати Али (да будет доволен им Аллах), нет.

И они, конечно, в Лондоне имеют большую поддержку (Лондон их прикрывает с 1979 года), иначе бы Иран давно бы раскатали. Но за восемь лет Саддам этого не смог сделать. Потом Саддама уничтожили.

Все, что имам Хомейни говорил по поводу Ирака, — «голову Саддама на блюдечке; полная оккупация Ирака» — все реализовано американцами при контроле англичан, которые заняли южные районы Ирака: Басра, где шииты, — это все зоны оккупации англичан, там ни одного теракта не было, зато американцев мочили по полной программе.

Иран по форме — национальная бюрократия, а по сути это часть традиционалистского клуба. Поэтому у него есть важнейшая роль: роль посредника между выделившимися из национальных бюрократий пролетариев (Россия, Китай, Индия) и остальным пространством.

«Социум как глобальное Акционерное общество», 2014

Шудры

Шудры ничего не имеют, кроме внешнего сходства с людьми.

Несчастные существа, которые конечно хотели бы пожить, но, с другой стороны, присущая им жизнь настолько скверна, что они все время на грани самоуничтожения.

Как биологические существа они слишком слабы, чтобы кончать с собой, но как коллектив они деструктивны на грани срыва и распада.

В силу этих свойств каста шудр — пролетариев — является союзником воинов. Пролетариат находится в инстинктивном союзе, социальной симфонии с воинами.

«Революция пророков», 2003

Шут

Раньше в русском языке был уничижительный термин для людей, которых не воспринимают всерьез: «шут гороховый». Без филологического исследования непонятно почему «горо-

ховый». Может быть, потому, что есть упоминание про «царя Гороха», а шуты традиционно были при царях.

Сейчас более популярно другое презрительное прозвище — «клоун».

Жизнь вокруг нас, в том числе в самых серьезных областях, как, например, политика и наука, — все больше напоминает клоунаду. Глядя на политиканов, делающих заявления или предлагающих «законы», как-то не поворачивается язык назвать их «шутами» — это клоуны.

Между «шутами» и «клоунами» разница есть. Более того, два эти понятия противоположны. Поле действия «шута» — это интеллектуальное пространство. Сущность шутовства — это парадокс, понятный тонкому уму, не дающий возможности возразить на буквальное содержание репризы.

Шуты были при знатных особах. Иногда они были представителями побежденной завоевателем знати. В христианском мире шут одевался как черт из традиционного ада: колпак с бубенчиками, чьи три хвоста ассоциировались с языками пламени, красное трико и прочее... Иными словами, шутовство носило инфернальный характер.

Иное — клоун. Он действует в пространстве чистой бессмыслицы, рефлекторного хохота. Его ход — скользить на корке и падать, получать пощечины, чтобы пудра вилась столбом.

Клоун идет от образа Пьеро, но вниз, к впадению в образ Карандаша. Чарли Чаплин пытался искупить клоунаду, примешивая к ней подобие «гуманистической философии»: мол, маленький человек, трогательный и т. п.

Честно говоря, не получилось.

Не вытянул Чаплин своего героя из болота рефлекторного хохота. После Чаплина возникает развилка — к Райкину и Петросяну. Это и конкретные имена, и условные тренды. Райкин попытался восстановить ремесло шута, придать содержательность зубоскальной агрессии ада. Сомнительно, получилось ли?

С детства воспринимал райкинский театр как русофобский полив и удивлялся его популярности в простом народе. За гораздо меньшее Тарапуньку и Штепселя освистали и закидали яйцами в Киевском театре (был скандал на уровне республиканского ЦК).

Последним «традиционным» шутом был Карл Радек при Сталине. Но его шутовство уже было с обратным знаком: не скрытое издевательство над патроном, а изощренное пресмыкательство перед ним. Радек изображал психическую агонию ведомого на казнь Зиновьева на потеху «узкому кругу».

Однако уже Хрущев был чистым клоуном, плясавшим на столе по приказу «хозяина». И дальнейшая деятельность «Никитушки кукурузного» вся была клоунадой: стучание ботинком в ООН, беседы в телеэфире с председательницей колхоза Загладой о жизни, наезд на художников и т. д.

Современная западная жизнь, которая включает и Россию, сильно деградировала в качестве цивилизационной матрицы со времен Хрущева. Клоунада практически невозбранно охватила всю публичную сферу. Кеннеди и де Голль сегодня непредставимы. Со всех сторон лезут бессмысленные хари: саркози, блэры, кэмероны... Россия — инфернальный авангард западного эксперимента, как всегда. Здесь клоунада идет в особенно грубой форме. «Кувыркание на льду» и град пощечин по кругу. Публика уже не смеется, а как бы стремится «понять». Утрачен уже и рефлекс «хохота»!

Самое же печальное в клоунаде — низшая точка падения — это клоунессы.

Женщина в роли комической идиотки выглядит отвратительно.

В 1980 году попал в душанбинский цирк на гастроли «клоунессы Ириски». Не припомню более тягостного зрелища. Грузноватая немолодая женщина в шортах и тельняшке бегала вприсядку, размахивая кошелкой. Что называется, «все повидал на этом свете»...

Клоунский тупой абсурдизм, в отличие от изощренно умного сатанизма шутов, это предвестник коллапса матрицы. Так поздняя античность перешла от шутовствующего Нерона к клоунаде Гелиогабала. За сим следует закрытие главы.

Петр Первый также был клоуном, хотя поминал шутовство: «всешутейший», «потешный» — самые популярные эпитеты его времени. Историки не очень понимают, что он не открыл романовскую главу, а, наоборот, закрыл доромановскую. «Бабий век» (1725—1798 гг.) просто стер все, что оставалось от рюриковичей, да и от самого Петра.

Вот и сейчас мы плаваем во «всешутейшем» пространстве — в агрессивной бессмысленной клоунаде. Идиотские блогеры, сообщающие в социальных сетях, что идут в сортир, президенты, возглавляющие журавлиные стаи, левые оппозиционеры, призывающие к «союзу белых христианских народов», патриоты, вещающие о трансгуманоидных русских будущего, — весь этот хоровод харь и личин кончится с первым ударом часов, бьющих полночь. Темнее всего перед рассветом.

«Смех без причины...», 08.02.2013

Эвола

Юлиус Эвола является апостолом второй касты, касты кшатриев, но в контексте не радикальных кшатриев как носителей воли к Трансцендентности, а это скорее принцип стяжания силы, эго, ориентированное на бессмертие и стяжание силы любой ценой (такой сакральный люциферизм).

И в этом смысле Юлиус Эвола дает классический образчик такого послания, второй полюс: в каком-то смысле он антитеза Генону.

Он представляет собой, скажем так, эзотерический фашизм, полюс эзотерического фашизма. Во-первых, он позитивно воспринял фашистскую революцию Муссолини.

Но он не стал фашистом, он рассматривал фашизм как популизм, заигрывание с чернью, бюрократический этатизм, государственничество, шебуршение на низах.

Когда Муссолини предложил ему стать главным редактором серьезной партийной газеты, он мягко-снисходительно сказал: «Но ведь я же не фашист, дуче».

Но этот «нефашист» ездил в Германию и читал в закрытых эсэсовских кругах лекции «Арийское учение о борьбе и победе», «Языческий империализм», серьезные лекции. У него предельно ясно изложена доктрина силы, доктрина империализма, доктрина господства.

Он написал ключевую книгу: если Генон пишет «Кризис современного мира», то Эвола пишет «Восстание против современного мира».

Это толстая серьезная книга, где он подробно, по пунктам разбирает, почему перед лицом традиционализма современность преступна, феминистична, она за «эгалите, фратэрните» (равенство и братство. — *Прим. ред.*), она является продуктом ressentiment рабов, рабским недовольством ситуацией (своей собственной экзистенциальной ситуацией); это марксизм, это фрейдизм. Компетентная книга, которую любопытно прочесть.

«Что такое традиционализм», 2016

Юлиус Эвола — это человек, который стоит на платформе ариасофии, это человек, которого итальянские фашисты ошибочно принимали за своего в силу его империалистического радикализма, да который попросту написал книгу «Языческий империализм», где сказал, что христианство — это убогая синкретическая религия, которая по своей сути сформирована периферийными существами без пола, людьми третьего пола, людьми лунного света. Это такая женственная доктрина, которая лишает героической остроты западную цивилизацию, а западная цивилизация вся выстроена вокруг мужского кшатрийского драйва, это цивилизация воинов, это цивилизация Рима, это цивилизация лязгающих мечей, бьющих о щиты легионов, которые идут в атаку с орлами.

Мы имеем дело с достаточно откровенным посылом. Но понятно, что, когда тут же воспользовавшись этим, левые популисты начинают тыкать пальцами и говорить «фашизм», то это глупое упрощение, потому что, с точки зрения Эволы, он гораздо страшнее для этих левых популистов — они даже не подозревают насколько.

Для него фашисты — по крайней мере, в итальянском контексте — это люди, которые вышли из среднего класса, из рабочих, из мелкой буржуазии, которые являются популистскими демагогами, которые, в принципе, непричесанные, грязные люмпены.

«Социальная основа традиционализма», 2016

Эзотеризм

О настоящем эзотеризме еще ничего не сказано. Эзотеризм, о котором я говорю, — это эзотеризм невозможного, это подлинный эзотеризм. А эзотеризм растворения в великой идентичности пылинки с Абсолютом — это лажа, конформистское примирение с абсолютным негативом, который тебя ничтожит. Вместо того чтобы визжать и брыкаться...

Генон же открытым текстом сказал, что обычную тварь Рок влечет за волосы, за ухо и ничтожит, а инициатический эзотерик делает то, что все равно является путем всякой твари, но он это делает на духовном внутреннем уровне, то есть тварь ничтожится и он ничтожится, но он ничтожится духов-

но в отождествлении и в освобождении. А остальных смывает, слизывает. По сути, это одно и то же: уход в ноль, и, поскольку ты не можешь избежать этого ухода в ноль, ты говоришь, что «я иду таким путем посвящения, я просто знаю, что на самом деле меня нет, и то, что я думаю про себя, что я Иван Иваныч — это колесо сансары; сейчас я освобожусь от этих лимитаций и буду *дживанмукти*, буду освобожден», ну или «я могу быть просто Иван Иванычем, сдохну, размышляя о том, поставят ли мне мемориальную доску на этот дом» («Управдом перед смертью» Мамлеева).

Эзотеризм традиции, эзотеризм попов, гуру, старцев, шейхов — это эзотеризм Сатаны. А эзотеризм, который связан с настоящим монотеизмом — это сияющее черное пламя, это *«ан-нуру ас-самавати валь-ард»*, это свет небес и земли, который, как известно, рождается из черного, просветляемого еще более черным. Поэтому путь радикализма — это путь истинного эзотеризма против ложного.

«Предпосылки радикализма», 2013

...В Коране есть такой аят:

«Кого Аллах пожелает вести путем прямым, уширяет тому грудь для ислама, а кого Он вознамерился сбить с пути — сдавливает и сжимает тому грудь, как будто бы поднимается он на небо. Так Аллах подвергает наказанию тех, кто не верует» (6:125).

Заметьте потрясающую семантику.

Ведь во время низведения этого Откровения не существовало ни парапланов, ни взлетающих ракет, ни самолетов, а что значит «поднимается он на небо»?

Этот физический образ в VII веке для слушающих на арабском языке не имел никаких аналогов, ведь поблизости не было даже гор, на которые можно было взойти, чтобы испытать высоту.

Стало быть, это фигуральное выражение, которое имеет невидимый спиритуальнай план.

Что значит «грудь прямая и узкая»?

Если подойти к этому нестандартным образом, то прямая и узкая грудь для вознесения в небо — это дыхательные йогические практики, которые нацелены на то, чтобы сделать фи-

зическое существо независимым от воздуха, потому что при правильной трансформации оно питается уже праной.

Расстояние между вдохами все больше до тех пор, пока на каком-то этапе не станет возможным зарыть человека в могилу, опустить в барокамеру, а он оттуда через сутки выйдет живым в состоянии глубокого анабиоза.

Это то, что называется «прямой и узкой грудью», а «вознесение в небо» — это восхождение от грубых коагуляционных пластов присутствия, воплощенности к тонким и субтильным слоям.

Так вот, заметьте: аят прямо говорит, что кого Бог ведет прямым путем, «уширяет тому грудь».

А грудь — это синоним мужества, экспансии, открытости, конфронтации, вызова.

«Уширение груди для ислама» — это горизонтальная экспансия, контрдавление на социум, среду.

«А кого Он вознамерился сбить с пути — сдавливает и сжимает тому грудь, как будто бы поднимается он на небо». То есть ведет путем эксклюзивной мистики, эксклюзивного эзотеризма, индивидуальных практик, которые являются сферой Шайтана.

Все эзотерические, инициатические практики — это сфера, в которой человек находит подключение к так называемому «Великому Существу», которое принимается за эталон, архетип, образ Бога. Это Великое Существо является первым из творений Аллаха, которое отказалось поклониться человеку, поскольку человек бесконечно слабее его, и было низвергнуто. Это Денница, Люцифер, он же Ормузд.

Ормузд и Люцифер — это синонимы.

В языческих традициях это существо Света.

Соединение и работа с ним — в этом и заключаются все оккультные эзотерические практики, которые составляют традицию и наследие всех известных орденов.

Это уход от прямого пути, а вот прямой путь — «уширение груди», то есть как раз политические и революционные практики, в результате которых меняется политическое содержание горизонтали, на которой реализуется человеческий фактор.

Это абсолютно четкое истолкование всего лишь одного из 6600 аятов Корана, который является колоссальным документом новой теологии и нового мышления.

К сожалению, истолкователи по своему психотипу гораздо ближе к тем, у кого грудь сделали прямой и узкой для вознесения на небо, чем к тем, кто должен расширять свою грудь, чтобы воздействовать на природу вещей в человеческом плане.

«Гейдар Джемаль о противоречивой сущности бытия», 2013

Экзистенция

Есть идея, которая диалектически проходит разные стадии, и пока она описывается как динамика категории, то это не что иное, как просто концепт. Мы можем сказать, что этот концепт носит гносеологический или онтологический характер. Но мы можем обнаружить, что какой-то аспект этой идеи переживается нами с непосредственностью ухвата за горячий утюг. И тогда, когда перипетия становящейся идеи совпадает с нашим психосоматическим переживанием, мы вправе назвать это экзистенциальным, потому что если это чисто психологическое переживание или психофизиологическое, то конечно оно не экзистенциальное, потому что оно может носить иллюзорный характер, в нем нет ничего концептуально архетипического.

Я думаю, что все категории психологии не поднимаются до экзистенциального. «Дружба», «ревность», «предательство», «гнев», «обман» — бодяга, существующая на задворках, это как бы социальные выходы.

Но, допустим, «отчаянье». Это слово является эвфемизмом. Отчаянье — это состояние поражения в конфронтации с Роком, это состояние поражения в попытке вырваться из статуса отражения, которое проваливается, — это когда ты уже получил вкус «здесь и теперь», и этот отвоеванный островок снова заливают воды вездесущего «это», «не-я». И это уже глобальный дискурс идеального порядка, но при этом переживается на психосоматическом уровне — в этом совпадение, и здесь можно применить слово «экзистенциально».

«Доктрина финализма», 2014

Экономика

Экономика — одна из наиболее поляризованных и противоречивых сфер человеческого действия. Главными полюсами в ней являются, с одной стороны, «обмен веществ» между

человеком и окружающей его материальной средой, с другой же — количественно измеряемые процессы отношений между людьми. Скажем, производство материальных благ, которые потребляются для поддержания физической жизни, принадлежит к первому полюсу, а менеджмент производства, наука, услуги, культура, досуг и пр. — ко второму полюсу. Во все времена существовала проблема сбалансирования этих полюсов. Из их противостояния и попытки их корреляции родился «третий угол» — бумажная, или «воздушная», сфера экономической жизни, внутри которой происходит игра между ценностями производства материальных благ и ценностями производства услуг.

Общая тенденция игры экономических элит или элит, игравших в экономику, состояла в относительном понижении стоимости материального сегмента («обмена веществ») экономики при возрастании стоимости человеческого полюса экономики. В итоге родилась тесно связанная с воздушно-спекулятивными операциями экономика чистого потребления. Человек, с его общественными, духовными, да и материальными интересами, имеет к этой экономике весьма отдаленное отношение. Экономика чистого потребления в каком-то смысле вообще не заинтересована в потреблении, поскольку основной доход ее воротилы получают не от продаж товаров или услуг, а от получения все новых и новых кредитов под все новые образы возможных продаж.

Они называют это инновационной экономикой. Недавно т. н. «лидер» инновационной молодежи Василий Якеменко высказался в том смысле, что, мол, инновация не в том, чтобы изобрести и воплотить, а в том, чтобы продать то, что изобретают и воплощают другие.

Это точное, откровенное и наглое признание. Так как продажа в этой современной экономике связана с созданием мифа товара или услуги, а не с затратами на производство, то и стоимость зависит не от производства или работы, а от приватных договоренностей между разного рода менеджерами и экономистами.

Одни из них финансисты, другие — рекламщики, иные — страховщики... Между ними нет никого, кто представлял бы интересы миллиардов людей, населяющих земной шар и думающих о хлебе насущном. Кризис этой экономики как раз и заключается в том, что эти люди и их судьбы для нее не цель,

а только виртуальная реальность, обосновывающая получение новых кредитов и новых страховок, новых доходов и прибылей.

Существует, правда, надежда, что вся эта система лжи и высасывания жизни из человечества начнет рушиться в необратимом и страшном катастрофическом ритме.

Проблема заключается в том, что возможность управления человеческими ресурсами должна быть востребована теми, кто готов эти ресурсы бросить на цели развития общества.

Но люди, выступающие от имени экономической науки сегодня, не верят в социальные цели общества. Они, являясь постмодернистами, отвергают сам принцип «всеобщего блага», полагая, что благо является не уделом всех, но достоянием тех, кто сумеет это благо ухватить.

Сделав получение блага высшей ценностью экономических отношений, экономисты и либерального и даже левого толка утратили способность понимания смысла экономического развития.

Маркс был неправ, говоря, что прежде, чем заниматься чем бы то ни было, человек должен есть, одеваться и иметь крышу над головой.

Дело в том, что эти фундаментальные базовые необходимости суть предварительное условие существования любого общества, даже самого архаичного и неразвитого.

Если есть общество, то человек уже имеет еду и защиту от среды. Другое дело, какой количественный вес в общем балансе усилий занимает выполнение этих условий. Однако общество не развивается постепенным образом из не-общества через труд и эволюционно развивающуюся самоорганизацию.

Общество дается человеку извне («культурным героем»), в результате чего становятся возможными и труд, и самоорганизация, и еда с крышей над головой, и все остальное. Экономика на всех этапах имела политический и метафизический смысл и никогда не существовала как прагматическое средство удовлетворения потребностей (в таком смысле «экономика» обнаруживается лишь на дообщественной стадии у деградировавших племен, полностью зависящих от экологической ниши обитания).

Главный источник экономического кризиса — противоречие между возможностями экономики (в широком смысле) и императивами политики.

Так, для того чтобы обеспечить выживание человеческого общества, необходима мобилизация всех наличных человеческих ресурсов на самом высоком уровне мегаполисной организации, что, в силу ряда геополитических и социальных причин, становится невозможным (как то показал Фрэнсис Фукуяма).

Утрата исторической перспективы и переход от формата социального развития (целью которого, по Марксу, является высвобождение человеческого духа из-под ига нетворческого труда, провоцируемого капиталом) к формату глобальной «матрицы» персонализма, в которой ощущения и переживания в конечном счете объявляются высшей ценностью, есть неизбежный шаг к полной потере истории.

Экономика постистории — уже не экономика, но средство удержания человечества в анабиозе потребления, в то время как узкая прослойка традиционных элит будет наслаждаться в некоем модернизированном Амбере конструированием различных вариантов временного развития.

«Кризис реальности», 2008

Экстаз

Представьте себе, что то последнее, что вы воспринимаете как некую правду, некое соответствие вашему восприятию — это небо без звезд.

Это небо, у которого нет земли, нет облаков, но вместе с тем это не черная пустота, которая бывает, когда закрываешь глаза и просто редуцируешь зрительную способность, а это — действительно чистое восприятие, которое заполнено на том конце, на противоположном полюсе, небом без звезд.

И в этот момент вас заполняет экстаз ощущения, что ваше восприятие есть не что иное, как то же самое небо без звезд, просто внутри вас самих, и вы сами есть подножие этого неба без звезд.

Три члена этого уравнения оказываются одним и тем же. И тогда внезапно вы понимаете, что это небо без звезд — ваш отец, что ваше восприятие, бесконечная перцепция, которая встретилась с тем, что ее достойно — это всепронизывающий дух, и что вы, смертные вчера, но внезапно в этом экстазе соединения ставшие бессмертным и тождественным восприятию и воспринимаемому, — сын этого неба без звезд.

В этой троичности, максимально доведенной до конца перцепции, содержится вся первичная тайна жречества, тайна той гносеологии, на которой построена великая метафизика примордиальной Традиции жрецов.

Я не хочу сказать, что они имеют в виду в качестве последнего небо без звезд, я предупреждаю, что это инфантильный образ последнего. Конечно же, жрецы подразумевают под последним не небо без звезд, а то, что они определяют апофатически, — то, от определения чего они уходят, то, что является предметом ведических гимнов.

Представим себя детьми, пытающимися философски или метафизически определить свой статус в абсолютно непознаваемой вселенной.

Тогда мы сможем предположить, что последнее — это небо без звезд, в которое нет прохода. И вот внезапно мы обнаруживаем, что есть триада перцепции, являющаяся моделью всех последних ответов, которые эта жреческая каста через незапамятные тысячелетия несла и несет человечеству.

«Революция пророков», 2003

Экстремизм

Экстремизм — это крайность.

Для кого-то крайностью является поехать в какие-то места вроде Афганистана, для кого-то — высказать своему начальнику все, что он о нем думает, с риском остаться без работы.

А религия ставит такие вопросы, как смысл существования человека, смысл каждой секунды, которую он проживает.

Пыль мы на ветру или имеем какое-то предназначение.

И Коран отвечает, что все, что сотворено, включая человека, сотворено не просто так. Таким образом, наше существование имеет смысл.

Если говорить строго, то экстремизм — это термин, взятый противниками ислама или противниками использования религии как теологической базы социального сопротивления, который принят на вооружение политтехнологами действующих режимов с целью дискредитировать своих оппонентов.

Те, кто шельмуют своих оппонентов словом «экстремизм», обращаются к врожденному у обычного человека чувству стра-

ха перед неопределенностью и риском. В то время как ислам, будучи чистой и верной своему источнику традицией, исходит именно из приоритетов духовного над вещественным, дальней жизни над настоящим.

Мерилом всего является установление дальней жизни и стремление соответствовать тем задачам, которые Всевышний ставит перед нами. А это уже есть разрыв со стабильностью, рациональностью.

Поэтому фундаментальным принципом ислама является полагание на Аллаха, которое является неизменным оружием мусульманина в критических ситуациях. Это есть совершенно органическое и естественное явление для внутреннего мира мусульманина, но при этом такое состояние можно назвать экстремизмом.

...Религиозный экстремизм проявляется в строгом следовании заповедям ислама. Это отстаивание чести, достоинства и неприкосновенности жилища, семьи и религиозных убеждений.

Предполагается, что мусульманин является политически автономным и суверенным.

Более того, он обязан подчиняться выходцам из его собственной исламской общины, а не чуждым элементам.

Коран нам говорит: «Подчиняйтесь Аллаху, его посланникам и тем, кто наилучшим образом достоин власти» (4:59). То есть, строго говоря, подчиняться лишь своим.

...Мне кажется, что радикализм — это продуманная стратегия, в контексте которой присутствует сложная политико-дипломатическая игра с дальним прицелом. В то время как экстремизм предполагает непосредственную психологическую реакцию, бурный протест против явной несправедливости.

Эта реакция вспыхивает внезапно и часто оказывается трагической для пафосных молодых пассионариев, которые непосредственно реагируют на происходящее без продуманной стратегии.

Если обращаться к опыту русской революции, то большевики, отказавшиеся в 1907 году от индивидуального террора, чтобы потом захватить власть в условиях народного кризиса, — это радикалы. В то время как народовольцы, которые открыто шли убивать каждого чиновника, отдавшего несправедливый приказ, — это экстремисты.

«Стена Зулькарнайна», 2010

Э

Эллинизм

Мы все — люди эйкумены — независимо от конфессии находимся в плену эллинизма до сих пор.

Мы, несмотря на деконструкцию, модернизм, экзистенциализм, все, так сказать, «измы» конца XIX—XX вв., барахтаемся в вязкой субстанции, которая образована гениальными, бесспорно, но при этом абсолютно чуждыми истинному духу монотеизма умственными усилиями древних греков.

Древние греки заняли уникальную позицию в истории мысли, им удалось сформулировать артикулированно и доступно каждому — на то и эллинизм как *койне*, как язык общий, с помощью которого можно все что угодно интерпретировать и объяснить, свести всех вместе на одной площадке — так вот, им удалось создать такой язык, который изложил внутренние тайны, загадки, интерпретации символов разных цивилизаций и традиций, которые до этого были, как звездные системы, как созвездия, не сведены на громадном черном звездном небе.

Далекий Китай, никому не известный, далекая Япония, индийская метафизика, прозрение шаманов Папуа-Новой Гвинеи, ацтекские жрецы — все пребывали в собственных космических пространствах, в мирах непересекающихся.

И вдруг возникает посыл, формулирующий тайный язык, который вдруг становится совершенно прозрачным, и на этом тайном, но ставшем прозрачным языке можно объяснить для абсолютно любого человека, в чем смысл тех или иных символов разных культур.

Иными словами, математика, которая сводит феноменологию традиций всех направлений на общую площадку и дает формулу ее решения. Это эллинизм, эллинистическая мысль от Платона до Аристотеля, досократики, огромные интеллектуальные усилия семи легендарных мудрецов, но, в принципе, это Платон, Аристотель и Академия.

Что это такое? Это мировоззрение, которое описывает суть традиционной метафизики, основанной на фундаментальной интуиции тождества, это пантеистическая доктрина, в которой всё есть всё, все равно всему и, собственно говоря, любая пылинка существует потому, что она порождена абсолютом, тождественна абсолюту, исчезает в абсолюте, она поглощена.

И это фундаментальное мировоззрение, как бы выглядящее совершенно бесспорно, такой джаггернаут, такая колесница, каток, который прокатывается по всем нашим чаяниям, страхам, воле к смыслу или ужасу перед бессмыслицей, — все это сметается интуицией финального тождества, которая была, есть и будет, и в которой все векторы налево уравновешиваются всеми векторами направо, и в центре — непоколебимый ноль.

Это последняя тайна метафизики всех времен, всех народов, которая основана на способности человека созерцать и отражать непосредственно реальность.

Гейдар Джемаль в программе «Философские чтения», 2013

Сирия в первые века ислама играла важную, хотя и неоднозначную, роль в формировании высокой мусульманской культуры, прежде всего как проводник неисламского интеллектуализма в мусульманскую среду.

Именно с сирийского языка на арабский переводились работы классических эллинских мыслителей, именно в сирийских переводах уцелели для будущих поколений труды Аристотеля и «Диалоги» Платона, благодаря которым арабы вышли в позицию цивилизационного лидерства тогдашнего мира.

Прививка эллинизма к исламской мысли в действительности создала для последующей культурной истории Уммы больше проблем, чем решений. Многие из этих проблем дожили до сего дня: в частности, отсутствие самостоятельной исламской метафизики, корни которой уходили бы в Святой Коран, а не в неоплатоников...

«Преодоление Омейядов», 2012

Эон

Коран многократно упоминает о том, что «до вас было много исчезнувших поколений, от которых не осталось даже шороха» (19:98). Дело в том, что в арабском тексте употребляется слово «*карн*», главное значение которого — «эон», «цикл» (вторым значением является «рок» и только третьим — «поколение»). От поколений внутри нашего человеческого цикла очевидно есть много «шороха» — мы прежде всего объективно наследники этих предыдущих поколений, которые присутству-

ют в преданиях, мифах, археологических останках, да и в нашем собственном существовании. Стало быть, в Коране под словом *«карн»* понимаются именно минувшие циклы.

Теперь, если бы они были судимы, то вошли бы одни в ад, другие в рай. Но ад и рай — это не существующие параллельно нашей реальности и одновременно с ней этажи бытия, это элементы «новой земли и нового неба», бытия, которое будет вместо нынешнего. Говоря иначе, речь идет об остановке циклов, о том, что не будет времени (длительности) ни в какой форме.

Само наличие нашего человечества и указание Корана на предыдущие циклы (а также угроза Всевышнего, что если мы окажемся недостойны и не заслужим его довольства, то он заменит нас другими, похожими на нас) говорит о том, что не было Суда, ибо это означало, что то человечество, которое было судимо, стало бы последним *«карном»* и после него ничего не было бы, кроме него.

«Циклы», 14.01.2009

Эстетика

Что такое эстетика? Самая ранняя форма восприятия информации.

Когда мы входим в комнату, зажигаем свет и в первую же долю секунды оцениваем эту комнату с точки зрения соответствия привычному, то есть тому, какой мы эту комнату оставили, уходя. Комната выглядит определенным образом. Слева — этажерка, справа — вазочка, прямо, чуть левее от стены, к примеру, картина, и так далее. И когда человек возвращается в комнату, которую он сам расположил, убрал, с которой у него связаны определенные воспоминания, он ее узнает, у него возникает чувство удовлетворения оттого, что он оказался в привычном, знакомом мире.

Между вот этим ощущением и ощущением удовлетворения от гармонии, ритма, симметрии, соразмерности есть строгая связь.

Представьте себе, что кто-то побывал в этой комнате и произвел какие-то перестановки, все поменял местами.

Вы зажигаете свет и оказываетесь в совершенно незнакомом пространстве. Это шок, который вас выбивает. Предельный шок — как будто вы оказываетесь вообще в космическом про-

странстве, где для вас вообще все непонятно, потеря ощущения присутствия у себя.

Но разве не то же самое испытывает человек, когда он сталкивается с звуковым диссонансом, с явной асимметрией, с неправильностью расположения поверхностей, углов и так далее, то есть с нечто, что количественно, геометрически не соответствует в нем ожидаемому, некой априорно присутствующей в человеке воли к пропорции, представлению о пропорции (я говорю о пропорции в широком смысле).

Человек — это корпоральная система, погруженная в корпоральный мир, мир корпоральных ориентиров.

Хождение человека по потолку вниз головой явно вносит скрипучий, царапающий эффект не только на взрослого, который может, в силу опосредованности своих представлений, еще и посмеяться, но даже на маленького ребенка.

Маленький ребенок, у которого еще нет опыта, увидев нечто не соответствующее общечеловеческим стандартам, начнет реагировать негативно, плакать и так далее. Это значит, что ощущение того, как должно быть в корпоральном мире, встроено в человека априорно.

Иными словами, эти паттерны, шаблоны, мыслеформы, которые существуют в человеке, это некие количественные программы, в соответствии с которыми человек оценивает приходящую к нему сенсорную информацию. То есть раздается за углом лязг скрежещущего металла — «ага, столкнулись автомобили», или что-то в этом роде. То есть информация не есть долетевший до него звук рвущегося металла: информацией этот звук становится тогда, когда он ложится в некую модель, некое клише.

Если человек сталкивается с хаосом впечатлений, пятен и никак не может этот пазл собрать в узнаваемую картину, то это для него не информация, но хаотическая энтропия. Так вот, эстетика есть самая ранняя форма организации переживания информации.

Лекция «Цветы зла», 2002

Эсхатология

Мы включены в некий сюжет, в котором на последнем этапе проговорена, обозначена возможность решения вопроса о выходе из заколдованного круга Рока. Но для этого нужны

такие исключительные условия, такие исключительные обстоятельства, что это практически равнозначно чуду.

Раз за разом мы можем повторять всю ситуацию и срываться вниз — в связи с этим я напомню миф о Сизифе: вот интересно. Сизиф может закатить камень наверх так, чтобы этот камень остался на вершине горы?

Миф о Сизифе использован, если я не ошибаюсь, Камю как некий парафраз нашего существования.

Глубокий, нравящийся мне подход, только в этом закатывании камня на вершину уже изначально заложен бесконечно малый, математически бесконечно малый шанс, что этот камень может остаться на вершине.

Иначе закатывание его как бы бессмысленно, но сама схема этого закатывания изначально бы не была возможна, если не было бы этой вероятности, что он докатит его когда-нибудь и оставит его там...

Вся история наша есть не что иное, как один из циклов этого закатывания.

Существует представление, которое разделяют многие традиционалисты, о том, что это одно из человечеств, которому предшествовали другие и у которых ничего не получилось, так же как может не получиться и у нашего.

Каждое человечество и каждая история, циклическая история от Адама до конца Света, есть акт сизифова закатывания этого камня на вершину. И каждый из нас со своим «я» и «не-я», со своим, как пешка, переходом с черной на белую клетку, является игроком в этой колоссальной игре, где его оппонентом выступает Бытие с большой буквы. Бытие как объект, который претворяется живым, но в действительности является мертвым.

Если продолжить эту аналогию, булыжник или валун, который Сизиф закатывает в его инертной и враждебной отчужденности, это и есть Бытие, это парафраз Бытия.

Сизиф закатывает Бытие на вершину, оно срывается вниз, то есть оно летит по законам энтропии, по законам принципа тяготения, вниз.

Это реализация всеобщего принципа инерции.

Но он закатывает и закатывает, потому что в нем есть эта нестабильность, в нем есть неверие в торжество мудрости.

Бытие как булыжник, Бытие как камень — это глубокое понимание сущего.

Несколько аспектов, позволяющих всерьез настаивать на этой метафоре, потому что, во-первых, Бытие представляет собой нечто хаотическое — валун аморфен, он представляет собой феномен досознательный, доязыковый, предшествующий воображению, нечто такое абсурдное, абстрактное и тяжкое, и к тому же это нечто внеположенное и враждебное, то есть по всем параметрам образ валуна соответствует Бытию.

Но все время блещет искра надежды.

Представьте себе, что валуном становится общество, то есть эта огромная, враждебная и аморфная суть внезапно облекается структурированностью, приобретает способность использовать язык, отнимает у человека целый ряд элементов типа воображения, терминологии, рациональности, и валун уже является не просто массой, а агрессивным и активным игроком.

То, что Сизиф докатывает его почти до самой вершины, заложено в само описание мифа, но иначе бы и говорить было не о чем.

Максимум успеха связан именно с линией пророков.

Просто раз за разом это закатывание становится все сложнее. Как в чудовищном сне или в какой-то фантастической жуткой истории, валун, который сначала был пассивным и даже как бы послушным, становится чем-то живым, агрессивным, играющим, вырывающимся из рук, навязывающим собственную контрволю, вступающим в убийственный, смертельный диалог с Сизифом.

«Человеческий фактор», 2016

...Эсхатологическая интуиция, вера в близящийся конец стала духовной границей между партией царства Кесаря и теми, кто чает Новой земли и Нового неба.

Главная идея партии Кесаря — правящей мировой элиты: предсказуемость, управление ситуациями, устойчивое развитие.

Массам внушается неприязнь и недоверие к власти в ее мистическом, личностном корне.

Ее тайна компрометируется ссылками на известных тиранов, отождествлением власти с рабовладельческим гнетом — Гулагом, концлагерями.

Тираны оказываются такими же адептами контроля, как и либеральные технократы. Последние не колеблются развязать бойню любых масштабов, вплоть до хиросимского, чтобы получить нужную конфигурацию мирового порядка.

В конечном счете тираны и либералы находятся в сговоре, они нужны друг другу.

Именно этим объясняется плавное перетекание диктатур в демократии — при фактической неприкосновенности ошельмованных пропагандой диктаторов.

Новый поход контролеров века выражается в том, что любезные нашим прадедам идеи прогресса сегодня выходят из моды. Сформулированы концепции, согласно которым есть пределы роста, за которыми следует природная, а возможно, и космическая катастрофа.

В обиход возвращены мальтузианские теории об ограничении рождаемости, названы предельные цифры народонаселения планеты. Они в несколько раз меньше существующей численности человечества.

Под аккомпанемент десятилетиями идущей скрытой мировой войны, распределенной на множество горячих точек, готовится биологическая редукция человечества. Уже готовы и обоснования.

Идеологи известного центра планирования Римского клуба заявили, что справедливость бесспорно выше свободы.

Под справедливостью они понимают собственные мифы об ограниченных ресурсах, вреде государственных суверенитетов и антигуманности богооткровенных религий, которые, по их мнению, нужно заменить системой нового понимания, основанной на этике выживания.

Этот кризис выражается в дроблении человечества на типологические группы, смертельно ненавидящие друг друга.

Каждая их этих групп считает только себя единственным подлинным представителем всего человечества, отождествляет его будущее с собственным выживанием.

Реальный диалог между этими группами невозможен, его имитируют элиты, сами образующие особую группу.

Политическая реальность последних столетий — это диалектика конфликтов и перемирий между люмпенами и торгашами под надзором мирового фарисейства.

Не следует питать иллюзию, что человечество будто бы обречено на духовную победу. Религиозные традиции не дают основания для эсхатологического оптимизма. Пророки предупреждают: «Те, кто были до вас, проиграли именно потому, что теперь вы вместо них. Вам дан шанс, который они упустили».

Если бы те, бесследно исчезнувшие могучие поколения, о которых, например, говорит Коран, реализовали цели Провидения, история кончилась бы на них. Увы, нет гарантий, что она кончится на нас.

Ведь Господь, согласно Писанию, может заменить это человечество другим народом; мы присоединимся к тем, от которых не слышно даже шороха.

Итак, у нас остается две вещи. Первое — это упование на милость Господа. Поистине, она безгранична.

А вторая — вера в единственную реальную власть — власть Бога, о Котором сказано: «Нет победителя, кроме Него».

«Власть», 1996

Южная Америка

Со времен «доктрины Монро» эта зона определена как «внутренний двор» США, где, опираясь на сеть «банановых республик», возникших после ухода испанской и португальской метрополий, Вашингтон имеет возможность проводить бесконтрольную грабительскую политику, основанную на монетаризме и сырьевой эксплуатации.

Главной проблемой здесь является непримиримая оппозиция (восходящая корнями еще в старую Европу) англосаксонского и латинского начал, осложненная в этом регионе добавлением к латинскому еще и мощного индейского фактора.

Человеческое пространство Южной Америки в конечном счете сложилось вокруг антиамериканского этического импульса, который находится в основе идеологии боливаризма во всех его разновидностях.

Этот спектр простирается от колумбийских наркокартелей до бразильской теологии освобождения.

Парадоксальным образом американским стратегам в наименьшей степени удалось разработать эффективное решение для нейтрализации «грингофобского» пространства к югу от Рио-Гранде, о чем свидетельствует интенсивность оппозиционного движения в наиболее близкой и контролируемой Вашингтоном Мексике, а также превращение распространяющегося в Латинской Америке протестантизма — вопреки всем расчетам американских политтехнологов — в новый антиамериканский фактор.

«Дауд vs Джалут», 2010

Я

Ядерное оружие

Правящие круги, которые в действительности всегда находились выше денег, поскольку их отношения с миром в основе своей не являлись товарно-рыночными, намерены избавиться от этого инструмента.

Ведь он превратился не только в обузу, но и в источник опасности, и не может быть вполне контролируем (кстати, одной из первых попыток избавиться от денег был советский коммунизм, ставший своеобразной лабораторией для грядущего неоимпериализма и в этом, и во многих других отношениях).

Вот почему Запад вынужден отбросить фигуральные «молоток» и «гаечный ключ» и обратиться к вещам, которые возникают из царства электрона.

Однако на этом пути главной опасностью является возможность развязать термоядерную войну, которая приведет к полной неработоспособности всех основанных на этом самом электроне систем.

При взрывах нескольких, относительно небольших, бомб разрушения будут отнюдь не грандиозные, людей погибнет (по нынешним стандартам дегуманизации) не так уж и много. Дело в другом.

Спутники, следящие за происходящим на поверхности планеты, превратятся в бесполезные куски железа. Беспилотники попадают на землю. Истребители не смогут летать на боевые задания, транспорт — перевозить пассажиров. Автомобиль, выпущенный после 1985 года, нельзя будет завести. Исчезнет интернет. Вырубятся экраны телевизоров. Замолчат радиоприемники.

Организованный западный мир погрузится в хаос.

Конечно, «калашников» и М-16 будут продолжать стрелять, но надо ясно понимать, что в этом случае хозяевами планеты становятся партизаны из Афганистана, Сомали, Ирака, Колумбии. И даже пушка танка «Абрамс» не сможет выстрелить, потому что у нее электронный спусковой крючок.

Вот каков важнейший подтекст Договора о нераспространении ядерного оружия, вот почему такую истерику вызывает у Запада сама мысль об использовании ядерных технологий теми, кто не входит в узкий круг «избранных».

Факт присоединения к этому «клубу» СССР, а позднее Китая — уже тяжелейшая травма для Запада.

Ни Россия, ни Китай не рассматриваются как участники грандиозного строительства — строительства новой политэкономической модели.

Впрочем, нынешний российский истеблишмент делает все, чтобы исправить «ошибку» Сталина и Берии и как можно быстрее избавиться от ядерного наследия бывшего СССР. Китаем же вот-вот займутся всерьез, чтобы закрыть и этот неудобный вопрос.

Будущее Золотого века, основанного на глобальном искусственном интеллекте, пожирающем мозги «сетеголиков», висит на волоске.

Ведь ядерное оружие есть у Индии и Пакистана, причем первая — враг Китая, а второй, наоборот, союзник. Попытка решить китайский вопрос с привлечением к делу его соседей может оказаться контрпродуктивной (что называется, «борясь с перхотью, использовали гильотину»).

Стеклянная хрупкость всемирного «политэкономического электрона» внушает некоторую надежду, что этот ад не будет реализован. Даже если срыв столь головокружительных планов потребует некоторых издержек.

«Войны не будет», 12.05.2012

Ядерный клуб

Иран уже получил статус главного игрока на Ближнем Востоке, потому что Иран сегодня ставит главнейший вопрос ребром — это вопрос о глупости и лишенности смысла Договора о нераспространении ядерного оружия.

Этот договор давно превратился в кандалы, которые сковывают свободное развитие и научное продвижение во всем мире, кроме пяти держав, которые составили «ядерный клуб». При этом мы знаем, что не менее 20 других держав имеют возможность производить и уже произвели такое оружие: в их числе —

Южная Африка, Бразилия, Северная Корея, Чили, Аргентина, Пакистан, Индия и Израиль.

Можно к этому кругу, наверное, прибавить еще несколько стран.

В итоге договор превратился в лицемерную дубинку, для того чтобы ею мог пользоваться этот элитный клуб.

Кстати говоря, этот клуб создан на принципах, мягко говоря, уязвимых с юридической точки зрения. Например, Китай получил доступ к ядерному оружию ценой собственных усилий: ему было отказано в помощи со стороны Советского Союза, но он признан в качестве страны-участника клуба, потому что он входит в Совет безопасности в качестве страны-победителя 1945 года.

Но давайте вспомним, что Китай представлял, как страну-победителя, Чан Кай Ши и Гоминьдановский режим на Тайване. Чан Кай Ши в течение 20 лет, до 1974 года — до визита Никсона в Пекин, играл роль официального Китая, а коммунистический Китай считался незаконным.

Чанкайшистский режим сидел в ООН, а Китай был непризнанным государством. После того как Никсон поменял ситуацию из прагматических соображений и признал Китай, все изменилось. Но, по логике, именно Тайбэй должен был бы быть сейчас членом ядерного клуба.

На неувязках основан доступ к ядерному оружию Франции, который является лишь волевым решением де Голля.

Все это образовывалось явочным порядком, путем создания прецедентов, и сегодня размахивать этим договором — это создавать для этого клуба право управлять жизнью народов по собственному усмотрению, в том числе и путем ядерного шантажа, к которому прибегают США.

Сегодня Иран взял на себя миссию поставить этот вопрос под сомнение.

И когда говорят: «Мы не понимаем, зачем Ирану ядерная энергетика, когда там столько нефти», — это не что иное, как пещерный дискурс, который практически что подразумевает? Мы лишаем эту страну права на высшую школу, на высокие технологии, на развитую инфраструктуру, которые всегда связаны с развитием ядерной энергетики.

То есть эта страна имеет право сжигать бензин и газ, продавать его, тратить деньги на дымящие грузовики, но не имеет

права превращаться в страну типа современной Франции с инженерией, с технологиями, лабораториями и так далее.

Иными словами, заявления Чейни или Вулфовица, делающиеся по поводу Ирана, говорят именно о таком отношении: только мы имеем право развиваться, а остальных надо притормаживать.

Это технологический империализм, который приведет к тому, что образуются технические сверхдержавы, тормозящие процесс развития в других странах.

«Есть политические нации, но нет этнических государств», 27.03.2006

Язык

Язык намного сложнее, чем сознание говорящего, и люди только портят языки, на которых они говорят.

Мы конечно знаем по религиозным каналам, то есть, говоря в теологических рамках, что языки являются богооткровенным материалом.

Арабский язык был низведен Исмаилу, сыну Ибрахима (мир ему), в тринадцатилетнем возрасте. То же самое можно говорить и об арамейском, и о санскрите, и даже о якутском и чукотском языках, потому что ни один из этих языков не возник естественным путем.

Если мы принимаем, что арабский язык был дан в Откровении, то мы не можем после этого сказать, что арабский язык стоит в исключительной позиции, а вот монгольский язык развился из похрюкивания в ходе перетягивания каната или складывания камышовых хижин. Это абсурд.

Либо все языки возникли путем откровения, либо ни один.

На какой бы язык мы ни посмотрели, мы бы увидели, что люди только портят его, не будучи в состоянии с ним справиться в ходе его использования.

Так, санскрит, используемый низшими кастами, деградирует до пракритов, потом появляются парии, из парии — новые индийские языки. Это традиционная точка индийских грамматиков.

Что касается чистого арабского языка, данного Исмаилу, мы видим, что арабы тоже не справляются с ним, и диалекты

появляются задолго до прихода нашего Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха), и что к его приходу арабский язык уже практически не существовал в чистом виде, иначе как в анклавах как поэзия.

И кораническое Откровение является восстановлением чистого языка Исмаила. В то время как племена продолжают говорить на диалектах и расселяться, с выходом ислама за пределы Аравийского полуострова диалекты уходят в Магриб, на запад, на восток.

Люди не могут говорить на языке Корана, они в быту говорят на полупонятных огрызках арабского языка, а нормальный арабский изучают в школах.

То же самое касается и латыни. На эту тему можно говорить подробно, но я думаю, что приведенного материала достаточно.

Таким же образом люди не могут изобрести ни одну технологию, ни одно искусство, помогающее выживанию.

По этому поводу прекрасно выступил крупный и оригинальный французский мыслитель Гастон Башляр, который в «Психоанализе огня» специально посвятил много страниц той теме, что невозможно разработать некую технологию опытным путем, под давлением обстоятельства «а-ля Робинзон Крузо»: не может дикарь три часа тереть (непонятно как) палки друг о друга или еще сделать дырочку в дощечке и вставить круглый цилиндр — это уже совсем находка гениальная. Чтобы получить огонь, нужно три часа заниматься этим делом бесплодно; а люди убеждаются, что некое начинание не дает результатов в течение первых 15 минут, потом это дело бросают. Для того чтобы получить огонь, нужно, чтобы тебя кто-то научил действовать таким вот образом и дал готовую технологию.

Как известно, все, что мы знаем, мы знаем, получая это пассивным путем от наших учителей, от наших родителей, то есть человек к 16—17 годам, когда заканчивается его становление как личности, уже является достаточно четко отпечатанным в глине готовым и обожженным продуктом, который знает все, что он знает.

И дальше он начинает уже работать как винтик в этой системе.

Если отчетливо понять, что все бесчисленные миллиарды существ, из которых состоит общество, это винтики, которые

закончены в своем образовании к моменту своего вхождения в такую семью, в открытое общественное пространство, то совершенно понятно будет, что для того, чтобы это общественное пространство, которое несет в себе... общественное пространство — это печать, а каждый индивидуум — это бумага, на которую печать ставится; бумага не порождает печать, которая на нее будет поставлена, стало быть, печать кто-то делает... так вот, это общество, которое ставит печать на каждого, его кто-то формирует, поэтому все технологии, которые в обществе имеются (с самого архаичного по самый современный период), имеют вне... — не будем говорить сверхчеловеческий, внечеловеческий источник, а скажем так: они являются найденными внеопытным, внеэкспериментальным, внерациональным путем.

И конечно, после того, как есть некий запас технологий, некий пул технологий, можно посадить профессиональных методологов на базе этого пула и отрабатывать вариации, которые можно будет называть, что это изобретения, инновации, развитие.

Пока их нет, то есть пока человек находится в сыром состоянии, то говорить о том, что он может из состояния варварского, дикого и природного перейти к состоянию «техно», то есть «человека умеющего», невозможно; самостоятельных ресурсов в человеческом существе, совершенно очевидно, нет.

«Смысл времени». Курс лекций в МГУ, 2005

...Язык, которым мы пользуемся, — это не язык в прямом смысле, который был принесен нашим духовным праотцем, первым великим пророком Адамом (мир ему), который принес откровение языка после того, как был ниспослан на землю, и он был ниспослан на землю после того, как Всевышний научил Адама именам, то есть научил его языку, который он принес сюда.

Язык, который был дан Адаму Всевышним, это сверх-язык, который описывает всю реальность, могущую быть открытой человеку.

Все современные языки — от примитивных, уходящих в глубь веков, до современных, описывающих новейшие явления, в том

числе и созданные человеком, — являются только небольшими пятнами или окружностями в огромном поле, которое занимает тот язык. Иными словами, мы не можем найти или открыть ничего, что не содержалось бы уже описанным или названным в языке Адама, в языке, который Адам получил от Творца.

Все, что мы в своих исследованиях, размышлениях, воображении можем встретить — всего лишь то, что имеет имена, данные Всевышним при научении Адама.

Это первый момент.

Второй момент — язык, который был Творцом дан Адаму, это инструмент мысли, инструмент отражения предсущностной, предвечной мысли Всевышнего, некое зеркало, в котором замысел Творца в определенной мере частично отражается.

Это инструмент мысли в том плане, что он связан с познанием от хода некоего замысла, перехода от позиции А к позиции Б, причем логика этого перехода сама по себе неочевидна, она открывается через преодоление парадокса, через преодоление апории.

Что же касается языка, которым мы пользуемся, то этот язык не столько подчинен необходимости быть использованным как инструмент мышления, сколько это средство коммуникации.

А надо сказать, что коммуникация и мышление — они в значительной степени противоречащие друг другу задачи.

Чем дальше средство коммуникации уходит в этом направлении, тем в меньшей степени это становится инструментом мышления.

Коммуникация ведет язык к вырождению.

...Язык, который используется обществом, это всегда компромисс между так называемой мудростью, то есть тем, что присуще бытию как антимысли, и той природой языка, которая связана с его наследием языка Адама, то есть язык откровения, язык, который был передан Адаму Творцом, который дальше развивается в человеческой среде, функционально смешивается с воздействием бытия через социум и приобретает компромиссный характер, который формирует цивилизационную матрицу.

В цивилизационной матрице язык выступает как совершенно другое семантическое поле, которое отличается от иных семантических полей в других матрицах.

Говорить о чистой природе языка в условиях матричного языка не приходится.

Язык откровения всегда стоит особняком по отношению к языку матрицы, языку цивилизации.

Вот, собственно, почему инстинктивно в таких социумах — как в иудейской религиозной среде иврит, на котором написан Торат, — не использовался как бытовой обычный язык (там использовался арамейский язык). А иврит функционально был закреплен исключительно за богослужебными операциями.

«Язык Адама против языка коммуникации», 2016

Язычник

Если обратиться к самому звучанию этого слова, то язычник — это тот, кто говорит на чужом языке, принадлежит иным племенам — «языкам».

Но такое понимание характерно для русского языка.

В латыни язычник — это pagan, что значит «сельский», что объясняется довольно просто: христиане жили в городах, тогда как в сельской округе продолжали оставаться язычники.

Это христианский контекст, в еврейской традиции gentile — то же самое, что «языки», в исламе же это *кафара* — от слова «покрывать», «закрывать», «скрывать».

Таким образом, язычники — это те, кто скрывает истину, прячет ее.

Таковы различные значения этого слова. Но дело не только в значениях слова.

Есть религии откровения, и есть религии созерцания.

Религии созерцания — это, как говорили в XVIII—XIX веках, естественные религии, данные человеку в силу того, что он способен воспринимать.

Есть внешний мир, есть реальность, и наиболее совершенные люди способны воспринимать ее в наиболее чистом виде путем прямого созерцания.

Это то, что открывается безграничному потенциалу предельно возможного человеческого опыта.

Естественные религии и есть язычество.

Тогда как религии откровения — это вторжение некоего импульса, который приходит из сферы, находящейся в принципиально ином мире.

И этот импульс приходит в форме откровения, послания, вложенного в уста пророков.

...Еще важное отличие естественной религии от религии откровения: ни в одной традиции естественной религии не содержится принцип предания себя: те, кто поет гимны Брахме в Ригведе, не говорят о том, что они предают себя.

Там нет предания себя.

Там нет экзистенциального предания себя чему-то, что идет против потока тварного существования.

В естественных религиях не существует самопожертвования.

«Арабо-израильский конфликт — осевая эсхатологическая тема», 2004

Мы живем сегодня в неоязыческом мире, где в своих правах восстановлены интеллектуальные и моральные ориентиры, характерные для дохристианского Рима.

Язычество, как прибой, возвращается снова в то пространство, которое Пророк очистил, как Христос изгнал менял из храма...

Язычество, пользуясь старыми инстинктами ветхого человека, снова возвращается туда, где оно было. Но уже оно как бы потревожено, оно не может прийти в старой форме, например, форме человеческих жертвоприношений, гладиаторских боев, открытых форм колдовства и магии.

Оно возвращается в другой форме — форме интерпретаций, которые призваны лишить остроты это жало, лишить остроты меч, принесенный в мир, и сделать просто ножом или вилкой, то есть банализировать, приспособить его к паттернам, оставшимся в подсознании от древних языческих наслоений.

Запрет на убийство существует в язычестве, буддизме, индуизме, а в религии авраамической, то есть в религии от Авраама до Мухаммада, включая также Моисея и Иисуса Христа, есть запрет на убийство из «хулиганских побуждений» или из корыстных.

Языческое общество — не разнузданная свобода, там есть система табу, просто эта система основана не на противодействии материи... А система табу в языческом обществе — это система контроля, система ограничений, которые передают все права по распоряжению личной жизнью и судьбой в руки касты жрецов — шаманской, жреческой и т. д. Это табу имеет совершенно другое значение, чем моральные императивы в исламе, христианстве, иудаизме, в авраамической традиции.

Табу — это совсем другое. Табу было конечно и в Древнем Египте, табу было и в Греции, и в Риме

Лекция «Цветы зла», 2002

Библиография

Книги Гейдара Джемаля:

«Ориентация — Север». Самиздат, 1980.

Сборник статей. Самиздат, 1990 (переведена на итальянский язык и издана Клаудио Мутти).

Революция Пророков. Москва. Ультра. Культура, 2003.

«Освобождение ислама». Москва. Умма, 2004.

Окно в ночь. Стихотворения. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2004.

Исламская интеллектуальная инициатива в XX веке. Москва: UMMAH, 2005.

Стена зулькарнайна. Москва: Социально-политическая мысль, 2010.

Фузеи и карамультуки. Москва: Социально-политическая мысль, 2010.

Дауд vs джалут (Давид против Голиафа). Москва. Социально-политическая мысль, 2011.

Разговоры с Джемалем. Санкт-Петербург. Издательство Питер, 2017.

«Ориентация — Север», Москва. Традиция, 2019.

Стихотворения. Москва. Традиция, 2017.

Сайты, принадлежащие Джемалю: poistine.org, kontrudar.com, interunion.info — на испанском языке).

Youtube канал «Гейдар Джемаль», где собраны его видео.

Подкасты некоторых лекций: dzhemal.podfm.ru / geopolitika /

Содержание

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Н

О

П

Р

С

Т

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я